ЛЕРМОНТОВ

В. Бондаренко

ЖЗЛ

ЛЕРМОНТОВ

Владимир Бондаренко

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прошли столетия с того дня, когда у горы Машук был убит великий русский поэт, национальный гений Михаил Юрьевич Лермонтов. В новой книге о нем, пожалуй, впервые за 200 лет рассказано о мистических корнях поэта, идущих от его древних предков, и содержится столько интригующего, что она наверняка заинтересует и маститых литераторов, и самого широкого читателя.

Исследование известного критика и публициста Владимира Бондаренко, в отличие от многочисленных беллетризированных семейно-бытовых биографий, затрагивает важнейшие проблемы бытия и раскрывает основу жизненной позиции Лермонтова, сурово противостоящего и светской власти, и духовной, и нормативно-бытовой. Нужен ли был властям такой вольный поэт? Почему современники поэта считали дуэль убийством, а иные современные лермонтоведы оправдывают Мартынова? Почему молчание о причинах гибели Лермонтова затянулось на целых 30 лет? Василий Розанов писал о «вечно печальной дуэли», Владимир Бондаренко — о «вечно преступной»…

Автор резко выступает против всех мистификаций и сплетен о поэте, для него Лермонтов во всех своих противоречиях, при всей сложности характера — прежде всего, величайший национальный русский гений, очень рано осознавший свою трагическую миссию.

- Оглавление
  - ○
  - ○ Мистический гений
  - ○ Шотландские струны Лермонта
  - ○ Чухломские корни Михаила лермонтова
  - ○ «Ужасная судьба отца и сына…»
  - ○ «И кругом родные всё места…»
  - ○ «Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын…»
  - ○ «Люблю тебя нездешней страстью…»
  - ○ «Юнкерский поэт»
  - ○ На смерть Пушкина
  - ○
  - ○ «Великие имена создаются на востоке»
  - ○ «На севере диком…»
  - ○ "Железный стих, облитый горечью и злостью!.."
  - ○ "Печальный демон, дух изгнанья…"
  - ○ Герой нашего времени

- Отъявленный русоман
- "Валерик"
- "Я ищу свободы и покоя…"
- "Но Соломонов сын…"
- "Кровавая меня могила ждет…"
- Бессмертие Лермонтова
- Основные издания М. Ю. Лермонтова
  -
  - Посмертные издания [65]
  - Послереволюционные издания
  - Основные издания сочинений М. Ю. Лермонтова [66]
- Основные даты жизни и творчества М. Ю. Лермонтова
- Литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66

Оглавление

Владимир Бондаренко
Лермонтов

Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 50).

Серия биографий

Основана в 1890 году Ф. Павленковым

и продолжена в 1933 году М. Горьким

Мистический гений

Почему я считаю Михаила Лермонтова ныне забытым поэтом? Книги какие-никакие выходят, на Лермонтовский праздник поэзии в Тарханы приезжает до двадцати тысяч человек. Даже наш президент за 12 лет правления если и процитировал кого из поэтов, так исключительно Михаила Лермонтова. И всё же упоминают о нем крайне редко, в популярных ныне сериях мировых классиков его книги не выходят.

Мнение о нем даже в литературной среде или негативное, или какое-то сомнительное. Мол, погиб, и поделом. Белла Ахмадулина интуитивно заметила: «Что делать, если в схватке дикой / Всегда дурак был на виду, / Меж тем, как человек великий, / Как мальчик, попадал в беду?» Нынче в нашей культуре наступило время дураков, и потому признать величие русского национального гения никто не хочет. Кроме узкой прослойки понимающих и ценящих его людей.

Михаил Лермонтов верил, что, будь на месте Дантеса русский, Пушкин был бы жив. Но убил его обыкновенный русский пошляк, хоть и звали его Николай Соломонович. Убил намеренно и хладнокровно, зная, что ответного выстрела не будет. А ныне если и пишут о той дуэли у горы Машук, то, как правило, оправдывая во всем Мартынова. Увы, пока на дворе время Мартыновых, Лермонтов и будет оставаться забытым гением. Будто о нашем времени поэт писал: «Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете…» Разве не так? «К чему глубокие познанья, жажда славы, / Талант и пылкая любовь свободы, / Когда мы их употребить не можем?»

Один из моих любимых современных поэтов Глеб Горбовский пишет о Лермонтове:

…Мать-Россия,
сколь много в веках твоих зла,
сколько в душах холодных — гнетущего пыла!
…Небывалого

миру птенца родила,
а когда он до неба поднялся, — убила…

И на самом деле, из великих русских поэтов нет ни у кого более жестокой и безжалостной судьбы, как у нашего национального гения Михаила Юрьевича Лермонтова. И почему наша родина так сурова к своим сыновьям? Ему неуютно было и при жизни, и после трагической кончины. Казалось бы, России дан был как небесный дар столь яркий поэтический гений. Если он уже к двадцати шести годам успел создать столь много гениальных творений, сколько же он написал бы к сорока, к шестидесяти годам? Многие исследователи, завороженные его мистикой, писали и пишут о предчувствии скорой смерти, об осознанной кратковременности его земного бытия. Да, поэт часто писал об уготованной гибели. Но столь же часто он писал и о жажде жизни. Его литературные планы были сверстаны на десятилетия вперед. Стал бы человек с суицидальным мышлением задумывать романы о кавказских войнах, стремиться в Персию, в Хиву, в дальние путешествия?

Более того, поразительно, что в самых кровопролитных сражениях, как на реке Валерик, пуля и штык обходили его стороной. Он уже сам казался себе неуязвимым.

И на дуэль со своим героем Грушницким (в роли которого выступил Мартынов) смотрел, как на литературную игру. Мол, хватит того, что я его убил в своем романе, а в жизни стрелять в него не буду, пусть живет. Только Грушницкий думал иначе.

Лермонтов и на свои столкновения и конфликты с сослуживцами, с командирами, с высшим светом смотрел с иронией. Не умел ненавидеть всерьез. Острил, иногда едко насмехался, писал колкие стихи и рисовал карикатуры, но делал это беззлобно. В ответ и жизнь, и близкая родня, и многие друзья и сотоварищи, и высшее начальство, вплоть до самого императора Николая I обрушивали на него лавины гнева и жестокосердия. Так продолжалось и спустя десятилетия, столетия после смерти, вплоть до наших дней.

На столетие со дня рождения поэта началась Первая мировая война. На столетие со дня гибели началась Великая Отечественная война. Близкими, казалось бы, людьми уничтожались рукописи и рисунки поэта. Дом, где он родился, прямо у Красных Ворот, снесли, в годы перестройки на волне лютого антисоветизма первым делом переименовали станцию метро «Лермонтовская». При этом оставили и «Площадь Революции», и «Бауманскую», и даже станцию имени цареубийцы

«Войковскую». Кто же из больших людей за этим стоял? Кто был инициатором этого злодеяния? Назвали станцию «Красные Ворота», но, естественно, сами Красные Ворота никто и не думал восстанавливать. Будто в стародавние времена создания Красных Ворот существовало метро. Будто кто-то помнит из миллионов москвичей о их происхождении. А вот Лермонтова, может, многие уже и не читали, но имя, фамилию знают. За что же унизили гениального русского поэта?

Это «забывание» Лермонтова стало уже как бы привычным. В лермонтоведении появилась мода на полное оправдание Николая Мартынова. Во всем убийца был прав, да и кто такой был этот нахальный офицеришка Лермонтов? Никто и знать не знал никаких его стихов. Почитайте книги А. В. Очмана или В. А. Захарова, мэтров лермонтоведения, и подивитесь их восхвалениям Мартынова.

Во-первых, по поводу того, что в 1841 году якобы никто и знать не знал гениального русского поэта Михаила Лермонтова, я просто обращу внимание читателей на то, что вся литературная русская критика тех времен, самых разных направлений, от Виссариона Белинского до Фаддея Булгарина, во всех литературных журналах и альманахах России писала о лермонтовских шедеврах, непрерывно велись дискуссии о его творчестве, он уже где-то с 1837 года несомненно был в центре литературной жизни России.

Во-вторых, если стать на точку зрения нынешних лермонтоведов, превращающихся в мартыноведов, о незнании русским дворянством первой половины XIX века имени поэта Лермонтова, то надо признать полное невежество всей якобы высокой дворянской культуры. Если для всех этих князей и баронов Михаил Лермонтов был мелким, ничего не значащим офицеришкой, значит, они вообще не знали и не понимали русской литературы и не интересовались ею. Вот государь Николай I хоть и недолюбливал поэта, но читал и его «Героя нашего времени», и его стихи. Государь знал, главный жандарм Бенкендорф знал, генерал Ермолов знал, Шевырев и Бурачок, Белинский и Булгарин, все ведущие литературные критики и публицисты России, славянофилы и западники, непрерывно обсуждали его творчество, поражались его прозрениям, а вот светское окружение, придворные дамы, даже его многие якобы приятели якобы не знали ничего о великом даре поэта и не догадывались о бессмертии его стихов, его прозы. А ведь всё лучшее было к тому времени уже опубликовано. Принижая этого офицеришку, дворянство на самом деле принижало самое себя, демонстрировало полное невежество российской знати. Приведу

несколько высказываний достаточно близких ему людей.

К примеру, Александр Арнольди, служивший вместе с поэтом в 1838 году в Новгороде, затем общавшийся с ним уже перед гибелью поэта в Пятигорске, заявлял: «Мы не обращали на Лермонтова никакого внимания, и никто из нас и нашего круга не считал Лермонтова настоящим поэтом, выдающимся человеком… Мы все, его товарищи-офицеры, нисколько не были удивлены тем, что его убил на дуэли Мартынов… не Мартынов, так другой кто-нибудь…» На Лермонтова осознанно натравливали то молодого офицера Лисаневича, то кого-нибудь еще, того же Мартынова. Лисаневич отказался, заявив: «Чтобы у меня поднялась рука на такого человека!»

Об отказе Лисаневича от дуэли с поэтом рассказал первому биографу Лермонтова Павлу Александровичу Висковатому (Висковатову) граф Николай Павлович Граббе. Обращу внимание, что этот рассказ, подтвержденный позже и Эмилией Шан-Гирей, осознанно выпадает из почти всех поздних исследований его биографии. Он явно мешает оправданию убийцы поэта Николая Мартынова. Ныне господствует версия, что убивали на дуэли какого-то сварливого ядовитого офицеришку, и по всем правилам чести нельзя было Мартынову отказаться от дуэли.

И якобы никто тогда не представлял, какого великого поэта вновь убивают на дуэли. Даже еще один вроде бы товарищ Лермонтова князь Васильчиков на вопрос Висковатого: «А были ли подстрекатели у Мартынова?» — отвечает: «Может быть, и были, мне было 22 года, и все мы тогда не сознавали, что такое Лермонтов. Для всех нас он был офицер-товарищ, умный и добрый, писавший прекрасные стихи и рисовавший удачные карикатуры…»

Может, и на самом деле никто не понимал, кроме столичных литературных критиков и русских писателей, кем уже тогда, при жизни, был Михаил Лермонтов? Почему же сразу после смерти, в том же Пятигорске в июле 1841 года тот же князь Васильчиков писал своему другу: «Жаль его! Отчего люди, которые бы могли жить с пользой, а может быть, и с славой, Пушкин, Лермонтов, умирают рано, между тем как на свете столько беспутных и негодных людей доживают до благополучной старости?…» Значит, понимали, кто убит, но помалкивали. А позже стали сочинять сомнительные версии о защите чести сестры Мартынова, о якобы вскрытом Лермонтовым письме сестры, как-то не сообщая читателям, что между истинной или мнимой историей с письмом и самой дуэлью прошло несколько лет. Мартынов и Лермонтов все эти годы часто общались, вместе обедали, никогда не вспоминая об этом эпизоде.

Мне интересно, почему нынешние исследователи, не имея никаких новых фактов, отклоняют убедительную логику биографа поэта Павла Висковатого и начинают дружно искать любые доводы в поддержку Николая Мартынова. Будто появились новые доказательства причин дуэли или характера дуэли? Никто уже ничего и никогда не найдет. Всё, что написано в первые же годы после его смерти, и дает подлинную картину происходящего.

Я опровергаю ложное мнение, что при жизни Лермонтова в России еще не был ясен масштаб его поэтического гения. Не лучше ли все-таки читать воспоминания и анализировать мнения умных его современников. Генерал Павел Христофорович Граббе, один из военачальников на Кавказе, пишет сразу после гибели поэта своему подчиненному полковнику Траскину: «Несчастная судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти. Что касается до его убийцы, пусть наместо всякой кары он продолжает носить свой шутовской костюм…» Еще более резко высказался покоритель Кавказа, знаменитый генерал Ермолов: «Уж я бы не спустил этому Мартынову. Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать да, вынувши часы, считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься!» Поэт, князь Петр Андреевич Вяземский уже как бы от имени русских писателей добавил: «…в нашу поэзию стреляют удачнее, чем в Луи Филиппа. Вот второй раз, что не дают промаха…»

На фоне нынешнего всеобщего сочувствия к несчастному Мартынову такие высказывания защитников чести великого русского поэта многого стоят. За что же столетиями летят стрелы ненависти, осуждения и зависти со стороны его никогда неумолкающих противников? За что в самой России вечно не любят русских гениев? Что натворил такого 26-летний юноша, что до сих пор книги даже лермонтоведов переполнены высказываниями, мол, он сам заслужил эту смерть? Ладно, юноши из его светского окружения могли, подобно каким-нибудь нынешним футбольным фанатам, сказать, что он нарушал их светские «понятия», жил не по понятиям. Но когда эту же версию поддерживают сейчас седовласые профессора и доктора наук, я хочу спросить: что такого запретного и скандального сделал юный гений? Почему после его гибели все умные современники писали о ничтожности и даже сомнительности повода для дуэли, а спустя полтораста лет, без всяких новых доказательств, стали

охотно говорить о невозможности иного исхода? Почему именно современники поэта и писали об откровенном убийстве поэта, заранее сообщившего, что он стрелять не будет, а сейчас все ищут повод доказать невиновность Мартынова?

Как откровение пишут, мол, в 1939 году княгиня С. Н. Васильчикова предоставила какую-то неопубликованную выдержку из старческих воспоминаний своего мужа, всего лишь сына секунданта Лермонтова на дуэли. И будто бы этот дряхлый сын дряхлого секунданта написал о том, что будто бы отец когда-то рассказывал ему, и он твердо запомнил, вся дуэль произошла из-за того, что Лермонтов, подняв дуло пистолета вверх, громко сказал, так, что Мартынов услышал: «Я в этого дурака стрелять не буду». И это переполнило чашу терпения, и честный Мартынов вынужден был по правилам чести стрелять в, по сути, безоружного поэта. Обозвал кого-то дураком, значит, тебя надо убивать. Логика железная. А если я всех сторонников этой логики обзову полными идиотами, они тоже все дружно будут стрелять в меня?

На мой взгляд, со своим вольнолюбием и презрением ко всей этой светской черни, Михаил Юрьевич Лермонтов, задолго до французских поэтов Бодлера, Верлена или Рембо, стал у нас в России «проклятым поэтом». Ненавидевший и презиравший окружающих его светских пошляков, гением своим и шотландским родовым мистицизмом обреченный на постоянное одиночество, он и был самым настоящим «проклятым русским поэтом». Кого-то он, не стесняясь, проклинал, многие его открыто проклинали, и при жизни, и после смерти. По своим взглядам жизненным он был, скорее, убежденным консерватором и монархистом, но с юных лет, по какому-то роковому жребию, он был носителем самых революционных перемен.

Вырывая из контекста его строчки, его широко использовали в своих целях монархисты и революционеры, анархисты и реакционеры, националисты и русофобы. В целом же, поэт не принадлежал никому, даже не принадлежал самому себе. С юных лет, я убежден в этом, им управляла некая над мирная космическая звездная сила. Он сам всю жизнь боролся с ней, то побеждая, то отступая.

Даже император Николай I, надо отдать ему должное, понимал силу его дарования, в то время как многие ближайшие приятели Лермонтова по застольям и гулянкам видели в нем лишь препустого человечишку. Со стороны он казался рельефнее и значимее, вблизи он никого не подпускал к себе, умело играя и притворяясь почти со всеми. Тот же Арнольди, его сослуживец, писал: «Он был препустой малый, плохой офицер и поэт

неважный. В то время мы все писали такие стихи. Я жил с Лермонтовым в одной квартире, я видел не раз, как он писал. Сидит, сидит, изгрызет множество перьев, наломает карандашей и напишет несколько строк. Ну разве это поэт?»

И на самом деле, с юности он был увлечен образом Демона. Сам себя не раз сравнивал с Демоном. Я представляю, какую силу внутри себя самого поэту пришлось преодолеть, чтобы в заключительном варианте объявить своего Демона проигравшимся игроком. Его поэмой «Демон» были очарованы все придворные дамы, позже весело оправдывавшие Николая Мартынова. «Демона» даже пожелали прочитать члены императорской семьи. Считалось, что недоброжелательное отношение Николая I к Лермонтову было связано чуть ли не с определенной ревностью государя к своей супруге, высоко ценившей все творчество поэта. Впрочем, кто-то из царственных особ стремился прочитать «Демона» лишь потому, что это стало модным. Думаю, вряд ли что поняли…

Парадокс: царственные особы худо-бедно читали, а иные друзья-приятели никак будто бы не желали разглядеть в этом бесшабашном офицере незаурядную личность.

Эта поэма «Демон» и доныне — одна из вершин русской и мировой поэзии, которую предстоит разгадывать каждому поколению заново. Уже при жизни были опубликованы или широко ходили по рукам и «Смерть Поэта», и «Демон», и «Герой нашего времени», и «Бородино», и «Ветка Палестины», и пьеса «Маскарад». Что еще нужно этому образованному обществу, чтобы оценить гений своего современника? Не желали видеть, ибо — завидовали.

Да, ему, может быть, было в чем покаяться перед Богом. Немало написал еретических превосходных стихов. Даже оправдывался перед Всевышним:

> Не обвиняй меня, Всесильный,
> И не карай меня, молю,
> За то, что мрак земли могильный
> С ее страстями я люблю;
> ‹…›
> За то, что мир земной мне тесен,
> К тебе ж проникнуть я боюсь,
> И часто звуком грешных песен
> Я, Боже, не тебе молюсь [1].

Но с неизбежностью приходит и покаяние, Демон оказывается повергнут в самой душе поэта.

И поэт смиренно вступает на «тесный путь спасенья». Никто из самых воцерковленных русских поэтов за два столетия не написал таких чистых, светлых, православных христианских стихов, какие были созданы Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Что может быть выше:

…Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом…

Когда мне надо взять в дорогу всего лишь одно истинно христианское слово русского писателя, я беру лермонтовскую «Молитву» (1839), чистота и прозрачность которой воистину имеют неземную силу:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко…

Не случайно Константин Леонтьев писал в своих письмах о христианских мотивах в русской поэзии: «У Кольцова, у Пушкина их много, но у Лермонтова больше всех».

В Михаиле Лермонтове поражает какое-то сочетание твердой мужской силы, неприкрытой отваги, смелости и наивного чувства маленького ребенка, который еще верит в чудо, еще не боится ничего, ибо знает: ничего плохого не будет. В литературе Лермонтов убил своего героя Грушницкого без всякой жалости, в жизни он не стал в него стрелять, мол, пусть живет, дурак. А тот завистливый пошляк его, беззащитного, и пристрелил. И не какой-то там варяг, чужеземец, который не мог понять нашей русской славы. Свой же, русский офицер, умеющий ценить поэзию, сам пописывающий стихи и тем более люто завидующий моцартианской легкости лермонтовского гения. Вот и бросаются

отчаянно на защиту поэта и его чести русские национальные таланты. Николай Бурляев создал свою патриотическую романтическую киноверсию образа поэта. Юрий Кузнецов, последний гений XX века, писал о мифическом всемирном сознании Лермонтова, проклиная его убийцу Мартынова…

Мне непонятно, почему уже столетия так грубо перечеркивают светлый лермонтовский гений, все ища в нем какие-то колючки, какие-то пакости. А он жил шутя, легко и весело, он весь отдавался и гению своему, и капризам своим. Он не боялся мира, он более глубоко переживал свои внутренние состояния, ища пути к гармонии.

Зачем же с рождения навязывать ему лишние тяжести бытия? Зачем вокруг него до сих пор распускаются все эти сплетни, слухи, зачем делать из него злодея? Или вечно не хватает всем недоброжелателям в нем какой-то российской слякоти? Неужто и впрямь чувствуют неизбывную кельтскую шотландскую гордость и тягу к независимости, к вольности, чего в русском человеке часто не хватает? Не случайно он и погиб-то рядом с Шотландкой, поселением, основанным под Пятигорском выходцами из Шотландии.

Но, опять же, с другой стороны, более русского по стихам, по выражению своей русскости в русской поэзии XIX века не найти. Он и был светлым предвестником Сергея Есенина. Еще в юношеских стихах, посвященных Новгороду и мятежному славянину Вадиму Храброму, он настойчиво противопоставляет славянство Вадима чужести, варяжести пришлого Рурика. В «Бородино» он, несмотря на свое увлечение Наполеоном и любовь к французской литературе, без всякого стеснения называет пришлых французов «бусурманами». С какой детской наивностью он утверждает в стихотворении «Смерть Поэта», что русский человек не смог бы поднять руку на русского гения, даже если бы тот был не прав. «Не мог понять он нашей славы…» Увы, русская дворянская рука его и убила.

Вот что писали его дальновидные современники: «На Пушкина целила, по крайней мере, французская рука, а русской руке было грешно целить в Лермонтова» (П. А. Вяземский). «Не стало Лермонтова! Сегодня (26 июля) получено известие, что он был убит 15 июля в Пятигорске на водах; он убит, убит не на войне, не рукою черкесца или чеченца, увы, Лермонтов был убит на дуэли — русским» (А. Я. Булгаков). «Теперь другой вопрос, как поступить с убийцей нашей славы, нашей народной гордости, нашего Лермонтова… тем более, что он русский… нет, он не русский после этого, он не достоин этого священного имени» (А. П. Смольянинов). Или, как высказался Владимир Соллогуб: «на

русское имя» кровавым пятном легла смерть русского гения. Так почему до сих пор не могут понять нашей славы гениального Лермонтова все оправдатели Мартынова и собиратели сплетен и слухов антилермонтовского содержания? Зачем в оправдание Мартынова кинулся и наш всеядный Евтушенко, уже сейчас, в 2012 году написавший:

Убитый пулей — не мортирами, несчастья полон своего, зачем он додразнил Мартынова, несчастным сделав и его?

Впрочем, для Евтушенко несчастны все убийцы русских поэтов: и Дантес, и убийца Рубцова. Он любит жалеть всех разрушителей России.

Зачем вроде бы неплохой исследователь творчества Лермонтова В. А. Мануйлов сохранил курьезную историю, якобы рассказанную тарханским школьником и якобы услышанную им от стариков о том, что настоящим отцом поэта был крепостной кучер? И бабка за деньги сосватала дочку с отставным капитаном Лермонтовым, дабы прикрыть грех дочери. Зачем Мануйлов написал свою статейку «Лермонтов ли Лермонтов?»? Зачем другой известный лермонтовед В. А. Захаров опубликовал позже эту статью и ныне пропагандирует ее?

Впрочем, агрессивный поиск нового отца поэта продолжался весь XX век. Израильский историк Савелий Дудаков в одной нацистской наукообразной книге обнаружил портрет Лермонтова, размещенный со многими другими для характеристики еврейского типа внешности. Великий русский поэт оказался здесь в компании вместе с Барухом Спинозой, Стефаном Цвейгом, Чарли Чаплином, Альбертом Эйнштейном и другими евреями. Казалось бы, возьми и опровергни эту глупость. Нет, он пошел дальше нацистов и «обнаружил», что отцом Лермонтова был якобы личный врач бабушки поэта, французский еврей Ансельм Леви. И будто бы с этой версией соглашались и пушкинист Леонид Гроссман, и лермонтовед Ираклий Андроников.

Меняются эпохи, меняются и версии. И ныне в русских же журналах и газетах чеченская литераторша Марьям Вахидова пишет, что настоящим отцом Лермонтова был известный чеченский абрек Бейбулат Таймиев. И потому в сражениях в Чечне все чеченцы так его берегли и не стреляли в него, знали, что он «свой».

А вот самому Михаилу Лермонтову это не мешало лихо сражаться с чеченцами, говорят, немало он и голов снес своей шашкой в боевых вылазках.

О его отце Юрии Петровиче Лермонтове я подробно расскажу в другой главе. Но меня поражают эти сплетни, легко подхватываемые уважаемыми людьми.

Зачем повторяются эти версии о его ничтожестве? Тихомирно, но внимание филологов было переключено с Лермонтова чаще всего на Тютчева, как бы занимающего ныне во многих списках вторую позицию. Я ничего не имею против еще одного великого нашего поэта, но каким образом Тютчев оказался выше Лермонтова в табели о поэтических рангах в школьных и вузовских программах? Я уверен, что по всем творческим показателям Михаил Лермонтов намного опережает своего тоже прекрасного сотоварища. Не отсюда ли идет тенденция постепенного «забывания» лермонтовского гения? Не лучше ли заняться как следует текстологией, ибо немалая часть стихотворений Лермонтова была опубликована уже в семидесятые-восьмидесятые годы XIX столетия, а то и в XX веке в чьих-то записях, и никто никогда оригиналов многих стихов не видел.

Так и возникла в 1873 году версия о принадлежности Лермонтову стихотворения «Прощай, немытая Россия». Удивительно, нет ни одного оригинала или упоминания современников, ни одного публичного прочтения или обсуждения в личных письмах. И вдруг в разгар нашего нигилизма и народовольчества в нигилистической печати появляется якобы лермонтовское стихотворение. В конце концов, ничего жутко страшного, мог и поэт, разгорячившись, как и Пушкин по поводу страны, в которой ему угораздило родиться, написать нечто резко отрицательное по отношению к власти. Есть же каноническое «Люблю Россию я, но странною любовью…», есть вообще пророческое на столетие вперед и написанное в те же для него творчески напряженные 16 лет:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел…

Так могло бы написаться и «Прощай, немытая Россия». Но, во-первых, уже по уровню совершенства в 1841 году он такие стихи не писал. Во-вторых, опять работа для текстологов, все выражения, образы, сравнения совсем непривычные и никогда у Лермонтова не встречающиеся. В-третьих, как установили наши добросовестные правдоискатели, именно в 70-е годы XIX века

поэт-сатирик Д. Д. Минаев употреблял подобную стилистику. Уже в 1989 году наш дотошный Владимир Бушин докопался до всей этой сомнительной истории и предложил ученым перепроверить внимательно авторство стихотворения. А в наши дни академик Н. Н. Скатов в своей блестящей статье к 190-летию Михаила Лермонтова подтвердил: «Все это вновь и вновь заставляет возвращаться (в последний раз это сделал М. Д. Эльзон) к одному из самых известных приписываемых Лермонтову стихотворений:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Как известно, автографа этого стихотворения нет. Что ж — бывает. Но за тридцать с лишним лет не появилось и никаких свидетельств о какой-либо изустной информации: это о лермонтовском-то стихотворении такой степени политического радикализма. Нет и ни одного списка, кроме того, на который ссылается П. И. Бартенев, с чьей подачи и стало известно в 1873 году стихотворение, и который тоже якобы утерян. Кстати сказать, речь в стихотворении о желании укрыться за „стеной Кавказа“ в то время, как Лермонтов ехал служить на Северный Кавказ, то есть, строго говоря, не доезжая до его стены. Наконец, главное, — это противоречит всей системе взглядов Лермонтова, все более укреплявшегося в своем русофильстве, которого даже называют русоманом и который пишет (вот здесь-то автограф в альбоме Вл. Ф. Одоевского как раз сохранился): „У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна — встал и пошел… и встретил он 37 королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать… Такова Россия…“»

Так зачем и кому, спустя десятки лет после смерти Михаила Юрьевича, в нигилистической печати понадобилось печатать это якобы лермонтовское стихотворение? Оно скорее пародирует пушкинские строки «Прощай, свободная стихия!». Тем же Минаевым позже была написана пародия на лермонтовскую поэму «Демон», где есть строчки:

«Бес мчится. Никаких помех / Не видит он в ночном эфире: /

На голубом его мундире / Сверкают звезды рангов всех…» Вот и появляются опять минаевские «мундиры голубые», которых никогда не было в поэзии Лермонтова. Литературовед А. А. Ку тырева, кандидат философских наук, вполне убедительно доказала авторство Дмитрия Минаева:

«Литературоведы, дорожащие своей репутацией, обычно оговаривают отсутствие автографа и никогда не приписывают произведение автору, не имея хотя бы прижизненных списков. Но только не в этом случае! Стихотворение стало каноническим и включено в школьные учебники как шедевр политической лирики великого поэта.

Именно из-за первой строки стихотворение стало популярным, а для некоторых сейчас сверхактуальным… Более сильный литературный аргумент для опорочивания России, чем ссылка на ее национального поэтического гения, трудно придумать…

Давайте спросим себя, что у нас здесь вызывает в первую очередь недоумение и что не согласуется со всеми остальными строчками. Спросим и признаемся: первая строка — „немытая Россия“. Воспитанный в дворянской среде, в благородном пансионе при Московском университете, вращавшийся в высших аристократических кругах Лермонтов вряд ли мог писать и говорить „немытая“ по отношению к Родине, которой он только что посвятил поразительной силы строки любви. Вполне можно предположить: он не употреблял его и в обиходной среде. Его не было в дворянском лексиконе, а к поэзии оно вообще не имеет никакого отношения. Разве что к пародии, эпиграмме, перепеву. А это уже другая эпоха. Поговорим о ней… Виднейшим представителем сатирико-социальной поэзии 60-х годов, выступавшим против дворянской культуры, противником толпы „ренегатов, кликуш, временщиков и невских Клеопатр“ был Д. Д. Минаев… В его сатирах и перепевах не обойден вниманием ни один дворянский поэт: Пушкин, Лермонтов, Майков, Некрасов, Островский, Плещеев, Фет, Тютчев, Тургенев, Бенедиктов. Все попали на его острый язык. Он был ярким и ярым разрушителем дворянской эстетики, как, впрочем, и Д. Писарев. Стихотворная пародия была ведущим жанром Д. Минаева в области сатиры: издевки, насмешки, журнальная полемика — его любимый стиль… Вульгарный демократический жаргон пародии снижал высокую аристократическую литературу… Вот и получилась минаевская пародия на пушкинское „К морю“:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной

Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой…

Сравните: „Прощай, немытая Россия, / Страна рабов, страна господ. / И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ“.

Постепенно (и особенно теперь, в наше время), мистификация, которой увлеклись публикаторы пародии, превратилась в фальсификацию, работающую на противников России…» [2]

Сейчас приближается двухсотлетие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. Надеюсь, к этой торжественной дате специалисты очистят все лермонтовское пространство от налипших за века мистификаций, сплетен и сомнительных версий. Вернут Лермонтову надлежащее ему высокое место национального русского гения.

Побывав недавно в Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы», я вновь ощутил царящую здесь доброжелательную атмосферу и светлую лермонтовскую ауру. Тамара Михайловна Мельникова, директор музея-заповедника, проработавшая в Тарханах более сорока лет, делает всё, чтобы объявить надвигающийся лермонтовский юбилей всероссийским торжеством. В замыслах Тамары Михайловны и восстановление имения Шан-Гиреев в Апалихе, и проведение фольклорного праздника, и очистка Тархан от старых покосившихся избушек, чтобы с дороги открывался изумительный вид на лермонтовскую усадьбу, и строительство Дома лермонтовской культуры, где можно было бы устраивать фестивали лермонтовских пьес, проводить встречи и конференции, принимать гостей со всего мира. Она благодарна министру культуры за максимальную помощь, но что может сделать наше нищее Министерство культуры? Требуются мощные спонсорские вложения. Где наши русские меценаты, где Рябушинские и Мамонтовы, Третьяковы и Морозовы?

Если уж наш президент Владимир Путин в напряженный для него момент со слезами на глазах читал строки Лермонтова, может, он и посоветует настойчиво своим олигархам вместо очередных яхт на Мальдивах и очередных футбольных клубов в далекой Англии щедро помочь в проведении лермонтовского двухсотлетия. Места в Тарханах чудесные, река, пруды, нетронутые леса, и каждая поляна, каждый холм наполнены лермонтовским очарованием. Разве не почетно и для страны, и для вновь избранного президента сделать Тарханы местом притяжения всей европейской культуры, торжественным местом

для паломничества всех россиян?

Нужен всероссийский лермонтовский культурный центр.

Тарханское детство конечно же преодолевало в творческой судьбе поэта и байронические настроения, и увлеченность немцами и французами. Не мог поэт, вобравший в себя все русские просторы, остаться отвлеченным книжным романтиком времен его первых поэм. Русскость была заложена в музыкальности его стихов, в прорисовке характеров, в осознанном постоянном разговоре напрямую с Богом. Он и себя ощущал Божьей частицей.

Он очень мало жил. Но успел написать очень много. Даже если брать одни вершины, мы насчитаем поэмы «Демон», «Мцыри», «Песню про… купца Калашникова», «Тамбовскую казначейшу», «Сашку», наберем томик лирических шедевров, погрузимся в трагичность пьесы «Маскарад» и конечно же поразимся художественной мощи первого русского психологического романа «Герой нашего времени». Может быть, разбирая этапы его жизни, мы не будем выискивать обывательские сплетни, а будем доискиваться до жизненной правды рождения, становления и гибели нашего национального гения, сумевшего утвердить русский национальный канон в литературе.

Конспирологи уже почти 200 лет ищут разгадки лермонтовской тайны бытия. Пусть их. Каждое поколение дает свою разгадку, познает новые тайны. А мы обратимся к простым истинам и жизни, и поэзии, и духа. Это всего лишь следование звучанию, уравнивающему и землю и небо.

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.
Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;
Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Вот в этом и заключается вся лермонтовская разгадка.

Шотландские струны Лермонта

С детства меня поражала пророческая сила стихов совсем еще юного Михаила Лермонтова. Насколько принято без нужды вспоминать о юном возрасте Михаила Шолохова, настолько же принято не замечать юных лет другого Михаила. Уже в 14 лет он начал писать стихи. К двадцати годам это был зрелый талант, автор классических творений. В 26 лет он погиб. А ведь Лермонтов тоже, по сути, в юном возрасте написал свой гениальный роман «Герой нашего времени». У кого списал? Откуда в нем обитала с детских лет такая вещая мистическая мрачновато-демоническая сила? Не от французского еврея-лекаря, не от безграмотного чеченца и не от крепостного кучера, мнимых его новоявленных отцов.

Есть же древняя генетическая связь времен. Будто чьи-то древние струны звучали в еще не окрепшей душе поэта. О каком поэте написано: «Улыбается он своим гостям, а глаза печальные. Говорят, никогда не сходит улыбка у него с губ, а глаза всегда печальны и смотрят вдаль, сквозь людей»? О шотландском поэте XIII века Томасе Лермонте. Его великом далеком предке, о котором он и не знал, но догадывался. Как-то многие лермонтоведы обходят стороной или чуть-чуть задевают отцовское происхождение, да и вообще роль отца в жизни Лермонтова. Бабка поэта гордилась своим знатным и древним родом, но она вряд ли догадывалась о еще более древнем и знатном роде нелюбимого ею отца поэта, из клана шотландских Лермонтов. Об этом, впрочем, и сам отец не любил рассуждать, почти никаких связей с его давней родиной у него не было. Почти ничего и не знал. Помнил, что его предок в России — какой-то шотландский бедный наемник. Он и родословие свое числил с XVIII века. Захудалый отставной капитан, соблазнивший богатенькую представительницу рода Столыпиных. Лишь гений мятежного юноши чувствовал нечто большее, чем родовую наследственную связь. Он обнаружил своих знаменитых предков по отцовской линии. Обнаружил прежде всего внутри себя, в своей поэтической душе. Он гордо носил фамилию Лермонтов, догадываясь о ее знатности.

Михаил Лермонтов писал в стихотворении «Желание» (1831):

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах…

Михаил Лермонтов сам не смог побывать в своих шотландских замках и полях, он как бы завещал это будущим поколениям. Вот по этим пустым лермонтовским замкам Шотландии я решился проехать и поискать незабвенный прах предков Лермонтова. Жаль, до него не дошла «Поколенная роспись рода Лермонтовых», составленная в 1698 году внуками шотландского наемника Георга Лермонта (*George* Learmonth), поступившего на службу русскому царю Михаилу Романову в 1613 году. Там еще указывается предок рода Лермонтов, который в XI веке оказал существенную помощь королю Малькольму III, сыну короля Дункана, в разгроме всем нам известного шекспировского героя Макбета. За верность Малькольм III наградил своих рыцарей. Вот так и появился, насколько я понимаю, согласно уже шотландской «Генеалогии почетной и древней фамилии Лермонт» некий Лэрд из Эрсилмонта (*Ersilmont*), который со временем превратился в Лэйрсилмонта (*Lairsilmont)* и далее в Лермонта *(*Learmonth[3]*)*. И уже в XIII веке потомка этого Лэрда из Эрсилмонта, славного поэта и прорицателя Томаса Лермонта (*Thomas* Learmonth*)* звали, как всегда бывает в любой деревенской глуши, упрощенно — Томасом Рифмачем (*Thomas* the Rhymer), или Честным Томасом (*True* Thomas*)*. Со временем и деревушка из Эрсилмонта превратилась в Эрсилдон, или Эрсилдун [4] (*Erceldoune*), сближаясь в своем названии по созвучию с таинственным Эйлдонским холмом, расположенным неподалеку. Внуки сами приблизительно знали свое шотландское родословие, тем более для внесения в гербовник хотелось кое-что и приукрасить. К примеру, помня что-то о замке Дерси, которым владели долгое время Лермонты, они лихо удлинили его принадлежность роду, сообщая, что именно Малькольм III, прозванный ими Милколумбусом, «И он, за такие службы, пожаловал вотчинами, а Лерманту дано в вотчину господинство Рарси, которым господинством и ныне владеют наследники его». (Замок Дерси, как я расскажу ниже, перешел к Лермонтам лишь в XV веке, а ко времени написания этой поколенной росписи он уже им и не принадлежал.)

Но не будем копаться в шотландской топонимике. Скажем только, что в древней Шотландии было очень почетно вести свою фамилию от места, в котором ты живешь и которое тебе принадлежит. Корни Лермонта не в каких-то там французских Эрмонтах или испанских Лерма, как считают некоторые лермонтоведы, а в той славной и милой деревушке на берегу реки

Лидер, недалеко от впадения ее в одну из главных шотландских рек Твид, расположенной на юго-востоке Шотландии, вблизи от знаменитого Мелроузского аббатства, где спустя 100 лет после Томаса Лермонта жил еще один прорицатель и маг Микаэль Скотт, упомянутый в дантовском Аду в «Божественной комедии». Как утверждал Гектор Боэций, автор «Шотландской истории» (1527), Лермонты, как и многие другие приверженцы короля Малькольма, были шотландцами. Я придерживаюсь версии этого известного средневекового историка. Никаких доказательств об англо-французском происхождении рода Лермонтов его оппоненты не приводят.

В поездке мне конечно же был интересен, прежде всего, знаменитый поэт и прорицатель XIII века Томас Лермонт из Эрсилдона, ведь по сути от этого Томаса Рифмача ведет свой род славный клан Лермонтов. Его слава как прорицателя сродни славе Нострадамуса или Мерлина. Впрочем, об этом еще писал Вальтер Скотт: «Летописи XIII столетия ознаменованы были именами трех великих шотландских волхвов, пред коими Нострадамус и Мерлин должны преклонить колена. Мы говорим о Томасе Эрсильдуне, Микаэле Скотте и лорде Соулисе».

Его поэтические пророчества составляют особый лирический жанр средневековой шотландской поэзии. Он изрекал свои провидческие стихи на Эйлдонском холме, где и повстречался с королевой фей и эльфов, уведшей его в волшебную страну сначала на семь лет, а затем уже и навсегда. Но, покидая друзей, он обещал когда-нибудь вернуться в земной мир поэтом. Это предсказание сбылось в России, когда его далекий потомок, Михаил Юрьевич Лермонтов продолжил его поэтическую стезю. Иные лермонтоведы утверждают, что русский поэт знал о Томасе Лермонте и почитал его. При этом ссылаются на хорошее знание Лермонтовым Вальтера Скотта.

Но в балладе Вальтера Скотта о великом шотландском пророке и поэте тот назван лишь Томасом Рифмачем[5], его фамилия не указывается. Лишь в поэтическом дополнении к балладе Томаса Вальтер Скотт употребляет эту фамилию и пишет о Башне Лермонта, но читал ли дополнение Михаил Лермонтов? Думаю, если бы читал, то в своих шотландских стихах обязательно упомянул бы своего предка Томаса Рифмача. Да и башня эта никогда не называлась *Learmonth* Tower, до сих пор ее зовут Башней Томаса. Как говорят шотландские источники, фамилия Лермонт по отношению к роду Томаса Рифмача утвердилась лишь к XVI веку. Кое-кто предполагает даже, что поэт Томас был женат на наследнице семьи Лермонт, и должно было пройти какое-то время, чтобы его самого признали

Лермонтом.

В официальных документах фамилия Лермонт прозвучала в XVII веке, когда в «Регистре Эдинбурга», старинном писании, принадлежащем роду Лермонтов из Балкоми, было зафиксировано: «…в „Генеалогии почетной и древней фамилии Лермонт“ родоначальником был признан Лэрд из Эрсилмонта», за которым уже и следовал Томас Лермонт. Он был еще известен как автор ранней версии записи «Тристана и Изольды». Но, может быть, очень сложная мелодика, сложная форма стиха помешала утвердиться в мире лермонтовскому изложению народного предания.

В путешествии меня сопровождал сын — историк, кельтолог, доктор Белфастского Королевского университета Григорий Бондаренко. Мы направились в Эрлстон, расположенный в графстве Бервикшир — в приграничном с Англией районе, уже после посещения других родовых замков Лермонтов. Но так как этот род все-таки начинался в этом приграничье, начну свой рассказ с Башни Томаса.

Приехав из Эдинбурга в Эрлстон на автобусе, мы не нашли никаких турбюро, не увидели никаких туристов. Сразу мелькнула мысль: почему до сих пор какая-нибудь туристическая фирма не устроила для россиян тур «По замкам рода Лермонтов»?

Ведь всё к этому располагает: и связь с русским гением, и проживание в старинных замках, и живописные места. К тому же присутствует новизна, все другие туристические маршруты в Шотландии проходят мимо. Лермонтова нашего не знают, другие Лермонты не столь известны и значимы в Шотландии, а что до их предка Томаса Рифмача, то его давняя таинственная история пока еще в туристический перечень не попала. Едут больше на озеро Лох-Несс, посмотреть на макет мнимого чудовища. Может быть, «виновато» само предсказание Томаса? Уходя к эльфам, сам не пожелал сохранения памятных мест. Покидая свою Башню, он сказал:

«Прощай, мой отчий дом — замок Эрсилдон! Лежать тебе в развалинах. Зайчиха со своими зайчатами будет гнездиться в твоем очаге. Прощай, серебристая река Лидер, никогда больше я тебя не увижу! Но и в королевстве Фей буду я вспоминать о тебе.

Печальная моя судьба! На земле тосковал я по королеве Фей, а в ее стране буду вечно тосковать по тебе, край мой родной! Никогда не забуду я твои зеленые горы, озера и реки твои! Прощай, Шотландия, и помни мое слово: никогда не переведутся на твоей земле смелые воины и правдивые певцы» [6].

Вот и осталась от его Башни одна развалина во дворике малолюдного ресторанчика, и никаких памятных знаков в самом

городке. И зайчиха с зайчатами, как говорил мне Джон Маккей, владелец ресторана «Башня Томаса», жила здесь, когда он 20 лет назад выкупил развалины. Никаких гламурных туристических буклетов, открыток, магнитиков.

Поразительно, о самом Томасе знают абсолютно все шотландцы, знают и о его реальном, не мистическом, существовании в далеком прошлом. Знают о его поэтических пророчествах, переиздают их; в последний раз они публиковались в 1980-е годы. И никакой туристической шелухи. Может быть, шотландцы хранят его для себя? Стоит себе гордая развалина в тишине и покое.

Впрочем, я этому малолюдью был только рад. Гостеприимные провинциалы сразу же рассказали нам, как дойти пешком до развалин Башни Томаса, расположенных где-то на краю городка. Идем километра два, подходим к ресторанчику, который так и называется «Rhymers Tower», расположен на дороге в Мелроуз, к старинному аббатству, которое мы перед этим проезжали. Ищу издали глазом развалины Башни, не вижу. Заходим в ресторанчик, у стойки хозяин — Джон Маккей, мы рассказываем, что приехали из России, посмотреть на Башню Томаса Лермонта, дальнего предка русского гения, и на другие места, связанные с его именем. Джон о Михаиле Лермонтове слышал, но за 20 лет работы его заведения ни один русский к нему не обращался. А попасть к Башне Томаса, минуя ресторанчик Джона, невозможно. Дело в том, что Джон Маккей купил это историческое место, и Башня Томаса находится в уютном дворике ресторана. С одной стороны, вот они — язвы капитализма, купил себе мавзолей, или Тарханы, Михайловское, и используй в свою выгоду. С другой стороны, Джон обязан содержать эти развалины в порядке. Государство перепоручило в частные руки сбережение исторических и литературных памятников.

Стены заведения Джона увешаны иллюстрациями к легенде о встрече Томаса с королевой фей, выходим на веранду: прямо перед нами развалины древней башни XII века, где, возможно, жил и работал великий шотландский поэт и прорицатель. Реальность его существования установлена. Историки даже называют более-менее точные даты его рождения и смерти, с 1220 по 1297 год. О нем поют народные баллады, одну из них блестяще перевел Самуил Маршак «Томас Рифмач». О нем писали Редьярд Киплинг, Вальтер Скотт, Джон Толкин. Он стал даже одним из мистических героев «Ночного дозора» Сергея Лукьяненко.

Я заказал в Британии книгу его стихов, надеюсь заинтересовать ею и русского издателя. Уверен, и в нынешнее

нечитабельное время, особенно к двухсотлетию Михаила Лермонтова, книга «Томас Лермонт: Все пророчества» разлетится. Сочетание мистики, пророчеств и память о нашем русском гении…

Вальтер Скотт писал: «Память о нем сохраняется и почитается. Дерево Эйлдон, под сенью которого он произносил свои предсказания, сейчас уже больше не существует, но это место помечено большим камнем, названным Камнем Эйлдонского дерева». Истинный патриот Шотландии, плененный загадочным ликом Томаса Лермонта, Вальтер Скотт даже приобрел в 1812 году владение Абботсфорд, куда вошли и Башня Томаса, и Долина Рифмача, и ручей Лешего, и знаменитый камень — там, по преданию, Томас изрекал свои пророчества, там поцеловал королеву фей в алые уста. Так что, обходя эти ручьи, камни и долины, я заодно посещал и места, связанные с Вальтером Скоттом, любимым писателем моего детства.

По одной из версий в знаменитом Эйлдонском дереве был потаенный вход в Страну фей и эльфов.

Потому Томас и королева под ним и встречались, потому Томас Лермонт, вернувшись через семь заколдованных лет, произносит здесь свои стихотворные предсказания. Легендарное дерево, естественно, с XIII века не уцелело, но каменная плита с надписью на том же месте осталась…

К этому камню с памятной надписью нас привез из ресторанчика «Башня Томаса» Джон Маккей. Рядом с камнем недавно посажены два перевитых деревца, это уже современный сентиментальный символ любви Томаса Лермонта и волшебной королевы фей и эльфов. Может, под плитой вход в волшебную страну?

На Башне Томаса в 1984 году Эдинбургской ассоциацией пограничных графств установлена памятная доска, на которой написаны строки из пожеланий Томаса: «Он говорил: „Прощай, отцовский дом! / Надолго я прощаюсь с замком древним. / Отныне ты не будешь никогда / Торжеств, пиров и мощи местом славным“». Вот и напророчествовал — никаких особых пиров и торжеств. Хотя мы с сыном, конечно, помянули предка нашего Михаила Лермонтова не только добрым словом, но и стаканчиком шотландского двенадцатилетнего виски.

Естественно, походили мы и по протяженному Эйлдонскому холму с тремя вершинами, под которым, согласно некоторым легендам, покоятся король Артур и его рыцари, спускались к реке Твид.

В самом городке мы нашли владелицу небольшого отеля, собирающую все легенды о Томасе Лермонте, участницу

небольшого краеведческого общества «The friends of Thomas group». Краеведы выпустили даже небольшую брошюру о поэте и прорицателе, упомянув в ней и о русском поэте Михаиле Лермонтове. Русских, интересовавшихся Лермонтами, она тоже до этого в Эрлстоне не встречала. Рассказала она нам и знаменитые шотландские легенды о своем земляке.

Согласно преданию, Томас встретил прекрасную королеву фей и эльфов еще юношей. Она пленила его своей красотой, и он не побоялся поцеловать ее в уста, за что и был отправлен на семь лет в волшебное королевство. Они скакали на волшебных конях, и перед ними открылись три дороги. Одна из них, заросшая колючками, малолюдная — дорога Правды, которая по христианской версии ведет в Рай, вторая — торная и многолюдная, широкий проспект для всех «жадной толпой стоящих у трона» — путь Лжи, ведущий в Ад. И третья дорога, скорее поэтическая тропинка, вела в Страну фей и эльфов. Вначале уснувший под раскидистым деревом Томас принял красавицу за Деву Марию, но королева эльфов и фей увела его, если честно, не в христианское, а в языческое царство, богатое таинственными поверьями и мудростью. Может, поэтому и сегодня англиканская церковь уклоняется от признания пророческого дара и величия Честного Томаса. Это подтверждение устойчивости шотландского язычества. Горцы с удовольствием ходят в христианские храмы, исполняют положенные обеты, но по сей день не забывают ни об Оссиане [7], ни о Томасе Лермонте, ни о других великих и мудрых язычниках.

Об этом троепутье между Раем, Адом и Мистикой очень хорошо написал знаменитый писатель Джон Толкин, приводя в книге «Хоббит, или Туда и обратно» фрагмент с переводом баллады о Томасе Лермонте:

Вглядись: тропинка чуть видна,
Пророс терновник меж камней…
О, это Праведных тропа,
Немногие идут по ней.
А вот широкий, торный путь,
Где на лугах блестит роса…
Но этот путь — стезя Греха,
А не дорога в Небеса.
И вот чудесная тропа
В холмах зеленой стороны.
То путь в Волшебную страну.
Мы по нему идти должны [8].

Вот по этой третьей, волшебной дороге и отправились Томас и его королева. Перед возвращением домой королева дала ему яблоко, съев которое, Томас обречен был не только предвидеть будущее, но говорить только правду, какой бы горькой она ни была. Вернулся он через семь лет. И стал Правдивым и Верным Томасом. Он не побоялся сказать королю Александру III о его скорой смерти, он предвидел исход битвы при Баннокберне и при Флоддене, объединение Шотландии и Англии под властью короля из рода Брюсов, выходца из Франции.

То будет сын французской королевы.
Он править станет всей Британией до моря;
Из рода Брюсов будет он по крови
В девятом поколенье, я предвижу.

Пишет он и о разорении родного очага: «…когда зайчиха принесет зайчат на камни очага», и об угасании рода Лермонтов…

Иные его пророчества исполнялись спустя 200 или 300 лет. Есть два неисполненных:

Йорк был, Лондон есть, Эдинбург лучшим станет
Из трех, когда время настанет…

Ну что ж, Шотландия сегодня прямым ходом идет к своей независимости, которая изменит и историю Англии. А Эдинбург и впрямь — один из очаровательнейших городов мира.

Еще одно мрачное предсказание Томаса Лермонта, относящееся ко всему человечеству:

Когда коровы из Гори выйдут на землю,
Наступит Судный день.

То есть наступит конец света. «Коровы из Гори» — два больших валуна, выступающих из залива. За прошедшие 800 лет два этих огромных камня уже наполовину торчат из воды. Море отступает от берегов. Когда-нибудь валуны выйдут на землю, если люди сами не помогут им вовремя вновь погрузиться в море.

После нескольких лет жизни поэта-предсказателя за Томасом во время королевского обеда пришли олень с оленихой и увели его в волшебную страну уже навсегда. И это случилось в 1297 году. Но в его пророчествах указывалось и то, что спустя много

лет он вернется на землю молодым и опять коснется арфы, и опять будет писать стихи.

И я приду сюда, и не узнаю вас,
О, струны звонкие…

Не его ли душа спустя пятьсот с лишним лет обрела новое пристанище в теле дальнего русского потомка Михаила Лермонтова? Не ему ли был дан такой же великий дар поэтического пророчества, не его ли окружали всё те же тени из таинственных миров?

Еще мало зная о древних Лермонтах, не бывая в Шотландии, эту связь с шотландским предком блестяще оценил наш мистик, поэт и философ Владимир Соловьев, считавший, что «страшную напряженность и сосредоточенность мысли на себе, на своем Я, страшную силу личного чувства» и «способность переступать в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений» русский гений позаимствовал у своего далекого предка. Примером пророческой поэзии Лермонтова Соловьев считает стихотворение «Сон» (1841). Поэт видел «не только сон своего сна, но и тот сон, который снился сну его сна». А мы, свидетели XX века, добавим и еще одно великое пророчество русского гения — предсказанный поэтом «России черный год, когда царей корона упадет…».

О шотландских стихах Михаила Лермонтова поговорим попозже, но и они в чем-то пророческие, мистические. Ничего не зная ни о Шотландии, ни о своих шотландских великих предках, Михаил Лермонтов в 1830 году пишет стихотворение «Гроб Оссиана»:

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

А мы вернемся в наше путешествие по лермонтовской Шотландии. На этот раз начнем сначала. Я прилетел в Эдинбург, заранее спланировав весь свой лермонтовский маршрут, в чем

мне помогал сын, встречавший меня в аэропорту, заранее прилетев из Белфаста. Ночевали в кампусе Эдинбургского университета и рано утром отправились на автобусную станцию. Еще заранее мы перерыли весь Интернет в поисках удобного маршрута, чтобы добраться до замка Дерси без пересадок. Нашли автобус, идущий практически мимо замка, вернее, мимо небольшого селения Дерси. От Эдинбурга ехать было чуть больше часа, но в сторону, противоположную Эрлстону. Путь лежал на Сент-Эндрюс, центр северо-восточного графства Файф, Перт, Данди, до железнодорожной станции Капар.

Вышли в небольшом местечке Дерси, местные ребята тут же направили нас в сторону замка. Перед поездкой мы связались по электронной почте с нынешними хозяевами замка, но, к сожалению, они куда-то уезжали, в замке никого не оставалось, но специально для нас вход был оставлен открытым.

Этот замок, расположенный на вершине склона в излучине реки Иден, как утверждают историки, в XII веке был собственностью епископа Сент-Эндрюса Арнольда, который передал замок в дар монастырю в 1160 году. Надо же, замку Дерси почти 900 лет! Был у замка и свой высший взлет: в 1335 году именно в нем заседал парламент Шотландии. Замок к тому времени уже принадлежал роду Дерси. Как мы помним, каково название места, такова и фамилия знатного владельца.

Жили-были Лермонты в Эрсилдоне и его окрестностях. Даже могила сохранилась в приходской церкви городка, на которой написано «Здесь покоится род старого Стихотворца». Как насчитала биолог из США Татьяна Молчанова, связанная с Лермонтами родством, на этом кладбище сохранились могилы шестнадцати Лермонтов, но ни славы, ни богатств у них уже не было. Где-то в середине XV века один из обедневших Лермонтов, не очень-то довольных предсказанием своего предка, выгодно женился на наследнице рода Дерси, Джанет де Дерси, и получил в приданое замок. Так с XV века и никак не раньше, что бы ни писали наши лермонтоведы, замок Дерси стал принадлежать Лермонтам. Очень быстро Лермонты в Дерси и его окрестностях освоились и стали занимать высокие должности. Они были влиятельны и в местной церкви, и в самом графстве Файф. Достаточно сказать, что не один раз Лермонты надолго становились мэрами Сент-Эндрюса. Кстати, можно проследить и здесь некую древнюю русско-шотландскую связь. Святым покровителем и Шотландии, и России был святой апостол Андрей. Андреевский флаг близок и нам, и шотландцам. Может быть, когда Шотландия обретет независимость, о чем пишут сегодня все шотландские газеты, Андреевский флаг станет ее

государственным флагом.

Сент-Эндрюс дорог современным шотландцам тем, что там расположен древнейший университет Шотландии и прежде всего тем, что это родина гольфа. В отличие от нас шотландцы берегут и развивают национальные виды спорта. Футбол — футболом, но свой гольф они никогда не забудут. А где наша русская лапта, где наши городки и т. д.? У Запада надо учиться, как сохранять и развивать национальную культуру. Позже, после осмотра замка Дерси, мы доехали до центра графства Файф, обошли весь Сент-Эндрюс, уютный, старинный городок, и везде маленькие объявления: есть поле для гольфа. Кстати, и у лермонтовских замков такая же реклама: имеется великолепное поле для гольфа. Гольф нас не интересовал, поэтому мы, минуя спортивные поляны, напрямую шли к видному издали, обнесенному старинной оградой и воротами и даже остатками рва замку Дерси.

На гербе Сент-Эндрюса тот же девиз, что и на гербе последней ветви шотландских Лермонтов: «Dum spiro spero» («Пока дышу — надеюсь»). Один из известных в истории Лермонтов из Дерси, сэр Джеймс Лермонт, мэр Сент-Эндрюса с 1530 по 1546 год, был управляющим при королевском дворе, хранителем сокровищ Шотландии, мудрым дипломатом и советником короля Якова V. Сэр Джеймс одним из первых в Шотландии принял протестантство и участвовал в убийстве кардинала Битона в Сент-Эндрюсе в 1546 году. Это была самая громкая пора в истории рода Лермонтов, тогда владетельных и знатных особ.

Старшему сыну сэра Джеймса от первого брака перешел замок Балькоми, а замок Дерси достался старшему сыну от второго брака, сэру Патрику, который был мэром Сент-Эндрюса в течение сорока пяти лет. Он и его сыновья были последними Лермонтами, владевшими замком Дерси. Потом постепенно начался закат этого шотландского рода. Замок Дерси переходил из рук в руки, ветшал, пока в XX веке постепенно не превратился в самые настоящие руины.

Уже в наши дни, в 1996 году развалины замка были куплены на интернет-аукционе состоятельной семьей из Тайваня, шотландцем Кристофером Раффлом и его женой, по происхождению японкой. По старым чертежам они заново отстроили древний замок. Наверное, Кристоферу Раффлу мечталось о таком всю жизнь, небось, поднадоела и жизнь на Востоке, и он захотел вернуться в родную Шотландию, но с присущей Западу прагматичностью не забывал и о выгоде. Для воплощения замысла о постоянной гостинице не хватило прежде

всего постояльцев. В стороне от всех туристических и коммерческих объектов, в шотландской глуши, содержать прислугу и кухню стало бы для него разорительным. В число знаменитых исторических и литературных памятников замок Дерси, увы, тоже не попадал. Тем не менее, кроме квартиры для собственного жилья, в замке были отстроены апартаменты для приема гостей.

Когда мы с сыном прочитали в Интернете приглашение в замок Дерси, сын испуганно вскрикнул: мы туда не поедем, не по карману! Сутки проживания стоили две тысячи фунтов, то есть 90 тысяч рублей. Не может быть, прикинул я, чтобы даже в замке номера в отеле так дорого стоили. Оказалось, по такой суточной стоимости сдаются не номера, а весь замок Дерси для свадеб, корпоративных вечеров, юбилеев и других значительных торжеств. Для среднесостоятельных людей это не так уж и дорого. Отгулять свадьбу в замке с почти тысячелетней историей, отметить юбилей фирмы — это запомнится надолго. А хорошо выпив, и с призраком можно поболтать. Естественно, внутри замка все было отстроено под самый современный стиль. Нам там было нечего делать, даже если бы нас позвали. А вот снаружи замок и впрямь выделялся своей круглой башней, замысловатым извилистым расположением, остатками крепостных стен. Вокруг стен хозяева аккуратно высадили цветы, поодаль поставили парковые скульптуры. Рядом с замком восстановлена церковь. Думаю, по приезде гостей там идут службы — венчание, крестины. Обширный, ухоженный сад, конюшня. За оградой бегал небольшой табунчик черногривых лошадей. Тоже для гостей. В вестибюле — портреты епископов Сент-Эндрюса. Как сказала хозяйка, есть в доме и галерея менестрелей.

После нашего внимательного осмотра замка и окрестностей мы по Интернету поблагодарили нынешнюю владелицу за гостеприимное разрешение посетить пустой замок. Как управляется одна хозяйка с замком, удается ли аренда? Очевидно, в случае аренды нанимается прислуга из местных. Может быть, если и в самом деле появился бы лермонтовский тур по замкам Шотландии, то для большой группы и при регулярном пребывании цены в Дерси оказались бы вполне умеренными.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;
И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;

Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он… [9]

В последние годы замок стал привлекать внимание местных историков, архитекторов и просто патриотов своего края. Начато археологическое изучение этого исторического памятника сотрудниками Сент-Эндрюсского университета. Создано общество — «Dairsie castle trust». Я думаю, соединение усилий историков, писателей и владельцев замка принесет пользу всем. Надеюсь, заинтересуются родом Лермонтов и серьезные русские историки и литературоведы. Я читал о Томасе Рифмаче и о шотландских предках поэта в статьях русских исследователей, но, как понимаю, до самих замков никто из них так и не добрался. Правда, есть интересная книга американцев, супругов Татьяны Молчановой и Рекса Лермонта, но как хороша была бы иллюстрированная книга «Шотландские замки Лермонтов».

Понимаю и сложность возможного смыслового анализа шотландских стихов Михаила Лермонтова. Понятно, почему на них не акцентируют внимание. Почему юный поэт так рвался вон из России?

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Почти ничего не зная, он тянулся к шотландской отчизне, понимая, что эти моря ему не преодолеть. Может быть, он тянулся к отцу, к древним своим, где-то услышанным поэтическим предкам?

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой…
О! зачем я не ворон степной?…

Не протест ли это в защиту отца, когда и родиной своей называет Шотландию, и отказывается от «чуждых снегов». Какой-нибудь разгоряченный политикан мог бы назвать эти стихи русофобскими и откровенно западническими: «на Запад, на Запад…» подальше от чуждых снегов хочет умчаться «нездешний душой» юный поэт. Впрочем, есть и у Маяковского — «Я не твой,

снеговая уродина…». Но не тот ли самый Лермонтов написал позже «Бородино» и «Песню про… купца Калашникова»? Думаю, эти несколько стихотворений, навеянных Шотландией и Байроном, были на самом деле его тоской по отцу, выходцу из шотландского клана Лермонтов. Может быть, этим можно объяснить и его страстное увлечение поэзией Байрона.

Куда нам уйти от мистики, говоря о Лермонтове? Отца все вокруг презирали: чернь, «пустой», «странный» и даже «худой». Как-то впитывал эти чувства и молодой Миша. Но боролся с ними. Не отсюда ли потом возникли его страстные, полные большевистской ненависти к сытой холеной знати строчки «Смерть Поэта» (1837):

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!

Это в нем говорило чувство мести за отца, из того самого «обиженного рода». Те же мысли он развивает и в стихотворении к отцу (1831):

Ты светом осужден. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И столько же насмешливых клевет.

К сожалению, отец уже сдался воле судьбы и даже не рвался искать свое родословие. И уже перенося на себя, как имеющего отчизной Шотландию, все обиды за отеческий род, Михаил Лермонтов очень тонко чувствует обиды загнанного в угол отца.

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!

Не забудем и о гордости горных шотландцев. Ведь Шотландия после пребывания там кажется мне чем-то похожей на нашу Чечню. Те же горы, те же родовые общины, та же война между соседними горными кланами. Примерно тот же характер и те же нравы. «Дикари» для равнинных англосаксов. Смелые,

гордые, вольные, но все поодиночке, со своим кланом, поневоле в жесточайших схватках они уступали командному порядку англосаксов. Так же было в Ирландии, где воевали со своими захватчиками сотни лет, Ирландская республиканская армия до сих пор воюет, умеют воевать, не боятся смерти, но нет единства в строю, нет командности. И вот этот гордый шотландец, в венах которого течет кровь древних воинов, вынужден сдаваться. Не отсюда ли чувство унижения самого поэта, которое он и воспринимал с необычайной чувствительностью? Не отсюда ли мрачный взгляд на мир? Не отсюда ли любовь к такому же вольному Кавказу? Не отсюда ли и увлечение Байроном? Михаила с его шотландскими стихами дразнили английским поэтом, говорили, что он лишь подражает Байрону. Михаил Лермонтов на самом деле очень любил и ценил английского поэта. Им бы еще вместе Балкоми — родовое имение — посетить. Он переводит стихи Байрона, выбирая все ту же мистическую тему заброшенных замков. В подражание Байрону он в 1830 году написал свою балладу о черном монахе («Берегись! берегись! над бургосским путем…»), как бы продолжая шотландский цикл:

Берегись! берегись! над бургосским путем Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда мавр пришел в наш родимый дол,
Оскверняючи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
Одного только выгнать не мог.
Для добра или зла (я слыхал не один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
Который страшусь повторять.
Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
Бродил и взад и вперед.
(Продолжение впредь.)

Лермонтов оставил его как бы незавершенным. Сегодня находятся исследователи, считающие этот стих пародией на

балладу. Тогда и весь Михаил Лермонтов с его героикой, мистикой и трагичностью может показаться пародийным поэтом. Надо ли так передергивать в угоду моде? Тем более тогда уж и Байрон становится пародистом.

Русский поэт уделяет творчеству Байрона много времени, в тетрадях того времени много переводов, подражаний Байрону. Он пробовал работать и над «Гяуром», и над «Ларой». Внимательно читал жизнь лорда Байрона, описанную Томасом Муром. Видит какие-то общие истоки творчества, так и не догадываясь о прямом родстве.

> И Байрона достигнуть я б хотел.
> У нас одна душа, одни и те же муки;
> О, если б одинаков был удел!
> Как он, ищу забвенья и свободы.
> Как он, в ребячестве пылал уж я душой… [10]

Может быть, у обоих пылала душа Томаса Лермонта. Проснулся спустя века великий шотландец, дал свою кровь, свой нрав и по женской линии, через Маргарет Лермонт — Байрону, и по мужской, через Джорджа Лермонта — Лермонтову. Как к старшему брату относился Лермонтов к Джорджу Байрону.

Он и на самом деле оказался «последним потомком отважных бойцов», последним представителем одной из ветвей Лермонтов. Кто же был первым русским представителем этого шотландского древнего, но обедневшего рода?

И тут уже нам от замка Дерси придется перенестись в другой замок — Бал коми, построенный в XVI веке неподалеку от городка Крейл и принадлежащий другой ветви Лермонтов. Когда-то, во времена Малькольма IV, правившего с 1153 по 1165 год, эти земли принадлежали некоему Сену, затем в 1375 году они перешли Джону де Балкоми, а затем уже в 1526 году какой-то старый замок перешел Лермонтам — сначала на правах аренды. Со временем Джеймс Лермонт-Дерси выкупил эти земли у короля Якова V и приступил к строительству нового замка. Хочу дать слово и своему любимому лермонтоведу Павлу Висковатому. Он писал:

«Да, Михаил Юрьевич предугадал: он был последним потомком шотландских бойцов; но не в снегах кончил боец этот жизнь свою, а в южной стране, среди гор, ставших ему милее туманных картин на берегах Лидера и Твида. Смерть отца повергла поэта нашего в скорбь, которую он тщательно скрывал перед другими и перед самим собою. Жизнь била в нем ключом, и ему удавалось поднимать свое настроение до резвой веселости,

но тем сильнее были минуты скорби. И если в двух автобиографических драмах мы находим следы мыслей о самоубийстве, то о том же гласят многие лирические стихотворения того времени. Юноша немало перенес тяжелых душевных мук и борьбы. Когда мрачное настроение овладевало им, он уходил в уединенные места — в лес, в поле, на кладбище, или проводил бессонные ночи, глядя сквозь окно в ночную тьму, а в голове стучала безысходная мысль покончить с собою. Покой могилы манил его. С такими мрачными думами сидел он у окна своего в Середникове, когда написал свое „Завещание“.

Есть место близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной…
Мой друг, ты знаешь ту поляну!
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану.
Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону:
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи…

Совершенно предаться мрачному настроению, впрочем, мешала поэту не только полная жизни натура его, но и шумное общество окружавших его в Середникове людей».

Вот этот замок Балкоми и стал одним из самых литературных замков Шотландии. Как оказалось, именно в этом замке жила прелестная особа Маргарет Лермонт, очаровавшая королевского адвоката Гордона, именно здесь они гуляли и наслаждались друг другом, даже не замечая свиста мальчика-призрака, как говорят, умершего голодной смертью в его стенах и до сих пор тревожащего во время обеда всех обитателей замка своим свистом на оловянной дудочке. Свое домашнее привидение. Какой-то свист слышал и я, блуждая по темным отсекам недостроенной изнутри башни.

Потомком этой счастливой семейной пары, соединившей роды Гордонов и Лермонтов, и стал самый знаменитый и самый любимый Михаилом Лермонтовым поэт Англии Джордж Ноэл Гордон Байрон. Приходящийся тому же Джорджу Лермонту дальним родственником, Джордж родился в замке Балкоми где-то в 1596 году. Из этого же замка Балкоми отправился в свой восточный поход шотландский наемник Джордж Лермонт, героически погибший под Смоленском в войсках князя

Пожарского. Но перед этим давший жизнь русскому роду Лермонтовых. Михаил Лермонтов ничего не знал о своем родстве с Байроном, но, так же как и с Томасом Лермонтом, чувствовал это родство мистически.

Наш путь из замка Дерси лежал сначала в Сент-Эндрюс. Передохнув и осмотревшись, мы сели там на автобус в направлении к морскому побережью, до городка Крейл. Автобус шел по прибрежной дороге, может быть, и удлинял наш путь, но зато все живописные места графства Файф, все его уютные старинные городки оказались в нашем распоряжении. От Крейла опять же пешком мы двинулись до замка Балкоми, заранее связавшись с нынешней владелицей.

Как и в случае с Дерси, замок к XX веку лежал в развалинах. Уже в наше время, когда возникла мода на старинные замки, эти живописные развалины купила семья Стоквеллов и отремонтировала Балкоми по чертежам, сохранившимся в обширных шотландских архивах.

К сожалению, муж госпожи Стоквелл скончался, когда был закончен ремонт башни и был оборудован примыкающий к башне дом начала XIX века, где и находится сегодня уютная гостиница с вполне приемлемыми ценами — 50 фунтов за ночь. Именно здесь отмечали 950-летие своего рода многочисленные Лермонты со всего мира. От замка Дерси до замка Балкоми не так уж и далеко, даже с заездом в Сент-Эндрюс — километров тридцать. Так и скакали на конях Лермонты из Дерси к Лермонтам из Балкоми.

Внутри башни хозяин так ничего и не успел сделать, стоят строительные леса, гнездятся птицы. Любезная хозяйка госпожа Пэт Стоквелл уделила нам немало времени, рассказав все, что знала, и о замке, и о его обитателях былых времен. В ее квартире внутри отстроенного замка мы попили чай, посмотрели какие-то фотографии. Мы, по словам Пэт Стоквелл, оказались в Балкоми первыми русскими со времен его ремонта. Этот замок соединил роды Байрона и Лермонтова, неужели это не интересно нашим исследователям?

Когда я ходил по гулкому пустому залу высоченной башни, мысленно представляя жизнь обитателей замка, я замечал очаровательную Маргарет Лермонт, давшую жизнь потомству Байронов. Где-то в темноте мне встречался изрядно обнищавший Георг Лермонт, именно из этих ворот башни он, бравый вояка, после поражений шотландской армии от англичан отправился на восток и вряд ли догадывался, что в седьмом его колене родится великий гений русской поэзии. В замке Балкоми я лишний раз понял, что в жизни есть место высокой мистике, вспоминал уже поэтическую связь Байрона и Лермонтова.

Георг Лермонт выехал в поисках воинской удачи, как и многие его родственники, умевшие хорошо воевать, но не умевшие приобретать богатства. После поражения в борьбе за независимость Шотландии ему уже не было места дома, и он прямо из ворот замка Балкоми отправился военным наемником в польские войска, в составе Шкотской роты воевал с Россией. 5 сентября 1613 года польский гарнизон, оборонявший крепость Белую (современный город Белый Смоленской области), сдался русским. Около шестидесяти шотландцев и ирландцев, по сути вся Шкотская и Ирландская роты наемников перешли на сторону Российского государства, в числе их был и Георг Лермонт. По велению избранного Земским собором молодого царя Михаила Федоровича Романова они были приняты в Московское войско. В 1617 году он был назначен прапорщиком вместо убитого Давида Эдвара. В 1618 году сражался с поляками под Можайском в отряде князя Куракина. Отличился в бою против поляков и литовцев в Москве у Арбатских ворот, где был тяжело ранен.

Со временем он стал ротмистром рейтарского полка, храбро воевал за Россию, за что ему были пожалованы молодым царем Михаилом Романовым (кстати, его сверстником) земли в Костромской губернии, и в начале 1634 года Георг («Юрья») Лермонт погиб под Смоленском. А похоронен в Авраамиевом Городецком монастыре под Чухломой — в костромских наследственных землях, дарованных за верную службу. Из трех сыновей его продолжателем рода явился Петр, который в 1653 году принял православие, в 1656–1657 годах был воеводой в Саранске. Сыновья его Евтихий и Петр были стольниками. Праправнук Евтихия, Юрий Петрович, — отец поэта Михаила Юрьевича.

Впервые имя М. Ю. Лермонтова связали с шотландскими Лермонтами в 1837-м, когда в шотландской прессе появилась статья Уильяма Ролстона «Шотландец за границей». Но поэт знал об этом изначально, провидчески.

Я не буду погружаться в одно время увлекшую поэта Михаила Лермонтова идею о его происхождении от испанского герцога Лермы. Нелепая идея, объяснимая лишь тем, что поэту хотелось всячески возвеличить своего отца. Насколько я знаю, ему эту идею о близости с испанскими герцогами внушили Столыпины, знавшие о поисках Михаилом родословия своего отца. Но поэт не был этаким позером, хвастающимся своим мнимым герцогством, ему нужна была правда. Он чувствовал в себе некие древние мистические силы. Решил проверить и испанскую версию. Из испанского посольства пришло объяснение от Мадридского исторического архива, что он к герцогу Лерме не имеет никакого

отношения, и интерес Михаила Лермонтова к этой теме угас. Но великому поэту любые заблуждения полезны, короткое увлечение испанской темой привело к написанию трагедии «Испанцы», возникновению акварелей и рисунков «испанского цикла» и удивительного живописного автобиографического изображения якобы герцога Лермы — портрет самого Лермонтова.

Стремление Лермонтова облагородить род отца в тот период совпало с тягой к испанской революции, соединялись страсть к свободе и возрожденное достоинство Лермонтовых. Удивительно, как быстро некоторые наши лермонтоведы в угоду юношеским фантазиям Лермонтова придумали фантастическую версию, что герцог Лерма переехал в Шотландию, и дальше уже пошел род Лермонтов. Сам поэт, получив отрицательный ответ из Мадрида, про Испанию благополучно забыл. Да и герцог Лерма личность вполне достоверная, ни к какой Шотландии не подходит.

Михаил Лермонтов всё более отчетливо понимал, что отцовский род идет из Шотландии, из старинных шотландских кланов. Думаю, с этим связано и увлечение книгами Вальтера Скотта, и его байронизм, отчасти шотландский. Даже если он и не нашел у Вальтера Скотта фамилии Лермонт, то глубоко погрузился в историю Шотландии. Ему был близок по духу и Томас Рифмач, на руку оказались и «Поэмы Оссиана», изданные шотландским писателем Джеймсом Макферсоном [11]. При жизни Лермонтова еще никто не сомневался в подлинности этих древних кельтских поэм. Им увлекались все писатели России, от Карамзина и Державина до Пушкина.

Тогда уж и я расскажу некую славянофильскую версию, как все сокровища древних шотландских пиктов оказались в Русской земле. Согласно этой легенде, норвежский король в октябре 1214 года с войском приплыл в Шотландию. На берегу у селения Ларге произошло сражение, и за доблесть в этом бою правитель Шотландии епископ Стюарт вручил храброму воину и поэту шкатулку с сокровищами пиктов. Вместе со шкатулкой он передал Томасу Лермонту грамоту, где было написано: «Потомству Лермонта идти на восток, через четыре века и четыре народа, и клад сей оставить в христианской земле, где еще через четыре века вновь обретен будет». Через столетия эту шкатулку с собой привез в Россию Юрий Лермонт, верно служивший князю Пожарскому. Перед сражением Лермонт закопал шкатулку с кладом пиктов под старым дубом у Москва-реки. Как мы знаем, храбрый воин Лермонт погиб, и клад его якобы пытались разыскать многие знатные люди. Но откроется он кому-то в октябре 2014 года, к двухсотлетию нашего великого поэта.

Может, что-нибудь и найдем. Главное, про сам юбилей не

забыть нашим чиновникам.

А мне осталось рассказать лишь о походе к могиле Оссиана. История тоже довольно загадочная. Но если уж одно из шотландских стихотворений Лермонтова так и называется: «Гроб Оссиана», как же нам пройти мимо него. Сейчас все в основном помнят про мистификацию Макферсона, опубликовавшего «Поэмы Оссиана», которые наделали много шума. Сначала их признали великими, кое-кто поставил их выше Гомера, затем, как только усомнились в авторстве, поэмы перестали замечать, хотя их качество нисколько не изменилось. Но тут уж благодаря сыну-кельтологу я скажу, был бы Макферсон, не было бы его, но в древней кельтской истории Оссиан все равно занимает почетное место, как легендарный поэт и сказитель III–IV веков н. э. И никак без него не обойтись, как не обойтись без Лао-цзы в Китае: Лермонтов как поэт был прав, он не от Макферсона шел, а от древних кельтов. До сих пор спорят, сочинил ли финнам «Калевалу» Элиас Ленрот, или он лишь записал народный эпос. То же самое пишут и про все составленные в XX веке народные эпосы. Кстати, и наше «Слово о полку Игореве» появилось вскоре после находки оссиановских поэм Макферсоном.

Иные филологи еще тогда, в период веры в подлинность поэм Оссиана, проводили параллель между ними и «Словом о полку Игореве».

Ясно, что Макферсон воспользовался знаниями древней истории кельтов, изначальными песнями Оссиана, а не придумал их заново. Пошла бы история Британии по-другому, может, и сейчас изучали бы школьники и студенты творения древнего мудрого кельта Оссиана. Но — оставим это историкам и литературоведам.

Есть замечательное стихотворение Лермонтова «Гроб Оссиана» (1830). Навеяно оно было ему в ту пору, когда он отыскивал родословие отца, рассказано было о гробе Оссиана одним путешественником, посетившим его в Шотландии.

С такими мистическими личностями древности точность всегда относительна. Как мы знаем, существует несколько могил Чингисхана, и каждая из стран претендует на достоверность их захоронения. Даже в Иерусалиме я столкнулся с тем, что у православных и у католиков разные святые места, обозначающие одно и то же явление. Каждая церковь утверждает свою правду.

Так и с легендарным героем кельтов Оссианом. Как считают исследователи, в Шотландии нет не только могилы ирландского певца Оссиана. Там нет и могилы Джеймса Макферсона, донесшего свою обработку Оссиановых сказаний до Европы. Впрочем, ушлый шотландский народ нашел-таки одну вроде бы

могилу, или могильник в горной Шотландии, но большинство исследователей предполагают, что подлинное захоронение древнего сказителя Оссиана находится в Ирландии. Вот туда мы с сыном и добрались по следам стихотворения Михаила Лермонтова.

Вернувшись автобусом из замка Балкоми в Эдинбург, сели на самолет и вскоре приземлились в Белфасте. Далее к побережью Северной Ирландии, и уже на машине добрались до местечка, обозначенного как предполагаемый могильник Оссиана. Как и положено, внизу, где мы оставили машину, небольшая гостиница, так и называется «Гроб Оссиана». Правда, опять никаких книжек либо памятных открыток не продавалось. Какой-то незавершенный турбизнес в этих местах. Дальше идем по гористой дороге вверх, доходим до поля, находим так называемое капище Оссиана. Как и положено для III века н. э., это искусно уложенная груда больших камней. Какое-то время этим полем с находящимся на нем древнейшим капищем-могильником владел ирландский поэт начала XX века Джон Хьюитт. Он и завещал похоронить себя недалеко от могилы Оссиана.

Именно этот ирландский могильник представлен в различных исследованиях, СМИ и Интернете как условно принадлежащий Оссиану. О так называемом шотландском могильнике того же Оссиана упоминают реже, да и добираться туда труднее, так как он в самой гористой части Шотландии. Могильником считается вертикально стоящий огромнейший каменный валун. Но согласно реконструкциям современных ученых, могильники знатных людей всегда состояли из нескольких каменных валунов, а не из одного. Да и сам Оссиан, по всем преданиям, был жителем Ирландии, древним ирландским, а не шотландским героем. Переместили его в Шотландию в XVIII веке, очевидно, потому что сам Макферсон был шотландцем. Тем не менее своим могильником Оссиана гордятся и в Ирландии, и в Шотландии. И прекрасно.

В Ирландии мы попали в какую-то чисто капиталистическую ситуацию. Владелец гостиничного домика у подножия горы рекламирует на своем сайте могилу Оссиана, заманивая гостей. А само капище и горная дорога к нему принадлежат другому хозяину, недовольному, что люди въезжают на его участок на машинах. Он самовольно снял табличку, ранее установленную у могильника Оссиана историками — и никаких примет. Человек не знающий может и не найти. Хорошо, что мой сын Григорий бывал на этом могильнике много раз, видел и табличку, и указатель. Довел, подышали не спеша «родимым лермонтовским ветром», заняли у могилы Оссиана чуточку энергии на будущее.

Не стали дожидаться надвигающейся бури, частой в этих ирландских приморских краях, отправились в соседний городок Бушмилс с его самой древней в мире вискикурней, отогреться.

Вот так и закончилось мое первое путешествие по шотландским местам рода Лермонтов.

Остается посетить могилу первого русского Лермонта в Авраамиевом Городецком монастыре на Чухломском озере.

Чухломские корни Михаила лермонтова

Как великий шотландский кельтский бард и мистик, прорицатель Томас Лермонт, спустя столетия, нашел свое продолжение в великом русском поэте Михаиле Юрьевиче Лермонтове? Возможно, это был бы наш русский Шекспир, перевернувший всю мировую литературу. Увы, не дано было тому случиться.

Но где обрел сей шотландский род свои дремучие русские корни? Ведь не случайно же писал Михаил Лермонтов в 1832 году:

> Нет, я не Байрон, я другой,
> Еще неведомый избранник,
> Как он, гонимый миром странник,
> Но только с русскою душой.

Где обрел шотландский рыцарь Лермонт, дальний родственник Байрона, свою русскую душу? Чтобы соединить воедино два древних духовных начала: кельтское и славянское — в одном лице. Сомневаться в шотландских корнях Лермонта не имеет никакого смысла, но не в столицах же проходила глубинная русификация шотландского воина. И потому, чтобы понять великую поэзию Михаила Лермонтова, надо вернуться к его корням. Как говорят генетики, всё заложено в предках твоих. Гений дается свыше, но любой гений, Шекспир или Гёте, реализуется в своей национальной форме. Может, и требовалась для раскрытия лермонтовского гения доля кельтской мистичности и дара прорицания, но в формате самой потаенной, глубинной русскости. Для этого и пришлось шотландским рыцарям Лермонтам из замка Балкоми, что расположен в графстве Файф, погрузиться почти на долгих два столетия, с 1621 по 1791 год, в затаенную русскую чухломскую глубинку, породниться с Костромской землей, давшей нам, кстати, и род царей Романовых. Надо же, какая петля была сделана: из графства Файф, края Макбета и Малькольма, в галичские и чухломские земли былинных русских богатырей, чтобы потом уже найти пристанище в Москве и Тарханах.

Естественно, из Шотландии я в поисках лермонтовских корней отправился прямиком в костромские края. И не просто в

Кострому, а в районный городишко Чухлому, один из символов русской глухомани. Иные читатели этой книги о великом русском поэте Михаиле Лермонтове возмутятся, что это я так долго подбираюсь к самой биографии. К тому же удивятся, откуда взялась Чухлома, во многих биографиях Михаила Юрьевича Лермонтова лишь вскользь пишется о мелком дворянчике из Тульской губернии Юрии Петровиче Лермонтове. Мол, сын небогатых помещиков Ефремовского уезда Тульской губернии, владевший небольшой родовой деревушкой Кропотово. Никакой тебе Костромы, а тем более Чухломы. Да и в костромских музеях о лермонтовском роде много не говорят, нигде нет ни портретов предков великого поэта, ни даже упоминаний о них.

Уверяю вас, прочитав чуть ли не сотню самых разных, противоречащих друг другу (а порой самому поэту) книг и статей о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, я поразился: лермонтовская родовая линия в исследованиях практически отсутствует. Как началось с лютой нелюбви бабушки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой к отцу поэта Юрию Петровичу Лермонтову, так и до сих пор вычеркивают эти древние лермонтовские корни из его биографии и судьбы. Да еще придумывают разные небылицы о мнимых отцах. Хорошо, что этих мнимых отцов как минимум целая троица, значит, даже обыватель этим версиям не поверит. И потом, откуда «обиженный древний род» у французского лекаря или крепостного кучера, да и чеченский абрек древностью своего рода не прославился. Оставим их для досужих сплетников.

Удивляюсь я только, что эти подленькие версии поддерживали то И. Л. Андроников (о французском еврее-лекаре), то именитые лермонтоведы В. А. Мануйлов и В. А. Захаров (о крепостном кучере, с которым якобы спуталась совсем юная дворянка из знатного рода Столыпиных, а ее мать была вынуждена за большие деньги «нанять» в мужья Юрия Петровича Лермонтова). Об этой мерзости поговорим позже, как и о других низких домыслах, щедро распускаемых ныне с целью унизить великого русского поэта, замарать его честь и достоинство.

Я же настаиваю на том, что многие личностные качества поэта и особенности его поэзии, даже любовь к горному Кавказу, связаны с тем, что в поэте проявлялись генетические корни шотландских горцев. Были бы его предки из равнинных мест, тундры или тайги, дух поэзии был бы другим. Казалось бы, сегодня ученые-медики, генетики, биохимики доказали связь многих заболеваний, психологических особенностей любого человека с его происхождением, с его родовыми корнями. Да и этнический, климатический код в жизни человека занимает важнейшее место. А вот наше литературоведение этого знать не

хочет и пускается при исследовании лермонтовской судьбы куда угодно, только не в историю лермонтовского рода.

Впрочем, и здесь бывают исключения, связанные с талантом и интуицией пишущего человека. Тот же Дмитрий Мережковский в статье «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» или философ Владимир Соловьев в «Лермонтове», Василий Розанов в «Вечно печальной дуэли» по-разному, но пишут именно о мировых корнях лермонтовской поэзии, о его надземности, изначальном мистицизме, даже античности, ибо его герои ведомы не судьбами земными, а Промыслом богов. Как пишет Мережковский: «Неземная любовь к земле — особенность Лермонтова, едва ли не единственная во всемирной поэзии. Если умершие продолжают любить землю, то они, должно быть, любят ее именно с таким чувством невозвратимой утраты, как он. Это — обратная христианской земной тоске по небесной родине — небесная тоска по родине земной. Кажется иногда, что он, подобно своему шотландскому предку колдуну Лермонту, „похищен был в царство фей“ и побывал у родников созданья…»

Своей «надмирностью» Лермонтов повлиял на всю русскую литературу, от Достоевского до Толстого. Его герои скорее сродни шекспировским Макбету и Гамлету, нежели литературным персонажам его отечественных сверстников. Его Демон и Мцыри, пожалуй, легче прочитываются именно с учетом его древних шотландских корней. Еще задолго до Ницше Михаил Лермонтов выковывал в России своего, русского сверхчеловека.

Скажу честно, я нашел эти упоминания о шотландских предках Лермонтова в работах наших мыслителей начала XX века уже после поездки по самой Шотландии и замкам рода Лермонтов. Ибо в нашем лермонтоведении явная связь с отцовской родовой линией напрочь отсутствует. А о мыслителях начала XX века спокойно забыли. Забыли о том, что, по мысли Владимира Соловьева, Лермонтов своим мрачным романтизмом был гораздо более близок «к древнему своему предку, вещему и демоническому Фоме Рифмачу, с его любовными песнями, мрачными предсказаниями, загадочным двойственным существованием и роковым концом…». И на самом деле, шекспировский Макбет тоже из Шотландии, и даже среди его реальных противников, сторонников Малькольма, был рыцарь Томас Лермонт. «Ни у одного из русских поэтов нет такой силы личного самочувствия, как у Лермонтова. На Западе это не было бы отличительной чертою. Там не меньшую силу субъективности можно найти у Байрона, пожалуй, у Гейне, у Мюссе… Отличие же Лермонтова здесь в том, что он не был подражателем Байрона, а его младшим братом, и не из книг, а из общего происхождения

получил это западное наследие, с которым ему тесно было в безличной русской среде…»

Он так и погиб, не смирившись с окружавшей его средой. И это был не некий аристократизм столыпинского рода, не избалованность единственного богатого внука взбалмошной бабки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной, а одинокое несмирение шотландского горца, нашедшего себе покой лишь среди гор Кавказа.

Какой уж тут крепостной крестьянин пензенских земель! Насколько же надо было этим лермонтоведам не чувствовать слова, духа лермонтовской поэзии, чтобы выдвинуть такую нелепую версию. Да и с абреком Бейбулатом Таймиевым никак концы с концами не сходятся. Нет там ни «обиженного древнего рода», нет никаких литературных предков…

А вот с отцом у Михаила Юрьевича незримая связь была всю жизнь. Но вернемся к чухломской земле. Как читатель уже знает, Георг Лермонт, шотландский наемник, родившийся в замке Балкоми в 1596 году, храбро служил в русских войсках начиная с 1613 года. В 1619–1621 годах царь Михаил Романов стал щедро награждать своих верных воинов. Среди них — и своего одногодка, ротмистра Георга Лермонта. Как уже говорилось, погиб первый русский Лермонт в боях с поляками под Смоленском в 1634 году. Прах его, как и было положено в те времена среди дворянства, был отправлен в его пожалованные царем костромские земли, а вернее чухломские деревеньки, и погребен в Авраамиевом Городецком монастыре.

История всего рода русских Лермонтовых прослежена в «Поколенной росписи рода Лермонтовых», над которой много лет работал историк-архивист, почетный гражданин Костромы Александр Александрович Григоров.

Род русских Лермонтовых, судя по книге, составляют более восьмисот представителей. Среди них поэты, художники, писатели, около ста генералов, адмиралов и офицеров, прославивших Россию в войну 1812 года, Русско-турецкую, Первую мировую и, конечно, в Великую Отечественную. И все выходцы из чухломских земель.

Землями в те времена одаривались за верную воинскую службу лишь те иноземцы, кто решил навсегда остаться в Российском государстве. В том списке, где числится «Юрья Лермонт», записаны 47 человек, решивших стать русскими воинами на службе у московского царя. 9 марта 1621 года была выписана ввозная грамота дьяком Иваном Грязьевым «о деревнях и пустошах в Чухломской осаде под Чухломой Галицкого уезда Заболоцкой волости», подаренных царем Михаилом Федоровичем

Лермонту. Этот перечень сохранился в «Галицкой писцовой книге» 1628 года: «1. Кузнецово 2. Усольцово на речке Масленке 3. Черемисиново 4. Филино 5. Ревякино 6. Семенково 7. Окатово 8. Правилкино 9. Копылово 10. Острожниково на реке Пенке (рядом с Чухломским озером)».

От Георга, или Юрьи Лермонта, и пошел весь русский славный род костромских дворян Лермонтовых. У Юрьи было три сына, после гибели храброго офицера им и перешли чухломские деревеньки. В дальнейшем потомки Лермонта обзаводились новыми усадьбами всё в том же Чухломском уезде.

Род Лермонтовых историки и краеведы обычно разделяют на четыре основные линии, название которых Григоров дает по их усадьбам.

1-я линия — «кузнецовская» (по имени первой усадьбы), самая малочисленная.

2-я линия — «острожниковская», по имени усадьбы Острожниково. Представители этой линии сегодня и составляют большинство рода Лермонтовых.

3-я линия — «измайловская», по имени усадьбы Измайлово. От этой линии произошел поэт М. Ю. Лермонтов. Здесь предки поэта жили вплоть до 1791 года, когда его дед Петр перебрался в Кропотово — имение в Ефремовском уезде Тульской губернии. Мужское потомство «измайловской» линии пресеклось со смертью поэта в 1841 году.

Приехав в Кострому на встречу писателей, далее на машине я добрался до Чухломы, побывал в музее, где и рассказал удивленным сотрудникам, что на их земле покоятся предки великого русского поэта, даже переслал им портрет Юрия Петровича Лермонтова и портрет самого Георга Лермонта, прозванного в России Юрьей, или даже Юшкой Лермонтом. И далее из Чухломы доехал до села Ножкина, где расположен Покровский Авраамиев Городецкий мужской монастырь. Судя по всем документам, именно здесь и был захоронен Георг Лермонт.

Поразительно, что и сейчас потомки Лермонта живут в Чухломе. Конечно, с поэтом у них очень дальнее родство, но тем не менее я встретился в этом городке с самым молодым продолжателем рода Лермонтовых. Зовут его Михаил Юрьевич Лермонтов. Студент костромского колледжа, к счастью, в эти дни приехал к родителям в Чухлому. Он мне рассказал, что, когда подавал документы в колледж, сначала не приняли, мол, смеется юноша: Михаил Юрьевич Лермонтов. Пришлось доказывать. Прямой продолжатель рода Лермонтовых внесен в «Поколенную книгу». И даже внешне он похож на своего великого родственника, правда, стихов не пишет.

Но меня, конечно, интересует прямой род, ведущий к нашему поэту. Так называемая «измайловская» линия. Один из сыновей Георга Лермонта — принявший православие Петр изменил фамилию на Лермонтов. У него было два сына — Евтихий, или Юрий, и Петр. Потом Лермонтовы так и стали называть своих сыновей или Юриями или Петрами. Сын Евтихия — Юрий был прадедом поэта. Ему и досталось сельцо Измайлово. Там и стояла до поры до времени помещичья усадьба. Я исходил ногами всю измайловскую землю, сейчас уже ничего не осталось от лермонтовского имения. И указателей для туристов пока нет.

Дед поэта, Петр Юрьевич Лермонтов, артиллерии поручик, родился все в том же Измайлове, но, самое интересное, там же, под Чухломой, в усадьбе Никольское родился в 1787 году и отец поэта Юрий Петрович. Историками Костромы обнаружен документ, подтверждающий рождение отца поэта в Галичском уезде Костромской губернии. Лишь в 1791 году дед поэта продал Измайлово и другие чухломские земли и перебрался в купленное небольшое имение Кропотово в Ефремовском уезде Тульской губернии.

Подросший Юрий Петрович считался уже тульским дворянином и был записан в родословную книгу дворян Тульской губернии. Насколько я знаю, туда же в 1829 году был вписан и его сын Михаил Юрьевич Лермонтов. Хотя, как считают историки, зафиксирован лишь один случай приезда в Кропотово юного Михаила Лермонтова в 1827 году, по пути из Тархан в Москву.

Увы, но не то что между чухломскими Лермонтовыми и Тарханами, но и между родным обедневшим отцом и родовитой бабушкой поэта связи почти не было.

Я не понимаю, почему боготворившая внука бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева, потакавшая всем его капризам, не допускала частого общения с отцом. Ведь умная была женщина, должна бы понимать, что сыну необходимо отцовское, чисто мужское внимание. Впечатлительному ребенку, каким-то чудом унаследовавшему от своего далекого шотландского предка пророческий дар, крайне необходимо было общение с отцом. Он и о своих шотландских корнях узнавал от него мельком, из редких разговоров.

Увы, великий русский поэт рос сиротой при множестве слуг. Он лишь интуитивно познавал то, что должен был знать в деталях и подробностях. А ведь именно отец, пожалуй, первым отметил редкий поэтический дар своего сына. В своем завещании Юрий Петрович писал: «…ты одарен способностями ума, — не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты

должен будешь дать отчет Богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце… Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание».

Кстати, не будь он подлинным отцом, а лишь «купленным» на бабушкины деньги, какое было бы ему дело до чужого ребенка после смерти жены? Зачем бы завещал он ему свое имение? Зачем следил бы за его творческими шагами? Впрочем, и отношения бабушки с отцом — увы, типичные отношения тещи и зятя, был бы это «нанятый» отец, бабушка за ним бы внимательно следила и опекала бы его всю жизнь. Ей же не нужен был ни кучер, ни чеченский абрек, ни французик, люди из черни, она бы тогда пыль с Юрия Петровича сдувала.

По воспоминаниям, собранным во второй половине XIX века чембарским краеведом Петром Кирилловичем Шугаевым, отец поэта, Юрий Петрович Лермонтов, «был среднего роста, редкий красавец и прекрасно сложен; в общем, его можно назвать в полном смысле слова изящным мужчиной; он был добр, но ужасно вспыльчив». Перед женитьбой на Марии Михайловне Арсеньевой, матери поэта, Юрий Петрович вышел в отставку в чине пехотного капитана. У Юрия Петровича Лермонтова были сестры, проживавшие в Москве.

Поместье Юрия Петровича Лермонтова, родившегося в 1787 году, — Кропотово (в настоящее время — село Кропотово-Лермонтово Становлянского района Липецкой области) — находилось по соседству с селом Васильевским, принадлежавшим роду Арсеньевых. Замуж за Юрия Петровича Мария Михайловна вышла после скоропалительной влюбленности, сумев уговорить свою маму, где-то между Рождеством и Великим постом (с 25 декабря 1813 года по 10 февраля 1814 года).

Мать поэта, Мария Михайловна, единственное дитя Михаила Васильевича Арсеньева, богатого помещика, и Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной, родилась в 1795 году. Это было хрупкое и музыкальное создание. Встретившись у родственников в имении Арсеньевых Васильевском в Тульской губернии с красивым офицером Юрием Лермонтовым, Маша влюбилась и вскоре вышла за него замуж, несмотря на предостережения матери. После свадьбы молодые стали жить в Тарханах, но болезненная молодая женщина рожать всё же поехала в Москву. Было ей в ту пору 19 лет. Семейные отношения не сложились, тем более что бабушка упорно не желала сближаться с мужем дочери. Спустя три года после рождения сына Мария Михайловна умерла от чахотки в феврале 1817 года. Похоронили в Тарханах. На камне было высечено: «Под камнем сим лежит тело М. М. Лермонтовой, урожденной

Арсеньевой. Скончавшейся 1817 года февраля 24 дня в субботу. Житие ей было 21 год 11 месяцев и 7 дней».

Вот здесь, увы, пора остановиться и перейти к разбору той грязной версии о рождении поэта, которую в наше пошловатое время раздувает кое-кто из лермонтоведов.

Тем более я убежден, что странным извилистым путем, из шотландского графства Файф, от древних шотландских рыцарей и бардов дорога лермонтовского рода через доброе столетие чухломской русской православной истории пролегла в Кропотово и далее в Тарханы.

Русский народ издревле только обогащается прививками иных кровей: викингов, кельтов, германцев, поляков, азиатских и кавказских народов, русифицируя все самые неожиданные влияния и вливания. Вот и род шотландских кельтов нашел свое славное продолжение в великом русском поэте. Но никуда не деться и от столетнего чухломского влияния на генетическую память рода. К тому же у наших чухломских Лермонтов жены были как на подбор, из кондовых славянских семей.

Но прежде чем мы продолжим славную историю славяно-кельтского древнего рода, отвергнем пасквили наших доморощенных остепененных пошляков. Мне не страшны ни чеченцы, ни евреи, ни крепостные крестьяне, все люди на земле полезны. Но такой юный гений, как Михаил Лермонтов, не мог появиться сам по себе, без древних корней. Все придуманные версии никак не соотносятся с проявлением гениальности.

Увы, Михаил Лермонтов и при жизни, и после смерти, и в царское, и в советское, и особенно в нынешнее время, из всех наших гениев больше всех подвергался нападкам, поэт оказался «удобен» для сочинения самого разного рода сплетен и фантазий.

Поразительно, что часто эти сплетни пропагандируются более-менее известными лермонтоведами. Вот уж, на самом деле, трупоеды! Казалось бы, возненавидели вы его непростой характер, невзлюбили, так выберите другую тему, займитесь более удобным для вас писателем. Зачем сопредседатель Лермонтовского комитета и, кстати, председатель Лермонтовского комитета Союза писателей России В. А. Захаров опубликовал в наше перестроечное время статейку еще одного именитого лермонтоведа В. А. Мануйлова «Лермонтов ли Лермонтов?», написанную тем еще в 1973 году? Ради свержения русского гения с пьедестала? Ради скандальной, дурно пахнущей славы?

Я не собираюсь оправдывать и Мануйлова, который, мол, прятал до самой смерти в 1987 году эту статейку у себя в письменном столе. Написал, значит, захотелось поиздеваться над

своим кумиром хотя бы исподтишка. Шутка, мистификация? А есть ли просто исследовательское чутье, есть ли интуиция истинного ученого? Мануйлову якобы пришлось еще в сентябре 1936 года разбирать безграмотное сочинение школьника из Тархан, некоего А. Абакумова, собравшего все байки старушек, о таинственной любви семнадцатилетней аристократки Маши Арсеньевой и крепостного кучера ее матери. Вот от кучера юная леди и «понесла», а бабка, дабы прикрыть грех дочери, нашла бедного дворянина Юрия Петровича Лермонтова и за солидную сумму уговорила его взять в жены свою распутную дочку. Может быть, в 1936 году и понадобилось кому-то из местных чиновников придумать народное происхождение великого русского поэта, избавившись от каких-то шотландских корней, но высокое начальство эту версию явно не поддержало. Разврат молодых девиц в сталинское время не особенно приветствовался. Всё остальное — полнейшая чепуха.

Среди крепостных Арсеньевых историки не нашли ни искомого кучера, не нашли и следов бабок, якобы хранивших эту историю. И возможно ли было в начале сурового, патриархального XVIII века, чтобы знатная девица спуталась с каким-то крепостным кучером? Это еще помещики своих крепостных девок «пользовали». Даже замужние барыни во время длительных отлучек своих аристократических мужей на военной службе или в столицах могли подыскать себе на время приличного крепостного мужичка из прислуги. Но молодая девица была бы навеки опозорена. Это во-первых. Да и народ об этом бы не молчал сто с лишним лет, аж до 1936 года. Даже в самые смутные времена революций и бунтов, во времена освобождения от крепостного права, во времена нигилистов и разночинцев, когда сочинялись якобы лермонтовские стихи «Прощай, немытая Россия», никто не пожелал рассказать байки о крепостном отце поэта.

Во-вторых, случись подобное на самом деле, то получивший солидные деньги бедный дворянин после смерти своей, навязанной ему, супруги убежал бы подальше и от сумасбродной бабки, и от чужого ему сына. Зачем ему было общаться с ним, писать свое завещание, зачем ему было любить чужого человека, с которым по воле бабушки он и виделся не часто после смерти жены? Зачем ему было отписывать чужому сыну половину своего имения Кропотово?

Этот навет справедливо осудили и известные деятели культуры в газете «Культура», и лермонтовед Д. Алексеев в «Литературной России». Но Захарову неймется: вот он уже и в «СПИД-инфо» в недавнее время изложил столь скандальную

версию. Его даже не смущает, что сама публикация подобных сплетен в такой желтой газете, как «СПИД-инфо», выдает лжеученого с головой. Подхватывают его версию и разного рода любители сенсаций в областных газетах. Скажем, в Ярославле на Лермонтовских чтениях Захаров говорит журналистам:

«— Ну хотя бы происхождение Лермонтова. О его папеньке с маменькой, о том, где и как они познакомились, при каких обстоятельствах поженились, ничего не известно. Церковных записей об их венчании так и не обнаружилось.

— В книге у вас есть раздел со странным названием „Лермонтов ли Лермонтов?“. Не соскучишься.

— Так назвал свою рукопись мой учитель, составитель „Лермонтовской энциклопедии“ академик Виктор Мануйлов. Статью он написал еще в начале 70-х годов, опубликовать же ее так и не решился. Как раз работал над энциклопедией и поостерегся попасть в немилость к литчиновникам. Передал рукопись мне уже в следующем десятилетии с наказом „докопаться до истины“. Вопрос поставил ребром: кто в действительности был отцом поэта?

— Неужели не отставной майор Юрий Петрович Лермонтов, как нас в школе учили, коего Мишель нежно называл „папенькой“?

— На чтениях в Ярославле я хотя бы отчасти, надеюсь, вопрос прояснил. Суть его в том, что по легенде старожилов пензенских Тархан, где в усадьбе бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой прошло детство поэта, отцом его был крепостной кучер. Чтобы скрыть грех дочери, а за внуком сохранить дворянские привилегии, хозяйка усадьбы сумела-таки сосватать ее с отставным майором Лермонтовым. Приплачивала ему за это, те закладные бумаги сохранились… (Кстати, откуда взялся отставной майор? Он, похоже, с Мартыновым спутал отца поэта, Юрий Петрович Лермонтов в отставке с 7 ноября 1811 года капитаном „за болезнию с мундиром“. — **В. Б.)**

— Как же нам тогда понимать хрестоматийную юношескую строку поэта „В горах Шотландии моей“? Сказано же — „моей“.

— В юности под воздействием, скорее всего, рассказов Юрия Петровича о шотландских корнях рода, о предке поэта Томасе Рифмаче Мишель весь был в испанцах и шотландцах. Когда же ему исполнилось шестнадцать, бабушка, предполагаю, открыла внуку тайну его рождения. Шотландские мотивы в стихах Лермонтова исчезли. Зато он написал стихотворение с такими начальными строками: „Ужасная судьба отца и сына, жить розно и в разлуке умереть“…»

Не думаю, чтобы безумно любящая внука Елизавета

Алексеевна стала бы ему в 16 лет рассказывать об отце из дворовых крестьян. Не стала бы она и давать вольную такому кучеру, изничтожила бы. Да и куда подевался потом этот вольный папаша?

Еще сумасброднее версия некоей журналистки из Грозного Марьям Вахидовой, опубликовавшей целую книгу «М. Лермонтов-Таймиев, или Тайна рождения поэта». По ее версии, и родился-то поэт на три года раньше (где скрывали от всех крепостных?), и чиновники царские его невзлюбили, и сам император Николай I, потому что знали, отец его чеченец, враг России. И якобы сам Михаил Лермонтов эту тайну хорошо знал. И не убивали его чеченцы, потому что все они знали, что он «свой». А вот сам Михаил Лермонтов со своей диверсионной группой немало чеченцев перерезали кинжалами и саблями. Что же он, мстил своему отцу?

Не удивлюсь, если найдут Лермонтову отца-татарина, киргиза, поляка… И при этом без малейших на то оснований. Кстати, та же Вахидова, подобно израильскому историку Савелию Дудакову, тоже ссылается на Ираклия Андроникова. Что-то запутался наш славный лермонтовед в отцах поэта. Вот пишет Дудаков: «…уникальные сведения о происхождении поэта автору этих строк сообщил в 1964 году пушкинист Виктор Азарьевич Гроссман (автор нашумевшего романа „Арион“). При этом он ссылался и на Ираклия Андроникова как человека, знавшего эту тайну. Отцом Михаила Юрьевича якобы был французский еврей Ансельм Леви (Levis), личный врач бабки поэта Арсеньевой. Косвенным подтверждением „неблагополучия“ в этом вопросе является перезахоронение праха Юрия Лермонтова в Тарханах». При чем здесь перезахоронение отца поэта Юрия Петровича, чей прах перенесли из тульского имения в Тарханы? Скорее, это подтверждение истины.

А вот что пишет Марьям Вахидова: «И И. Андроников это знал! Он об этом сам сказал молодому чеченскому филологу-лермонтоведу, прикрепленному к нему в помощники, когда приезжал в Чечню посетить лермонтовские места там.

…Он ведь был наполовину чеченцем.

— Лермонтов чеченец?

— Это всё она, бабка поэта! — плакал Ираклий, — узнала, что 17-летняя дочь ждёт ребенка, и увезла ее из Чечни! Как я ненавижу вас, чеченцев! Я с двух лет рос без отца по вине вашего народа, а теперь вот и Лермонтова моего забрали!

Но на расспросы этого филолога (Ибрагима Алироева) сказал только: „Я знаю тайну рождения Лермонтова, но никогда об этом не напишу!..“»

Может, их свести вместе: Вахидову и Дудакова, пусть разберутся между собой, что и кому сказал Андроников. Заодно пусть и крепостной кучер Захаров с ними разберется, и все остальные любители досужих сплетен. И где были все его отцы, когда поэт стал знаменитым?

К тому же, при всей любви к Кавказу и горам, поэта всегда тянуло на родной Север.

О прозе и поэзии Лермонтова писали уже с 1830-х годов все газеты и журналы, все Белинские, Булгарины и Гоголи. Уж добрались бы до своего сынка и француз, и кучер, и еще кто-нибудь, ежели тем более он был плодом горячей любви взрослого простолюдина и юной столбовой дворянки…

Как и положено в подобных случаях, занявшись разоблачениями Лермонтова и его биографии, Захаров не остановился на истории незаконнорожденного ребенка. Дальше пошли в ход и восхваление убийцы Мартынова, возвеличивание его поэзии, уверения в ужасном характере Лермонтова. Даже появились какие-то экскурсанты-врачи, посетившие единожды Тарханы, по портрету быстро установили, что Лермонтов был рахитиком, и сообщили об этом Захарову. Встав на путь сомнительных сенсаций, этот лжеученый и дальше будет выдавать на-гора любые самые невероятные вымыслы. Боюсь, скоро объявит плагиатом и все его стихи. Вот уж верно: «Осторожно, сенсация!»

Такая статья о лжелермонтоведении была опубликована В. А. Мануйловым. Жаль, что ученый и сам увлекся заманчивыми версиями. Только откуда у сына крепостного кучера такая всемирность, откуда такая любовь к горам, откуда мистическое проникновение в глубины духа? Это еще в 1936 году были в ходу рабоче-крестьянские версии. Свинарка и пастух творили новые миры. Хотя и в те, послереволюционные времена Сергей Есенин признавался, что и он, и Николай Клюев из высшего образованного слоя крестьянства. Мол, притворяемся простыми крестьянами, а сами-то родом из книжных людей вышли. Так оно и было.

«Ты светом осужден…» — писал своему отцу в 1831 году Михаил Лермонтов, якобы уже знавший о подлинном своем отце. Кто же «осужден светом» — безвестный чеченский абрек, французишка-лекарь или же крепостной кучер? Свет не интересовали эти люди. Нет же, осужден светом обнищавший дворянин Юрий Петрович Лермонтов… Впрочем, чем больше отцов появится, тем более нелепой будет выглядеть сама ситуация.

Я бы и не стал обо всем этом писать, если бы не ставил перед

собой цель: понять истоки древнего рода, давшего России великого русского гения.

И потому, надеюсь, к двухсотлетию великого гения под грузом всех этих домыслов наши культурные правители все-таки организуют самую точную генетическую экспертизу. И не надо никого посылать в Шотландию к древним предкам поэта, есть отец, есть его вещи, есть и сейчас родственники отца, вот и проверьте все с лермонтовскими вещами, с его поэтической кровью, оставшейся на одежде, в которой он погиб.

А вот в Чухломе и Галиче, в Авраамиевом Городецком монастыре исследователям Лермонтова пора бы побывать. Подышать воздухом земель русских Лермонтовых. Тем более в обители погребен прах не только первого русского Лермонта, но и многих других продолжателей рода Лермонтовых. Ныне ассоциацией «Лермонтовское наследие» в память погребенных в обители их предков возведена лермонтовская часовенка. Там можно и помолиться за великого русского поэта, вспомнить его вечные строки:

Одну молитву чудную
Твержу я наизусть…
По небу полуночи Ангел летел
И тихую песню он пел…
Ночь тиха.
Пустыня внемлет Богу…

«Ужасная судьба отца и сына…»

Прежде чем начать рассказывать о судьбе великого поэта, я считаю нужным закончить историю его отцовского рода.

Тем более, мне кажется, многие исследователи творчества Михаила Юрьевича Лермонтова излишне подробно говорят о его сложном характере, одиночестве и личной неприкаянности, о его сосредоточенности на себе, вспышках уныния и отчаяния, дисгармоничности его жизни, не вникая в причины, породившие душевную смуту поэта.

Ему было лишь три года, когда умерла его мать, Мария Михайловна, но ведь еще долгие годы был жив отец, жива была любящая бабушка, многочисленная родня, казалось бы, можно и сохранить семейную гармонию маленького Михаила. Но, увы, мальчик, наделенный великим даром поэтического пророчества, рос в обстановке вечных семейных неурядиц. Отца практически вычеркнули из жизни поэта. И как ему, малышу, затем подростку, трудно было налаживать свою собственную внутреннюю гармонию между горячо любимым им отцом, за которым он интуитивно чувствовал кроме родства еще и древность рода, и отторгающей отца, но тоже горячо любимой внуком бабушкой, столь много делавшей для своего внука. Примеров подобных семейных трагедий и в прошлом, и в настоящем, и в будущем множество — и в России, и по всему миру. Вроде бы слепая любовь к внуку, бабушка готова сделать для него всё что угодно, завести в имении оленей и карликов, возить с собой повсюду целую свору мальчишек схожего возраста, чтобы Мишелю было с кем поиграть, но с женской непримиримостью и какой-то слепотой после смерти дочери бабушка лишила своего внука общения с родным отцом, по которому Михаил очень тосковал. Мне кажется, среди причин, повлиявших позднее на Лермонтова, на его поступление в Школу юнкеров, было и желание пойти путем отца и деда, императорских офицеров. Поэтому он после смерти отца бросил университет и ушел на военную службу, чтобы хоть в этом быть ближе к отцу и его судьбе.

Эта слепая любовь бабушки сначала к единственной дочери, затем к внуку, думаю, послужила частично причиной разлада между Юрием Петровичем и его женой. Впрочем, позже Елизавета Алексеевна об этом пожалела. В период его жизни в Москве она пишет: «Всё там сидит (у отца. — **В. Б**.*),* сюда не заглянет. Экой какой он сделался!.. Бывало, прежде ко мне он был очень привязан, не отходил от меня, как мал был. И напрасно я его удалила от отца, там его умели уверить, что я отняла у отца

материнское имение, как будто не ему же это имение достанется. Кто станет покоить мою старость?… И всё пошло не впрок…»

Увы, на дарованную свыше гениальную неземную запредельность его поэтического видения наложилась самая заурядная распря властной хозяйки Тархан (мол, всё дело в имении и наследстве, из-за него и нелады) со своим зятем. Елизавета Алексеевна, обожавшая свою единственную дочь, хрупкую и болезненную Машеньку, уступила ее желанию повенчаться с приглянувшимся ей молодым отставным офицером. После свадьбы и даже после рождения внука сближаться с зятем не пожелала: она доверила ему управлять хозяйством в Тарханах, где поселились молодые, но отдать свою власть и влияние над дочерью и доверить ему воспитание внука Елизавета Алексеевна даже не собиралась. Вот так в душе совсем еще юного Михаила Лермонтова закипели нешуточные страсти.

Рожать сына, по хворому своему состоянию, Мария Михайловна вместе с мужем и матерью и многочисленной челядью отправилась в Москву, в трехэтажный каменный дом у самых Красных Ворот. Там в ночь со 2 на 3 октября 1814 года и родился в Москве великий русский поэт. Крещен был 11 октября и по настоянию бабушки назван в честь деда Михаилом. Сохранилось и свидетельство о его рождении:

«…Из Московской Духовной Консистории вдове гвардии поручице Елизавете Алексеевой Арсеньевой в том, что вы, Арсеньева, просили дать вам свидетельство о рождении и крещении внука вашего родного, капитана Юрия Петровича Лермантова сына Михаила, прижитого им от законного брака, для отдачи его к наукам и воспитанию в казенные заведения, а потом и в службу, где принят быть может, объявя, что родился он в Москве, в приходе церкви Трех Святителей, что у Красных ворот, 1814 года октября 2 дня. По справке в Консистории оказалось, в метрических упоминаемой Трех-Святительской, что у Красных ворот, церкви тысяча восемьсот четырнадцатого года книгах написано так: „Октября 2-го в доме господина покойного генерал-майора и кавалера Федора Николаевича Толя у живущего капитана Юрия Петровича Лермантова родился сын Михаил. Молитвовал протоиерей Николай Петров, с дьячком Яковым Федоровым, крещен того же октября 11 дня, восприемником был господин колежский асессор Васильев, Хотяиницов, восприемницею была вдовствующая госпожа гвардии поручица Елизавета Алексеевна Арсеньева, оное крещение исправляли протоиерей Николай Петров, дьякон Петр Федоров, дьячок Яков Федоров, пономарь Алексей Никифоров. Почему Московскою Духовною Консисториею определено вам, вдове гвардии поручице

Арсеньевой, с прописанием явствующей справки дать (и дано) сие свидетельство для прописанной надобности: октября 25 дня 1827 года.

На подлинном подписали:

Николо-Лесновский протоиерей Иоанн Иоаннов, секретарь Савва Смиренов, повытчик Александр Лисицын.

С подлинным верно: колежский регистратор Борисов.

Подлинное свидетельство получал обратно студент Михаил Лермантов“.

У сего свидетельства Его Императорского Величества Московской Духовной Консистории печать».

Счастливая жизнь супругов продолжалась недолго, виной тому и болезненность жены. Но я согласен с первым биографом поэта П. А. Висковатым, что «…ревнивая любовь матери к дочке, при недоброжелательстве к мужу ее, усугубила недоразумения между ними». Не будем оправдывать и обелять отца: после размолвок с супругой нашлась там же в Тарханах, прямо в имении особа, ставшая возлюбленной Юрия Петровича. Это еще более накалило атмосферу в доме. Да и чисто лермонтовский взрывной характер противоречил всей устойчивой атмосфере в обширном имении Арсеньевых. Хотя, как говорят, крепостные очень уважали его, называли «добрым, даже очень добрым барином». Сами Столыпины и Арсеньевы считались даже в нравах того времени крепостниками. Всё это и привело к тому, что после смерти от чахотки матери Михаила Лермонтова, Марии Михайловны, в 1817 году, на двадцать втором году жизни, по сути, ее мужу, ставшему вдовцом, Юрию Петровичу было отказано от дома. Жить с отцом своего внука властная бабушка не пожелала.

Через девять дней после смерти жены Юрий Петрович Лермонтов уехал в тульское Кропотово. Сын остался без отца. Можно бы и поупрекать его, как делают иные, что же отец бросил своего сына, вот и виноват, обрек на одиночество. Можно и позлословить по поводу его отцовства. На самом-то деле, уехав в Кропотово, отец потребовал к себе сына. Не кто иной, как граф Сперанский пишет уже 5 июня 1817 года брату бабушки, Аркадию Алексеевичу Столыпину: «Елизавету Алексеевну ожидает крест нового рода: Лермонтов требует к себе сына и едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорят, худой человек; таков, по крайней мере, должен быть всяк, кто Елизавете Алексеевне, воплощенной кротости и терпению, решится делать оскорбление». Такие нравы царили в высшем свете того времени, впрочем, царят и доныне, попробуй у знатной барыни отобрать собственного родного сына, сразу и негодяем станешь в глазах

всего «света». Об этом и пишет отцу в своем стихотворении 1831 года Михаил Лермонтов:

Ты светом осужден.
Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.
‹…›
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О, если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

Откуда было знать шестнадцатилетнему подростку, что не по своей воле уединился от сына Юрий Петрович в Кропотове. Бабушкой всё было сказано прямо и более чем жестко. Если отец забирает сына к себе, то всё свое наследство Елизавета Алексеевна передает роду Столыпиных, внуку не оставляет ничего. Да и в воспитании бабушка отказывалась принимать какое-либо участие. Никаких воспитателей, никаких пансионов. Елизавета Алексеевна готова была щедро тратиться на внука, безмерно баловать его, не жалеть денег на образование, но… в том случае, если она сама распоряжается его судьбой. По завещанию 1817 года внук, для того чтобы вступить в будущее наследование всем ее имуществом и капиталами, обязан был оставаться у своей бабушки. Право безраздельно распоряжаться судьбой внука она затвердила завещанием, в котором объявляла его своим единственным наследником — только при условии отказа зятя брать сына к себе. Юрий Петрович вынужден был пойти на эту жертву, так как не мог обеспечить его будущее.

Вот уж, на самом деле, «ужасная судьба отца и сына». Из-за не меньшей любви к своему сыну, чем любовь бабушки, дабы сын мог получить достойное образование, был окружен заботой, не остался нищим, отец сам, добровольно отказался от личного воспитания. И пусть любители светских сплетен повторяют версию, что за отказ на просьбу увезти сына к себе в имение Юрий Петрович получил от Арсеньевой 25 тысяч рублей. Впрочем, совсем уж оголтелые сплетники приводят эту же сумму, как деньги, полученные за усыновление чужого ребенка. Но серьезные исследователи доказывают, что деньги эти получены были Юрием Петровичем вполне заслуженно, как договоренное приданое за дочь. Скорее, можно упрекнуть Елизавету

Алексеевну, что она так долго тянула с передачей денег зятю и дочери, дождалась уж и смерти дочери, и лишь позже, может, и впрямь для смягчения требований Лермонтова в отношении сына, вернула вполне законные его деньги.

Но душа ребенка искренне требовала отца, о котором лишь доносились разные враждебные слухи. Маленький Мишель вспоминал и свою мать, ее песни, но никогда не забывал и об отце, тому свидетельством те стихи, которые юный поэт посвятил отцу. «Я видел тень блаженства; но вполне» (заключительная строфа), «Пусть я кого-нибудь люблю» (зачеркнутая в автографе третья строфа), «Эпитафия» («Прости! увидимся ль мы снова?»). Взаимоотношения между любимыми отцом и бабушкой легли в основу несовершенных его юношеских пьес: «Странный человек» и «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти»), где герой пьесы говорит: «У моей бабки, моей воспитательницы — жестокая распря с отцом моим, и это все на меня упадает». Но, как бы воинственно ни были настроены против отца обитатели Тархан, сам Михаил Лермонтов не спешит занимать чью-либо сторону и тянется к отцу. «Ужасная судьба отца и сына». Она и на самом деле ужасна. И для отца — Юрия Петровича Лермонтова, и для его сына, великого русского поэта.

Я как-то подумал, а может быть, лучше было бы Юрию Петровичу и не оставлять Михаила у богатой и знатной бабки? Пусть и вырос бы в бедности, не имел ни слуг, ни заграничных гувернеров, может, и языков бы так хорошо не знал, всё равно, как и другие разночинцы, до университета бы дотянулся, но, естественно, не было бы престижной Школы юнкеров, не было бы войн и дуэлей. Гений-то его никуда бы не девался. Может, и дожил бы русский гений до 1880-х годов, история литературы нашей пошла бы совсем по другому пути. Но не будем гадать: если бы да кабы…

Сын оказывается вдалеке от отца и пишет ему проникновенные и горестные стихи. Кстати, вроде бы своей любимой бабушке Михаил Лермонтов не посвятил ни одного стихотворения; да и в пьесах своих был явно не на ее стороне. Он не желает быть судьей любимого человека:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай Бог, чтобы, как твой, спокоен был конец

Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!

Читатель, обратите внимание, как поэт интуитивно чувствует связь своего поэтического дара с фамилией отца. Борясь с влиянием отца в Лермонтове, боролись и с «огнем божественным, от самой колыбели горевшим…» в его душе. Но тщетны были старания и тех, кто хотел загасить божественный огонь таланта, и тех, кто хотел навсегда поссорить его с отцом. «Мы не нашли вражды один в другом…»

Вторично отец попробовал хотя бы на время увезти к себе сына уже в 16 лет. Но вновь властная бабушка настояла на своем. Как пишет Павел Висковатый:

«Речь зашла о том, где продолжать воспитание Мишеля. Думали везти молодого человека за границу: бабушка мечтала о Франции, а отец о Германии. Чем более приближалось время окончательной перемены судьбы Михаила Юрьевича, тем более обострялось взаимное нерасположение тещи и зятя. В Юрии Петровиче прорывалась накипевшая годами злоба и желание вознаградить себя за долгую разлуку с сыном; в Елизавете Алексеевне проснулся весь страх за потерю самого дорогого в жизни. Вся борьба между ними сосредоточилась теперь на 16-летнем мальчике. К кому он прильнет? Кто одержит верх?… Крепко ухватились обе стороны за ревниво любимого юношу. Добром это не могло кончиться. Кажется, каждый готовился выпустить его только с жизнью, но трагизм положения всею тяжестью давил молодого поэта. Конечно, он давно, как только стал мыслить, — а мысли зашевелились в нем рано, — понял, что между отцом и бабушкой что-то неладно. Он давно это чуял, давно страдал под этим сознанием. Положение высокоодаренного мальчика между аристократической бабушкой и каким-то, редко видаемым, бедно обставленным отцом было тяжелое. Там где-то есть отец, которого появление в доме неприятно бабушке, но который ему мил и дорог, а здесь вокруг сына его — богатая обстановка, и любовь и уход… Но почему же не любят того, кто ему так дорог? Почему он исключен из круга родных, почему он не может пользоваться тем же, чем пользуется сын?… Эта мысль,

может быть, еще более привязывала мальчика к отцу. Он его жалел, а кто жалеет любя, тот вдвойне любит… Весь ужас положения ему не представлялся еще. Вероятно, и бабушка, и отец, оба любя его, берегли его. И вдруг все от него скрываемое открылось, страсти разнуздались, пошли взаимные обвинения, уличения и вечная апелляция к его чувству, к любви его, к долгу, к благодарности. Мальчик изведал страшную пытку, — тем более страшную, что все его воспитание, любовь и баловство увеличили и без того в высшей степени сильную впечатлительность… Наконец вопрос для Михаила Юрьевича был поставлен ребром. Бабушка и отец поссорились окончательно. Сын хотел было уехать с отцом, но тут-то и началась самая тонкая интрига приближенных, с одной стороны, бабушки, с другой — отца. Бабушка упрекала внука в неблагодарности, угрожала лишить наследства, описывала отца самыми черными красками и, наконец, сама, под бременем горя, сломилась. Ее слезы и скорбь сделали то, что не могли сделать упреки и угрозы, — они вызвали глубокое сострадание внука. Его стала терзать мысль, что, решившись ехать с отцом, покидая старуху, он отнимает у нее опору последних дней ее. Она дала ему воспитание, ей он обязан уходом в детстве, воспитанием, богатством, всем, кроме жизни, правда, но жизнь-то на что же?… Ему казалось, что в несколько дней он приблизил бабушку к могиле, что он неблагодарен к ней… Свои сомнения он высказывает отцу. Отец же, ослепленный негодованием на тещу за ее непонимание его, за нанесенные оскорбления, да, может быть, и под влиянием интриги, подозревает сына в желании покинуть его, остаться у бабушки. Семейная драма дошла до высшего своего развития. Что тут произошло опять, мы знать не можем, но только отец уехал, а сын по-прежнему оставался у бабушки. Они больше не виделись, — кажется, вскоре Юрий Петрович скончался…»

Михаил Лермонтов перенес в это время страшные внутренние мучения, катастрофа, разыгравшаяся у него на глазах, чуть не довела его до самоубийства. Маленького Мишеля в дни приезда отца в Тарханы по каким-нибудь делам (а на самом деле, ради встречи с сыном) срочно увозили из имения, годами не давая возможности видеться. Обыкновенные барские интриги. Лишь единожды его в 1827 году завезли к отцу по пути из Тархан в Москву, и только в годы учебы в Москве отец получил возможность с ним встречаться. Его биографией никто особо не интересовался, до сих пор неизвестно, где скончался отец в 1831 году: у себя в имении Кропотово или в Москве. Но Павел Висковатый предполагает, и я согласен с ним, что, судя по всему, Михаил Лермонтов был на похоронах своего отца, ибо умер он в

Москве, лишь затем перевезен на кладбище в село Шипово, что неподалеку от Кропотова. Процитирую еще раз Висковатого:

«Что сразило его [Юрия Петровича] — болезнь или нравственное страдание? Может быть, то и другое, может быть, только болезнь. Верных данных о смерти Юрия Петровича и о месте его погребения собрать не удалось… Впрочем, рассказывали мне тоже, будто Юрий Петрович скончался в Москве и что его сын был на похоронах. Возможно, что стихотворение „Эпитафия“, находящееся в черновых тетрадях 1830 года, относится к отцу. Из него можно понять, что Михаил Юрьевич был на похоронах или у гроба отца».

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал…
Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Небрежный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья [12].

Уже перед своей смертью в 1831 году Юрий Петрович написал «Духовное завещание», в котором с отцовской проницательностью написал о великом поэтическом даре своего сына. По сути, отец и был первым критиком Михаила Лермонтова. Одно это завещание перечеркивает все наветы иных горе-лермонтоведов и тщетные попытки других объявить отцом поэта другого человека.

«Во имя Отца, Сына и Св. Духа. Аминь.

По благости Милосердного Бога, находясь в совершенном здравии души и тела, нашел я за нужное написать сие мое родительское наставление и, вместе, завещание тебе, дражайший

сын мой Михаил, и, как наследнику небольшого моего имущества, объявить мою непременную волю, которую выполнить в точности прошу и заклинаю тебя, как отец и христианин, будучи твердо уверен, что за невыполнение оной ты будешь судиться со мною перед лицом Праведного Бога. Итак, благословляю тебя, любезнейший сын мой, Именем Господа нашего Иисуса Христа, Которого молю со всею теплою верою нежного отца, да будет Он милосерд к тебе, да осенит тебя Духом Своим Святым и наставит тебя на путь правый: шествуя им, ты найдешь возможное блаженство для человека. Хотя ты еще и в юных летах, но я вижу, что ты одарен способностями ума, — не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные за что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце, — не ожесточай его даже и самою несправедливостью и неблагодарностию людей, ибо с ожесточением ты сам впадешь в презираемые тобою пороки. Верь, что истинная нелицемерная любовь к Богу и ближнему есть единственное средство жить и умереть покойно.

Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которое я мог замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобою.

Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самою чувствительнейшею для себя потерею, и Бог вознаградил меня, ибо вижу, что я в сердце и уважении твоем ко мне ничего не потерял.

Прошу тебя уверить свою бабушку, что я вполне отдавал ей справедливость во всех благоразумных поступках ее в отношении твоего воспитания и образования и, к горести моей, должен был молчать, когда видел противное, дабы избежать неминуемого неудовольствия.

Скажи ей, что несправедливости ее ко мне я всегда чувствовал очень сильно и сожалел о ее заблуждении, ибо, явно, она полагала видеть во мне своего врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мною женщины!..

Но Бог да простит ей сие заблуждение, как я ей его прощаю…

Выполнением в точности сего завещания моего, дражайший сын мой, ты успокоишь дух отца твоего, который, в вечности, благословлять и молить за тебя у Престола Всевышнего будет.

Сего 1831 года генваря 28-го дня.

Отец твой Юрий Петров Лермонтов».

Позже, отстрадав сполна, став уже окончательно полным сиротой, Михаил Лермонтов пишет еще одно пронзительное

стихотворение, посвященное своей судьбе, гибели отца и матери.

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом; —
В ней соку нет, хоть зелена, —
Дочь смерти — смерть ей суждена [13]!

И как же можно, не разбираясь в судьбе его родителей, писать целые книги, посвященные его личной неприкаянности и ненужности в миру людском, ежели поэт сам написал после смерти отца: «Ненужный член в пиру людском…»

Когда из самых, может быть, лучших побуждений бабушка поэта почти насильно прервала их встречи с отцом, когда практически завершилась связь поэта со всем древним лермонтовским родом, он и был обречен на гордыню и одиночество. Прах отца покоился на кладбище в селе Шипове, но уже в XX веке по инициативе Ираклия Андроникова он был в 1974 **году** перенесен в Тарханы.

То-то взъярился, небось, дух покойной властной Елизаветы Алексеевны. Впрочем, сегодня (как всегда, когда дело касается судьбы Лермонтова) нашлись ученые (тот же Захаров), которые считают, что прах был перепутан, и в Тарханы перенесли захоронение случайного человека. Не знаю, надо ли было переносить прах, больно уж неуютные у Юрия Петровича соседи оказались. Да и чем больше святых мест на Руси, тем лучше. А я думаю, прах отца великого поэта никогда не забылся бы. Скорее, он был бы на месте даже не в Кропотове, а в родовом чухломском поместье, рядом с другими Лермонтовыми. Но и тревожить перезахороненные кости тоже ни к чему. Давно уже нет ни храма в Шипове, ни самого кладбища, все споры просто неуместны. Экспертиза проводилась достаточно тщательно, и надо ли в наше более чем смутное время громоздить новые версии?

В Пятигорске меня водили на самые разные места якобы «истинной первой могилы поэта», показывали разные места его дуэли. Что уж говорить о могиле отца. Но какое дело земным соглядатаям до всего этого клубка страстей? Там, на небе, всё известно, и в литературе нашей гений русского поэта будет только всё более возвышаться. А стихи как были гениальными, так и останутся.

«И кругом родные всё места…»

Родился Мишель Лермонтов в Москве в ночь со 2 на 3 октября 1814 года. Но уже в начале весны вместе с обозом Юрий Петрович, Мария Михайловна с грудным младенцем и дворовыми людьми отправились в имение Елизаветы Алексеевны Арсеньевой в Тарханах, что в Чембарском уезде Пензенской губернии. Там и прожил почти безвылазно Мишель Лермонтов первые 12 лет, там, на пензенских просторах, и обрел окончательно свою русскость.

Село Тарханы первоначально называлось Никольское-Яковлевское и принадлежало Нарышкиным. Крепостные крестьяне кроме хлебопашества занимались скорняжным промыслом, скупали мед, сало, шерсть, шкуры и торговали этим на ярмарках далеко за пределами села. Таких скупщиков, разъезжавших по селам, называли тарханами. Отсюда новое название села — Тарханы.

Вот как описывает усадьбу и окрестности историк XIX века Н. Рыбкин: «Это было большое здание с антресолями: кругом его был сад, спускавшийся к оврагу и пруду. По оврагу бежал ключ, в некоторых местах не замерзавший и зимою. За оврагом виднелась огромная гора, и к ней тянулся лес, и лес казался без конца, утопая где-то вдали…»

Нарышкины купили это имение в 1762 году, заселено оно было выходцами с Русского Севера. До сих пор местные жители Тархан по северному бкают и придерживаются севернорусских традиций. Там и впитал в себя юный Мишель язык своего будущего героя купца Калашникова. Там и увидел впервые на большом Барском пруду кулачные бои, позже даже сам организовывал их. Позже он и описал свои впечатления в поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837):

Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
‹…›
Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,

А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрит пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

Да и фамилию для главного героя поэт взял, насколько известно, также тарханскую: здесь во времена Лермонтова жили Калашниковы. Возможно, кто-либо из Калашниковых участвовал в кулачном бое в Тарханах в 1836 году, устроителем которого был сам приехавший из Петербурга молодой офицер Михаил Лермонтов. О том в 1881 году П. А. Висковатый узнал от 80-летней тарханской крестьянки Аграфены Петровны Ускоковой. «…А билися на первом снеге, — рассказывала она. — Место-то оцепили веревкой — и много нашло народу; а супротивник сына моего прямо по груди-то и треснул, так значит, кровь пошла. Мой-то осерчал, да и его как хватит — с ног сшиб. Михаил Юрьевич кричит: „Будет! Будет, еще убьет!“…»

На восточной стороне имения находились дубовые рощи, где начиналась небольшая речушка Милорайка. По ее руслу Арсеньевыми были устроены пруды, окружавшие усадьбу с трех сторон — Большой, Средний и Верхний, или Барский. На восточном берегу Милорайки два сада — Средний и Дальний с декоративными участками; на западном берегу — Круглый сад, соединенный липовой аллеей с дубовой рощей.

На бой друг против друга сходились две стороны Тархан, расположенные на противоположных берегах Большого пруда. Бугор и Овсянка спускались к плотине от «казенного амбара», находившегося неподалеку от сельской церкви. Противоположная сторона — Яшинка и Ильинка — готовилась к бою на возвышении, откуда дорога спускается к пруду. Сойдясь на плотине и на льду, вызывали друг друга. Так начинался бой.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небойсь, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием…»

Разве что вместо Москвы-реки был для кулачных боев приспособлен самый большой Барский пруд. «Все ходили кругом

да около Миши. Все должны были угождать ему, забавлять его. Зимой устраивалась гора, на ней катали Мишеля. Святками каждый вечер приходили в барские покои ряженые из дворовых, плясали, пели, играли, кто во что горазд. Все, которые рядились и потешали Михаила Юрьевича, на время святок освобождались от урочной работы», — пишет П. А. Висковатый.

О самом раннем детстве рассказывает лишь Святослав (Святополк) Афанасьевич Раевский, живущий неподалеку и хорошо помнящий их общее детство. Пожалуй, Раевский был самым первым и самым надежным другом Лермонтова с первых лет жизни и до самой его гибели. Жаль, его не оказалось на Кавказе в дни дуэли, может, что-то и сумел бы предотвратить. Раевский помнит и детскую комнатку, оббитую сукном, на котором Миша любил чертить мелом свои первые рисунки. Помнит и любовь маленького Мишеля к рифмам: «Кошка — окошко», «пол — стол». Были и снежные горы, хождение в лес в Семик и на Троицу, были ряженые. Устраивались самые разные игры. Бабушка специально поселила в своем имении несколько сверстников Миши, чтобы мальчику было с кем играть. В шесть лет с ним стал жить его двоюродный брат по линии отца Михаил Антонович Пожогин-Отрашкевич. Переселился к ним и сын владельца соседнего поместья Пачелмы Н. Г. Давыдов. Осенью 1825 года из Кавказа по настойчивому желанию Елизаветы Алексеевны и с ее помощью переехали ее родственники Шан-Гиреи, и маленький Мишель получил еще одного верного друга на всю жизнь Акима Павловича Шан-Гирея.

Как пишет П. А. Висковатый: «Желая создать для Миши вполне подходящую обстановку, было решено обучать его вместе с сверстниками, с коими он делил бы тоже и часы досуга. Кроме Акима Шан-Гирея в Тарханах года два воспитывались и двоюродные его братья со стороны отца: Николай и Михаил Пожогины-Отрашкевичи, два брата Юрьевых, временно князья Николай и Петр Максютовы и другие. Одно время в Тарханах жило десять мальчиков. Елизавета Алексеевна не щадила средств для воспитания внука. Оно обходилось ей до десяти тысяч рублей ассигнациями. На это-то она и указывала отцу, когда тот заводил речь относительно желания своего воспитывать сына при себе. Бедный человек, конечно, не был в состоянии сделать для Мишеля даже и части того, что делала бабушка…»

Вместе с деревенскими ребятами летом они строили крепость и брали ее штурмом. Рыли окопы и траншеи, устраивали потешные бои. Траншеи эти до сих пор сохранились в Тарханах, хоть сейчас сражения устраивай. Но теперь это место облюбовали художники, с возвышения открывается прекрасный вид на

барскую усадьбу и храм Марии Египетской. Зимой строили уже снежные крепости, устраивали сражения на льду пруда. Аким Шан-Гирей вспоминал: «У бабушки было три сада, большой пруд перед домом, а за прудом роща; летом простору вдоволь. Зимой немного теснее, зато на пруду мы разбивались на два стана и перекидывались снежными комьями; на плотине с сердечным замиранием смотрели, как православный люд, стена на стену, тогда еще не было запрету, сходился на кулачки, и я помню, как раз расплакался Мишель, когда Василий —-садовник выбрался из свалки с губой, рассеченной до крови».

Но вернемся к истории Тархан. В конце XVIII столетия село Никольское-Яковлевское было почти за бесценок по тогдашним временам куплено у Нарышкиных Арсеньевыми. Сохранился документ о продаже: «Лета тысяща семь сот девяносто четвертого, ноября, в трети на десять день (13 ноября. — **В. Б.)** действительный камергер… Иван Александров сын Нарышкин, в роде своем не последний, продал лейб-гвардии Преображенского полку прапорщика Михаилы Васильева сына Арсеньева жене Елизавете Алексеевой дочери недвижимое свое имение… село Никольское, Яковлевское тож».

Елизавета Алексеевна Арсеньева (1773–1845) принадлежала к богатому и влиятельному роду Столыпиных, известному с XVI века. Ее отец Алексей Емельянович Столыпин, обладавший огромным состоянием, приобретенным во времена Екатерины II, был губернским предводителем дворянства в Пензе. Как и все Столыпины, Елизавета Алексеевна была весьма властной, независимой в суждениях и горделивой женщиной. Муж ей попался иного характера, более мягкого и романтического. Вышла замуж Елизавета Алексеевна по любви в 22 года и втайне продолжала его любить до конца дней своих. Не случайно и во внуке своем старалась обнаружить сходство с его дедом. «Нрав его и свойства совершенно Михаила Васильевича, дай Боже, чтобы добродетель и ум его был». Но хозяйством в имении занималась сама и быстро прибрала к рукам все финансы. Так было всегда, деньги из рук Елизавета Алексеевна не любила выпускать. И все наследство своей единственной горячо любимой доченьки Машеньки она, на всякий случай, тоже записала на себя, еще до всяких замужеств. Делай, что хочешь, но контролировать буду я. Вообще-то, лермонтовская бабушка заслуживает отдельной книги, будь она мужчиной, заседать бы ей в Сенате или губернаторствовать. Нрав-то был крутой, но и любимцев умела баловать. К примеру, одним из капризов бабушки была ее якобы боязнь лошадей. И потому по своему имению Елизавета Алексеевна разъезжала в двуколке,

запряженной… крепостными людьми. Этакие китайские рикши.

Кстати, и богатство ее отца, Алексея Емельяновича Столыпина, не от древности рода, а от винных откупов. Не брезговал знатный дворянин торговать вином по всей России. Из винных откупщиков и род Мартыновых. Отец убийцы, Соломон Мартынов, обогатился на продаже вина. Увы, но во все времена за большими деньгами стоят не самые чистые помыслы.

Михаил Васильевич Арсеньев (1768–1810), дед Лермонтова, елецкий помещик, отставной поручик лейб-гвардии Преображенского полка, предводитель дворянства в Чембарском уезде, «был среднего роста, красавец, статный собой, крепкого телосложения; он происходил из хорошей старинной дворянской фамилии». Любил развлечения и отличался некоторой экзальтированностью: выписал себе в имение из Москвы карлика, часто спал на окне, любил устраивать развлечения. Душа у этого отставного поручика была творческая. Он занимался садоводством, учился у знаменитого ботаника Болотова, отсюда и такие причудливые конфигурации в аллеях тарханского имения, видно, что садом занимались всерьез. Увлекался домашним театром, благо крепостных актеров хватало. Вот и доувлекался. Впрочем, он и с Елизаветой Алексеевной познакомился на домашнем спектакле. В 27 лет он уже подыскивал невесту из хорошей семьи. Пусть и крупновата телом, но из рода Столыпиных, и приданое отличное. Ее отец Алексей Емельянович купил дочери в приданое село Никольское.

Вскоре Арсеньев вышел в отставку. Сначала они жили в Москве и Петербурге, вели светскую жизнь. Первые дети умерли во младенчестве. Решили Арсеньевы переехать в свой «милый рай», в Тарханы у реки Милорайки. Обустроили имение, построили плотины, три пруда, завели конюшню. И надо сказать, что убыточное хозяйство вскоре под приглядом Елизаветы Алексеевны стало прибыльным. Постепенно обязанности разделились. Михаил Васильевич занимался кулачными боями, домашним театром, оркестром. Елизавета Алексеевна вела всё хозяйство. В 1795 году 17 марта Елизавета Алексеевна родила дочку Машеньку. И ей стало не до мужа, надо выходить слабенькую девочку. И у самой здоровье ухудшилось. Жили как бы в ладу и любви, но отдельно друг от друга. Мама занималась здоровьем девочки, отец учил иностранным языкам, игре на фортепиано, пению. Домашнее образование получала там же, в барском доме. Машенька пристрастилась к чтению английских и французских романов. Жила в красивом, воображаемом, романтическом мире и ждала своего принца.

Михаил Васильевич стал отвлекаться «на стороне». Благо

одиноких соседок хватало. Вот и увлекся всерьез княгиней Н. М. Мансыревой, муж которой находился далеко в действующей армии.

Мне кажется, у лермонтовской бабушки не хватило выдержки и терпения. Смиренно смотреть на эти увлечения супруга, которые, естественно, ничем серьезным бы не закончились, Елизавета Алексеевна не сумела. Да и Михаилу Васильевичу не стоило бы звать подружку к себе домой на новогодний праздник. У какой женщины хватит сил смотреть на собственном балу на соперницу? Машеньке уже было 15 лет, девочка росла слабенькая, нужен ли был ей разлад в доме? Да еще на ее же новогодней елке? Михаил Васильевич послал своей княгине приглашение на бал в Тарханах, а Елизавета Алексеевна с ее боевым характером отправила другую весточку, чтобы та не вздумала и носа своего у них показывать. Пораздумала княгиня, прикинула, на что может отважиться рано или поздно боевая супруга своего кавалера, да и отказалась продолжать свой роман. Справляйте, мол, Новый год сами. Вот и решился потерявший голову Михаил Васильевич поздравить всех пришедших с праздником, предупредить свою супругу о будущем вдовстве, посочувствовать осиротевшей доченьке Машеньке и выпить на виду у всех бокал яда. Такая случилась шекспировская трагедия на новогоднем балу в Тарханах 2 января 1810 года…

Так ли это было? Работники музея в Тарханах уверяли меня, что это довольно сомнительная история, зафиксированная одним из ранних и не всегда точных биографов Михаила Лермонтова П. К. Шугаевым. По другому предположению, Михаил Васильевич умер совершенно неожиданно от удара, в самую веселую минуту на Святках, будучи в актерском костюме могильщика… Есть и другие версии.

Увы, в биографиях Лермонтова нет почти ничего конкретного. Много неточностей и в замечательной книге Висковатого, есть они и у Андроникова, и у Мануйлова, наверняка найдутся и в этой книге. В любом случае, я рассказываю в своей книге то одну, то другую понравившуюся мне версию жизни поэта и его семьи. И ничего не скрываю.

Начиная с рождения поэта, и даже с рождения его родителей, заканчивая его гибелью, почти нет абсолютно точных документов. Я очень ценю текстологов, биографов, годами уточняющих ту или иную дату его жизни, время написания стихов, авторство сомнительных произведений. Честь им и хвала. Но при всем этом в Лермонтова надо просто верить. Не разгадывать его, а верить и видеть. Он поэтому и есть самый русский поэт на земле. Это о нем Тютчев писал: «Умом Россию не понять… / В Россию можно

только верить». Так и в гений Лермонтова — только верить. Какие бы спекулятивные биографические сюжеты ни выдвигали ныне литературоведы.

Так или иначе, но дед Михаила Лермонтова скончался внезапно 2 января на новогоднем балу. Иные исследователи пишут о возникшей ненависти Елизаветы Алексеевны к своему супругу, мол, даже в Пензу уехала, чтобы не присутствовать на похоронах. Якобы сказала: «Собаке — собачья смерть». Но зачем же она уговорила в честь покойного супруга назвать внука Мишенькой? Хотя у Лермонтовых была давняя традиция называть старших сыновей Петрами или Юриями. Во имя памяти своего мужа сумела бабушка убедить зятя пойти на уступку. Да и целый храм сумела воздвигнуть — Михаила Архангела, в его же честь. И отъезд во время похорон в Пензу, скорее, предпринят для того, чтобы раздать после гибели мужа все связанные с ним вещи. Не могла она перенести самого вида похорон. Признавалась же Елизавета Алексеевна гораздо позже: «Я была немолода, некрасива, когда вышла замуж, а муж меня любил и баловал… Я до конца была счастлива». И это ощущение счастья она сумела перенести вплоть до гибели внука, сосредоточивая любовь свою то на дочери, то на внуке, и не желая видеть никого вокруг них. Думаю, бабушка не то что невзлюбила конкретно Юрия Петровича, она бы также отнеслась к любому другому мужчине, отобравшему у нее единственную дочь. Ведь и позже она очень боялась, что кто-то из девиц сумеет оженить на себе ее Мишеля, она не терпела всех его возлюбленных. Вот и к увлечению своего супруга Елизавета Алексеевна отнеслась с излишней серьезностью. Расстроила все планы муженька, в результате получила его похороны. Жаль.

Увы, театральность провинциальных помещиков нередко приводила к печальным финалам.

С лермонтовских времен в Тарханах сохранился храм Архистратига Михаила. Строить его начали еще в 1826 году «тщанием означенного села помещицы Гвардии поручицы Елисаветы Алексеевны Арсеньевой» — говорится о церкви в ведомостях за 1836 год. Затейливые интриги Елизаветы Алексеевны потрясают: она, когда надо, меняет свой возраст на добрый десяток лет, сносит старую церковь в селе, чтобы получить право на строительство новой, сначала строит в своем имении храм Марии Египетской, в память о погибшей дочери, а затем уже с размахом, и храм Архистратига Михаила, и в память о муже, и во здравие любимого внука, тоже Михаила. Новую церковь было решено поставить вместо церкви Николая Чудотворца, «за ветхостью уничтоженной», престол которой

когда-то дал название селу — Никольское. Лишь в 1840 году строительство было закончено, и храм стараниями Елизаветы Алексеевны был освящен во имя архистратига Михаила — небесного покровителя ее внука. Михаил Лермонтов успел увидеть этот храм в последний тарханский приезд.

После похорон любимого мужа всё легло на бабушкины плечи. Большое хозяйство, сотни крепостных, маленькая дочка. Но все Столыпины были неплохими хозяйственниками.

Михаил Васильевич похоронен в семейном склепе в Тарханах. На его памятнике написано: «М. В. Арсеньев скончался 2-го января 1810 года, родился 1768 года, 8 ноября». Но этот склеп-часовню еще и построить надо было. Впрочем, это уже случилось после следующей смерти — любимой дочери. После смерти мужа года два знать не хотела Елизавета Алексеевна никаких Тархан, ездила вместе с взрослеющей дочкой то в Петербург, то в Москву, благо состоятельных и гостеприимных родственников хватало.

Павел Висковатый писал: «Мария Михайловна, родившаяся ребенком слабым и болезненным, и взрослою все еще выглядела хрупким, нервным созданием… В Тарханах долго помнили, как тихая, бледная барыня, сопровождаемая мальчиком-слугою, носившим за нею снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью, — помнили, как возилась она и с болезненным сыном… Мария Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадив ребенка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно, звуки как бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику».

К образу матери неоднократно обращался и Михаил Лермонтов. В своей юношеской пьесе он писал: «На ее коленях протекали первые годы моего младенчества, ее имя… было первою моею речью, ее ласки облегчали мои первые болезни…» В 1830 году он вспоминал: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать». Он смутно помнил ее ласки, ее грустные и печальные песни. Образ матери, воспоминания о ней прошли через многие ранние произведения Лермонтова (драмы «Menschen und Leideschaften», «Странный человек», поэму «Сашка», стихотворения «Ангел», «Пусть я кого-нибудь люблю…», «Кавказ» и др.).

Интересна история знакомства юной и очаровательной Машеньки с отставным капитаном Юрием Лермонтовым. Это произошло в арсеньевском поместье Васильевское Елецкого уезда Орловской губернии, расположенном по соседству с селом

Кропотовом Ефремовского уезда Тульской губернии, принадлежавшим Юрию Петровичу. Когда Елизавета Алексеевна с дочкой нагрянула к родственникам покойного мужа, там как раз гостила и семья Лермонтовых. Даже Юрий Петрович, недавно вышедший в отставку, приехал.

Вот как описывает их первую встречу Т. В. Толстая в своей книге «Детство Лермонтова»:

«Вдруг в открытую дверь столовой донесся веселый, приятный мужской голос:

— Любуйтесь на мою добычу!

Машенька невольно обернулась.

На пороге столовой стоял молодой столичный франт в синем сюртуке и держал в руках трех зайцев. Шею его окутывал белый, тщательно отглаженный и франтовски повязанный платок; модная прическа была заботливо отделана: кудри заглажены к вискам, откуда начинали виться белокурые небольшие бакенбарды.

Лицо Юрия Петровича нравилось женщинам: в улыбке его сквозила доброта и вместе с тем пылкость, веселость, но без насмешки. Светлые глаза его горели внутренним огнем. Он держался с достоинством; молодая удаль проступала в его движениях.

Он поднял зайцев, улыбнулся; тонкие губы его не шевелились. Он стоял молча, позируя, позволяя любоваться собой.

Поглядев на него, Арсеньева забеспокоилась: она сразу поняла, что перед нею враг опасный, что этот молодой щеголь отчаянно хорош собою и может вскружить голову Машеньке.

Между тем молодой человек продолжал стоять на пороге, внимательно обводя присутствующих блестящими синими глазами, а сестры его вскочили с мест и бросились к нему отнимать добычу. Машенька взглянула на Юрия Петровича и опустила глаза, вспыхнув от смущения, от слепой доверчивости к этому человеку: ей показалось, что он похож на героя, созданного ею в мечтах. Юрий Петрович легко и шутливо отстранил сестер и подошел к матушкам.

Арсеньева взглянула на дочь, случайно уловила ее взгляд, обращенный на Юрия Петровича, и рассердилась. Маша ясно показывала при всех, что новый знакомец ей понравился, а он сам держался свободно, заметив расположение девушки…»

Так ли, иначе, но встреча состоялась, и молодые приглянулись друг другу. Да и все обитатели и Васильевского, и Кропотова, кроме Елизаветы Алексеевны, желали этого брака.

Семнадцатилетняя нежная красавица, но обладающая пылким

и строптивым характером, недаром говорили — «вся в отца», Маша Арсеньева, влюбившись в обаятельного капитана Юрия Петровича Лермонтова и получив от него официальное предложение, пожелала принять его, что бы мама ни насоветовала. Она готова была напугать маменьку самыми решительными действиями в случае ее отказа. Вплоть до самоубийства. Конечно, жених был не столь богат и не столь знатен, но Машенька никогда не думала о финансах, всем распоряжалась мать. В ту пору Столыпины и не догадывались о древности рода шотландских Лермонтов. Тем лучше, если в Кропотове негде жить, будут жить в Тарханах. И Елизавета Алексеевна почти вынужденно благословила брак Марии с Лермонтовым, хотя и питала к зятю очевидную неприязнь из-за нежелания делить с кем-то еще привязанность дочери.

Для начала Елизавета Алексеевна сделала зятя управляющим всем имением. Так молодым жить бы и поживать. Но вскоре начались семейные ссоры с Машей, не избегал Юрий Петрович и традиционных для помещиков увлечений «на стороне». Тем более и светской жизни с Машей не получалось. Но тут началась война с Францией. Наполеон пошел походом на Россию. Как и многие другие дворяне, отставной офицер Юрий Петрович вступил в ополчение и отправился бить Наполеона. Машеньке осталось сочинять в свой альбом песни и стихи:

О, злодей, злодей — чужая сторона,
Разлучила с другом милым ты меня,
Разлучила с сердцем радость и покой,
Помрачила ясный взор моих очей…

Уже после изгнания Наполеона из Москвы Юрий Петрович заболел и в ноябре 1813 года попал в военный госпиталь в Витебске. Туда к нему и поехала любящая жена. После излечения отправились в Санкт-Петербург. Юрий Петрович впервые оказался в великосветской атмосфере, посещая балы и приемы многочисленных родственников Арсеньевых и Столыпиных. Из Петербурга, естественно, путь лежал в Москву, где и присмотрели заранее квартиру у Красных Ворот, хоть и была Москва после похода Наполеона сожжена и полуразрушена, но и Елизавета Алексеевна, и ее зять в этом были единодушны: слабенькой Маше рожать надо под присмотром в Москве. Лишь к лету 1814 года они добрались до Тархан. Отобрали заранее и кормилиц младенцу, и нянек. Отправили их с вещами в Москву, а уж затем, ближе к октябрю, отправились и сами. Квартира была выбрана основательная, в доме Толя, что у Красных Ворот. Верхние

комнаты заняла Елизавета Алексеевна, внизу жили молодые. Позже в поэме «Сашка» (1835–1836?) Михаил Лермонтов опишет чуть ли не весь процесс своего появления на свет.

…Желанный сын, любви взаимный плод,
Предмет забот мучительных и нежных,
У них родился. В доме весь народ
Был восхищен, и три дня были пьяны
Все на подбор, от кучера до няни.
А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,
И, что страшнее этого, ребенок
Весь в волосах был, точно медвежонок.
Старухи говорили: это знак,
Который много счастья обещает.
И про меня сказали точно так,
А правда ль это вышло? — небо знает!..

Хотя и писал Александр Блок, что биография у Лермонтова нищенская, не за что зацепиться, но с другой стороны, более половины его лучших произведений явно автобиографические. О чем бы он ни писал, он писал свои ощущения, свои впечатления от жизни. От «Героя нашего времени» до «Демона», от «Сашки» до «Маскарада». Незачем слепо уравнивать Печорина или Арбенина с самим поэтом, но и не замечать автобиографические черты тоже нелепо.

Вот так он и родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 года. И хорошо, что в Москве, еле выходили Машеньку, случись роды в Тарханах, всё могло бы кончиться хуже. Заодно повивальная бабка, самая знаменитая в Москве, предсказала младенцу: быть ему великим человеком. Впрочем, она и жен ему будущих наобещала. Как всегда, все предсказанное надо делить пополам. Две няньки не отходили от колыбели, кормилица, здоровая и крепкая, охотно кормила младенца. Нынешние ненавистники Михаила Лермонтова и эту, обычную, тривиальную для дворянских семей XIX века процедуру поставят в упрек поэту. Дочка кормилицы умерла, не дожив до трех лет. И вот пишут, мол, мать все свое грудное молоко отдавала маленькому Мишелю, а собственную дочку держала голодной. Это полнейшая чушь. Для дородной деревенской женщины, уже имеющей детей, не только двоих, но и троих детей накормить не в тягость. А помирали в те времена дети и у крестьянок, и у цариц почти одинаково. И уж кормилице поэта бабушка щедро выделила и земельный надел, и крепкий дом. До конца дней своих Михаил

Лермонтов вспоминал ее добрым словом. Из Москвы в Тарханы ехали по санной дороге уже ближе к весне 1815 года, взяв с собой и московского доктора, и бонну-немку Христину Осиповну Ремер.

В Тарханах Маша серьезно заболела. Оказалось — чахотка, самая безнадежная в то время болезнь. Не помогали ни врачи, ни деревенские бабки. Радовал сыночек, которому и напевала свои песенки. Супруг часто уезжал то в Москву, то в Кропотово. Он хотел и всю семью перевезти в Москву, уверял бабушку, что в Москве Машеньку и вылечат быстрее, но бабушка была категорически против. Тут хоть она за доченькой смотрит, а в Москве здоровый и красивый мужчина быстро забудет про больную жену. 25 января 1817 года М. М. Сперанский писал Аркадию Алексеевичу Столыпину: «Племянница ваша Мария Михайловна Лермонтова весьма опасно больна сухоткою или чахоткою. Афанасий и Наталья Алексеевна отправились к ней, т. е. сестрице вашей, в деревню…»

Афанасий Алексеевич Столыпин был любимым дядей замкнутой и нелюдимой Марии Михайловны, с ним ей становилось веселее. «…Он друг был твоей матери…» — писала позднее М. Ю. Лермонтову бабушка.

В феврале 1817 года Мария Михайловна от чахотки умерла.

Лермонтову после смерти матери было 2 года 4 месяца.

В той же полуавтобиографической поэме «Сашка» у него есть такие строки:

Он был дитя, когда в тесовый гроб
Его родную с пеньем уложили.
Он помнил, что над нею черный поп
Читал большую книгу, что кадили,
И прочее… и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в молчанье.
И что когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кричать…

Смерть дочери глубоко потрясла Елизавету Алексеевну. Она не хотела жить в доме, где произошла трагедия. Дом был снесен, а на его месте Арсеньева построила церковь Марии Египетской. Для себя же с внуком поставила в саду одноэтажный деревянный дом с мезонином, обшитый тесом, с балконами, незамысловатыми наличниками, с крылечком вместо парадного входа. Елизавета Алексеевна как опытный психоаналитик отгораживалась от трагедий, наполнявших ее жизнь. Поэтому и уехала из Тархан на два года после смерти любимого мужа,

поэтому и уничтожила обширный барский дом, чтобы ничего не напоминало ей о дочери, поэтому и позже раздала абсолютно всё из дома, что напоминало ей о погибшем внуке. В том числе все его рукописи и альбомы. Хорошо, что другие многое сохранили.

Она искренне любила и мужа, и дочку, и внука. Но хранить память о них не хотела. Это было для нее самоубийственно.

Незадолго до смерти жены из Москвы вернулся Юрий Петрович. У него на руках она и скончалась. Хоть и бурная у них была жизнь, с частыми ссорами, но факты говорят, они до конца любили друг друга.

Вот я и думаю, а если бы Юрий Петрович решился уехать всей семьей в Москву или даже в свое Кропотово, может, всё пошло бы по-другому? Не будь между ними постоянно недовольной Елизаветы Алексеевны, им и спорить бы было не о чем?

После смерти дочери, отослав зятя уже навсегда в Кропотово, бабушка хотела уехать с внуком на зиму в Пензу. Не получилось. Но, по крайней мере, при себе внука оставила.

Честно скажу, я уважаю характер и решимость Елизаветы Алексеевны. Управлять хозяйством, извлекая из всего прибыль, она умела. Но мягкости бабушке явно не хватало, да и, как нынче говорят, толерантности. У богатой и знатной барыни из рода Столыпиных из близких оставался один внук. Она решила любым путем оставить его при себе. А значит, при живом отце сделать мальчика полным сиротой.

Думаю, это и определило во многом характер Мишеля. Отец собирался забрать сына с собой в Кропотово. Видя эти сборы, Елизавета Алексеевна выставила ультиматум: или внук до шестнадцатилетия остается у нее на воспитании, или же она в своем завещании ему не дает ни-че-го. Да и на воспитание внука, на немцев, французов, англичан-гувернеров тоже не дает ничего. Конечно, никак нельзя отрицать любовь бабушки к единственному внуку, но нельзя не видеть и эгоизма этой любви. Если бы, несмотря на все уговоры Елизаветы Алексеевны, Юрий Петрович забрал сына с собой, все имение Тарханы перешло бы наследникам Столыпиных. Не было бы и никакой любви. В завещании было абсолютно четко указано, при каких условиях имение переходит к внуку. Никаких иллюзий. Кстати, то же повторилось и когда Мишелю исполнилось 16 лет. Если будешь жить с отцом, забудь о роскоши и достатке. Надо отдать должное, Юрий Петрович из любви к сыну пошел на эти условия. Он не мог ни дать такого первоклассного образования, ни обеспечить будущности своего сына.

А ведь все же отмечали искренность ее чувств. Сосед М. Н.

Лонгинов пишет: «Нежность Елизаветы Алексеевны, лишившейся единственной дочери, перенеслась вся на внука, и Лермонтов до самого вступления в Юнкерскую школу (1832) жил и воспитывался в ее доме. Она так любила внука, что к ней можно применить выражение: „не могла им надышаться“, и имела горесть пережить его. Она была женщина чрезвычайно замечательная по уму и любезности. Я знал ее лично и часто видал у матушки, которой она по мужу была родня. Не знаю почти никого, кто бы пользовался таким общим уважением и любовью, как Елизавета Алексеевна. Что это была за веселость, что за снисходительность! Даже молодежь с ней не скучала, несмотря на ее преклонные лета. Как теперь смотрю на ее высокую, прямую фигуру, опирающуюся слегка на трость, и слышу ее неторопливую, внятную речь, в которой заключалось всегда что-нибудь занимательное. У нас в семействе ее все называли бабушкой, и так же называли ее во всем многочисленном ее родстве…»

Бабушка, энергичная и настойчивая, употребляла все усилия, чтобы дать внуку все, на что только может претендовать знатный продолжатель рода Столыпиных. О чувствах и интересах рода Лермонтовых она не заботилась. Сам Мишель еще в юношеских произведениях своих весьма полно воспроизводил события своей личной жизни. В его стихах выведены и мать, и отец, и ни строчки о бабушке.

Разумом он любил ее, ценил ее заботу, но в литературе она осталась лишь злобной старухой из пьесы.

Мальчик с самого начала сознавал противоестественность своего положения. Его окружали любовью и заботами — но светлых впечатлений, свойственных возрасту, у него не было. Лермонтов родился болезненным и всё детство страдал золотухой; но болезнь эта развила в ребенке необычайную нравственную энергию. В неоконченной юношеской «повести» описывается детство Саши Арбенина, двойника самого автора. Саша с шестилетнего возраста обнаруживает наклонность к мечтательности, страстное влечение ко всему героическому, величавому, бурному: «…он выучился думать… Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, Саша начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой… В течение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привыкал побеждать страданья тела, увлекаясь грезами души… Вероятно, что раннее умственное развитие немало помешало его выздоровлению».

Поневоле ставший сиротой при живом отце, к тому же часто болевший, он погрузился в «грезы своей души». В таком детстве и

заложена основа его будущего презрения к окружающей жизни, основа его разочарований. Его сделали одиноким и потому несчастным при всем внешнем довольстве, и он уже на всю жизнь погрузился в одиночество и отчужденность, затаился и боялся показать все свои огорчения и даже радости. Как итог: «…в ребячестве моем тоску любови знойной / Уж стал я понимать душою беспокойной».

Спасала природа, родные тарханские места. Тут тебе и ключ на берегу реки Милорайки, и ландыши золотистые, и зреющие на полях хлеба. Такого не придумаешь из головы:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога… [14]

Природа и смиряла его тревогу в душе. Давала ту гармонию, которой недоставало в жизни.

Сразу же перед имением и село раскинулось. Рассказывают такой случай из детства Лермонтова: «Вышел однажды Мишенька на балкон, а в селе-то избы по-черному топились. Он и спрашивает: „Почему дым через крыши идет? Я видал, как дым через трубы идет, а тут через крыши“. Рассказали ему. Тут он пристал к бабушке: „У тебя кирпишна (кирпичный завод. — **В. Б.)** своя, дай мужикам кирпичей на печки“. Ну, бабка его любила. Мужикам кирпичей дали, сложили печки с трубами. До крестьян-то Мишенька добрый был…» Мечтал построить всем каменные избы…

П. К. Шугаев описывает случай, «произошедший во время одного из приездов в Тарханы Михаила Юрьевича, когда он был офицером лейб-гвардии. В это время все солдаты, пробывшие в военной службе не менее двадцати лет, были отпущены в

отставку по домам; их возвратилось из службы в Тарханы шесть человек, и Михаил Юрьевич, вопреки обычая и правил, распорядился дать им всем и каждому по $^1/_2$ десятины пахотной земли в каждом поле и необходимое количество строевого леса для постройки изб без ведома и согласия бабушки. Узнав об этом, Елизавета Алексеевна была очень недовольна, но все-таки распоряжения Мишеньки не отменила».

Учился он дома. Наняли и француза, и грека, и немку. Пишет Павел Висковатый: «Приставленная со дня рождения к Мише бонна немка, Христина Осиповна Ремер, и теперь оставалась при нем неотлучно. Это была женщина строгих правил, религиозная. Она внушала своему питомцу чувство любви к ближним… Для мальчика же ее влияние было благодетельно. Всеобщее баловство и любовь делали из него баловня, в котором, несмотря на прирожденную доброту, развивался дух своеволия и упрямства, легко, при недосмотре, переходящий в детях в жестокость».

Вспоминает про детские годы домашней учебы и его друг Аким Шан-Гирей: «начинаю (Лермонтова. — **В. Б.)** …хорошо помнить с осени 1825 года. Покойная мать моя была родная и любимая племянница Елизаветы Алексеевны, которая и уговаривала ее переехать с Кавказа, где мы жили, в Пензенскую губернию, и помогла купить имение в трех верстах от своего, а меня, из дружбы к ней, взяла к себе на воспитание вместе с Мишелем, как мы все звали Михаила Юрьевича.

Таким образом, все мы вместе приехали осенью 1825 года из Пятигорска в Тарханы, и с этого времени мне живо помнится смуглый, с черными блестящими глазками, Мишель, в зеленой курточке и с клоком белокурых волос, резко отличавшихся от прочих, черных как смоль. Учителями были Mr. Capet, высокий и худощавый француз, с горбатым носом, всегдашний наш спутник, и бежавший из Турции в Россию грек; но греческий язык оказался Мишелю не по вкусу, уроки его были отложены на неопределенное время, а Кефалонец занялся выделкой шкур палых собак и принялся учить этому искусству крестьян; он, бедный, давно уже умер, но промышленность, созданная им, развивалась и принесла плоды великолепные: много тарханцев от нее разбогатело, и поныне чуть ли не половина села продолжает скорняжничать.

Помнится мне еще, как бы сквозь сон, лицо доброй старушки немки, Кристины Осиповны, няни Мишеля, и домашний доктор Левис, по приказанию которого нас кормили весной по утрам черным хлебом с маслом, посыпанным крессом, и не давали мяса, хотя Мишель, как мне всегда казалось, был совсем здоров, и в пятнадцать лет, которые мы провели вместе, я не помню его

серьезно больным ни разу».

Позже, уже в Москве, наняли англичанина. Так что всю европейскую литературу Мишель учил в подлиннике, прекрасно играл на скрипке и фортепиано. Пел. Много рисовал. Увлекался лепкой из крашеного воска. Вылепил однажды целую сцену: бежит заяц, за ним собака, следом охотники. Жаль, не сохранилась такая сценка. В другой раз вылепил сцену из битвы Александра Македонского. С дворовым дядькой Андреем Ивановичем Сокодовым облазил все окрестности Тархан. Залезали даже в пещеры, где прятались от пугачевских войск помещики. Не случайно и написана была история периода пугачевских войн — незаконченный роман «Вадим», всё по воспоминаниям детства. А по вечерам завораживающе смотрел на луну. Притягивала она его. Недаром и назвали Лермонтова позже «Ночным светилом русской поэзии». Выискивал на луне какие-то признаки жизни, может быть, лунного зайца? «Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну, на разновидные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее, будто рыцари, сопровождающие Армиду в замок, полные ревности и беспокойства…»

Единственно, не хватало ему русской няньки, рассказывающей русские сказки, напевающей русские песни. Позже сам поэт искренне сожалел об этом: «Наша литература так бедна, что я из нее ничего не могу заимствовать; в 15 лет ум не так быстро принимает впечатления, как в детстве; но тогда я почти ничего не читал. — Однако же, если захочу вдаться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. — Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слыхал сказок народных; — в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности».

У поэта с детства было обостренное чутье к родной природе. Видно, что «с детских лет его душа прекрасного искала». «Шести лет уже он заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на его детскую кроватку». В 1830 году Михаил Лермонтов писал: «Я помню один сон; когда я был еще восьми лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один раз ехал в грозу куда-то; и помню облако, которое, небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро неслось по небу: это так живо передо мною, как будто вижу».

Отразил юный поэт еще в первых своих стихах и тот лес, который рос по оврагу, где протекала Милорайка. В поэме «Черкесы», написанной в 1828 году в Тарханах, мы читаем:

Свод неба синий тих и чист;
Прохлада с речки повевает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом сгустился лес,
Повсюду тихое молчанье.
Струей, сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье
Верхи и корни золотит.
Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорван листок летит, блестит,
Смущая тишину паденьем…

Для поддержания здоровья возила его бабушка и на Кавказ, к горячим водам. Первая поездка внука с многочисленной дворней состоялась в 1820 году. Бабушка провезла его по всей России, через Тамбовскую, Воронежскую, Ставропольскую губернии, через казачьи станицы. То-то было впечатлений. Там, у подножия Машука, у родственников Арсеньевых — Хастатовых он и провел целое лето. Может быть, первая поездка и позабылась бы поэтом, но через пять лет, в 1825 году они повторили маршрут. И с тех пор Кавказ уже навсегда вошел в сердце Михаила Лермонтова. «Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к нему меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе…»

Имея в Тарханах прекрасную библиотеку, Лермонтов, пристрастившийся к чтению, занимался под руководством нанятых учителей самообразованием и овладел не только европейскими языками (английских, немецких и французских писателей он читал в оригиналах), но и прекрасно изучил европейскую литературу в целом.

В Тарханах Мишель Лермонтов стал писать первые стихи. В 1828 году здесь написаны «Черкесы». В 1836 году у Лермонтова была здесь своя творческая «тарханская зима»: написаны драма «Два брата», поэмы «Сашка» и «Тамбовская казначейша»… 16 января 1836 года Михаил Юрьевич писал своему товарищу Святославу Раевскому: «Я теперь живу в Тарханах, у бабушки, слушаю, как под окном воет метель… Пишу четвертый акт новой драмы». Зима стояла снежная и суровая. Он редко выезжал в соседние поместья. Допоздна засиживался за письменным столом. Вот и написались одни из лучших поэм в течение двух месяцев «Тамбовская казначейша» и «Сашка»…

В Тарханах поэта окружала прекрасная среднерусская природа. К барскому дому примыкал старый парк с тремя садами — Дальним, Средним и Круглым. У Среднего сада стоял могучий дуб, его когда-то посадил Лермонтов. Можно вспомнить заодно и дерево, возле которого рассказывал свои предания его предок Томас Лермонт. Два дерева через 600 лет соединились в истории литературы.

Высокий дуб, краса холмов,
Перед явлением снегов
Роняет лист, но вновь весной
Покрыт короной листовой.
И, зеленея в жаркий день,
Прохладную он стелет тень,
И буря вкруг него шумит,
Но великана не свалит;
Когда же пламень громовой
Могучий корень опалит,
То листьев свежею толпой
Он не оденется вовек…
Ему подобен человек!.. [15]

Сейчас дуб уже свалился, но основание его сохраняется как память о поэте. А у плиты Томаса Лермонта в Шотландии, как мы помним, недавно посадили два молодых дубка.

Не побывав в Тарханах, нельзя понять Лермонтова. О чем бы он ни писал, в какие бы космические, звездные выси ни уплывал, в основе всего — русская земля, русский дом. Находясь под арестом за стихи на смерть Пушкина, возникает его «Когда волнуется желтеющая нива». В одном из самых протестных, вызвавших недовольство императорского света стихотворений «Как часто, пестрою толпою окружен…» (1840), он от этих приличием стянутых масок и бестрепетных рук, забываясь и улетая «вольной, вольной птицей», возвращается в родные места:

…И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами…

От имени этой русской земли и хочет бросить дерзко всему высшему свету поэт свой «железный стих, облитый горечью и злостью». Спускаешься по дорожке вниз, к дамбе, и тут тебе появляется сразу беседка тайная. И она на самом деле «близ вод», и над ней и сегодня, как при Лермонтове, свод акаций.

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций,
И куст прелестных роз, взлелеянных весной,
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!.. [16]

Удивительное дело, в Тарханах не исчезает чувство постоянного присутствия поэта. Сам дух Лермонтова постоянно витает там. Поднимаешься на холм над домом и видишь еще сохранившиеся два круга от вырытых траншей, где когда-то ребятня воображала себя полководцами. Поэт и возвращаться в конце своей жизни хотел именно сюда, в Тарханы, тем более что бабушкой и храм Архистратига Михаила был уже построен и освящен. С 1842 года рядом с храмом стоит часовня-усыпальница его деда и его мамы, его бабушки и его самого.

…Я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать;
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшися с землей,
Навеки прежний вид оставит свой [17].

В часовне три памятника: самый большой, черного мрамора, с белой траурной урной и бронзовым крестом, поставлен над могилой поэта. На нем позолоченным лавровым венком вырезана надпись: «Михайло Юрьевич Лермонтов» и даты — с двух боковых сторон: «Родился 1814-го года, 3 октября» и «Скончался 1841-го года, 15 июля». За памятником Лермонтову в одном ряду стоят памятники Михаилу Васильевичу Арсеньеву и Марии Михайловне

Лермонтовой. Над могилой Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, умершей в 1845 году, установлена белая мраморная плита с ее именем. (За бабушку, при всей сложности ее характера, даже обидно — ее надгробную плиту поместили под подоконником, почти и не видать. Вполне могла бы еще одна маленькая траурная колонна поместиться.) В 1974 году между часовней и церковью Архистратига Михаила появилась еще одна могила — отца поэта, чей прах был перенесен из села Шипова. На гранитной плите выбито: «Юрий Петрович Лермонтов. 1787–1831». Здесь другая беда: захоронение переносили в советское время, и на плите даже никакого креста нет. Надеюсь, это исправимо.

Когда внук стал подрастать, и Елизавете Алексеевне стало ясно, что одними, самыми умными гувернерами и дядьками не обойдешься, решено было ехать в Москву.

«Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын…»

Если говорить о поэтическом символе Москвы, то прежде всего надо вспомнить о великом русском национальном поэте Михаиле Юрьевиче Лермонтове. Он и родился в центре старой дворянской Москвы, в доме Толя. Он и воспел ее как русскую столицу.

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою… и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла… Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

Заметьте, как гениально просто, без затей, пишет он о своей русскости: «Люблю, как русский, — сильно, пламенно и нежно!» Сегодня бы поэта за такие строки в черносотенстве обвинили запросто. Потому и не любят эти строки повторять и цитировать. А ведь написано совсем мальчишкой, в чем-то еще, может, и коряво, но никакой изощренный стилист не добьется такой мощи и простоты стиха. Родной Москве он был предан до конца своих дней, писал о ней и в нелюбимом Санкт-Петербурге:

Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.

Из Петербурга он пишет 2 сентября 1832 года М. А. Лопухиной: «Москва — моя родина, и такою будет для меня всегда: там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив…»

Увы, тот лермонтовский дом Толя давно снесли, станцию метро «Лермонтовская» переименовали, хорошо хоть памятник

пока оставили. Хороший, между прочим, памятник, постановление о его сооружении в Москве Совет народных комиссаров вынес в 1941 году.

Николай Павлович Розанов писал о доме Лермонтова: «Вероятно, дом Толя впоследствии перешел во владение купца Бурова. По объяснению местного Трехсвятительской церкви, что у Красных Ворот, священника: дом Бурова перешел во владение иностранца Пенанд, который владел домом лет шесть и продал его коллежскому секретарю Григорию Филипповичу Голикову. Этот и доселе владеет домом. Я был на месте, где дом Голикова. Если ехать от дебаркадера Николаевской железной дороги, то, приближаясь к Красным Воротам, по правой руке, против самых Красных Ворот, на углу вы бы увидели, по-нашему, огромный каменный дом, в три этажа, беловатого цвета. Это — дом Голикова; этим домом начинается Садовая улица, ведущая к Сухаревой Башне… Дом Голикова на своем углу имеет балкон. Замечателен протоиерей Николай Петрович Другов, крестивший поэта Лермонтова. Он, в свое время, пользовался особой славой в духовном мире… Да и церковь, в которой поэт крещен, замечательна — она была патриаршая» [18].

Вскоре, как мы знаем, отец с матерью, бабушкой и дворовыми вернулись из Москвы в Тарханы, где Михаил Лермонтов жил с бабушкой 13 лет, лишь изредка выезжая на Кавказ к родственникам подлечиться. Но сам факт рождения в Москве стал крайне важен для самого поэта, с ранних лет весьма мистически настроенного. Потому осенью 1827 года он и ехал из Тархан с радостью на учебу именно в Москву. Решено было отдать маленького Мишеля в Московский благородный университетский пансион, не менее знаменитый, чем пушкинский Царскосельский лицей. Бабушка позаботилась и о домашних учителях, подготовивших его к поступлению сразу в четвертый класс. Конечно, хороши были и гувернеры, сначала француз Жандро, рассказавший Мишелю и о французской революции, и о новинках французской литературы. Его Мишель вывел позже все в той же московской поэме «Сашка»:

Его учитель чистый был француз,
Marquis de Tess. Педант полузабавный,
Имел он длинный нос и тонкий вкус
И потому брал деньги преисправно.
Покорный раб губернских дам и муз,
Он сочинял сонеты, хоть порою
По часу бился с рифмою одною;
Но каламбуров полный лексикон,

Как талисман, носил в карманах он
И, быв уверен в дамской благодати,
Не размышлял, что кстати, что не кстати.
Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного волненья:
На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украшенья.
Приятель наш, парижский Адонис,
Оставив прах родителя судьбине,
Не поклонился гордой гильотине:
Он молча проклял вольность и народ,
И натощак отправился в поход,
И наконец, едва живой от муки,
Пришел в Россию поощрять науки.

Естественно, сбежавший от революции и ее казней, француз не любил парижскую чернь, думаю, он и рассказал Михаилу Лермонтову о погибшем от рук революционеров поэте Андре Шенье. Но, как это всегда и бывает, дух революционности, дух перемен был заложен в любом свидетеле и очевидце этих революций. Потому со временем бабушка предпочла расстаться с легкомысленным французом. Как пишет Павел Висковатый: «Наставник внушал молодежи довольно легкомысленные принципы жизни, и это-то, кажется, выйдя наружу, побудило Арсеньеву ему отказать, а в дом был принят семейный гувернер, англичанин Виндсон. Им очень дорожили, платили большое для того времени жалование — 3000 р. — и поместили с семьею (жена его была русская) в особом флигеле. Однако же и к нему Мишель не привязался, хотя от него приобрел знание английского языка и впервые в оригинале познакомился с Байроном и Шекспиром…»

Казалось бы, с такой подготовкой юный Лермонтов легко мог поступать в пансион. Но Елизавета Алексеевна предпочла перед экзаменом нанять репетитором Алексея Зиновьевича Зиновьева, отличного педагога, но кроме этого еще и работавшего в самом пансионе в должности надзирателя и учителя русского и латинского языков. Зиновьев оставался его наставником и после поступления Мишеля в пансион, до конца учебы.

После приезда в Москву сначала они остановились у своих родственников Мещериновых. Художник М. Е. Меликов вспоминает: «Елизавета Петровна Мещеринова, образованнейшая женщина того времени, имея детей в соответственном возрасте с Мишей Лермонтовым — Володю, Афанасия и Петра, с

горячностью приняла участие в столь важном деле, как их воспитание, и по взаимному согласию с Е. А. Арсеньевой решили отдать их в Московский университетский пансион. Мне хорошо известно, что Володя (старший) Мещеринов и Миша Лермонтов вместе поступили в 4-й класс пансиона. Невольно приходит мне на ум параллель между вышеупомянутыми замечательными женщинами, которых я близко знал и в обществе которых, под их влиянием, вырос поэт Лермонтов. Е. А. Арсеньева была женщина деспотического, непреклонного характера, привыкшая повелевать; она отличалась замечательной красотой, происходила из старинного дворянского рода и представляла из себя типичную личность помещицы старого закала, любившей притом высказывать всякому в лицо правду, хотя бы самую горькую. Е. П. Мещеринова, будучи столь же типичной личностью, в противоположность Арсеньевой, выделялась своей доступностью, снисходительностью и деликатностью души» [19].

Мишель горделиво писал в 1827 году своей тетушке М. А. Шан-Гирей в Пензенскую губернию: «Милая тетенька! Наконец настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я к вам мало напишу, то это будет не от моей лености, но от того, что у меня не будет время. Я думаю, что вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис и что мне дают сочинять; я к вам это пишу не для похвальбы, но собственно оттого, что вам это будет приятно. В географии я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ход их и пр. Прежнее учение истории мне очень помогло. Заставьте, пожалуйста, Екима рисовать контуры; мой учитель говорит, что я еще буду их рисовать с полгода; но я лучше стал рисовать; однако ж мне запрещено рисовать свое. Катюше, в знак благодарности за подвязку, посылаю ей бисерный ящик моей работы. Я еще ни в каких садах не бывал, но я был в театре, где я видел оперу „Невидимку“, ту самую, что я видел в Москве 8 лет назад; мы сами делаем театр, который довольно хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть (сделайте милость, пришлите мои воски); я нарочно замечаю, чтобы вы в хлопотах не забыли, я думаю, что эта пунктуальность не мешает; я бы приписал к братцам здесь, но я им напишу особливо; Катюшу же целую и благодарю за подвязку.

Прощайте, милая тетенька, целую ваши ручки и остаюсь ваш покорный племянник.

М. Лермонтов».

Перезимовали они всем семейством на Сретенке, а весной Арсеньева сняла маленький домик на Поварской (недалеко от нынешнего Дома литераторов), прямо напротив своих

родственников Столыпиных. В доме Столыпиных жили вдова ее брата с детьми и ее сестра Елизавета Верещагина с дочерью. На Поварской маленький Мишель и готовился к поступлению в пансион. Оттуда и писал письма тетушке Марии Акимовне Шан-Гирей, руководившей обучением Мишеля в Тарханах. Позже в Москву приехал и его друг с самых детских лет Аким Шан-Гирей, который вспоминал:

«В 1827 году она [бабушка] поехала с Мишелем в Москву для его воспитания, а через год и меня привезли к ним. В Мишеле нашел я большую перемену, он был уже не дитя, ему минуло 14 лет; он учился прилежно. Месье Жандро, гувернер, почтенный и добрый старик, был однако строг и взыскателен и держал нас в руках; к нам ходили разные другие учители, как водится. Тут я в первый раз увидел русские стихи у Мишеля, Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина; тогда же Мишель прочел мне своего сочинения стансы К***, меня ужасно интриговало, что значит слово стансы и зачем три звездочки? Однако ж промолчал, как будто понимаю. Вскоре была написана первая поэма „Индианка“ и начал издаваться рукописный журнал „Утренняя заря“, на манер „Наблюдатель“ или „Телеграф“ как следует, с стихотворениями и изящною словесностью, под редакцией Николая Гавриловича; журнала этого вышло несколько нумеров, по счастию, пред отъездом в Петербург, все это было сожжено, и многое другое, при разборе старых бумаг».

Из Тархан Мишель привез с собой тетрадь в голубом бархатном переплете, куда охотно записывал запомнившиеся ему стихи. А позже свои переводы из полюбившихся поэтов…

После поступления в пансион Арсеньевы сняли просторный дом на Малой Молчановке в доме купца Петра Чернова, построенном после окончания войны 1812 года (сейчас здесь Дом-музей М. Ю. Лермонтова). Здесь Лермонтов прожил с августа 1829 года по июль 1832 года, до своего отъезда в Санкт-Петербург.

В пансион Михаил Лермонтов благополучно поступил сразу в 4-й класс в 1828 году. В пансионе же и появились его первые, еще подражательные стихи, написаны поэмы «Корсар», «Кавказский пленник» и «Черкесы», первые варианты поэмы «Демон».

Еще с детства Мишель был увлечен театром. Когда в пятилетнем возрасте бабушка привезла его первый раз в Москву и сводила на фантастическую оперу Кавоса «Князь-невидимка», постановка поразила его воображение, и он на всю жизнь всерьез увлекся театром. В период учебы в пансионе он затеял со своими товарищами театр марионеток, лепил из воска кукол. Насколько

я понимаю, Михаил Лермонтов поначалу в будущем видел себя прежде всего не поэтом, а драматургом. Может, и стал бы великим русским драматургом. Увы, его драматургические произведения не интересовали театры. Да и театральная цензура была еще более свирепая, чем литературная. В отличие от пьес Гоголя и Грибоедова, великолепный лермонтовский «Маскарад» так и не увидел сцены при жизни автора. Увидели бы его пьесы сцену, и пошла бы жизнь у Михаила Лермонтова совсем по-другому. Театральность всегда присутствовала в его бытии.

Тогда же, в московском детстве он увлекся чтением книг, скупал в книжных лавках все новые издания. Обладая феноменальной памятью, запоминал наизусть многие поэмы и сцены из пьес. Купил и сразу же прочел все 12 томов антологии русской литературы от Ломоносова до Пушкина, четыре тома сочинений Жуковского, три — маститого поэта Ивана Ивановича Дмитриева, поэму «Чернец» слепого поэта Ивана Козлова. Когда, вернувшись на каникулы с бабушкой в Тарханы, он стал сочинять свою первую поэму «Черкесы», не стесняясь, вводил в нее целые отрывки стихов других поэтов.

Это ни в коем случае не было плагиатом. Это была его своеобразная учеба: работа над стихами. Он же не предполагал печатать все свои юношеские сочинения и потому в эти домашние заготовки щедро заимствовал образы и сюжеты, в том числе и целые строки из полюбившихся ему произведений. Но очень быстро, даже беря за основу какое-то из произведений Шиллера или Гёте, Байрона или Гейне, молодой поэт отбрасывал все, чуждое ему, и предлагал уже свой вариант стихотворения. Даже в его юношеской поэзии можно найти лишь следы внешнего заимствования, но сами образы, характеры героев, действие сюжета были чисто лермонтовские. Как бы ни пытались сравнить его «Демона» с байроновским «Каином», лермонтовский Демон совсем иной.

Обучение в пансионе было шестилетним, но так как Мишель поступил сразу в 4-й класс, то и учиться ему пришлось всего около двух лет, тем более обучения он так и не закончил. Программа была обширная, но при этом индивидуализированная, преподаватели выделяли способности подростка и развивали его в выгодном для него направлении.

Поразительно, что Михаил Лермонтов попал не к гуманитарам, а в группу математиков профессора Перевощикова. Но «для большей изощренности ума, образования вкуса» все без исключения ученики занимались русским языком и литературой. Это сегодня русским школам, а значит, и самой России не требуется изощренности ума и образования вкуса, литературой

почти не занимаются.

В пансионе была изумительная библиотека, чем не преминул воспользоваться и наш юный гений. Все новейшие литературные журналы, и отечественные, и европейские, были к его услугам. Публичные экзамены описывались на страницах «Московских ведомостей», ученики читали свои сочинения, разыгрывали сценки. Среди учителей пансиона было и два поэта — Семен Егорович Раич и Алексей Федорович Мерзляков. Раич учил российской словесности, Мерзляков — красноречию. Как-то раз Мерзляков, кстати, автор прекраснейших русских романсов, среди них «Среди долины ровныя…», и тяжеловесных од, вздумал бранить стихотворение Пушкина «Буря мглою небо кроет…» за выдуманные, преувеличенные образы, его ученик Лермонтов смело вступил с ним в спор. Вот эта самостоятельность и независимость суждений с юных лет приводила Лермонтова к конфликтным ситуациям. Он из-за этого и в пансионе недоучился, из-за этого и Московский университет покинул. Но поначалу все шло хорошо. И в 5-й класс Михаил Лермонтов перешел с двумя наградами: книгой и картиной. Учился он в пансионе и рисованию, и уже свою вторую поэму «Кавказский пленник» проиллюстрировал собственным рисунком.

Для нас важно прежде всего то, что именно в пансионе Мишель почувствовал себя поэтом, удивительно быстро стал писать самостоятельные, а не подражательные стихи и поэмы. Даже в поэме «Кавказский пленник» (1828) Лермонтов, взяв многое от поэмы Пушкина, создает уже совсем иной образ и Кавказа, и горцев, соединяя свои книжные знания с собственным знанием Кавказа. Он оживляет поэму разного рода событиями, упрощает язык. Пленник Лермонтова более живой и более трагический. Более решительна и юная черкешенка. Начиная с самых первых своих стихов, везде виден и характер автора, Михаила Лермонтова, его решимость, его одиночество, его самостоятельность. Тот же кавказский пленник поставлен перед выбором: или погибнуть в плену у горцев, или полюбить младую черкешенку. Что стоит герою приспособиться к жизни? Но лермонтовский герой не может вести себя иначе, и Пушкин или Байрон тут ни при чем.

Тут вдруг поднялся он; блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупные мелькнули
На них, как светлая роса:
«Ах нет! оставь восторг свой нежный,
Спасти меня не льстись надеждой;

Мне будет гробом эта степь;
Не на остатках, славных, бранных,
Но на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь!»
Он замолчал, она рыдала…

И все же черкешенка высвободила героя, они побежали в степь. И… оба погибли. Опять по-лермонтовски.

В московский период с 1828 по 1832 год Михаил Лермонтов, осознав свой талант, стремился не столько к учению, сколько совершенствовал свой поэтический и драматургический талант. За кратчайшее время он прошел огромнейший путь и создал свой ультраромантический бескомпромиссный мир. В этот период романтизма он, конечно, шел не столько от окружающей его реальности, сколько от книжного, возвышенного видения мира, отправляя своих героев в Испанию и Древнюю Русь, в Грузию и Грецию за героическими идеалами свободы. Вслед за Байроном он стал воспевать греческих героев, борющихся против турецкого владычества.

Я пишу эти строки на греческом острове Родос — в окружении фигурок Гомера и Сократа в международном писательском центре. Думаю, тут явно не хватает скульптурного изображения Михаила Лермонтова, которого греческие писатели почти не знают. А разве в поэме «Корсар» (1828) он не воспевал свободу Греции? Конечно, в этой поэме можно найти влияние одноименной поэмы Байрона, впрочем, так же как и Пушкина, Бестужева-Марлинского. Греческие корсары были Лермонтову знакомы даже по газетным сводкам. Именно в 1828–1829 годах шла очередная Русско-турецкая война.

Все тот же романтический герой из славянских земель, с берегов Дуная устремился в Грецию, чтоб «…турок сабля роковая / Пресекла горестный удел». Не так ли и в жизни Лермонтов упорно стремился к боевым походам, всерьез подумывал уехать в Персию или в туркестанские походы, в крайнем случае на Кавказ? И вот уже перед героем «Геллеспонт седой, широкий, / Плеская волнами, шумит…»: шумит этот Геллеспонт или, иными словами, пролив Дарданеллы до сих пор и у меня за окном, шумит не переставая. И грозных скал много, и слышен свист ветров, и башни гордые крепостей рыцарей-госпитальеров встречают поныне удивленный взор… И вот уже виден лермонтовский герой — атаман греческих морских разбойников — корсаров. Спасая разбитое греческое судно, он встречает на нем молодую обессиленную гречанку. Сердце героя поражено, звезду гречанки

затмила туча злая…

С тех пор, друзья, и я стенаю,
Моя тем участь решена,
С тех пор покоя я не знаю,
Но с тех же пор я омертвел,
Для нежных чувств окаменел.

Конечно, романтизм, конечно, Байрон, но как уже тогда предвосхищена вся лермонтовская судьба, как поэт предвидел будущую окаменелость своих нежных чувств! Все его юношеские стихи и поэмы, включая великолепную севернорусскую песнь «Последний сын вольности» (1831), восходят к двум темам — борьба за свободу (русских от варягов, греков от турок и т. д.) и элегия об одиночестве и несчастной любви.

Когда перед юношей легко разворачивается пространство, меняются эпохи, цивилизации, гибнут герои, до простой учебы или простых товарищеских настроений времени нет. Учение проходит как бы автоматически. И благодаря великолепной памяти и обширным знаниям более чем благополучно. Он уже готовит свой рукописный сборник стихов 1829 года, куда помещает и стихотворение «Поэт». Думает об издании рукописного журнала. Похоже, и товарищи ему более всего нужны — для литературных занятий.

Много и вполне справедливо пишут об одиночестве и нелюдимости Михаила Лермонтова, но как-то редко называют причины такого характера. Я думаю, и в этом виновата прежде всего столь эгоистично любившая его бабушка. Почти все дети учились в пансионе и жили в нем же — так формировался коллектив, складывались дружеские отношения. Михаил Лермонтов поступил в пансион в 1828 году, но, не желая расставаться с внуком, бабушка определила его полупансионером, то есть после занятий слуги отвозили Мишеля домой. Так было и в дальнейшем, даже из юнкерской школы бабушка умудрялась зачастую забирать внука к вечеру домой, сняв квартиру рядом. И в летних лагерях в Царском Селе внук предпочитал по возможности проводить время в снятой там же бабушкой квартире. Всю детство и юность Михаил Лермонтов жил наособицу от своих товарищей, вот и выработалась привычка к одиночеству. Вращался он исключительно в кругу родственников и знакомых семьи, это тоже усиливало замкнутость и отчуждение. Потому и развивался он не в кругу друзей, а в кругу книг, жил в мечтах, в обществе книжных героев. С одной стороны, его окружал не очень интересный мир средних

помещиков, с другой — мир Байрона и Шиллера, Вальтера Скотта и Пушкина… Из книг прорастала вся юношеская поэзия Лермонтова. Он и на занятия в пансион приходил с книжкой в руках. Если лекция была ему не интересна, читал книгу.

Не случайно его товарищ по пансиону А. М. Миклашевский позже вспоминает: «Всем нам товарищи давали разные прозвища. В памяти у меня сохранилось, что Лермонтова, не знаю почему, — прозвали лягушкою. Вообще, как помнится, его товарищи не любили, и он ко многим приставал. Не могу припомнить, пробыл ли он в пансионе один год или менее, но в 6-м классе к концу курса он не был. Все мы, воспитанники Благородного пансиона, жили там и отпускались к родным по субботам, а Лермонтова бабушка ежедневно привозила и отвозила домой» [20].

Пансион помещался на Тверской. Там, где сейчас находится почтамт, в самом центре Москвы: в доме Базилевского. Было в пансионе шесть классов, где обучалось до трехсот учеников. 4-й и 5-й классы Мишель благополучно окончил, на каникулы уезжая в Тарханы или же к родственникам в подмосковное имение Середниково. Иногда к нему из тульского имения приезжал отец Юрий Петрович, чему Мишель искренне радовался. В письмах Лермонтова упоминаются два преподавателя: инспектор М. Г. Павлов и Д. Н. Дубенский. Дубенский учил ребят русскому языку, знакомил с народной поэзией. Павлов собирался издавать рукописный журнал из сочинений своих учеников, взял для сборника поэму Лермонтова «Геркулес и Прометей», он расхваливал и стихи его, и созданный им журнал. Павлову не удалось сделать сборник из произведений учеников, но стихотворение Михаила Лермонтова «Весна» он опубликовал в 1830 году в московском литературном журнале «Атеней». Это была первая публикация стихов великого русского поэта. И было Мишелю в ту пору всего 14 лет.

Он писал своей тетушке М. А. Шан-Гирей, что учитель взял у него поэму и «…хочет издавать журнал „Каллиопу“ (подражая мне!..), где будут помещаться сочинения воспитанников. Каково вам покажется; Павлов мне подражает, перенимает у… меня! — стало быть… стало быть… но выводите заключения, какие вам угодно». Думается, что юный поэт уже ощутил силу своего божественного дарования.

Кроме стихов и занятий, Михаил Лермонтов старается не пропускать ни одной театральной премьеры, становится завзятым театралом, поклонником великого Мочалова. В очередном письме тетеньке он пишет: «Помните ли, милая тетенька, вы говорили, что наши актеры (московские) хуже петербургских. Как жалко,

что вы не видели здесь „Игрока“, трагедию „Разбойники“. Вы бы иначе думали…»

Постановка трагедии Шиллера «Разбойники» с Мочаловым в роли Карла Моора стала событием в русском театре. Она была созвучна настроению московской молодежи, воспевающей свободу личности и высокие страсти. Карл Моор, предводитель благородных разбойников, карает богачей и защищает обиженных.

Но приближались очередные каникулы, и «…прости! Достопочтенный пансион. Но не думайте, чтобы я был рад оставить его, потому учение прекратится; нет! Дома я заниматься буду еще более, нежели там».

Из написанных летом 1829 года стихов Михаил Лермонтов подготовил первый сборник «Мелкие стихотворения. Москва в 1829 году». Стихи посвящены природе, истории, дружбе. Среди друзей я бы выделил Сабурова, Дурнова и Петерсона. Интересна история с Петерсоном. Он был арестован полицией за то, что ходил по Москве с белым бантом. За этот проступок его посадили на две недели на хлеб и воду, а затем отправили к родителям в деревню. Под стать нынешним белоленточникам.

Интересны пейзажи Середникова.

> Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
> Укрывшися лесов в таинственную сень,
> Или под ветвями пустынныя рябины,
> Смотреть на синие, туманные равнины[21].

Там, в Середникове летом 1830 года Мишель познакомился и со всем семейством Верещагиных, с Катенькой Сушковой и с Варенькой Лопухиной. Все его будущие музы или приезжали с родителями в гости в имение Столыпиных в Середниково, или жили по соседству. Четыре лета подряд, с 1829 по 1832 год Мишель проводил с бабушкой каникулы в Середниково. Имение купил в 1825 году дед Лермонтова Дмитрий Алексеевич Столыпин, незадолго до своей смерти.

В этом же сборнике 1829 года Мишель поместил и стихотворение «Жалобы турка», где явно просматривается аналогия с режимом Николая I. Сейчас стало модно отрицать революционность и бунтарство Лермонтова. Да, он не был никогда осознанным целеустремленным революционером или даже поклонником декабристов. Но с его-то характером не протестовать против удушающего режима было бы смешно. В конце концов, он и Благородный пансион покинул, не доучившись в апреле 1830 года из-за преобразования пансиона по приказу

боявшегося любой смуты царя в обычную гимназию, где были положены и телесные наказания.

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! Этот край… моя отчизна!

Прикрывшись «Жалобой турка», а как раз в это время шла Русско-турецкая война, он постарался этим избежать ненужных сравнений с Россией и ненужных ему наказаний. Но вольнодумство свое, в том числе и политическое, продолжил позже и в других стихах.

В обеих тетрадях стихов, написанных в пансионе, много переводов из любимого тогда Шиллера. Как считает автор прекрасной книги «Лермонтов в Москве», один из лучших наших лермонтоведов Т. А. Иванова, этот его шиллеровский период обязан его педагогам Раичу, Павлову и Максимовичу, которые насыщали переводами из Шиллера все свои занятия.

В рукописном сборнике Лермонтова за 1829 год и появляется его первый демон. Он так и назвал стихотворение «Мой демон». Не подумаешь, что юноше было всего-то 15 лет. За стихотворением «Мой демон» последовали и первые варианты поэмы «Демон». На глазах у России рождался новый великий поэт. 6-й класс в пансионе уже проходил привычно и вполне благополучно. Все время делилось между учебой, поэзией и светской жизнью, подразумевавшей знакомство с прелестными москвичками. Но об этом чуть попозже.

Неожиданно 11 марта 1830 года в коридоре пансиона появился приехавший в Москву император Николай I. Он явился без всякого предупреждения и без охраны. До него доходили слухи о вольнодумстве экзальтированной молодежи, обучающейся в привилегированных пансионах, зараженных революционными идеями, и он решил проверить. Бунтарей не выявил, но на самого царя в коридорах пансиона никто из учащихся не обратил никакого внимания. Для нашего времени это невероятно. Представьте. Владимир Путин пришел в школу, его толкают. Его никто не замечает… Так что, осуждая самого царя за суровость, я одновременно уважаю его за простоту и естественность. Зашел, никого не спрашивая, никого не предупреждая. Вот и получил за свою анонимность.

Пансионеры решили, что это, очевидно, какой-то генерал, пришел хлопотать за своего сынка. На перемене все шумели. Толкались, носились по коридорам. Начался урок. Император

зашел в 5-й класс, педагога еще не было, ребята опять же не обратили на вошедшего генерала никакого внимания. Лишь один из учеников узнал императора и вскочил с возгласом: «Здравия желаю Вашему Величеству!» Никто его не поддержал, скорее, зашикали за неуместное приветствие. Решили, что пошутил. Пока пришел педагог, пока разобрались, гнев Николая все более нарастал. Всех учащихся всех классов собрали в актовом зале, вот тут-то впервые Михаил Лермонтов увидел своего императора, и не в лучшем виде. Император упрекнул и пансионеров, и педагогов в излишней вольности и недисциплинированности. Вернувшись в столицу, император распорядился закрыть Благородный пансион и переименовать его в обычную гимназию. Многие родители забрали своих детей из старших классов. Забрала бабушка и Михаила Лермонтова, не дожидаясь порки своего строптивого внука. А может, и полезно было бы Михаилу попробовать школьных розог, не так бы в будущем лез на рожон? Кто знает.

Решили осенью поступать в Московский университет. Ему выдали свидетельство о том, что «…из Благородного Пансиона Императорского Московского Университета пансионеру Михаилу Лермантову в том, что он в 1828 году был принят в Пансион, обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам, с отличным прилежанием, с похвальным поведением и с весьма хорошими успехами; ныне же по прошению его от Пансиона с сим уволен…»

Впереди было лето в его любимом Середникове, а затем занятия уже в Московском университете. Казалось бы, все шло хорошо. В Середникове летом 1830 года были написаны и цикл стихов, посвященных Катеньке Сушковой, и трагедия «Испанцы», и стихотворение «Предсказание», мало кем понятое и сегодня, зловеще-пророческое. Никак не связанное с самой достаточно благополучной жизнью начинающего студента.

Настанет год. России черный год,
Когда царей корона упадет…

Ниже стихотворения было написано самим Лермонтовым: «Мечта». Связано ли это было с парижской Июльской революцией 1830 года, с событиями в самой России, никто не знает. Мальчик мечтает о мятежах и свержении царя? О крови и насилии? Но пока мечты оставались мечтами, и Мишель проводил время с прелестными соседками в Середникове. Целая тетрадь стихов была заполнена в 1830 году.

Связан этот год и с увлечением английским поэтом и бунтарем Байроном. Английский лорд на время стал его идеалом. Также конфликтующий с миром, также мечтающий о любви, также борющийся за свободу.

> Я молод, но кипят на сердце звуки,
> И Байрона достигнуть я б хотел;
> У нас одна душа, одни и те же муки, —
> О, если б одинаков был удел!.. [22]

В первоначальном варианте Лермонтов начинает последнюю строфу: «Как он, ищу в стране моей свободы», позже из цензурных соображений переправил «Как он, ищу забвенья и свободы». Нет, никак не будем отрицать определенный индивидуалистический лермонтовский радикализм, отнюдь не придуманный советскими исследователями. Тогда надо перечеркнуть чуть ли не всю поэзию Лермонтова. Даже Пушкин был поспокойнее, особенно к концу жизни.

Джордж Гордон Байрон царил тогда в русской литературе, им увлекались и Александр Пушкин, и Кондратий Рылеев, и все декабристы, и Виссарион Белинский. Как всегда в таких случаях, увлечению байронизмом способствовали не только стихи великого английского поэта, сколько сама его жизнь. Изгнанный за бунтарство из родной Англии, несмотря на свой титул лорда, он воевал за свободу Италии и, в конце концов, погиб за свободу Греции во время греческого восстания 1824 года. В Англии в то время о Байроне вообще не принято было говорить, как ни парадоксально, в царской России с его именем было полегче, потому что Россия воевала с турками, и, следовательно, враги Турции были нашими друзьями.

Может быть, Михаил Лермонтов и стал бы всего лишь вторичным байронистом на всю жизнь, заразившись его идеями и возлюбив его стихи. В этом и сейчас упрекают Лермонтова иные писатели и литературоведы. К счастью, сам творческий дар Лермонтова заставлял его перебарывать байронизм. В этом и заключается истинная русскость. Все полезное русифицировать и сделать своим!

До конца дней своих оставаясь поклонником байроновского гения, он еще в Москве, будучи студентом, понимал, что его путь — иной. Путь русского национального поэта, идущего от своих корней, своих традиций. Байрон уже ни «Бородино», ни «Песню про… купца Калашникова», ни «Героя нашего времени» не написал бы.

И уже спустя год с небольшим после начала своего увлечения

Байроном, в 1832-м Михаил Лермонтов пишет:

Нет, я не Байрон, я другой.
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Московский период Михаила Лермонтова, думаю, прежде всего важен как период становления поэта. Из Москвы в Санкт-Петербург в 1832 году ехал пусть еще мало кому известный, но уже состоявшийся русский поэт. Дело другое — надо ли было ему туда ехать? Историю не повернешь, но мне искренне жалко, что с учебой в Московском университете у Михаила Лермонтова ничего не получилось. Что тому виной: любовные увлечения, уход в поэзию, ломка юношеского характера? Не знаю, и никто никогда не скажет, будут существовать самые разные версии. Сейчас любят обвинять якобы малограмотных московских профессоров, изгнавших чересчур независимого студента, но я не уверен в этом.

Что мешало Михаилу Лермонтову ответить на экзаменах в формате заданного предмета, а потом уж фантазировать самому, сколько душе угодно? Немало самых светлых голов в России заканчивали в эти годы этот университет, отнюдь не упрекая его в неграмотности. Непонятен даже изначальный выбор Лермонтова. Почему-то 21 августа 1830 года Михаил Юрьевич пожелал учиться на нравственнополитическом отделении. Почему не на словесном? Отец вообще советовал ему уехать учиться за границу, что вполне было возможно. Но как жить без бабушкиной опеки? Впрочем, позже Лермонтов перешел на словесное отделение, где преподавали и Надеждин, и Каченовский, и известный еще по пансиону Павлов. Читали русскую историю, всеобщую историю, греческую словесность, римскую словесность, французский язык, немецкий язык… Вместе с ним учились Герцен и Белинский, Константин Аксаков и Иван Гончаров… Как всегда, всякое в учебе бывало, и студенты хулиганили, на лекциях того же Победоносцева воробья выпускали, и профессора разные были. Именно Московский университет становился в те годы центром русского образования. Сам же Лермонтов писал:

Святое место!.. Помню я как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры
О Боге, о вселенной… [23]

Из тех же профессоров Погодин был издателем «Московского вестника», Каченовский издавал «Вестник Европы»… Писал позже Александр Герцен о своих студенческих годах: «Да, Московский университет делал свое дело! Профессора, способствовавшие своими лекциями развитию Лермонтова, Белинского, а затем Тургенева, Кавелина, Пирогова, могут спокойно играть в бостон и еще спокойнее лежать под землей»… Существовали всем известные студенческие кружки Станкевича, Герцена, вокруг которых собирались все любители литературы и философии, политики и истории. Михаил Лермонтов в эти кружки не ходил, сторонился, чуждался шумных товарищей. Вся его жизнь шла как бы изнутри. Не хочу обвинять в чем-то моего героя.

Да, был такой период в его жизни, на лекциях если и сидел, то с книгой в руках, погрузившись в чтение. С товарищами общался мало, ни к каким кружкам — ни западников, ни славянофилов — не примыкал.

Как вспоминал его сокурсник П. Ф. Вистенгоф: «Видимо было, что Лермонтов имел грубый, дерзкий, заносчивый характер, смотрел с пренебрежением на окружающих. Считал их всех ниже себя… Хотя все от него отшатнулись… странное дело, какое-то непонятное, таинственное настроение влекло к нему и невольно заставляло вести себя сдержанно в отношении к нему… завидовать стойкости его угрюмого нрава…»

Свою студенческую жизнь описывает Михаил Лермонтов и в трагедии «Странный человек», и в поэме «Сашка», хотя и написанной уже в Санкт-Петербурге после юнкерской школы, но самой его московской по духу поэме.

Вспоминает свои студенческие годы и будущий автор «Обломова» Иван Александрович Гончаров: «Нас, первогодичных, было, помнится, человек сорок. Между прочим, тут был и Лермонтов, впоследствии знаменитый поэт, тогда смуглый, одутловатый юноша, с чертами лица как будто восточного происхождения, с черными выразительными глазами. Он казался мне апатичным, говорил мало и сидел всегда в ленивой позе, полулежа, опершись на локоть. Он недолго пробыл в университете. С первого курса он вышел и уехал в Петербург. Я не успел познакомиться с ним».

К тому же для начала вместе с Лермонтовым в университет в 1830 году пришла и холера. На всю Москву. С сентября 1830 года по январь 1831 года занятий не было, спасались от заразы. Потому и год этот учебный никому зачтен не был, следующий, 1831 год начинали с тех же курсов. Лермонтов с удовольствием слушал лекции профессора Гарвея, посвященные Байрону и английской литературе, лекции по истории Погодина. Остальные

профессора его как бы и не интересовали. Когда профессор изящной словесности Победоносцев спросил его, откуда он узнал те сведения, о которых профессор не говорил, Михаил Лермонтов гордо ответил, что он получает новые книги из Европы и они еще просто не известны профессору. Вряд ли подобный ответ понравился Победоносцеву. Так же вызывающе отвечал Лермонтов и другим профессорам. Зачем? Не хотелось учиться?

> …Пришли, шумят… Профессор длинный
> Напрасно входит, кланяется чинно, —
> Он книгу взял. Раскрыл, прочел… шумят;
> Уходит — втрое хуже. Сущий ад! [24]

К тому же во времена Лермонтова на всю Москву прогремела так называемая маловская история, когда профессора Малова студенты выгнали из аудитории и выбросили вслед ему его калоши. Историю спустили на тормозах, не стали доводить до репрессий в отношении студентов, да и профессора поскорее отправили в отставку. Да еще в октябре 1831 года умер у себя в Кропотове отец поэта. Одним словом, Лермонтову было не до регулярной учебы. Но все эти бунты, холеры, стычки с профессорами привели к тому, что на втором году Лермонтов не был аттестован ни одним из профессоров. Как правило, против его фамилии стояла надпись «отсутствовал». И в результате по итогам года он был из университета уволен.

Хорошо еще его не изгнали из университета, что могло осложнить всю его будущую жизнь. «Посоветовали уйти» — «Consil abeundi». Он последовал совету.

Вначале вместе с бабушкой решили перейти в Санкт-Петербургский университет, надеясь, что будут зачтены уже сданные предметы. Оказалось, что в Петербурге учебу надо начинать сначала, с первого курса. Почему бы и нет? Но что-то отвращало юного Лермонтова от студенческой жизни. Долгих пять или шесть лет занятий, чтобы стать каким-нибудь чиновником? Тем более и все его друзья к тому времени подались в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Два года и ты — офицер, впереди светская жизнь. О военной службе как-то и не думалось. Вот так и поменялась жизненная судьба поэта.

Конечно, можно и пожалеть, порассуждать: закончил бы университет, стал бы к тому времени признанным поэтом, основал бы журнал. К тому же оставался бы все время в своей любимой Москве. Но Лермонтов часто делал в жизни самые невыгодные для себя поступки.

Уехал из родной и любимой Москвы в нелюбимый и чужой Санкт-Петербург и там, уже учась в Школе юнкеров, написал изумительную «Панораму Москвы». Юнкерский его период вообще творчески бедноват, да и эту «Панораму Москвы» он написал как «описательное сочинение» по теории словесности, заданное преподавателем юнкерской школы В. Т. Плаксиным. Это как бы итог его московской жизни.

«Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случалось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке… нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!.. Как у океана, у нее есть свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный!..»

Это в каком-то смысле даже спор со своим любимым Александром Сергеевичем Пушкиным, написавшим в то время о том, как «померкла старая Москва» перед новою столицей. Нет, и в петербургские времена Москва, по мнению поэта, остается главным символом России:

«Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?…

Он алтарь России, на нем должны совершаться и уже совершались многие жертвы, достойные отечества… Давно ли, как баснословный феникс, он возродился из пылающего своего праха?…

Что величественнее этих мрачных храмин, тесно составленных в одну кучу, этого таинственного дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лет уже не слышат звуков человеческого голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни в память царей великих?!

Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его темных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно… Надо видеть, видеть… надо чувствовать все, что они говорят сердцу и воображению!..

Юнкер Л. Г. Гусарского Полка *Лермонтов*».

Если последний год московского периода был неутешителен и даже катастрофичен в учебном плане, то в творческом плане

1832 год можно считать важнейшим в становлении писательского таланта. Написаны две пьесы: «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек». Создана лучшая из семнадцати юношеских поэм «Измаил-Бей». Множество переводов, стихов о любви.

Все-таки поражает, как горская шотландская кровь еще до длительных поездок на Кавказ, до начала своей боевой воинской службы, тянула его к этой теме борьбы горцев за свою свободу. Это уже не объяснишь ни Байроном, ни Колриджем, никакими книжными влияниями. Это уже не романтические «Испанцы». Семнадцатилетний поэт описывает одинокого героя, горца, долго и доблестно прослужившего в русской армии и вернувшегося на Кавказ. Этот образованный черкес в чем-то схож с советскими полковниками Дудаевым и Масхадовым, доблестно отвоевавшими в Афганистане. Да и ситуации схожи. Родного аула нет, уничтожен. Он готов воевать уже с русскими за свою родину. «Горят аулы; нет у них защиты…» Он гибнет от руки брата. Черкесы, воевавшие вместе с Измаил-Беем, собираются хоронить его, но находят на груди «крест на ленте полосатой» — Георгиевский крест, который гордый офицер не желал снимать с себя, даже когда стал воевать с русскими. Черкесы отказываются хоронить чужака. Поэму Михаил Лермонтов написал на основе услышанной на Кавказе легенды о реальном кабардинском князе Измаил-Бее Атажукине (Атажукове). Но, минуя и байроновские мотивы из «Лары», минуя кавказские легенды, на первый план выходит чисто лермонтовский одинокий и отверженный герой. Может, сама судьба все же вела гениального поэта по его трагическому пути?

В Москве же в 1832 году начал писать Лермонтов и исторический роман, позже условно названный «Вадим». Опять за основу взяты услышанные в пензенском детстве предания о Пугачевском восстании, и опять в центре романа стоит условный демон — горбун Вадим. Как тут не вспомнить о небольшой горбоватости самого Лермонтова, не случайно его в юнкерской школе прозвали «Маёшка», по имени горбатого, но умного героя одного из французских шутовских романов. Павел Висковатый полагал, что это героиня романа Эжена Сю «Le juif Errant». Горбатенькая, но поэтическая душой *la Mayeux*-Маёшка. Самому Лермонтову это прозвище даже нравилось, как и героиня романа. Так что в неудавшейся попытке первого романа мы видим и истории из Пугачевского восстания, основанные на реальных фактах, и новую версию прозаического демона, и определенную автобиографичность в построении образа героя. Нищий горбун Вадим мстит за своего отца, чье поместье было жульническим путем присвоено богатым соседом. Месть Вадима за отца

становится крайне жестокой и даже безумной в глазах самих пугачевцев. А я подумал: нет ли здесь еще и какой-то дальней линии мести Михаила Лермонтова за своего отринутого отца? Некой метафорической мести?

Продолжил свой трагический роман «Вадим» Михаил Лермонтов и в Петербурге. Он писал Марии Александровне Лопухиной 28 августа 1832 года: «…мой роман — сплошное отчаяние: я перерыл всю свою душу, чтобы добыть из нее все. Что только могло обратиться в ненависть, и в беспорядке излил все это на бумаге. Читая его, вы бы меня пожалели».

Пожалеем и мы нашего героя. С детства до конца дней своих обреченного на одинокую, замкнутую, творчески напряженную и мало кем понятую и понятную жизнь русского национального гения.

«Люблю тебя нездешней страстью…»

О лермонтовской влюбчивости писали много, иные готовы были и всю его поэзию отдать на откуп женщинам. Думаю, на самом деле всё происходило с точностью до наоборот. Да, он стремился найти в женщинах отдушину для своего нелегкого бытия. Еще в юности, учась в московском пансионе, он писал в стихотворении об отце (1831) об осознанном забвении в женском сердце.

О, мой отец! где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах;
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.
Есть рай небесный! звезды говорят;
Но где же? Вот вопрос — и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

Умный не по годам Михаил Лермонтов почти не отдавался женщинам по чистому зову сердца, не подпускал их чересчур близко к себе. Его любовные признания в стихах часто посвящены не подружкам, а своим чувствам к ним, самой природе любви.

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил [25].

В его одинокой и отчужденной жизни страсть к женской любви была чуть ли не главным спасением и утешением. Но я бы отделил эту огромнейшую тягу к любви от конкретных страстей к конкретным женщинам. Скорее соглашусь с Дмитрием Мережковским, который даже самую знаковую именную любовь к Вареньке Лопухиной называл «нездешней», ссылаясь на всем известные строчки из поэмы «Демон», из признаний самого Демона:

Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью

Бессмертной мысли и мечты.

В конкретных-то любовных серьезных романах он был, как правило, до предела несчастен, и все возлюбленные упорхали из его объятий в надежные, солидные замужества. Противопоставить этим стареющим состоятельным мужчинам, кроме своей пылкой страсти и стихов, Михаил Лермонтов ничего не мог.

Но тем не менее именно с московских времен любовь к женщине царила в его сердце. Связывая воедино родной город и чарующие женские образы, в поэме «Сашка» Лермонтов пишет:

…Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Там я впервые в дни надежд и счастья
Был болен от любви и любострастья…

Если верить его записям, то впервые он полюбил в десять лет, на Кавказских водах.

Записка 1830 года: «8 июля, ночь. Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? — Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет девяти. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою она была или нет, но ее образ и теперь еще хранится в голове моей. Он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату. Она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; с тех пор я еще не любил так. О, сия минута первою беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку, без причины; желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату; я не хотел (боялся) говорить об ней и убегал, слыша ее названье (теперь я забыл его), как бы страшась, чтоб биение сердца и дрожащий голос не объяснили другим тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу, не поверят ее существованию, — это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность… нет, с тех пор я ничего подобного не видал, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. — Горы Кавказские для меня

священны… И так рано! в 10 лет! О, эта загадка, этот потерянный рай до могилы будут терзать мой ум! Иногда мне странно, и я готов смеяться над этой страстию, но чаще — плакать. Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. Я думаю, что в такой душе много музыки».

Об этом чувстве в том же 1830 году написал он и стихотворение «Первая любовь». Но, может быть, ему хотелось растревожить свои чувства?

В ребячестве моем тоску любови знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной.
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампады образной,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был как лед,
И очи — этот взор в груди моей живет;
Как совесть душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.

Позже, когда поэт стал знаменитым, нашлись и претендентки на роль этой незнакомой девятилетней девочки. Эмилия Верзилина, в замужестве Шан-Гирей, уже в пору лермонтовской посмертной знаменитости, в 1860-е годы, смело отождествила себя с этой малюткой. Ее дочь вспоминает: «Это была моя мать, она помнит, как бабушка ходила в дом Хастатовых и водила ее играть с девочками, и мальчик-брюнет вбегал в комнату, конфузился и опять убегал, и девочки называли его Мишель…» Вообще-то Эмилия Шан-Гирей оставила не самый добрый след в жизни поэта, в его дуэльной истории, могла бы и не придумывать байки. Но в них ли дело?

Михаил Лермонтов писал, как влюбился второй раз, будучи в гостях у отца в имении Кропотово. И опять, это скорее была любовь к своим детским воспоминаниям: «Напоминание о том, что было в Ефремовской деревне в 1827 году, где я во второй раз любил двенадцати лет — и поныне люблю».

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня невольно к вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..

О, сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней, и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу, забывшись им. Но полный весь тоскою
Неверной девы лик мелькает предо мною… [26]

Уже в Москве во время учебы в пансионе у Мишеля вновь появляется предмет его мечтаний, и опять вполне детских: «1830 (мне теперь 15 лет). Я однажды (3 года назад) украл у одной девушки, которой было 17 лет, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синий снурок; он и теперь у меня хранится. Кто хочет узнать имя девушки, пускай спросит у двоюродной сестры моей. Как я был глуп!..»

Привычка собирать и хранить мелкие девичьи интимные безделушки сохранилась у поэта до конца жизни. И в кармане погибшего на дуэли Лермонтова, как мы знаем, хранился мелкий девичий сувенир от последней своей возлюбленной Катеньки Быховец: бандо, которое было всё в крови Лермонтова.

В Москве, уже чуть ли не наряду с поэзией, а иногда и потесняя поэзию, его сердце занимали женщины. Он был искренен во всех своих увлечениях, но по-прежнему скорее любил саму любовь к ним, нежели самих избранниц. Откровенно боялся взаимной любви, ответного чувства. С одной стороны, он был явным мечтателем, но его семнадцатилетние подружки, естественно, смотрели на него как на пажа, шута, поверенного в делах, и… находили более солидных мужчин для замужества.

Вскоре Михаил Лермонтов уже навсегда успокоился, что «благодарных» женщин нет, что женщина и измена — это синонимы, и потому серьезного внимания на них уже старался не обращать. Как позже в Санкт-Петербурге писал после разговора с ним Виссарион Белинский в письме Боткину: «Женщин ругает: одних за то, что дают; других за то, что не дают… Пока для него женщина и давать одно и то же. Мужчин он также презирает, но любит одних женщин, и в жизни только их и видит…»

Но тут в оправдание Михаила Лермонтова я скажу, что когда он стал юношей, молодым мужчиной, уверенным в себе и в своих силах, может, и не красавцем, но сильной талантливой личностью, умело очаровывающим женщин, он мог и всерьез влюбиться, мог даже помечтать о будущей совместной жизни. С Катей ли Сушковой, с Варенькой Лопухиной или позже с Марией Щербатовой. Но всё та же властная и любящая бабушка Елизавета Алексеевна, как и в случае с отцом, жестко сказала внуку, что при своей жизни благословение (а значит, и право на наследство) на свадьбу она ему не даст. Но никакую искренне любящую его

молодую дворянку, к примеру, ту же Вареньку Лопухину или Катеньку Сушкову, никакая семья нищему дворянину без наследства замуж не отдала бы. Уже в 1840 году, когда Лермонтову было 25 лет, возраст, вполне пригодный для женитьбы по всем обычаям того времени, Е. А. Верещагина пишет своей дочери Александре, доброй приятельнице поэта, уже вышедшей замуж в Германии за барона Хюгеля: «Часто спорю с Елизаветой Алексеевной (Арсеньевой. — **В. Б.).** Слышать не хочет, чтобы Миша при ней женился, любить будет жену, говорит, и что это ее измучит, и не хочу, говорит, чтоб он при жизни моей женился…»

Да и он сам, привыкнув к безбедной жизни, вряд ли рискнул бы жениться без гроша в кармане, без благословения бабушки, обрекая себя и семью на скудное существование. Подобные случаи бывали, но не так часто в дворянской среде. К примеру, мне кажется, могла бы решиться на такое небогатое замужество княгиня Щербатова, искренне любящая поэта, к тому же прошедшая суровую школу жизни.

Конечно, не будь этой несчастной дуэли, годам к тридцати бабушка могла бы смилостивиться и помечтать о правнуках. Но до такой поры поэт не дожил. И поэтому, увлекшись самой чистой любовью, он не мог надеяться на серьезное развитие отношений. Он сам смирял свою любовь, высмеивал ее, всякий раз останавливаясь на опасной черте. Любя всерьез Катеньку Сушкову, открыто издевался над ней, убивая в себе свои чувства.

Как сам же и писал в стихах:

> Он громкий звук внезапно раздает,
> В честь девы милой сердцу и прекрасной —
> И слышится начало песни! — но напрасно! —
> Никто конца ее не допоет!.. [27]

Вот и сам Михаил Лермонтов ни одной из песен любви до конца и не допел. Да и не так уж много в силу этого было у Михаила Лермонтова серьезных романов. Девушки тоже были наслышаны о несговорчивой бабушке. О женихе Лермонтове никто и не мечтал. Вот поэтому всё у него в основном сводилось в любовных отношениях к «дают или не дают…». И в любовной лирике своей поэт не столько рисует зримые образы своих возлюбленных, сколько фиксирует свои любовно-трагические переживания. Об этом достаточно резко написал философ Владимир Соловьев:

«Во всех любовных темах Лермонтова главный интерес принадлежит не любви и не любимому, а любящему „Я“, — во

всех его любовных произведениях остается нерастворенный осадок торжествующего, хотя бы и бессознательного эгоизма… Заметьте, что в этих произведениях почти никогда не выражается любовь в настоящем, в тот момент, когда она захватывает душу и наполняет жизнь. У Лермонтова она уже прошла, не владея сердцем, и мы видим только чарующую игру воспоминания и воображения…»

Он предпочитал или по-настоящему, без ухаживаний, дружить с умными женщинами, или же волочиться за прелестными распутницами, добиваясь физической любви и не более. Он не мог ответить на серьезное чувство любви. По сути, он сбежал от Вареньки Лопухиной из Москвы, клявшейся ему в вечной любви, и затеял интрижку в Петербурге с Екатериной Сушковой, тем самым ускорив замужество Лопухиной. Сбежал он и от Марии Щербатовой, перестав общаться с ней после дуэли с Барантом. Мария Алексеевна от всего этого дуэльного шума переехала из Петербурга в родную для поэта Москву. Лермонтов встречался с ней в мае 1840 года, но уже накоротке, прощально. А. И. Тургенев пишет в дневнике: «Был у кн. Щербатовой. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова…»

Думаю, она могла бы стать лучшей и верной женой поэта, всё понимающей и всё принимающей. Может, тогда и дуэли бы никакой не было, не допустила бы. После дуэли с французом Эрнестом де Барантом княгиня писала: «…Я счастлива, что они не поранили один другого, я желаю быть лучше осужденной всеми, но все-таки знать, что оба глупца останутся у своих родителей. Я-то знаю, что значит такая потеря». У Марии Алексеевны вскоре после дуэли умер двухлетний сын, и сразу же род князей Щербатовых отрекся от нее и отобрал почти все княжеское наследство, оставшееся после кончины ее мужа, князя Щербатова. Так что она, несмотря на свою красоту и молодость, не была беззаботной пейзанкой. Сумела выстоять, сохраняя свой добрый и заботливый характер. Любила и самого Лермонтова, и его поэзию. Но, видно, не суждено было.

Молодая вдова, красивая и образованная, Щербатова жила с маленьким сыном в Петербурге, предпочитала светским балам литературный салон Карамзиных, где и познакомилась с Лермонтовым. Как вспоминает друг и родственник поэта А. П. Шан-Гирей, Михаил Лермонтов серьезно увлекся очаровательной княгиней. Красота ее была такова, «что ни в сказке сказать, ни пером описать». К тому же она очень высоко ценила поэзию своего возлюбленного: «Мне ваш Демон нравится; я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака». Казалось бы, слова кокотки, соблазняющей поэта. Но именно Мария

Щербатова стала допытываться у Лермонтова, молится ли он когда-нибудь. И когда поэт ответил, что давно позабыл все молитвы, она с ужасом молвила: «Неужели вы забыли все молитвы, не может быть!» И прочитала сразу же ему Богородицу. В тот же вечер Михаил Лермонтов написал и посвятил ей свою «Молитву», одно из гениальнейших русских стихотворений, кроме этого, стихи «Отчего» и «М. А. Щербатовой» (1840). Это уже не какая-то любовная и мечтательная лирика.

…И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на Бога
Хранит она детскую веру;
Как племя родное
У чуждых опоры не просит.
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.
От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

Даже за одно то, что княгиня побудила Лермонтова написать свою «Молитву», честь ей и хвала. С ней поэту не надо было играть во француза, притворяться. Не надо было и тратиться чрезмерно. «Как племя родное у чуждых опоры не просит…», самостоятельна во всем. Молодая княгиня в свои 20 лет прошла и через смерти, и через страдания, скорее больше заботилась о других, чем о себе. Эх, жаль, не решился Михаил Юрьевич на женитьбу. А «Молитву» я все же предлагаю целиком еще раз прочитать читателю, куда же без нее?!

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко…

Думаю, не случайно и другую свою изумительную чистейшую «Молитву» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою / Пред Твоим образом, ярким сиянием…») Михаил Лермонтов тоже сочинил в 1837 году в Москве, перед отъездом в ссылку на Кавказ, и тоже посвятил ее уже другой любимой женщине — Вареньке Лопухиной. Две лермонтовские женщины и одновременно два чуда русской православной поэзии. Но об этом позже.

Он вроде бы всегда был окружен женщинами, но именно что — верными подругами. Такими были и Анна Столыпина, и Александра Верещагина, и Александра Смирнова-Россет, и Мария Лопухина, и Софья Карамзина, и Евдокия Ростопчина. Рано лишившись матери, он постоянно жаждал дружеской женской опеки, доверяя своим подругам часто самые сокровенные тайны. Той же Марии Лопухиной он доверяет не только свои любовные секреты, но и лучшие свои стихи, делает поверенным лицом в его поэзии. К примеру, он пишет:

«2 сентября [1832]

Сейчас я начал кое-что рисовать для вас и, может быть, пошлю с этим же письмом. Знаете ли, милый друг, как я стану писать к вам? Исподволь. Иной раз письмо продлится несколько дней: придет ли мне в голову какая мысль, я внесу ее в письмо; если что примечательное займет мой ум, тотчас поделюсь с вами. Довольны ли вы этим? Вот уже несколько недель, как мы расстались и, может быть, надолго, потому что впереди я не вижу ничего особенно утешительного. Однако я все тот же, вопреки лукавым предположениям некоторых людей, которых не назову. Можете себе представить мой восторг, когда я увидал Наталью Алексеевну, она ведь приехала из наших стран, ибо Москва моя родина, и такою будет для меня всегда: там я **родился,** там много **страдал** и там же был **слишком счастлив**! Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему, но что делать. M-lle Annett сказала мне, что еще не стерли со стены знаменитую голову… Несчастное самолюбие! Это меня обрадовало, да еще как!.. Что за глупая страсть: оставлять везде следы своего пребывания! Мысль человека, хотя бы самую возвышенную, стоит ли отпечатлевать в предмете вещественном из-за того только, чтоб сделать ее понятною душе немногих. Надо полагать, что люди вовсе не созданы мыслить, потому что мысль сильная и свободная — такая для них редкость.

Я намерен засыпать вас своими письмами и стихами, это конечно не по-дружески и даже не гуманно, но каждый должен следовать своему предназначению.

Вот еще стихи, которые сочинил я на берегу моря:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом…
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?
Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит…
Увы! он счастия не ищет,
И не от счастия бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой…
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Прощайте же, прощайте! Я чувствуя себя не совсем хорошо: сон счастливый, божественный сон, расстроил меня на весь день… Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. Странная вещь эти сны! Отражение жизни, часто более приятное, чем сама действительность. Ведь я вовсе не разделяю мнения, будто жизнь есть сон; я вполне осязательно чувствую ее действительность, ее манящую пустоту! Я никогда не смогу отрешиться от нее настолько, чтобы от всего сердца презирать ее; потому что жизнь моя — я сам, я, говорящий теперь с вами и могущий вмиг обратиться в ничто, в одно имя, т. е. опять-таки в ничто. Бог знает, будет ли существовать это **я** после жизни! Страшно подумать, что настанет день, когда я не смогу сказать: **я!** При этой мысли весь мир есть не что иное, как ком грязи.

Прощайте, не забудьте напомнить обо мне своему брату и сестрам, кузина же, я полагаю, еще не возвратилась.

Скажите, милая Miss Магу, передал ли вам мой кузен Евреинов мои письма, и как он вам показался? потому что в этом случае я вас выбираю своим термометром.

Прощайте.

Ваш преданный Лерма» [28].

Вот так запросто, в письме подруге, и сочиняется стихотворение, которое сегодня учат во всех российских школах. И правильно делают, замечательное стихотворение. Я с детства считал, что оно написано где-то на юге, относится к южным морям. Нет же, нет, родная северная Балтика. Написано в первые же месяцы его пребывания в Петербурге в 1832 году, еще до юнкерской школы. Такие же проникновенные письма писал он Александре Верещагиной, Софье Карамзиной, Александре Смирновой-Россет. Да и эти женщины окружили его почти

материнской любовью, впрочем, ревнуя к чередующимся подружкам. Даже Мария Лопухина ревновала Лермонтова к сестре Вареньке и вычеркивала из писем всякие упоминания о ней. Женская душа…

Очень близко дружески общаясь с ценящими его талант и ум женщинами, Михаил Лермонтов, заодно и как писатель, познавал их характер, старался понять женскую сущность. Может быть, поначалу он и увлекался ими, но понимая, что никаких серьезных отношений у них быть не может, а на легкие романчики с юношей они и сами не пойдут, Лермонтов уже воспринимал их как верных друзей, такими они и оставались даже после своих замужеств. Часто даже их мужья помогали уберечь поэта от очередной опалы. Михаил Лермонтов писал в «Герое нашего времени»: «Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости». Они, его верные подруги, кстати, и сохранили лермонтовский архив в своих имениях.

Его возлюбленные поступали с лермонтовскими письмами и стихами и даже рисунками более решительно: или уничтожали сами, дабы не прочитал ревнивый муж, или же этот архив полностью истребляли их мужья. Так поступил и муж Натальи Ивановой, то же самое сделал и муж Варвары Лопухиной. Разве что Катенька Сушкова, скорее, гордилась своими отношениями с поэтом, простив ему все каверзы.

Близких друзей в Москве, в годы учебы в пансионе и в университете, практически не было, он далек был от своих сверстников. Его друзьями становились умнейшие женщины. И позже, переехав из Москвы в Санкт-Петербург, он продолжал писать письма, раскрывая свою душу, спрашивая советы — и Марии Лопухиной, и Александре Верещагиной, и Анне Столыпиной. Каждой из подруг он тоже, как правило, посвящал стихи, иногда из своих лучших, переносясь в стихах от конкретных женщин в мир надземных страстей. Так, на листе автографа стихотворения «Дерево», посвященного Анне Столыпиной, он написал: «Мое завещание (про дерево, где я сидел с А. С.). Схороните меня под этим сухим деревом, чтобы два образа смерти предстояли глазам вашим: я любил под ним и слышал волшебное слово: „люблю“, которое потрясло судорожным движением каждую жилу моего сердца».

Со всеми близкими ему женщинами, и верными подругами, и возлюбленными, пожалуй, за исключением княгини Марии Щербатовой, он познакомился в годы учебы в Москве. Даже с последней своей возлюбленной Катенькой Быховец он тоже познакомился впервые в Москве у своей тетки. Тем еще и дорога

ему была родная Москва. Петербург — для балов, для воинской службы, для мужских развлечений, а друзья и подруги, любимые и близкие — все из Москвы.

Так уж случилось, что три самые напряженные и драматические любовные истории протекали у влюбчивого поэта одна за другой, а то и одновременно в Москве, с 1830 по 1832 год. Когда нынче лермонтоведы изумляются, как это мог поэт писать нежные письма сразу нескольким красавицам, они забывают собственную молодость. Когда еще всё не определенно, и эта девица хороша и привлекательна, и другая. Потом уже приходит время выбора.

Один роман, к примеру с Н. Ф. Ивановой, уже затухает, но начинается увлечение Варенькой Лопухиной. Да тут еще и недалеко от Середникова, где проводил летние каникулы молодой поэт, встречается черноокая красавица Екатерина Сушкова. Поэт и сам еще не знал, кому отдаст предпочтение или кто из красавиц предпочтет его, но увлекался всеми.

Начались лермонтовские московские бурные романы с прекрасной Катеньки Сушковой.

Знакомство состоялось весной 1830 года в Москве у А. М. Верещагиной. Лето 1830-го Сушкова проводила под Москвой в имении Большаково, часто посещая Середниково, где тогда гостил Лермонтов. Красивая, умная и ироничная Сушкова стала предметом юношеского увлечения Лермонтова. С ее именем связан цикл стихов 1830 года, посвященный неразделенной любви. Екатерина Александровна Сушкова по материнской линии — из древнего рода Долгоруких. Но кроме древнего рода у нее не было ничего. Отец с матерью вечно ссорились, дрались, вплоть до полного разрыва. С десяти лет Сушкова жила в доме своей тетки. Екатерина Александровна могла устроить свою судьбу, только если удачно выйдет замуж по расчету. Потому красавица и привыкла с юности смотреть на мужчин с прицелом. Наверное, поначалу ей был смешон влюбленный в нее мальчик, с которым она познакомилась в доме своей московской кузины Сашеньки Верещагиной. «Мне восемнадцать лет, — говорит Сушкова Лермонтову, — я уже две зимы выезжаю в свет, а Вы еще стоите на пороге этого света и не так-то скоро его перешагнете». Его можно было послать за цветами в поле или попросить что-нибудь принести, передать записку. Впрочем, она и свое обаяние проверяла на этом малыше. Это потом, в мемуарах, она всё слегка романтизирует, ведь, оказывается, малыш стал великим русским поэтом. Кстати, записки ее заслуживают самого доброго слова, написаны они были, когда Михаил Лермонтов еще не достиг столь широкой известности, и значит, в основном, правдивые,

хотя конечно же она преувеличивала и свое значение, и свое влияние на поэта:

«Лермонтов читал вслух „Кавказского пленника“; Дашенька слушала его с напряженным вниманием; когда же он произнес: „К ее постели одинокой / Черкес младой и черноокой, / Не крался в тишине ночной“, — она вскричала со слезами на глазах: „Чудесно, превосходно! ах, зачем я не могу более этого сказать!“ Мы все расхохотались и, как ни были мы невинны, мы понимали чутьем, что Даша клеветала на себя, бедная. Всякий вечер после чтения затевали игры, но не шумные, чтобы не обеспокоить бабушку. Тут-то отличался Лермонтов. Один раз он предложил нам сказать всякому из присутствующих, в стихах или в прозе, что-нибудь такое, что бы приходилось кстати. У Лермонтова был всегда злой ум и резкий язык, и мы хотя с трепетом, но согласились выслушать его приговоры. Он начал с Сашеньки:

Что можем наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже,
Подумать не успев, скажу: ты всех милей;
Подумав, я скажу всё то же.

Мы все одобрили a propos и были одного мнения с Мишелем.

Потом дошла очередь до меня. У меня чудные волосы, и я до сих пор люблю их выказывать; тогда я их носила просто заплетенные в одну огромную косу, которая два раза обвивала голову.

Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.

Мишель, почтительно поклонясь Дашеньке, сказал:

Уж ты, чего ни говори,
Моя почтенная Dane,
К твоей постели одинокой
Черкес младой и черноокой
Не крался в тишине ночной.

К обыкновенному нашему обществу присоединился в этот вечер необыкновенный родственник Лермонтова. Его звали

Иваном Яковлевичем; он был и глуп, и рыж, и на свою же голову обиделся тем, что Лермонтов ничего ему не сказал. Не ходя в карман за острым словцом, Мишель скороговоркой проговорил ему: „Vous etes Jean, vous etes Jacques, vous etes roux, vous etes sot et cependant vous n'etes point Jean Jacques Rousseau".

Еще была тут одна барышня, соседка Лермонтова по Чембарской деревне, и упрашивала его не терять слов для нее и для воспоминания написать ей хоть строчку правды для ее альбома. Он ненавидел попрошаек и, чтоб отделаться от ее настойчивости, сказал: „Ну хорошо, дайте лист бумаги, я вам выскажу правду". Соседка поспешно принесла бумагу и перо, он начал: „Три грации…"

Барышня смотрела через плечо на рождающиеся слова и воскликнула: „Михаил Юрьевич, без комплиментов, я правды хочу".

— Не тревожьтесь, будет правда, — отвечал он и продолжал:

Три грации считались в древнем мире,
Родились вы… всё три, а не четыре.

За такую сцену можно было бы платить деньги; злое торжество Мишеля, душивший нас смех, слезы воспетой и утешения Jean Jacques, все представляло комическую картину…

Я до сих пор не дозналась, Лермонтова ли эта эпиграмма или нет.

Я упрекнула его, что для того случая он не потрудился выдумать ничего для меня, а заимствовался у Пушкина.

— И вы напрашиваетесь на правду? — спросил он.

— И я, потому что люблю правду.

— Подождите до завтрашнего дня.

Рано утром мне подали обыкновенную серенькую бумажку, сложенную запиской, запечатанную и с надписью: „Ей, правда".

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля, —
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу: природа молодеет,
Не молодеть лишь только ей.
Ланит спокойных пламень алый

С годами время унесет,
И тот, кто так страдал бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

Внизу очень мелко было написано карандашом, как будто противуядие этой едкой, по его мнению, правде:

Зови надежду — сновиденьем,
Неправду — истиной зови.
Не верь хвалам и увереньям,
Лишь верь одной моей любви!
Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего,
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

Он непременно добивался моего сознания, что правда его была мне неприятна.

— Отчего же, — сказала я, — это неоспоримая правда, в ней нет ничего ни неприятного, ни обидного, ни непредвиденного; и вы, и я, все мы состаримся, сморщимся, — это неминуемо, если еще доживем; да, право, я и не буду жалеть о прекрасных ланитах, но, вероятно, пожалею о вальсе, мазурке, да еще как пожалею!

— А о стихах?

— У меня старые останутся, как воспоминание о лучших днях. Но мазурка — как жаль, что ее не танцуют старушки!

— Кстати о мазурке, будете ли вы ее танцевать завтра со мной у тетушки Хитровой?

— С вами? Боже меня сохрани, я слишком стара для вас, да к тому же на все длинные танцы у меня есть петербургский кавалер.

— Он должен быть умен и мил.

— Ну, точно смертный грех.

— Разговорчив?

— Да, имеет большой навык извиняться, в каждом туре оборвет мне платье шпорами или наступит на ноги.

— Не умеет ни говорить, ни танцевать; стало быть, он тронул вас своими вздохами, страстными взглядами?

— Он так кос, что не знаешь, куда он глядит, и пыхтит на всю залу.

— За что же ваше предпочтение? Он богат?

— Я об этом не справлялась, я его давно знаю, но в

Петербурге я с ним ни разу не танцевала, здесь другое дело, он конногвардеец, а не студент и не архивец.

И в самом деле, я имела неимоверную глупость прозевать с этим конногвардейцем десять мазурок кряду для того только, чтобы мне позавидовали московские барышни. Известно, как они дорожат нашими гвардейцами; но на бале, данном в собрании по случаю приезда в. к. Михаила Павловича, он чуть меня не уронил, и я так на него рассердилась, что отказала наотрез мазурку и заменила его возвратившимся из деревни А[лексеевым]…

Его высочество меня узнал, танцовал со мною, в мазурке тоже выбирал два раза и смеясь спросил: не забыла ли я Пестеля?

Когда Лермонтову Сашенька сообщила о моих триумфах в собрании, о шутках великого князя насчет Пестеля, я принуждена была рассказать им для пояснения о прежнем моем знакомстве с Пестелем и его ухаживаниях. Мишель то бледнел, то багровел от ревности, и вот как он выразился:

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор,
А с ней и думы лучших дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет — как прошлый час
На смех, подосланный судьбой.
Над мною посмеялась ты
И я с презреньем отвечал;
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой,
И сердце шепчет мне подчас:
„Я не могу любить другой!“
[Я жертвовал другим страстям,]
Но если первые мечты
Служить не могут больше нам,
То чем же их заменишь ты?
Чем ты украсишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю —
А может быть, и в небесах!

Я не видала Лермонтова с неделю, он накопил множество причин дуться на меня, он дулся за Пестеля, дулся, кажется, даже

и за великого князя, дулся за отказ мазурки, а более всего за то, что я без малейшей совести хвасталась своими волосами. За ужином у тетки Хитровой я побилась об заклад с добрым старичком, князем Лобановым-Ростовским, о пуде конфект за то, что у меня нет ни одного фальшивого волоска на голове, и вот после ужина все барышни, в надежде уличить меня, принялись трепать мои волосы, дергать, мучить, колоть; я со спартанской твердостью вынесла всю эту пытку и предстала обществу покрытая с головы до ног моей чудной косой. Все ахали, все удивлялись, один Мишель пробормотал сквозь зубы: „Какое кокетство!“

— Скажите лучше: какая жадность! Ведь дело идет о пуде конфект; утешьтесь, я поделюсь с вами. Насущные стихи на другой день грозно предвещали мне будущее:

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет;
Когда мне пищей станет кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей, —
Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощанье я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только наконец
Моя лишь грудь поражена,
То верно прежде знал Творец,
Что ты страдать не рождена.

Вечером я получила записку от Сашеньки: она приглашала меня к себе и умоляла меня простить раскаивающегося грешника и, в доказательство истинного раскаяния, присылала новые стихи.

Все будит старину,
И я твержу везде один:
„Люблю тебя, люблю!“
И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Минувшим я гоним.
И где б ни вздумал я искать

Под небом тишину,
Все сердце будет мне шептать:
„Люблю ее одну“.

Я отвечала Сашеньке, что записка ее для меня загадочна, что передо мной никто не виноват, ни в чем не провинился и, следовательно, мне некого прощать.

На другой день я сидела у окошка, как вдруг к ногам моим упал букет из желтого шиповника, а в середине торчала знакомая серая бумажка, даже и шиповник-то был нарван у нас в саду.

Передо мной лежит листок,
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать — как уж страдал!

Изо всех поступков Лермонтова видно, как голова его была набита романическими идеями, и как рано было развито в нем желание попасть в герои и губители сердец. Да и я, нечего лукавить, стала его бояться, стала скрывать от Сашеньки его стихи и блаженствовала, когда мне удавалось ее обмануть».

Надо отметить, что поэтический вкус у Екатерины Сушковой был, и в отличие от иных своих будущих соперниц **miss Black eyes**, как ее называл сам Мишель за ее очаровательные черные глаза, все стихи, написанные для нее юным поклонником, сохранила.

Автограф М. Ю. Лермонтова. Справа — предположительно портрет Екатерины Сушковой. 1830 г.

Лето 1831 года Лермонтов проводил в подмосковном местечке Середникове, владении Столыпиных, родственников Арсеньевой, бабушки поэта. Где-то рядом поселилась в гостях у тетки и Екатерина. Бабушка привычно, для веселья внука собирала к себе всю молодежь. Среди москвичек явно выделялась своими манерами, кокетством, сверкающими нарядами петербургская модница Сушкова. Мне ее характер, и по ее мемуарам, и по воспоминаниям даже недоброжелателей, в целом, нравится. Она с юности привыкла выживать, завоевывать пространство. Среди юных москвичей она проходила свои уроки завоевывания внимания, кокетничала со всеми напропалую, зная, что никого из этих юнцов и близко к себе не подпустит. Лермонтову всегда везло на умных женщин. Может быть, из-за его некрасивости неумные дурехи к нему и не приближались. Катя сразу же быстро оценила нетривиальность этого мальчика. Сама выделила из толпы, сама же его и покорила. Так, на всякий случай. Позже, в мемуарах, она вспоминает середниковские встречи: «Сашенька и я, точно, мы обращались с Лермонтовым, как с мальчиком, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращение бесило его до крайности: он домогался попасть в юноши в наших глазах…»

Параллельно шли две разные жизни. Мишель переживал

любовь, страдания, признавался ей в любви и тут же отворачивался от нее.

Одним из первых было стихотворение «Черны очи» (1830?), где поэт признается в своих чувствах и одновременно отвергает их. Боится их.

Много звезд у летней ночи;
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.
Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.
Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

А может быть, играла с мальчиком не только черноокая красавица, но и он играл с ней, оттачивая свой стих? Читая стихи сушковского цикла «Благодарю», «Зови надежду сновиденьем» и другие, не столько вникаешь в любовные признания, сколько видишь, как растет поэт. Был же такой случай, Михаил Лермонтов вместе с Екатериной Сушковой, естественно, и со взрослыми тоже, отправился в Троице-Сергиеву лавру. На паперти монастыря слепой нищий им пожаловался, что кто-то из господ в чашку для подаяния положил вместо денег камешки. (Позже недоброжелательницы Сушковой писали, что это она и положила камешки. Не думаю.) Этот эпизод в сознании поэта наложился на очередную насмешку Екатерины над его чувствами, возникло стихотворение «Нищий» (1830), ныне ставшее хрестоматийным. Вот так и рождается классика!

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.
Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

Даже если ради таких стихов потребовалось поэту любовное увлечение, стихи того стоят. Не будем строго судить ищущую мужа Екатерину. К тому же Лермонтов еще заставит ее страдать. Ведь Екатерина ничего юному поэту и не обещала, а тут в стихах юного поэта сразу же и обманутость, и одиночество, и отверженность. Одинокий непонятый романтический герой шестнадцати лет. Впрочем, поэт не на шутку увлекся ею, и, может быть, какая-то любовь к Катеньке таилась в нем до самой смерти. Он пишет целую серию любовных стихов — «У ног других я забывал», «Когда к тебе молвы рассказ», «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор»), ревнует к ее успехам, даже угрожает ей: «Тогда раскаянья кинжал / Пронзит тебя…»

Вблизи тебя я до сих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.
И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!
Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить [29].

Если он якобы ее не любит, зачем страдать и стихи писать? Но это уже из вечных лермонтовских тем, мол, никого не люблю, никто мне не нужен. На самом деле и любил, и в друзьях нуждался.

Впрочем, когда его пассия посмеивалась над ним, предлагая поиграть в веревочку, Екатерина Сушкова даже не догадывалась, что творится в душе юного дарования, какие не только любовные, но политические, социальные, творческие сюжеты прорастали в его душе в эти совсем юные годы. Ведь тогда же он написал и стихи о гибели тиранов, и свое мистически пророческое «Предсказание». В процессе работы над книгой я прочитал сотни материалов, в том числе книгу умного критика и публициста Нестора Котляревского о Лермонтове. Уже в 1909 году, после первой революции, не последний мыслитель России пишет о «малопонятном предсказании для России какого-то черного года, чуть ли не возвращения пугачевщины»…

Настанет год, России черный год,

Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь…

Что бы сказал Нестор Котляревский спустя каких-то десять лет? В 1919 году? В этот страстный любовный период с 1830 по 1832 год, кроме любовных признаний по очереди или одновременно трем красавицам, Лермонтов пишет и свое опальное стихотворение «Новгород» (1830), настроенное против тирана Аракчеева, и сатиру в адрес королей, и два радикальных стихотворения, посвященные Июльской революции во Франции.

…И в этот же период взрослеющая красавица Сушкова с женской непосредственностью старалась чуть ли не сопли ему подтирать. Мол, у мальчика половое созревание начинается. Он любил свою черноокую красавицу, страдал из-за нее, но в это время уже сочинялся пролог его знаменитой «Думы», печальное размышление над всей русской жизнью своего времени. Какие уж тут мячики и веревочки?

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем? [30]

Так уж получилось, что пессимизм социальный, политический у юноши совпадал с пессимизмом любовным. Но так ли были они повязаны вместе? А пошла бы Катя во всем ему навстречу, чтобы он отношение к жизни изменил? Тиранов полюбил? Перестал замечать ничтожества? Не думаю. И потом, куда навстречу ему Катиш могла пойти? Это в своей тарханской деревне Лермонтов уже мог к этому времени получить первый сексуальный опыт с крепостными девушками, которых ему поставляла та же любимая бабушка. Но вряд ли юная дворянка отважилась бы на такое сближение. Девственность в те времена теряли, как правило, при замужестве. Это уже потом начинались всяческие романы.

Позже Михаил Лермонтов описал Катеньку не только в стихах, но и в прозе, сделав Сушкову прототипом не совсем приятной дочери Негурова Лизаветы Николаевны в повести «Княгиня Лиговская». Надо отметить, что у писателя была удивительная память, он не только помнил массу стихов, и своих и чужих, всю мировую лирику, но и мельчайшие наблюдения из своей жизни, касающиеся тех же любовных страстей. Сушкову он

описал со всей бытовой конкретностью и узнаваемостью, и достаточно беспощадно. Признавая свое поражение в любовном поединке, в литературе он зато беспощадно высмеял ее светские и любовные победы. Хорошо, что Екатерина Сушкова, будучи умной женщиной, позже, на закате лет, всё употребила себе на пользу, прекрасно понимая, что благодаря Лермонтову входит в историю мировой литературы.

Впрочем, у самого Михаила Лермонтова вслед за Сушковой уже начинался новый роман с Натальей Ивановой, можно было о черноокой и забыть. Но не тут-то было.

Прошло четыре года, по тем временам целая вечность. И вдруг новая встреча с черноокой красавицей в 1834 году в светском Петербурге молодого офицера Михаила Лермонтова и готовой невесты на выданье Екатерины Сушковой. Дальше начинается сплошная литературная игра. Скажу честно, я не верю всей этой лермонтовской версии, что вроде бы, спасая своего друга Алексея Лопухина от женитьбы на опытной кокотке Екатерине Сушковой, он сам решил покорить ее сердце.

Лермонтов пишет 23 декабря 1834 года сестре Алексея Лопухина, и на самом деле противящейся намечающемуся браку брата с Сушковой:

«…Эта женщина — летучая мышь, крылья которой цепляются за всё, что попадается на пути! — Было некоторое время, когда она мне нравилась, теперь она меня почти принуждает ухаживать за нею… но, не знаю, есть что-то в ее манерах, в ее голосе такое жесткое, отрывистое, изломанное, что отталкивает…» Но, спасая друга, он почему-то не говорит ему о своей спасительной операции и, используя весь свой опыт и очарование, всю поэтическую энергию, он попросту отбивает у друга женщину, которую когда-то боготворил. И добивается своего. Лермонтов мог нарваться и на дуэль с Алексеем Лопухиным, какое уж тут спасение друга. Играл ли он в своем ухаживании? Не преувеличивает ли он свою холодную расчетливость, когда пишет: «Если я начал за нею ухаживать, это не было отзывом прошлого. Сначала это было оказией развлечь себя, а потом, когда мы достигли доброго согласия, это стало расчетом… Я увидел, что если мне удастся занять собою одну женщину, другие незаметно тоже займутся мною, сначала из любопытства, потом из соперничества… Теперь я не пишу романов — я их делаю. Итак, вы видите, что я хорошо отомстил за слезы, которые кокетство m-lle S. заставило меня пролить 5 лет назад; о! но мы все-таки еще не рассчитались; она заставила страдать сердце ребенка, а я только помучил самолюбие старой кокетки…»

Да, он добился своего. Сушкова пренебрегла браком по

расчету, призналась в любви к Михаилу Лермонтову и согласилась выйти за него замуж. Вот этого он, очевидно, совсем не ожидал. Екатерина Сушкова вполне искренне писала впоследствии: «В первый раз, когда я увидела Мишеля после этого разрыва, и когда он мне сказал: „Tu es un ange“, — я была вполне вознаграждена; мне казалось, что он преувеличивает то, что называл он моим **жертвоприношением.**

Я нашла почти жестоким с его стороны выставлять и толковать мне, „как я необдуманно поступила, отказав Л[опу]хину, какая была бы это для меня, бедной сироты, блестящая партия, как бы я всегда была облита бриллиантами, окутана шалями, окружена роскошью“. Он как будто поддразнивал меня.

— Я поступила по собственному убеждению, а главное, по вашему желанию, и потому ни о чем не жалею.

— Неужели одна моя любовь может все это заменить?

— Решительно все.

— Но у меня дурной характер; я вспыльчив, зол, ревнив; я должен служить, заниматься, вы всю жизнь проведете взаперти с моей бабушкой.

— Мы будем с ней говорить о вас, ожидать вашего возвращения, нам вместе будет даже весело; моя пылкая любовь понимает и ценит ее старческую привязанность.

Он пожал мне руку, сказав:

— С моей стороны это было маленькое испытание; я верю вашей любви и готовности сделать мое счастие, и сам я никогда не был так счастлив, потому что никогда не был так любим. Но, однако же, обдумайте все хорошо, не пожалеете ли вы когда о Л[опу]хине? Он добр — я зол, он богат — я беден; я не прощу вам ни сожаления, ни сравнения, а теперь еще время не ушло, и я еще могу помирить вас с Л[опу]хиным и быть вашим шафером.

— Мишель, неужели вы не понимаете, что вам жестоко подсмеиваться теперь надо мной и уговаривать меня поступить против моего сердца и моей совести? Я вас люблю, и для меня все кончено с Л[опу]хиным. Зачем вы мучите меня и выказываетесь хуже, чем вы есть?

— Чтоб не поступить, как другие: все хотят казаться добряками, и в них скоро разочаровываются, — я, может быть, преувеличиваю свои недостатки, и для вас будет приятный сюрприз найти меня лучше, чем вы ожидаете.

Трудно представить, как любовь Лермонтова возвысила меня в моих собственных глазах; я благоговела перед ним, удивлялась ему; гляжу, бывало, на него и не нагляжусь, слушаю и не наслушаюсь. Я переходила через фазы ревности, когда приезжали

к нам молодые девушки (будь они уроды); я каждую из них ревновала, каждой из них завидовала, каждую ненавидела за один его взгляд, за самое его пошлое слово. Но отрадно мне было при моих поклонниках, перед ними я гордилась его любовью, была с ними почти неучтива, едва отвечала на их фразы, мне так и хотелось сказать им: „Оставьте меня, вам ли тягаться с ним? Вот мой алмаз-регент, он обогатил, он украсил жизнь мою, вот мой кумир, — он вдохнул бессмертную любовь в мою бессмертную душу“.

В это время я жила полной, но тревожной жизнью сердца и воображения и была счастлива до бесконечности».

Мне кажется, что бы Лермонтов позже не придумывал, он, скорее, в панике написал после такого признания анонимное письмо якобы кого-то из искренних друзей Сушковой, где сообщал о коварстве и лживости Лермонтова, заманивающего в свои сети молодую красавицу. Письмо это доставили родителям красавицы. Ему было отказано от дома.

Уверен, Лермонтов по-своему до конца жизни любил Екатерину Сушкову. Но он не мог жениться на ней без разрешения бабушки. Вот и всё. Если он и на самом деле был таким коварным в своем позднем романе с Сушковой, зачем же он и годы спустя напрашивается к ней на свадьбу и мечтает быть шафером. Говорят, он даже первым вбежал в свадебный зал и рассыпал соль, чтобы супруги чаще ссорились. Какое это равнодушие? Какое коварство? Обычная ревность. И его прощальные слова: «Я вас больше не люблю, да, кажется, никогда и не любил…» — тоже чересчур литературны. Зачем же он дарил уже на Кавказе незадолго до смерти ей портрет, который она не приняла? Зачем он в злости его разорвал? От Сушковой и от их взаимной, но неудачной любви остались замечательные стихи 1837 года:

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

К тому же, если он якобы ради друга, которого спасал от ненужной женитьбы, завел роман в Петербурге с Екатериной Сушковой, он должен был понимать, что об этом романе узнает

его московская былая возлюбленная, обещавшая хранить ему верность, Варенька Лопухина. И стоило ли ему так переживать, узнав вскорости о свадьбе Лопухиной с состоятельным женихом Николаем Федоровичем Бахметевым, если он сам и ускорил эту свадьбу своим любовным романом. Впрочем, это тоже чисто поэтическое чувство. Как у Данте и у других классиков. Вблизи поэт как бы особо и не рвался к Вареньке Лопухиной, не напрашивался на свидания. Уехав, о Вареньке и забыл, но узнав о свадьбе своей возлюбленной, сразу же воспылал самыми нежными чувствами. И, похоже, на всю жизнь. Поэту нужен отдаленный идеал в любви. Своя Лаура, своя Беатриче.

Его близкая подруга последних лет Евдокия Ростопчина рассказывала в письме Александру Дюма, который собирался писать о Лермонтове: «Веселая холостая жизнь не препятствовала ему посещать общество, где он забавлялся тем, что сводил с ума женщин, с целью потом их покидать и оставлять в тщетном ожидании; другая его забава была расстройство партий, находящихся в зачатке, и для того он представлял из себя влюбленного в продолжение нескольких дней; всем этим, как казалось, он старался доказать самому себе, что женщины могут его любить, несмотря на его малый рост и некрасивую наружность. Мне случалось слышать признания нескольких из его жертв, и я не могла удерживаться от смеха, даже прямо в лицо, при виде слез моих подруг, не могла не смеяться над оригинальными и комическими развязками, которые он давал своим злодейским донжуанским подвигам. Помню один раз, он, забавы ради, решился заместить богатого жениха, и когда все считали уже Лермонтова готовым занять его место, родные невесты вдруг получили анонимное письмо, в котором их уговаривали изгнать Лермонтова из своего дома и в котором описывались всякие о нем ужасы. Это письмо написал он сам и затем уже более в этот дом не являлся».

С Натальей Федоровной Ивановой юный поэт познакомился в конце 1830 года, но весной и летом этого года поэт еще был увлечен Екатериной Суриковой. Отношение Лермонтова к Ивановой иное, нежели к Сушковой. Он ей верит — она поверенная. Уже после первой встречи он обратился к Ивановой с поразительно искренним и тревожным посланием — стихотворением «Н. Ф. И…вой» (1830):

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,

Будить людское сожаленье;
Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.
Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;
Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Летом следующего года ездил из Середникова в гости в имение ее матери Никольское-Тимонино, что в 25 километрах от Москвы на Клязьме. Ивановский цикл любовных стихов, пожалуй, самый большой в лермонтовском лирическом наследстве — до сорока стихотворений. Может быть, это и была первая мужская серьезная любовь поэта. Поначалу Лермонтов чувствовал ответное влечение девушки, но, увы, вскоре убедился, что всерьез его не воспринимали. Мальчик, мечтатель, а девушке уже и замуж пора. Тем более — отец ее, неудавшийся драматург Ф. Ф. Иванов, вряд ли мог обеспечить дочке счастливое будущее. Но несчастная любовь лишь способствует развитию поэзии. Отношения закончились неизбежным разрывом, который придал мрачный характер многим его юношеским стихам.

Да и в чем можно упрекнуть семнадцатилетнюю девушку, уже по возрасту невесту на выданье? Разрыв с Ивановой вызвал у Лермонтова жажду смерти, чувство оскорбленной гордости. Но этот же разрыв дал прекрасную и страстную любовную лирику:

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,
И образ твой меж них, как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.
Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями,
Что ж пользы для меня, — я не любим тобой.
Я знаю, ты любовь мою не презираешь,

Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморный кумир на берегу морском
Стоит, — у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет [31].

Срок взаимной любви был коротким. В конце мая — начале июня произошла окончательная размолвка. Да и сам Лермонтов ничего обещать своей Наталье не мог. Лермонтов писал в то время другу: «…мы с тобой не для света созданы — я не могу тебе писать: болен, расстроен, глаза каждую минуту мокры. — Много со мною было».

Вернувшись из Москвы от Ивановых, Лермонтов начинает писать пьесу о потрясших его событиях — драму. В ней под именем Владимира Павловича Арбенина Лермонтов выводит самого себя, под именем Натальи Федоровны Загоскиной — Иванову. Загоскина изменяет Арбенину, предпочтя его друга, она решает выйти за него замуж. К Арбенину она начинает проявлять все большую холодность, пренебрегая его страстными чувствами.

Наталья Иванова выходит замуж за Николая Михайловича Обрескова, но поэт и после замужества первое время продолжает посещать свою любовь. Увы, это приводит лишь к тому, что в порыве ревности Обресков уничтожает шкатулку со всеми письмами и автографами стихов Лермонтова, посвященных Н. Ф. И. Стихотворение «К*** (Я не унижусь пред тобою)» (1831) стало прощальным посланием Лермонтова в этом цикле.

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?

Арбенин не смог пережить разрыва с любимой женщиной, он сходит с ума. Становится и на самом деле «странным человеком»… К счастью, у Михаила Лермонтова был и другой выход. Во-первых, стихи и драмы, где он изливал все свои смятенные чувства. Во-вторых, были и другие красавицы в Москве. Вот и пришло, наконец, время Вареньки Лопухиной. Наталью Иванову ему оставалось лишь простить.

Я знал: то не любовь — и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд, и мук, и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастием моим
И услыхав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым.
Прости! — вот всё, что я желаю[32].

Еще встречаясь с Натальей Ивановой, посвящая ей стихи, страдая от ее измены, поэт уже знакомится в близкой ему семье Лопухиных с младшей сестрой своего друга Алексея Лопухина — Варенькой. История их любви и до сих пор полна загадок. Впрочем, почти все любовные истории Михаила Юрьевича Лермонтова всплыли где-то через три десятилетия как минимум. Пожалуй, только роман с княгиней Марией Щербатовой был известен изначально, и то из-за дуэли Лермонтова с сыном французского посла молодым Эрнестом де Барантом.

Многие уверены, что Варенька Лопухина была главной любовью поэта. Так ли это, рассудит дальнейшая история. Но и самой Варенькой Лопухиной, и ее мужем Н. Ф. Бахметевым были уничтожены все упоминания о Михаиле Лермонтове, вся возможная переписка, автографы стихов. Да и была ли эта переписка?

М. Лермонтов

«Камень Эйлдонского холма». За ним два перевитых деревца — Томас Лермонт и королева фей.

Развалины Башни Томаса во дворе ресторанчика. Эрлстон, Шотландия.

Замок Балкоми.

Герб рода Лермонтов из Балкоми, известный с XIII века

Георг Лермонт, русский ротмистр

«Портрет герцога Лермы» (1832–1833), первое известное живописное произведение М. Ю. Лермонтова. Своему воображаемому предку художник придал автопортретные черты

Петр Юрьевич Лермонтов, дедушка поэта. 1780-е гг.

Покровский Авраамиев Городецкий монастырь под Чухломой.

Юрий Петрович Лермонтов. Гравюра с оригинала 1810-х гг.

Мария Михайловна Лермонтова, урожденная Арсеньева.1810-е гг.

Михаил Лермонтов в детстве. 1817–1818 гг. Неизвестный художник подчеркнул увлечение ребенка рисованием: мальчик держит грифельный карандаш и лист бумаги

Храм Трех святителей у Красных Ворот, в котором был крещен Михаил Лермонтов. Москва. XIX в.

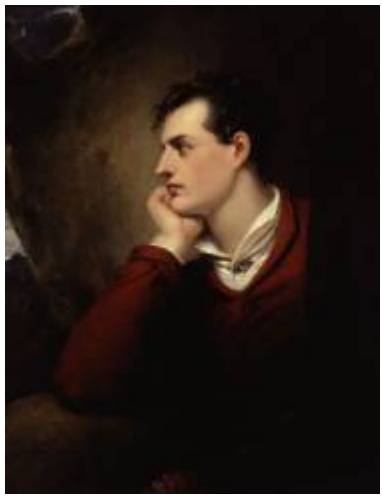
Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина. Начало XIX в.

Тарханы — бывшее пензенское имение Е. А. Арсеньевой

Второй детский портрет Лермонтова, предположительно выполненный крепостным художником. 1820–1822 гг.

Михаил Лермонтов в Тарханах. Скульптор О. Комов

Акварельный рисунок Лермонтова, изображающий конного черкеса, который тянет на аркане русского пленника



Лорд Байрон. Портрет работы Р. Уэстолла. 1836 г.

Наталья Федоровна Иванова (в замужестве Обрескова). Акварель М. А. Кашинцева. 1834 г.

Екатерина Александровна Сушкова (в замужестве Хвостова). Миниатюра. 1830-е гг.

М. Ю. Лермонтов в юнкерской форме. Портрет работы Л. Челышева. 1832 г.

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (Маршинский дворец). Литография Ж. Б. Арну. 1840-е гг.

Князь А. И. Барятинский, главный герой «юнкерской поэмы» Лермонтова «Гошпиталь». 1830-е гг.

Летний лагерь Школы юнкеров. Акварель Н. Поливанова. 1834 г.

А. С. Пушкин 29 января 1837 года. Гравюра Л. А. Серякова. 1880 г.

Лермонтов-корнет Портрет работы Ф. А. Будкина. 1834 г.

Святослав Афанасьевич Раевский. Акварель М. Ю. Лермонтова. 1836 г.

Михаил Николаевич Лермонтов, троюродный брат поэта. Портрет работы Г. Яковлева. XIX в.

Сражение при Бородине 26 августа 1812 года. Картина П. Гесса. 1840-е гг.

Об истории возможной любви впервые рассказал в биографии поэта П. А. Висковатый: «В 1880 году я, наконец, от

родственников любимой им женщины… получил первые точные сведения об ее отношениях к поэту…» Но и он вынужден был молчать. Познакомились они, по-видимому, в 1832 году, зимой. В неоконченной повести «Княгиня Лиговская» Лермонтов в Вадиме выставлял себя, в Ольге — ее. Уже в 1831 году появляются и стихи, посвященные новой возлюбленной. Хотя отношения у них так и оставались вполне платоническими.

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!
Принадлежишь другому ты,
Забыт певец тобой,
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной.
Корабль умчит меня от ней
В безвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!
И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим.
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Все сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну! [33]

Замечу, что в это же время он еще не забывал ни о Ивановой, ни о Сушковой, чередуя любовные послания. Но чем-то всё же эта не самая красивая, не самая светская девушка его поразила. Может, он и решил где-то подсознательно — вот и нашел то, что ему надо в поэзии.

Впрочем, еще 4 декабря 1831 года он пишет в своих заметках: «2-го декабря: св. Варвары. Вечером возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиною страдания…» Значит, увлекся всерьез, и впервые еще в Москве услышав о ее предполагаемом замужестве, сильно расстроился. Впрочем, в тот

раз известие было ошибочным, Варенька еще не собиралась замуж. Ее сватали родители, но Варя не согласилась с их выбором. Если она была в своих решениях столь самостоятельна, кто бы помешал самому Лермонтову попытать счастья? Но не тут-то было. Любовь отдельно, женитьба отдельно. Или словами достаточно автобиографичного Печорина: «Как бы страстно я ни любил женщину, если она даст мне только почувствовать, что я должен на ней жениться, — прости любовь! Мое сердце превращается в камень… Я готов на все жертвы, кроме этой, двадцать раз жизнь мою, даже честь поставлю на карту, но свободы моей не отдам. Это какой-то врожденный страх, необъяснимое предчувствие… Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей…» Поэтому не будем всерьез относиться к коварным изменам любящих Михаила Лермонтова женщин. Им надо было устраивать жизнь, а их любимый поэт всячески избегал этой темы. Он предпочитал любить в своих стихах.

Поэт уже в третий раз переписывает своего «Демона» и посвящает Вареньке Лопухиной. Более того, вроде бы он чувствует взаимную симпатию и даже от нее слышит слова о верности ему. Что еще нужно поэту? Он смело отправляется в Санкт-Петербург учиться в Школе юнкеров. Из Петербурга он пишет Марии Лопухиной: «Мне бы очень хотелось задать вам небольшой вопрос, но не решаюсь начинать.

Коли догадываетесь — хорошо, а нет — значит, если б я задал вопрос, вы не могли бы на него ответить…» М. А. Лопухина мгновенно отвечает: «Поверьте, я не утратила способности вас понимать… Она хорошо себя чувствует, выглядит довольно веселой…»

Хотел бы отметить и другие стихи, посвященные Лермонтовым Вареньке:

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.

Но голос в душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей[34].

Интересно, зачем Михаил Лермонтов не обращается к своей возлюбленной напрямую, зачем ищет посредника? Ведь Варенька еще не замужем, свободна, и сама может рассказать о своих чувствах. Еще одна лермонтовская загадка. К тому же, как пишет П. А. Висковатый, Мария Лопухина, верная подруга, но отнюдь не помощница в амурных делах, «уничтожала все, где в письмах к ней Лермонтов говорил о сестре ее Вареньке или муже ее. Даже в дошедших до нас немногих листах, касающихся Вареньки и любви к ней Лермонтова, строки вырваны…». Позже уничтожила Мария и всю переписку Варвары Александровны. Зачем? Очевидно, из ревности. Она хотела остаться единственным женским другом поэта.

Вспоминает его верный друг Аким Шан-Гирей:

«Через год, т. е. в начале 1834 г., я прибыл в Петербург для поступления в Артиллерийское училище и опять поселился у бабушки. В Мишеле я нашел опять большую перемену. Он сформировался физически; был мал ростом, но стал шире в плечах и плотнее, лицом по-прежнему смугл и нехорош собой; но у него был умный взгляд, хорошо очерченные губы, черные и мягкие волосы, очень красивые и нежные руки; ноги кривые (правую, ниже колена, он переломил в школе в манеже, и ее дурно срастили).

Я привез ему поклон от Вареньки. В его отсутствие мы с ней часто о нем говорили; он нам обоим, хотя и неодинаково, но равно был дорог. При прощанье, протягивая руку, с влажными глазами, но с улыбкой, она сказала мне:

— Поклонись ему от меня; скажи, что я покойна, довольна, даже счастлива.

Мне очень было досадно на него, что он выслушал меня как будто хладнокровно и не стал о ней расспрашивать; я упрекнул его в этом, он улыбнулся и отвечал:

— Ты еще ребенок, ничего не понимаешь!

— А ты хоть и много понимаешь, да не стоишь ее мизинца! — возразил я, рассердившись не на шутку…»

Не будем ни его, ни ее осуждать, тем более в Петербурге, уже после окончания юнкерской школы, поэт, одобренный успехом у общества, кружил в это время голову несчастной Катеньке Сушковой. Послужила ли эта лермонтовская измена поводом, или

всё к тому шло, но в мае 1835 года Варенька выходит замуж за 37-летнего Н. Ф. Бахметева. Ждать поэта у нее не было никакого резона, а замуж двадцатилетней девушке пора было выходить. Как часто это бывает, уже позабывший о своей одинокой Вареньке, молодой гусар был поражен известием о ее замужестве.

Из того, что осталось из предположительно уничтоженных Н. Ф. Бахметевым писем и стихов, Вареньке были посвящены лермонтовский автопортрет и список шестой редакции «Демона». Всё то, что сохранила Александра Михайловна Верещагина. Уже повествуя о размолвке своего друга Алексея Лопухина и Екатерины Сушковой, в письме всё той же Верещагиной весной 1835 года Михаил Лермонтов пишет: «…госпожа Углицкая сообщила, что мадмуазель Barbe выходит замуж за господина Бахметева… Я желаю мадмуазель Barbe жить в супружеском согласии до празднования ее серебряной свадьбы и даже далее, если она не пресытится…»

Конечно, чувствуется язвительная интонация, но сам-то он руку и сердце своей возлюбленной не предлагал. И плюс возбудился он и вспомнил про свою любовь, лишь узнав о замужестве Вареньки. Тут и пошла высокая поэзия любви. И как его возмутила эта якобы измена? Благодаря ей мы обогатились сценами в той же «Княгине Лиговской» и в «Герое нашего времени», и поэмой «Сашка», и пьесами «Два брата» и «Маскарад». Он уже не забывал свою Вареньку до конца дней своих. Может, и на самом деле первичное увлечение разгорелось и перешло в настоящую любовь лишь после ее замужества? А может, любовь стала вечным творческим поводом, стимулом для великой поэзии?

Последний раз они могли встретиться в 1838 году, когда Варвара Александровна проездом за границу посещает вместе с мужем Санкт-Петербург, а Лермонтов в это время служит в Царском Селе. Но была ли эта встреча, тоже остается на уровне гипотезы. Зато своей любимой Вареньке Михаил Лермонтов посвящает гениальный «Валерик» (1840).

Я к вам пишу случайно, — право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, Боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, все равно.
И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?

Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом, что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?…
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок,
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил,
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.
И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье? —
Не все ль одно. Я жизнь постиг…

Далее начинаются в «Валерике» изумительные военные сцены, глубочайшая философия, про Вареньку поэт как бы и позабыл.

Собственно, о любви Михаила Лермонтова к Вареньке Лопухиной рассказал по-настоящему Аким Шан-Гирей. Но вот загадка — его воспоминания были написаны в 1860 году и три десятилетия пролежали неопубликованными. Почему? Лермонтоведы склоняются к тому, что весь род Лопухиных до нынешней поры делает всё, чтобы об этой любви никто не знал. Они запрещают печатать любые сведения об отношениях поэта с Варварой Лопухиной. Почему? Уже давно умер муж Вареньки, Н.

Ф. Бахметев, ничего стыдного в их отношениях не было, почему и не погордиться особой близостью их рода к великому русскому гению? Откуда и зачем такая таинственность?

Аким Шан-Гирей в записках, опубликованных, как я уже говорил, спустя десятилетия после смерти Лермонтова (как и всё, связанное с его биографией), пишет: «Будучи студентом, он был страстно влюблен, но не в мисс Блек айз (Катеньку Сушкову. — **В. Б.)…** а в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная… Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения, но оно не могло набросить (и оно не набросило) мрачной тени на его существование… мгновенно и сильно пробудилось оно при неожиданном известии о замужестве любимой женщины…»

В последний раз напрямую Михаил Лермонтов обращается к Варваре Лопухиной в посвящении к последнему варианту «Демона», подарив ее авторизированную копию в 1838 году. Это было прощание поэта с любимой женщиной.

Я кончил — и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук, —
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?
Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мертвого, пустого одобренья
Наложишь на нее холодную печать, —
И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет, —
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред?…

Гибель Михаила Лермонтова Варвара Лопухина, ставшая Бахметевой, перенесла очень тяжело. Мария Лопухина писала в сентябре 1841 года А. М. Верещагиной-Хюгель:

«Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна, ее нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько она слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву — она отказалась. За границу — отказалась и заявила, что решительно не желает больше лечиться. Быть может, я ошибаюсь, но отношу это расстройство к смерти Мишеля».

Не будем перечислять иных, достаточно многочисленных подружек поэта, ведь никакого значительного места они в его поэзии не оставили. Вернемся к уже упомянутой княгине Марии Щербатовой, тем более что роман с нею связан еще и с первой дуэлью поэта и с его второй ссылкой. Не будем доверять ревнивым запискам, наподобие упоминания в воспоминаниях Екатерины Сушковой, мол: «Будучи женихом Щербатовой, и в то же время избегая брака, — Лермонтов на коленях умолял свою бабушку Арсеньеву не позволять ему жениться…» Неужто Екатерина сама была в Тарханах и слышала эти мольбы поэта? Получив собственный отказ, она, естественно, на соперниц смотрела презрительно. Скорее, поверим воспоминаниям Акима Шан-Гирея:

«Зимой 1839 года Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса: „На светские цепи“). Мне ни разу не случалось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать. То же самое, как видно из последующего, думал про нее и г. де-Барант, сын тогдашнего французского посланника в Петербурге. Немножко слишком явное предпочтение, оказанное на бале счастливому сопернику, взорвало Баранта, он подошел к Лермонтову и сказал запальчиво: „Vous profitez trop, monsieur, de ce que nous sommes dans un pays ou le duel est défendu“. — „Qu'á ca ne tienne, monsieur, — отвечал тот, — je me mets entierement á votre disposition“ [35], — и на завтра назначена была встреча; это случилось в среду на Масленице 1840 года. Нас распустили из училища утром, и я, придя домой часов в девять, очень удивился, когда человек сказал мне, что Михаил Юрьевич изволили выехать в семь часов; погода была прескверная, шел мокрый снег с мелким дождем. Часа через два Лермонтов вернулся, весь мокрый, как мышь. „Откуда ты эдак?“ — „Стрелялся“. — „Как, что, зачем, с кем?“ — „С французиком“. — „Расскажи“. Он стал переодеваться и рассказывать: „Отправился я к Мунге, он взял отточенные рапиры и пару „Кухенройтеров“ — и поехали мы за Черную речку. Они были на месте. Мунго подал оружие, француз выбрал рапиры, мы стали по колено в мокром снегу и начали; дело не клеилось, француз нападал вяло, я не нападал, но и не поддавался. Мунго продрог и бесился, так продолжалось минут десять. Наконец, он оцарапал мне руку ниже локтя, я хотел проколоть ему руку, но попал в самую рукоятку, и моя рапира лопнула. Секунданты подошли и остановили нас; Мунго подал пистолеты, тот выстрелил и дал промах, я выстрелил на воздух, мы помирились и разъехались, вот и все“.

Он продолжал ухаживать за своей княгиней и после дуэли с

Барантом, и даже после ее переезда в Москву, но вот к этому любовному роману очевидно наиболее отчетливо относится его высказывание о женитьбе и тараканах… Ничто не мешало соединить любящим свои судьбы, но желания у поэта не было. К тому же, увы, с учетом бабушкиных претензий у него и самого закрепился комплекс недоверия к любви, как он писал: „Любить… но кого же? На время не стоит труда. А вечно любить невозможно“».

Тем более и бабушкиного разрешения по-прежнему не было. А жаль. Было бы бабушкино благословение, может, и решился бы поэт счастливо изменить свою жизнь. Это были уже не юношеские страсти, не любовные томления и не платонические мечтания о несбывшемся. Им было хорошо, они любили друг друга, и что же им мешало? Даже в стихах Лермонтова, посвященных княгине Щербатовой, видны уже не юношеские грезы о любви, а восхищение возлюбленного счастьем любви. «Как ветер пустыни, / И нежат и жгут ее ласки…» Такого бы поэт ни про Вареньку Лопухину, ни про Катеньку Сушкову не написал. Мария Александровна Щербатова была дочерью украинского помещика. Затем переехала в дом бабушки Штерич в Санкт-Петербург. Обыграл поэт и ее украинский характер. Явно выделялась она среди ледяного петербургского света. «Но юга родного на ней сохранилась примета…» Пишется это стихотворение явно как о близком и родном человеке, без всяких любовных страданий и терзаний.

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украйны она променяла.

Как бы легонько упрекает Михаил Лермонтов свою подругу, будто он сам не сбежал из пензенских степей в те же светские цепи. Но далее отмечает он в этом замечательном стихотворении ее высокие душевные и христианские начала. Это не портрет светской львицы или рвущейся замуж одинокой вдовушки. Это портрет близкого и родного человека. Кто-то из литературоведов даже не находит в этом стихотворении любовного признания. Да оно и не нужно. Поэт и сам уже знает и уверен:

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром [36].

Пожалуй, подобной близости я не нахожу ни в каких других любовных стихах.

Впрочем, есть у него и прямое признание в любви к княгине Щербатовой, но тоже какое-то грустное. Это не тот случай, когда поэт добивается близости понравившейся женщины. Это скорее грусть по самому себе, вот любит и любим, а связаться с любимой надолго не может.

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно… потому что весело тебе [37].

Мария Алексеевна семнадцати лет вышла замуж за князя Щербатова, который скончался где-то через год после свадьбы. Родила ему сына, который тоже умер в двухлетнем возрасте. Став вдовой, княгиня не кинулась в светскую жизнь, сохранила и природный такт, и обаяние, скорее, ей помогли не столь уж частое среди светских красавиц христианское послушание, молитвенность и вера в Бога. «В надежде на Бога / Хранит она детскую веру…» — что можно сказать лучше и проще? Несмотря на свой юный возраст, она и на поклонников смотрела, как на непослушных детей. Она была явно недовольна, что стала причиной дуэли между молодым Эрнестом де Барантом и Михаилом Лермонтовым. Уже после дуэли Мария пишет: «Что бесконечно меня огорчает, так это отчаяние Mme Arsenieff, этой превосходной доброй старухи; она должна меня ненавидеть, никогда меня не увидев. Она меня осуждает, я уверена… Теперь мне не терпится узнать, что станет с maitre Michel. Мне пишут, что он просит направить его на Кавказ. Каков глупец! Думает ли он о проклятиях всей его семьи, которые он копит на мою голову? Некогда его родные не захотят понять, что я была ни при чем в этой дуэли… Мужчинам свойственно странное обыкновение компрометировать женщину, даже которую они уважают, это — пустяк, это очень честно… Убить человека, даже если это друг, но, как показалось… допустивший оплошность… значит, по их мнению, иметь мужской нрав… Всё это жертва их мнимой мести…»

Это какая-то материнская любовь, то, чего Лермонтову так недоставало. Но попрощавшись перед отъездом на Кавказ в

Москве и вручив княгине прекрасное стихотворение «На светские цепи», Лермонтов уехал за своей новой дуэлью, и они больше в жизни не виделись.

Пожалуй, это была самая близкая для поэта женщина и самая ему необходимая.

Последней женщиной в жизни Лермонтова стала Е. Г. Быховец — дальняя его родственница. Познакомились они в Москве, у общих родственников Крюковых в 1837 году, но сблизились уже на Кавказе в 1841-м, незадолго до гибели поэта. Поэта притягивало к Екатерине еще и ее большое сходство с Варенькой Лопухиной. Позже Быховец писала: «Он был страстно влюблен в В. А. Бахметеву… я думаю он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был». Встречались они и в день дуэли, о которой Екатерина и не догадывалась. Поэт взял у нее на память и на счастье ее бандо, которое потом нашли в крови в кармане Лермонтова. Там же, в Пятигорске в 1841 году поэт написал стихотворение «Нет, не тебя так пылко я люблю», обращенное вроде бы к Катеньке Быховец, но через нее — к Вареньке Лопухиной-Бахметевой. Последнее стихотворение поэта о любви.

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.
Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.
Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых — уста давно немые,
В глазах огонь — угаснувших очей.

Впрочем, и во многих других стихах о любви таинственным он был занят разговором не с адресатами этих посланий, а с запредельностью, недоступной земным созданиям. Сплошь и рядом у Михаила Лермонтова конкретная женская личность подменяется важнейшими поэтическими и метафизическими проблемами. Не будем строго судить за это русского гения. Любимые женщины разбудили его поэтическое сознание, уже за это мы должны гордиться ими. Они впоследствии, как правило, получили свое земное семейное счастье. Михаил Лермонтов с таким счастьем оказался несоединим. Может, так и было бы

дальше, даже не случись трагической дуэли? Кто знает?

«Юнкерский поэт»

Один из самых радикальных литературных критиков из разночинцев Варфоломей Александрович Зайцев, стремясь унизить Михаила Лермонтова, уменьшить его значимость в русской поэзии, в журнале «Русское слово» (1862, № 9) назвал его просто «юнкерским поэтом». Конечно же сводить всю глубину лермонтовской поэзии, его абсолютно реальные и одновременно мистические возвышенные образы к «юнкерской поэзии» глупо и непрофессионально. Иное дело, поговорить о юнкерском периоде в жизни Михаила Лермонтова. Ибо были же и на самом деле те, на мой взгляд, злополучные ужасные два года, с 1832-го по 1834-й, когда он учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Вот тогда-то он и был на самом деле юнкерским поэтом.

После неудачи с Московским университетом обиженный Михаил Лермонтов решил продолжить обучение в Петербургском университете. Поддержала его и бабушка. Получив свидетельство о пребывании в Московском университете с 1 сентября 1830 года, летом 1832 года Лермонтов опять же вместе с бабушкой поехали в Санкт-Петербург, где остановились в квартире на Мойке. Но на беду Лермонтову ему отказались засчитать два московских года учения и предложили вновь поступать на первый курс. Да еще и срок обучения увеличился на год, с трех до четырех лет. Да тут еще и несколько друзей его, включая Алексея Столыпина (Монго) и Николая Юрьева, соседа по пензенскому имению Михаила Мартынова (брата будущего убийцы), решили поступать в Школу юнкеров. Не будем забывать и о юности поэта. О чем и мечтать русскому юноше вскоре после победы над Наполеоном? О воинской славе. Мечтал, правда, и о литературном поприще и вдруг всё же решился стать военным. Подумаешь, всего учебы два года. Ну а о том, что за учебой последует и вся дальнейшая жизнь — воинская, служивая, отнюдь не литературная, думать не хотелось. Бабушка что-нибудь придумает.

Он писал своему близкому и доверенному другу Марии Лопухиной: «Не могу представить себе, какое действие произведет на вас моя великая новость: до сих пор я жил для поприща литературного, принес столько жертв своему неблагодарному идолу, и вот теперь я — воин. Быть может, тут есть особая воля Провидения: быть может, этот путь всех короче; и если он не ведет к моей первой цели, может быть, по нему дойду до последней цели всего существующего: ведь лучше умереть с свинцом в груди, чем от медленного старческого

истощения…»

Мария откровенно огорчена решением поэта: «Я не могу вам выразить огорчение, которое причинила мне дурная новость, сообщенная вами… Я не знаю, но думаю всё же, что вы действовали с излишней стремительностью, и, если я не ошибаюсь, это решение должно было быть вам внушено Алексеем Столыпиным, не правда ли?… Ну вот, вы, так сказать, брошены судьбой на путь, который даст вам возможность отличиться и сделаться когда-нибудь знаменитым воином. Это не может помешать вам заниматься поэзией…»

Хотя Елизавета Алексеевна и слышать не хотела о военной карьере внука, она вынуждена была смириться с его решением. Как-то бабушка приехала к командиру внука, полковнику Гельмерсену, с просьбой отпустить на время больного Лермонтова домой. Полковник, как последний аргумент в противостоянии со знатной и властной барыней, сказал: «Что же вы сделаете, если внук ваш захворает во время войны?» — «А ты думаешь, что я его так и отпущу в военное время?» — был ответ Арсеньевой… Впрочем, Лермонтов и сам жалел позже об этих двух бессмысленных «злополучных» годах обучения. Он до этого поступления весь был поглощен поэзией и любовью, что часто и сливалось для него в нечто единое. И вдруг казарма и отречение от литературы, ибо в Школе юнкеров запрещалось читать художественную литературу. Да и среда была совсем другая, чем в пансионе или в Московском университете. Его поступок был не понят многими родственниками и друзьями. Пишет ему из Москвы Алексей Лопухин: «Надо было слышать, как тебя бранили и даже бранят за переход в военную службу…» Не случайно в письмах родным и друзьям он оправдывался не столько перед ними, сколько перед самим собой. Он пишет Александре Верещагиной: «Теперь, конечно, вы уже знаете, что я поступаю в Школу гвардейских юнкеров… Если бы вы могли представить себе всё горе, которое я испытываю, вы бы пожалели меня. Не браните же более, а утешьте меня, если обладаете сердцем…» Горюет, а в юнкерскую школу идет добровольно. Это спустя год после учебы, сполна познав муштру, он напишет в 1833 году свою «Юнкерскую молитву»:

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,

В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

Пожалуй, это единственное, пусть и шутливое, но полное отчаяния и неприятия своей реальной жизни стихотворение Лермонтова той, юнкерской поры, написанное в первый период учебы. Позже поэт сумел перебороть отчаяние и бросился в другую крайность, стал сочинять карикатурные, шаржированные и крайне скабрезные поэмы, воспевая вполне реальные эротические похождения младых юнкеров.

Перед зачислением в Школу юнкеров всех будущих юнкеров определяли по будущим полкам. Лермонтов был зачислен в лейб-гвардии Гусарский полк на правах вольноопределяющегося унтер-офицера. Конечно, жизнь сложилась так, как она сложилась, и гораздо позже многие лермонтоведы и историки старались оправдать это поступление Михаила Лермонтова в юнкерскую школу ее высокой репутацией, и краткостью учебы по сравнению с университетом, и вольностью нравов, мало отличающихся от обычной светской жизни.

Все становится историей. Место ссылки и даже место казни великих граждан становится местом паломничества. Где бы ни находился какое-то время тот или иной гений, со временем это место станет святым. Вот и юнкерская школа прославилась на века тем, что в ней учился Михаил Юрьевич Лермонтов. Ныне Петергоф гордится, что там в летних лагерях Школы юнкеров жил великий русский поэт. Скорее, как ни странно, в Московском университете мы не найдем никаких памятных знаков, посвященных русскому гению. Хотя, если считать вместе с пансионом при университете, в его стенах поэт провел целых четыре года.

Павел Висковатый пишет о московском периоде поэта, сравнивая с обучением в юнкерской школе, в своей первой биографии поэта: «Здесь впервые развернулся талант Лермонтова и положено основание всем лучшим его произведениям… Перед этим временем честного развития мысли поэта ничего не значат два года пребывания его в Школе подпрапорщиков. Печально, как увидим далее, отразились на Лермонтове эти два года. Прервали они нить развития лучших сторон в нем, сказавшихся во время пребывания в Московском университете, и отвлекли его от прежних стремлений и идеалов…»

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, учрежденная в мае 1823 года, ко времени учебы Михаила Лермонтова была в ведении великого князя Михаила Павловича. Дело не столько в том, плохие или хорошие офицеры ею командовали: барон Шлиппенбах, командир роты Гельмерсен и т. д. В такой закрытой военной школе нечего было делать вольным поэтам. Незадолго до поступления в Школу юнкеров Лермонтов написал свое знаменитое юношеское стихотворение «Парус», манифест своего первого поэтического периода. Мятежный поэт сам напрашивался на бурю и… вдруг получил закрытую военную казарму. В университете поэт вел себя независимо и непринужденно, в Школе юнкеров он постарался стать, как все. А какими бывают все юноши в 18–20 лет? Дабы не сломаться от муштры и единообразия, юноши уходят в разгул, не столько реальный, сколько воображаемый. Хмельные и эротические видения начинают довлеть над ними. И вот яркий свободолюбивый романтик, дабы показать свое первенство и в казарме, выделиться из строя, начинает делать всё, чтобы заслужить репутацию лихого гусара. Показывать свою силу, лихо мчаться на коне, учинять более чем шаловливые проделки. Если откровенно, мы видим в Школе юнкеров совсем другого юношу. Может быть, в Школе юнкеров и приучил себя Михаил Лермонтов к острословию, к едким шуткам в адрес товарищей. Впрочем, так же запросто шутил он и над самим собой. Но примитивные и самолюбивые его коллеги шуток не воспринимали. Ни в Школе юнкеров, ни позже. Он с юности не любил фальшь светского общества. И переносил свою нелюбовь на веселые и иногда обидные остроты в адрес реально окружавших его людей. Школа юнкеров, увы, и была его школой жизни…

Кончился романтический, самый светлый период его жизни, кончился первый его поэтический этап. В первые же месяцы учебы, доказывая старым юнкерам, как ловко он обходится с конями, сел на молодую лошадь и в результате получил от одной из лошадей в манеже удар по ноге. Болел около двух месяцев, а

прихрамывал после этого случая всю жизнь. Долго он прихрамывал и в своей поэзии, после развеселых юнкерских шалостей. Изредка появляющиеся свои личные лирические стихи он не показывал бравым юнкерам. Им требовалось совсем другое. Увы, как старым зэкам в лагерях попавшие туда писатели рассказывали всякие байки и скабрезные истории, так и в юнкерской школе молодой поэт пустился во все тяжкие.

За два года учебы им было написано три эротические (многие расценивают их как порнографические) поэмы и несколько столь же непристойных стихотворений. Сегодня непристойность или самая густая эротика мало кого смутит, но я скорее соглашусь с Борисом Эйхенбаумом, который так отозвался об эротических поэмах Михаила Лермонтова: «В промежуток между 1832-м и 1835-м годом Лермонтов пишет свои эротические поэмы — „Гошпиталь“, „Петергофский праздник“ и „Уланша“. Здесь-то и приютилось влияние Пушкинского стиха (например — описание Петергофа). Но тогда как эротика Пушкина не представляла собой никакого отклонения или противоречия и легко входила в общую систему его творчества, эротика Лермонтова производит впечатление какого-то временного запоя и имеет не столько эротический, сколько порнографический характер. Эротика отличается от порнографии тем, что она для самых откровенных положений находит остроумные иносказания и каламбуры — это и придает ей литературную ценность. Так как поэзия вообще чуть ли не целиком есть искусство говорить иносказательно — так, чтобы сделать ощутимым самую материю слова во всех ее свойствах, то совершенно понятно, что эротическая тема, как тема запрещенная и не имеющая для своего выражения узаконенных поэтических штампов, заинтересовывает поэта как проблема чисто-литературная, стилистическая. Такова „Pucelle“ Вольтера или „Гавриилиада“ Пушкина. Совсем другое у Лермонтова: вместо иносказаний и каламбуров мы видим в них просто скабрезную терминологию, грубость которой не производит никакого впечатления, потому что не является художественным приемом (как хотя бы у Пушкина неожиданное грубое ругательство в стихотворении „Телега жизни“, где оно действует комически, потому что является результатом развертывания глубокомысленной метафоры). Недаром поэмы эти написаны Лермонтовым именно в тот период, когда творчество его, сначала (1830–1831 гг.) очень напряженное и обильное, вдруг ослабело и почти остановилось…»

В отличие от пушкинских или даже барковских эротических стихов, в отличие от «Луки Мудищева» или пушкинской «Гавриилиады», юнкерские поэмы Лермонтова остались

грубоватым следом в его жизни еще и потому, что мы читаем не некие фривольные сказки, не стихи о похождениях мифических героев в альковах загадочных женщин, а какие-то дотошно описанные физиологические очерки о вполне реальных соучениках Лермонтова. Все эти поэмы были написаны для рукописного журнала «Школьная заря», который семь раз выпускался юнкерами. К примеру, главным героем рассказанного в поэме «Гошпиталь» происшествия являлся князь Александр Иванович Барятинский (впоследствии известный государственный и военный деятель), чьи шалости, кутежи, веселые похождения и романтические приключения получили в Петербурге широкую известность. Думаю, и в момент выхода журнала вряд ли Барятинскому понравилось его изображение, но в Школе юнкеров он отмолчался, отшутился, хотя приятного было мало. Как указано в «Русском биографическом словаре» 1900 года, «В этом учебном заведении кн. Барятинский всецело окунулся в веселую жизнь столичной молодежи того времени… кирасирский полк (тогда армейский)… и ему пришлось серьезно задуматься над поправлением своей пошатнувшейся репутации. Князь А. И. не долго колебался в выборе средств и заявил категорическое желание ехать на Кавказ, чтобы принять участие в военных действиях против горцев».

Из-за поэмы «Гошпиталь» князь Барятинский люто возненавидел Лермонтова. Гораздо позже, после смерти поэта, его биограф П. А. Висковатый обратился и к Барятинскому за воспоминаниями и услышал самые негодующие слова: «…он называл его самым „безнравственным человеком“ и „посредственным подражателем Байрона“ и удивлялся, как можно им интересоваться до собирания материалов для его биографии».

Висковатый утверждал, что Барятинский был в числе людей, сознательно мешавших служебному продвижению Лермонтова. Впрочем, читатель может рассудить сам. В своей поэме в резко сатирическом тоне Лермонтов рассказывает с бытовой точностью о похождениях героев, за которыми стояли легко угадываемые прототипы: Лафа — он же Н. И. Поливанов, Михаил Шубин и др.

Но с явным гротеском Лермонтов изобразил прежде всего князя Барятинского.

Как вспоминает соученик Лермонтова по Школе юнкеров Александр Меринский: «Зимой, в начале 1834 года, кто-то из нас предложил издавать в школе журнал, конечно, рукописный. Все согласились, и вот как это было. Журнал должен был выходить один раз в неделю, по средам; в продолжение семи дней накоплялись статьи. Кто писал и хотел помещать свои сочинения,

тот клал рукопись в назначенный для того ящик одного из столиков, находившихся при кроватях в наших каморах. Желавший мог оставаться неизвестным. По средам вынимались из ящика статьи и сшивались, составляя довольно толстую тетрадь, которая вечером в тот же день, при сборе всех нас, громко прочитывалась. При этом смех и шутки не умолкали. Таких нумеров журнала набралось несколько. Не знаю, что с ними сталось, но в них много было помещено стихотворений Лермонтова, правда, большей частью, не совсем скромных и не подлежащих печати, как например: „Уланша“, „Праздник в Петергофе“ и другие». В целом, насколько известно, вышло семь номеров журнала. Среди главных авторов — Михаил Лермонтов и… Николай Мартынов…

Начнем с сюжета «Гошпиталя». В Петергофском госпитале на антресолях жила одна древняя старушка, смотрительница, там же жил и крепкий мужичок, ямщик. И была у них молодая и прелестная служанка. Как-то князь Б. (Барятинский) поспорил с Лафой (Н. И. Поливановым) на шесть бутылок шампанского, что он этой же ночью завладеет молодой служанкой.

И ободренный винным паром
Наверх вскарабкался наш князь;
Прижал защелку — входит с жаром.
Руками за х… свой держась;
Чердак похабный, закоптелый
Едва лампадой озарен,
Говно и пыль со всех сторон.
В широких креслах, в кофте белой,
В очках, недвижна, как гранит,
Слепая барыня сидит.

Не разобравшись в темноте, князь налетел на старую барыню, задрал ей юбки и… принялся делать свое княжеское дело, спустив свои штаны…

Старушка кричит, прибегает ямщик и видит:

Худая мерзостная срака
В сыпи, заплатках и чирьях,
Вареного краснее рака,
Как круглый месяц в облаках,
Пред ним сияла!.. Свой огарок,
Смутясь немного, мой Андрей
Перекрестясь, приставил к ней…
Не вкусен князю был припарок,

И он немедля с языка
Спустил лихого е…ка.

Да еще и дубиной стал ямщик проходиться по княжеской спине. Князь кинулся из дверей, ямщик с дубиной за ним, и вдруг видят уже в другой комнате Лафу с молодой служанкой. Это лихой улан успешно вместо князя обслужил по всем правилам служанку Марису, пока тот возился со старухой. Затем еще и выручил князя из беды. Дал отпор ямщику.

Ужасней молнии небесной,
Быстрее смертоносных стрел,
Лафа оставил угол тесной
И на злодея полетел;
Дал в зубы, сшиб его — ногою
Ему на горло наступил;
— «Где ты, Барятинский, за мною,
Кто против нас?» он возопил.
И князь, сидевший за лоханкой,
Выходит робкою стопой,
И с торжествующей осанкой
Лафа ведет его домой.
Как шар по лестнице скатился
Наш голожопый купидон,
Ворчал, ругался и бесился,
И, морщась, спину щупал он.

Пришлось князю выставить ящик шампанского, «И, от друзей досаду скрыв, / Остался весел и счастлив…» Вот и вся скабрезная поэмка. Напиши это, очевидно, реально состоявшееся похождение кто-нибудь из юнкеров, прошло время, всё забылось бы, иногда соученики встречались бы и смеялись. Но князь А. И. Барятинский позже стал наместником Кавказа, фельдмаршалом, приближенным лицом императора. А Михаил Лермонтов стал великим русским поэтом. Каково наместнику Кавказа слушать за своей спиной до конца жизни хихиканья своих подчиненных. Да и перед детьми неловко. Естественно, и сегодня все наследники Барятинского люто ненавидят Михаила Лермонтова. В общем-то, обычная зарисовка будней военного училища, что в царское, что в советское, что в нынешнее время. Грубоватые нравы, доля натурализма, зафиксированные, хоть и шаржированные портреты юнкеров и сценки из юнкерской жизни.

В другой поэме «Петергофский праздник» добрую треть

сочинения можно хоть сейчас в рекламный ролик видов Петергофа помещать.

Кипит веселый Петергоф,
Толпа по улицам пестреет,
Печальный лагерь юнкеров
Приметно тихнет и пустеет.
Туман ложится по холмам,
Окрестность сумраком одета —
И вот к далеким небесам,
Как долгохвостая комета,
Летит сигнальная ракета.

В Петергофе как раз во время традиционного праздника проходили летние учения Школы юнкеров. И бравые юнкера с удовольствием интимно общались с дамами. На этот раз, по утверждению ряда современников, в поэме главным героем выведен Дмитрий Сергеевич Бибиков, юнкер лейб-гвардии Кирасирского полка с 7 сентября 1832 года. Ему и удалось заманить в кусты ядреную девицу. Всё бы хорошо, но девица потребовала денег, а как говорят в анекдоте, «юнкера с дам денег не берут»… И наоборот, дамам за удовольствия не платят.

И закатился взор прекрасный,
И к томной груди в этот миг
Она прижала сладострастно
Его угрюмый, красный лик.
— Скажи мне, как тебя зовут? —
«Маланьей». — «Ну, прощай, Малаша». —
«Куда ж?» — «Да разве киснуть тут?
Болтать не любит братья наша;
Еще в лесу не ночевал
Ни разу я». — «Да разве ж даром?»
Повесу обдало как варом,
Он молча муде почесал.
— Стыдись! — потом он молвил важно:
Уже ли я красой продажной
Сию минуту обладал?
‹…›
Ты знай, я не балую дур:
Когда е…у, то par amour!
Итак, тебе не заплачу я:
Но если ты простая б…дь,

То знай, за честь должна считать Знакомство юнкерского х…

Наиболее скабрезной, на мой взгляд, получилась третья поэмка «Уланша». Всё о том же своем товарище Лафе (Н. И. Поливанове), который разводил юнкеров на летние учения по квартирам и заодно нашел молодую красотку, к которой позвал всех товарищей своих. Этакий крутой юнкерский групповой секс. Как и в предыдущих поэмах, никакой тонкой эротики, никакого томления, никакого изыска. Грязно навалились толпой на одну девицу, разодрали ее и, утомленные, утром разошлись по квартирам. Не хочется верить, что так всё и было. В молодежных подвигах всегда есть доля преувеличения.

«Народ! — сказал Лафа рыгая. —
Что тут сидеть! За мной ступай —
Я поведу вас в двери рая!..
Вот уж красавица! лихая!
П…да — хоть ложкою хлебай!
Всем будет места… только, други,
Нам должно очередь завесть!..
Пред богом все равны…
Но, братцы, надо знать и честь…
Прошу без шума и без драки!
Сначала маленьких пошлем;
Пускай потыкают собаки…
А мы же грозные е…аки
Во всякий час свое возьмем!»
‹…›
Мирзу не шпорит Разин смелый,
Князь Нос, сопя, к седлу прилег,
Никто рукою онемелой
Его не ловит за курок…
Идут и видят… из амбара
Выходит женщина: бледна,
Гадка, скверна, как божья кара,
Истощена, из…бана;
Глаза померкнувшие впали,
В багровых пятнах лик и грудь,
Обвисла жопа, страх взглянуть!
Ужель Танюша? — Полно, та ли?
Один Лафа ее узнал,
И, дерзко тишину наруша,
С поднятой дланью он сказал:
«Мир праху твоему, Танюша!..»
С тех пор промчалось много дней,

Но справедливое преданье
Навеки сохранило ей
Уланши громкое названье!

Хочется думать, что это юнкерские фантазии и не более. Я уж не знаю, как позже к этим поэмам относились ее герои, тот же Лафа, Князь Нос, Разин… Нет ни грациозности, ни шаловливости, ни куртуазности, нет даже и патологии, лихого извращенчества. Какое-то простое естество аристократических хамов. Может, поэтому эти поэмы и не осуждал Виссарион Белинский. Мол, любуйтесь на низкое поведение всех этих князьев и графов. За эротическими поэмами последовало и несколько скабрезных стишков на «голубые» приключения своих сотоварищей. Внимательно прочитав эти стишки, любой читатель поймет, что сам Лермонтов всех этих «удовольствий» более чем сторонился, скорее, высмеивал увлекающихся «голубизной» юнкеров. Но и в этих стихах поражает адресная их привязка. Я не знаю, как относился к великому поэту в течение всей жизни Павел Павлович Тизенгаузен, но в литературной памяти навсегда останется его увлечение сладостным пороком. Ему посвящено целое стихотворение «К Тизенгаузену».

Не води так томно оком,
Круглой жопкой не верти,
Сладострастьем и пороком
Своенравно не шути…

Вот и в своей «Оде к нужнику» поэт описывает вполне реальные впечатления, когда из их общей спальни юнкеров ночью скользят в сторону нужника две тени в ночных рубашках:

Вдруг шорох, слабый звук и легкие две тени
Скользят по каморе к твоей желанной сени,
Вошли… и в тишине раздался поцелуй,
Краснея поднялся, как тигр голодный, х…й,
Хватают за него нескромною рукою,
Прижав уста к устам, и слышно: «Будь со мною…»

В отличие от мужских эротических поэм в подробности подобных «приключений» чуждый им поэт не влезает и поэтому заканчивает свой стишок этакой моральной нотой: «Но занавес пора задернуть над картиной, / Пора, чтоб похвалу неумолимый

рок / Не обратил бы мне в язвительный упрек». Увы, но это болезнь с древних времен всех закрытых учебных заведений, да и вообще закрытых мужских обществ. Что в Древнем Риме, что в Англии, что в России. За редким исключением, эта дурная привычка со временем исчезала, особенно когда с ней усердно боролись. Как и было во времена Николая I. Так что в случае с Лермонтовым нашим пропагандистам порока не за что зацепиться, язвительный упрек обращать не к кому. Скорее, можно спросить, принесли ли хоть какую-то пользу в развитии поэтического творчества эти эротические шалости самому Михаилу Лермонтову. Шедеврами их не назовешь. Изысканностью, высоким романтизмом они не отличаются. Даже наоборот. Осознанная борьба с высоким стилем в литературе. Игра на занижение. Сама прямая адресность всех эротических произведений говорит об отношении поэта к обществу в целом.

Известный критик Павел Никитич Сакулин писал: «Второй период, обнимающий два-три года пребывания Лермонтова в военной школе, отмечен рядом эксцессов, когда плоть и молодая страсть бурно проявляли себя, когда чувство переходило уже в чувственность. Поэт низко опустился к земле и отдал ей обильную дань в таких произведениях, как „Гошпиталь“, „Петергофский праздник“, „Уланша“ (1833–1834 гг.). Если забыть об этической оценке этих произведений, то им следует приписать важное значение в эволюции лермонтовского творчества. Как шуточные и эротические повести других поэтов (напр., того же Пушкина), фривольные поэмы Лермонтова вносили в его поэзию струю простоты и жизненности, черты, которых так недоставало „романтическим“ поэмам Лермонтова и его современников. Припоминается здесь, что такие люди, как Белинский, склонны были в плотской любви и даже в оргиях разврата видеть серьезное противоядие беспочвенному, худосочному идеализму. Земное начало явно торжествовало в душе Лермонтова, когда он писал какой-нибудь „Петергофский праздник“…»

То есть, при всей скабрезности и ущербности юнкерских поэм, они стали для самого поэта неожиданно важнейшим поэтическим событием. Пусть пишут Владимир Соловьев или Борис Эйхенбаум о том, что юнкерские поэмы «вне литературы». Пусть мыслители и филологи рассматривают их то как пример нравственного падения, то как пример литературной деградации. Как считает Эйхенбаум: «Если значительная доля этих сообщений и должна быть признана литературной стилизацией, то всё же должна остаться в них и доля реальности, которая в данном случае интересует меня потому, что самые поэмы 1833–1834 гг. я склонен рассматривать не как литературные произведения, а как

психологический документ, оправдывающий деление творчества Лермонтова на два периода (1829–1832 гг. и 1836–1841 гг.)…» Но никуда не уйти от того, что с юнкерских лет исчез чисто романтический, идеализированный подход к действительности, исчезли выдуманные герои, выдуманные страны, исчезла его родовая шотландская надмирность. Вместо байронических героев, вместо мятежного паруса, ищущего бурю, мы видим в стихах и поэмах самого конкретного непотребного князя Барятинского с голой задницей, видим самую конкретную, истекающую соком девицу из кабачка, видим порочного Тизенгаузена.

Поразительно, но в самые советские годы эти эротические поэмы были внимательно разобраны одним из лучших критиков, знатоком Русского Севера Сергеем Николаевичем Дурылиным. Добавив к трем юнкерским поэмам Лермонтова написанную чуть позже, в 1836 году, но тем же дотошным реалистически достоверным стилем, поэму «Монго», посвященную его другу Алексею Столыпину, Сергей Дурылин пишет:

«Лермонтов писал для определенного круга читателей, и вкусы этого круга не могли не отразиться на его произведениях. Об эстетической требовательности и об этической строгости этого вкуса не может быть и речи. „Непристойность“, очевидно, входила, как непременное условие, в литературный заказ, обращенный гвардейскими подпрапорщиками к их поэтам. Лермонтов этот заказ, к сожалению, выполнил. Все это бесспорно. Но, исполняя тот же заказ, Лермонтов мог выполнить его, прибегая к совсем иной литературной форме, в совсем другом стиле, применяя совсем иные приемы повествования. Вместо непристойного „рассказа“ — таков авторский подзаголовок „Гошпиталя“, одинаково идущий и к трем другим поэмам, — поэт мог предложить своим однокашникам столь же непристойную сказку, фривольную балладу или эротическую пародию на героическую поэму в духе „Pucelle“ или „Гавриилиад“. Но Лермонтов написал именно рассказ, притом рассказ с сюжетом из текущей действительности, и таких рассказов написал четыре подряд.

Мало того. Все свидетели юнкерской жизни Лермонтова и все его биографы согласны в том, что ни один из сюжетов, разработанных в этих „рассказах“, не является вымыслом, а представляет собой разработку действительных происшествий, случившихся с товарищами Лермонтова („Гошпиталь“, „Петергофский праздник“, „Уланша“) и с ним самим („Монго“)… Остается бесспорным важный факт: в юнкерских поэмах Лермонтов-писатель впервые обратился к прямому

воспроизведению действительности в форме реалистического рассказа. Специфичность „заказа“ обусловила тот специфический выбор, который Лермонтов сделал из скудного материала окружающей его юнкерско-офицерской действительности, но выбор сделан был именно из материала действительности и обработан рукой реалиста, как будто никогда не державшего романтическое перо…»

Я продолжу критика. Не было бы этих эротических поэм, увы, не было бы и «Героя нашего времени». Он и на самом деле рухнул с коня романтизма в болото самого приземленного реализма, но это была — земля. Это были самые реальные люди. Живые разговоры, живые персонажи, живые описания пригородов Петербурга, в конце концов, живые женщины. А как превосходно описан в «Уланше» его друг Лафа, буян лихой, «идет он… всё гремит на нем, как дюжина пустых бутылок…». Я согласен с Дурылиным, поэма «Монго» и по языку, и по сюжету примыкает к юнкерским поэмам, хотя и написана уже произведенным в офицеры Михаилом Лермонтовым.

Главное отличие, в «Монго» уже нет густой эротики. Поэт скинул с себя, как дурной стиль, все свое позорное юнкерское словоблудие. И больше никогда не возвращался к нему. И вдруг видишь, что и за эротикой густой стояло у меняющегося поэта иное реалистическое отношение к жизни и к людям. В «Монго» тоже сохранены бытовые достоверности жизни Лермонтова, выведен и он сам под прозвищем «Маёшка».

Дальше уже был путь к поэмам «Казначейша», «Сашка», к повестям из «Героя нашего времени». Путь к своей вершине, откуда он был сброшен так безжалостно еще одним героем своих реалистических зарисовок. Интересно, каким бы у него появился Николай Мартынов в возможных будущих рассказах? Может, Николай Соломонович и убрал загодя на всякий случай своего возможного портретиста?

К сожалению, юнкерские поэмы Михаила Лермонтова, помещенные в рукописном журнале «Школьная заря», долгое время распространялись в списках среди так называемой золотой молодежи. И первая поэтическая слава Михаила Лермонтова имела дурной привкус барковщины. Мужья и отцы семейств строго следили, чтобы к их женам и дочерям не попадали стихи Лермонтова. Запрещали упоминать его имя. Как пишет первый биограф поэта Павел Висковатый, вполне уважаемые люди не понимали, как этот эротический поэт с такой дурной репутацией «смел выходить в свет со своими творениями»… «Даже знаменитое стихотворение на смерть Пушкина не могло изгладить этой репутации, и только в последний приезд

Лермонтова в Петербург за несколько месяцев перед его смертью, после выхода собрания его стихотворений и романа „Герой нашего времени“ пробилась его добрая слава».

На смерть Пушкина

И все-таки, полнота лермонтовского гения раскрылась, как часто и бывает, вроде бы внезапно. Немало уже прекрасных стихотворений было написано, так бы дальше всё и шло. Но необходим был взрыв, прорыв из глубины подсознания всех, еще не проснувшихся сил.

1837 год стал годом рождения поистине великого национального русского поэта. Михаил Юрьевич Лермонтов стал таким после появления своего стихотворения «Смерть Поэта». Интересно, в 1814 году родился, в 1837 году стал великим русским поэтом. В 1841 году погиб. Три самых знаменательных года XIX столетия.

Дмитрий Мережковский писал о его перевоплощении из «гадкого утенка» в лебедя: «До какой степени „пошлость“ его — только болезненный выверт, безумный надрыв, видно из того, с какой легкостью он сбрасывает ее, когда хочет. Кажется, пропал человек, залез по уши в грязь, засел в ней „прочно, как лягушка в тине“, так, что не выбраться. Но вот, после двух лет разврата и пошлости, стоило приехать близкому человеку, другу любимой женщины — и „двух страшных лет как не бывало“.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко…

Такое же мгновенное освобождение от пошлости происходит с ним после дуэли Пушкина. У Лермонтова явилась мысль вызвать убийцу… Стихотворение „Смерть Пушкина“ признано было в придворных кругах „за воззвание к революции“. Это, конечно, вздор: далеко Лермонтову до революции. Но недаром сравнивает его Достоевский с декабристом Мих. Луниным: при других обстоятельствах Лермонтов мог бы кончить так же, как Лунин…»

Впрочем, и сам Лермонтов нечто подобное предчувствовал в себе с юности. Спокойное течение жизни должно было замениться максимальной концентрацией духа, вертикальным взлетом гения. Мгновенное перерождение. Его поэзия обрела пророческое выражение. Он сам ждал этого прорыва. Вспомните, в 1837 году вслед за стихотворением «Смерть Поэта» Лермонтов подряд пишет свои гениальные стихи: «Бородино», «Ветка Палестины»,

«Когда волнуется желтеющая нива…», «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою…». Его поэзия стремится к жизни, к действию, начинает приобретать какое-то «магнетическое влияние». Поэт почувствовал свое высокое предназначение. «Кто близ небес, тот не сражен земным…».

Естественно, в этом не было никакого расчета. Применительно к поэзии Михаила Лермонтова слово «расчет» вообще не применимо. Но писал же он в своем известном письме Марии Лопухиной о том случае, который может судьбой представиться, и хватило бы ему смелости таким случаем воспользоваться. Поводом для такого мгновенного взлета могла быть война, мог быть мятеж, гибель императора… Или гибель своего кумира, великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. Интуитивно поэты предчувствуют такие мгновения. Именно со стихотворения «Смерть Поэта» можно отсчитывать биографию великого мастера. Дано было этому новому русскому гению жить четыре с небольшим года. Ничья другая скоропостижная смерть в русской, да и в мировой литературе не нанесла столь мощный удар, как ранняя смерть Михаила Лермонтова. Даже смерть Александра Пушкина — это была гибель великого мастера в период своего законченного совершенства. Прав был Лев Толстой, когда высказался о Лермонтове, что «если бы этот мальчик остался жив, не нужны были бы ни я, ни Достоевский».

Может быть, мгновенно достигнутое совершенство стиха возникло в связи с тем, что он в своем стихотворении «Смерть Поэта» высказался сразу же не только по поводу гибели своего кумира, но и в роковом предчувствии собственной скорой смерти? Такой двойной реквием. «С свинцом в груди и жаждой мести…» — это же о самом Лермонтове, а не о Пушкине, раненном в живот и простившем перед смертью своего убийцу Дантеса. «Один, как прежде… и убит!» Более одинокого гения, чем Михаил Лермонтов в русской поэзии, нет. «Зачем он руку дал клеветникам ничтожным, / Зачем поверил он словам и ласкам ложным, / Он, с юных лет постигнувший людей?…» Как видна в этих строках вся поэтическая натура самого Лермонтова, презирающего лживый «высший свет», и одновременно тянущегося к нему, стремящегося попасть на все придворные балы. И на самом деле, для всех ценителей и почитателей Михаила Лермонтова навсегда останется загадкой: «Зачем… вступил он в этот свет завистливый и душный / Для сердца вольного и пламенных страстей?» Зачем повернул свое направление поездки в полк и вместо полка, где жили по совсем иным боевым законам и где судьба оберегала его даже в часы кровопролитных сражений, как при реке Валерик, направился в

светский и лживый Пятигорск, летний филиал Петербурга?

И одновременно это стихотворение «Смерть Поэта» — великая элегия о погибшем Пушкине, это плач по русскому гению, протест против чужеродных беглецов, заполонивших, как всегда, Россию «на ловлю счастья и чинов».

Энергия погибшего Александра Пушкина стала как бы катализатором лермонтовского гения, разбудила в нем еще дремавшие силы. Как писал когда-то Сергей Есенин: «Нельзя указать ни одного поэта, кроме Лермонтова, который был бы так заряжен Пушкиным». Но эту заряженность Пушкиным никак не назовешь простым ученичеством. Копировал, заимствовал в своей ранней юности Михаил Лермонтов много, и из Пушкина, и из Байрона, и из немецких поэтов. Это как молодые художники в период учебы слепо копируют полотна великих мастеров. Те, кому дано большее, спустя годы ученичества обретают свое видение. Вот и у Лермонтова после поры ученичества пришла пора собственного великого прозрения. Гибель Пушкина подтолкнула это прозрение, как бы подзарядила его творческой энергией. Увы, после гибели Лермонтова нового русского гения не нашлось. Пожалуй, смерть великого поэта лишь дважды в России подталкивала к великим откликам современников. И как по-разному. Лермонтов — на смерть Пушкина. Маяковский — на смерть Есенина. Ни Лермонтов, ни Гумилев, ни Мандельштам, ни Рубцов значимых поэтических откликов не дождались. Разве что спустя 130 лет в 1967 году такой же неуемный, как Лермонтов, но не имеющий за спиной ни надежной бабушки, ни имения с сотнями крепостных, Сергей Чудаков напишет свое стихотворение, посвященное Лермонтову, и так же протестно прозвучавшее уже в советских литературных кругах.

Неуемный приятель шотландец Лермонт
Ты убит, ты закрыт на учет, на ремонт
Повернулся спиною к тебе горизонт
Прекращается бал все уходят на фронт
Твой чеченец лукаво на русских смотрел
Он качал головой на всеобщий расстрел
Для него стихотворный стирается мел
Лишь слегка проступается буквою «эл»
Неужели тебе ненавистна резня
Лучше с бабой возня или с властью грызня
И сказав без меня без меня без меня
Ты мерцаешь блазня и прощаешь дразня
Где-то в слове Россия есть слово топор
В чьей широкой щеке для гаданья простор

Как младенец открой перевернутый взор
На безумье на скуку на выстрел в упор
Это было прошло, но подумай старик
Для чего протекает река Валерик
Сквозь меня сквозь тебя через весь материк
Это кровь или только панический бзик
Император сказал посещая бордель
Мир Европы правительства русского цель
Стонет бабка в Тарханах связался Мишель
С подзаборной камелией Омер де Гель
Для бежавших презревших классический плен
Это ордер на смерть стихотворный катрен
И одну из не самых удавшихся сцен
Горизонта спасает мистический крен
Мы серебряной цепью замкнем фолиант
Чтобы в нем не копался доцент-пасквилянт
Чтобы сунуть не смел ни в донос, ни в диктант
Каплю крови рубин и слезу бриллиант

Я приведу одно очень меткое высказывание писателя Андрея Битова о связи Пушкина с Лермонтовым. Так уж получилось, что мы с Битовым часто встречаемся на одной узкой дорожке литературных пристрастий. Эти пристрастия бывают настолько различны, что увлеченность людей одним и тем же иногда поражает. Мы то одновременно открываем необычную одаренность «детей тридцать седьмого года рождения» (уже 1937 года), то вдруг увлекаемся темой зайцев в русской и мировой культуре. Я — отталкиваясь от китайских лунных зайцев, Андрей Битов — от зайца, перебежавшего дорогу Пушкину. Вот и к Лермонтову оба относимся с большим пристрастием. Хотя я каждый раз в своих сочинениях щедро цитирую Андрея Битова, чувствую со стороны своего литературного коллеги некоторую ревность. Что поделать, мир тесен. Тем более и отношение к Лермонтову у нас с Андреем Битовым близкое. Хорошо хоть о великом русском поэте столько было написано, что ни он, ни я ничего принципиально нового не скажем, будем лишь щедро цитировать своих предшественников. Поэтому я и не стану высказывать свои очень схожие с Битовым рассуждения, а процитирую своего старшего собрата:

«Перед Лермонтовым открылось будущее, как только Пушкин стал прошлым. От „Паруса“ до „Смерти Поэта“ проходят четыре с половиной года практически творческого бездействия. Положим, Лермонтов в это время учился на офицера, был увлечен

светскими похождениями, пробовал свои силы в жанрах драмы и прозы, но только одно произведение довел до конца, а именно драму „Маскарад“ (1835–1836), — видимо, соблазненный громким успехом „Пиковой дамы“ Пушкина… Так что не „Пушкин и Лермонтов“, а Лермонтов, который начинается со стихотворения на смерть Пушкина — „Смерть Поэта“… Сохранились свидетельства, что лермонтовский текст в его первоначальном виде был прочитан кем-то Николаю I и что император будто бы заметил: „Этот, чего доброго, заменит России Пушкина“… Лермонтов стремительно входил в эту „ипостась“ — наследника, не ученика. И общественное мнение разносит: вот он, преемник, продолжатель, наследник!»…

Впрочем, на эту тему пушкинского наследника писали все, начиная от первого биографа Лермонтова и кончая великими мыслителями Серебряного века — Розановым, Соловьевым, Мережковским. Какое-то мистическое совпадение, предзнаменование. Смерть одного гения послужила поводом к рождению другого гения. Может быть, живи Пушкин до глубокой старости, Лермонтов и развивался бы совсем иначе, может быть, гений так и дремал бы в нем до конца. Хотя сомневаюсь, война, любовь, дуэли, что-нибудь иное точно так же послужило бы раскрытию лермонтовского дара. Сегодня все наши любители постмодернистской зауми относятся к этому стихотворению «Смерть Поэта» с некоторой прохладцей, чуть ли не как памятнику социалистического реализма. Может быть, поэтому в начале антисоветской перестройки так радостно переименовали станцию метро «Лермонтовская» в «Красные Ворота», нашим прорабам перестройки Михаил Лермонтов казался большевиком начала XIX века. Патриотом и державником. И одновременно бунтарем. Так оно и было.

Конечно же Михаил Лермонтов прекрасно понимал, что его стихотворение вряд ли вызовет удовольствие в высшем свете. Тем более все благоволили к Дантесу, все светские дамы жалели не Пушкина, а «несчастного» убийцу. Впрочем, также было и после гибели самого Лермонтова. Высший свет сочувствовал Мартынову. Ох уж этот наш традиционно благоволивший перед западным миром высший свет российского общества! Что во времена Пушкина и Лермонтова, что в нынешние времена.

Ничего не меняется. Даже бабушка Лермонтова говорила внуку о том, что, мол, Пушкин сел не в свои сани и сам виноват. Характерно мнение одного камергера о Пушкине, высказанное уже в 60-х годах XIX века: «Чем он велик?!..Препустой и заносчивый человек; мы его при дворе не любили» [38].

Совсем по-другому отнеслась к гибели Пушкина студенческая

молодежь. Критик Владимир Стасов, тогда еще начинающий студент, позже вспоминал: «Спустя несколько месяцев после моего поступления в училище правоведения Пушкин убит был на дуэли… Проникшее к нам тотчас же, как и всюду, тайком, в рукописи, стихотворение Лермонтова „На смерть Пушкина“ глубоко взволновало нас… Хотя мы хорошенько и не знали, да и узнать-то не от кого было, про кого это речь шла в строфе „А вы, толпою жадною стоящие у трона“ и т. д., но все-таки мы волновались. Приходили на кого-то в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовые, пожалуй, на что угодно, — так нас подымала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламенеющий в этих стихах. Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление…»

Нынешним «эстетам», пренебрежительно относящимся к этому стихотворению, я скажу, что на смерть Пушкина были написаны десятки других стихотворений самыми известными стихотворцами того времени (П. А. Вяземский, А. В. Кольцов, Е. А. Баратынский, Ф. Н. Глинка, М. Ф. Ахундов, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев, А. И. Полежаев, Н. П. Огарев), и всё же на всю Россию прозвучал именно стих молодого, никому доселе неизвестного гусара. Тексту стихотворения предшествовал эпиграф, взятый из трагедии Ж. Ротру «Венцеслав» (1648), переделанный для русской сцены А. Жандром (опубликован в «Русской Талии» за 1824 год) и содержащий обращение к государю с требованием отмщения убийце («Отмщенья, государь, отмщенья!»). Может быть, Лермонтов хотел этим обращением к государю обезопасить стих. Поначалу так и случилось. Стихотворение было написано на другой день после дуэли, еще при жизни Пушкина, без последних шестнадцати заключительных строк. Его успели прочитать и сам государь, и великий князь Михаил Павлович. Отозвались одобрительно. Великий князь даже молвил: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина». Высоко оценил стихотворение поэт Жуковский.

Смерть поэта

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века

Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб Поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде… и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь… он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.
Его убийца хладнокровно
Навел удар… спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?… издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..
И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный

Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?…
И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него;
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

_____

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Высочайшее одобрение заставило приумолкнуть злые языки, но ненадолго. В придворных кругах были недовольны и высылкой «благородного» Дантеса, и излишней похвалой Пушкина. По сути, эти враждебные круги сами и накликали на себя радикальное для того времени завершение стихотворения.

К больному Михаилу Лермонтову заглянул его родственник, брат его друга Столыпина (Монго), камер-юнкер Николай Аркадьевич Столыпин, достаточно близкий придворным кругам. Одобрительно отозвавшись о стихотворении, он при этом

заметил, что не надо было так нападать на Дантеса, защищавшего свою честь, Пушкин сам во многом виноват. К тому же Дантес — иностранец и русскому суду не подвластен. Лермонтов, разозлившись, сказал, что любой русский человек простил бы любую обиду со стороны Пушкина. Столыпин стал ему возражать. Прерывая его, Лермонтов заявил: «Если над ними нет закона и суда земного, если они палачи гения, так есть Божий суд». Он взял карандаш и стал что-то писать на листе бумаги. Столыпин пошутил: «Так рождается поэзия». В гневе Лермонтов сказал, что не хочет общаться с врагами Пушкина и пусть тот немедленно уходит. Придворный дипломат покинул комнату со словами: «Mais il est fou a Пег» [39]. Спустя некоторое время Михаил Лермонтов уже читал своему другу Юрьеву заключительные 16 строк. Позже вернулся живший в то время у Лермонтова Святослав Раевский. Увлеченный стихотворением, он переписал его набело и стал распространять уже полный текст среди знакомых. Конечно же Михаил Лермонтов прекрасно чувствовал остроту заключительной части. Но он не запретил его распространение. Вскоре его вызвали на допрос, где он дал следующее показание:

«Я был еще болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли ее и ко мне, обезображенную разными прибавлениями; одни, приверженцы нашего лучшего поэта, рассказывали с живейшей печалию, какими мелкими мучениями и насмешками он долго был преследуем и, наконец, принужден сделать шаг, противный законам земным и небесным, защищая честь своей жены в глазах строгого света. Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком, говорили, что Пушкин не имел права требовать любви от жены своей, потому что был ревнив, дурен собою — они говорили также, что Пушкин негодный человек и прочее… Не имея, может быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, никто не отвечал на эти последние обвинения. Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые нападали на человека, уже сраженного рукою Божией, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого; — и врожденное чувство в душе неопытной, защищать всякого невинно осуждаемого, зашевелилось во мне еще сильнее по причине болезнию раздраженных нерв. Когда я стал спрашивать, на каких основаниях так громко они восстают против убитого, — мне отвечали: вероятно, чтоб придать себе более весу, что весь высший круг общества такого же мнения. — Я удивился — надо

мною смеялись. Наконец, после двух дней беспокойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер; вместе с этим известием пришло другое — утешительное для сердца русского: государь император, несмотря на его прежние заблуждения, подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам его. Чудная противоположность его поступка с мнением (как меня уверяли) высшего круга общества увеличила первого в моем воображении и очернила еще более несправедливость последнего. Я был твердо уверен, что сановники государственные разделяли благородные и милостливые чувства императора, Богом данного защитника всем угнетенным; но тем не менее я слышал, что некоторые люди, единственно по родственным связям или вследствие искательства, принадлежащие к высшему кругу и пользующиеся заслугами своих достойных родственников, — некоторые не переставали омрачать память убитого и рассеивать разные невыгодные для него слухи. Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразил нестройное столкновение мыслей, не полагая, что написал нечто предосудительное, что многие ошибочно могут принять на свой счет выражения вовсе не для них назначенные. Этот опыт был первый и последний в этом роде, вредном (как и прежде мыслил и мыслю) для других еще более, чем для себя. — Но если мне нет оправдания, то молодость и пылкость послужат хотя объяснением, ибо в эту минуту страсть была сильнее холодного рассудка. Прежде я писал разные мелочи, быть может еще хранящиеся у некоторых моих знакомых. Одна восточная повесть, под названием „Хаджи-Абрек“, была мною помещена в „Библиотеке для чтения“, а драма „Маскарад“, в стихах, отданная мною на театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель не достаточно награждена. Когда я написал стихи мои на смерть Пушкина (что, к несчастию, я сделал слишком скоро), то один мой хороший приятель Раевский, слышавший, как и я, многие неправильные обвинения, и по необдуманности, не видя в стихах моих противного законам, просил у меня их списать; вероятно, он показал их, как новость, другому — и таким образом они разошлись. Я еще не выезжал и потому не мог вскоре узнать впечатления произведенного ими, не мог вовремя их возвратить назад и сжечь. Сам я их никому больше не давал, но отрекаться от них, хотя постиг свою необдуманность, я не мог: правда всегда была моей святыней, — и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твердостью прибегаю к ней, как единственной защитнице благородного

человека перед лицом царя и лицом Божиим.

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка, Михаил Лермонтов».

Выскажу еще одно, может быть, и спорное мнение. В его семье с детства, и в Тарханах, и в подмосковном имении Середниково, и в других имениях рода Столыпиных и Арсеньевых, его как бы попрекали незнатностью рода отца, Юрия Петровича Лермонтова. Так же попрекали и Пушкина его незнатным происхождением. И когда придворный дипломат Николай Аркадьевич Столыпин стал попрекать погибшего Пушкина, что он неприлично вел себя в высшем свете, Лермонтов уже обозлился и на весь этот род Столыпиных, разбогатевших, подобно каким-нибудь местечковым шинкарям, на виноторговле и надменно ведущих себя по отношению к игрою счастия обиженным по-настоящему древним родам. Зря император Николай I увидел в последних шестнадцати строках некий призыв к революции. Во многом это обедневший род древних шотландских Лермонтов высказывал свой протест разбогатевшим выскочкам. Некое противостояние Лермонтовых и Столыпиных продолжалось все эти 200 лет, продолжается и поныне.

«А вы, надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов…» — имел же в виду Михаил Лермонтов и кого-то конкретно из отцов, прославленных неблаговидными поступками. «Пятою рабскою поправшие обломки / Игрою счастия обиженных родов» — не так ли попирали пятою его родного отца Юрия Петровича?

Не буду всё сводить к этому родовому противостоянию Лермонтовых и Столыпиных. Конечно, имелась в виду и вся придворная аристократия, и этот напыщенный высший свет. Имелось в виду и чуждое русскому национальному мышлению, русской культуре рабски пресмыкающееся перед западными новинками офранцуженное дворянство. Дело тут не в той или иной крови, текущей в Дантесе, Пушкине или самом Лермонтове. Можно и с толикой африканской крови стать истинно русским поэтом. Но ведь Дантес не знал и не хотел знать русского языка. Не желал знакомиться с русской литературой. И даже по чьей-то поблажке, вопреки закону, принимая на службу в русский кавалергардский полк, его освободили от экзамена по русскому языку. Не случайно в черновиках к «Смерти Поэта» остались и такие, позже не вошедшие сточки:

(Его душа в краю чужом)
Его душа в заботах света
Ни разу не была согрета
Восторгом русского поэта,

Глубоким, пламенным стихом.

Так что это был и протест русского национального сознания. А такого ни тогда, ни сейчас никому не прощали. Вскоре его участь была решена. 27 февраля вышел царский приказ, по которому лейб-гвардии Гусарского полка корнет Лермонтов переводился тем же чином на Кавказ в Нижегородский драгунский полк. Для него это тоже было выбором судьбы. В том же 1837 году, уже после появления стихотворения «Смерть Поэта» и крайне резкой реакции императора, он пишет, осмысливая свой путь, стихотворение «Не смейся над моей пророческой тоскою…»:

Не смейся над моей пророческой тоскою.
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
‹…›
Но я без страха жду довременный конец, —
Давно пора мне мир увидеть новый.
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..

Он писал не просто стихотворение «Смерть Поэта», он писал о терновом венце Пушкина, о своем терновом венце тоже. Вот так пророчески и отозвался он и на свою гибель, и на гибель любимого им поэта, не очень-то заботясь о соответствии деталей. Пусть буквоеды укоряют, что не «с свинцом в груди» погиб Пушкин, ибо ранение было в живот. Не об этом речь. Вся образованная Россия сначала замерла после ранения и смерти Пушкина, а вскоре стала жадно читать стихи никому до этого не известного поэта Михаила Лермонтова. Как писал известный литератор XIX века Александр Васильевич Дружинин, поэт «…в жгучем, поэтическом ямбе первый оплакал поэта, первый кинул железный стих в лицо тем, которые ругались над памятью великого человека».

Нынче иные новоявленные лермонтоведы обвиняют все советское литературоведение в излишней идеализации Лермонтова, в излишней идеологизации его творчества. Но все, даже самые крайние идеологические версии о творчестве поэта и его гражданственности, о его постоянном противостоянии с придворным «светом» возникли не в советское время, а вскоре после его гибели или же спустя достаточно короткое время.

Это касается и истории возникновения стихотворения

«Смерть Поэта». Не случайно стихотворение как бы перекликается с пушкинским «Андреем Шенье». Дело даже не в поэтической перекличке, скорее в общей теме — гибель поэта. Изыми из стихотворения строки о беглецах, заброшенных к нам на ловлю счастья и чинов, и всё остальное можно отнести… к самому Лермонтову, к другим, трагически погибшим русским поэтам. «Один, как прежде…» — пожалуй, это подходит ближе самому Лермонтову, нежели далеко не одинокому Александру Пушкину. Но, конечно, поверяя своей душой поэта все эти позоры мелочных обид, обращался в своем стихотворении прежде всего к памяти великого старшего собрата.

Говорят, Пушкин успел познакомиться с ранней лирикой Лермонтова и даже познакомиться с самим поэтом. По крайней мере, так считал Белинский. Но даже если это не так, сам Лермонтов чрезвычайно высоко ценил всё творчество Пушкина. Потому и не вынесла его душа поэта гибели своего кумира. Потому и не побоялся он пустить в распространение заключительные 16 строк. «Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи! / Таитесь вы под сению закона, / Пред вами суд и правда — всё молчи!..» Как это напоминает сегодняшнее время! Пожалуй, Лермонтов сегодня — самый современный поэт!

Тогда же стихотворение быстро дошло до графа А. Х. Бенкендорфа. Хотел граф, опытный царедворец, к тому же добрый знакомый бабушки поэта, и других Столыпиных, замять историю со стихотворением. Но когда одна из светских сплетниц А. М. Хитрова стала допытываться у графа о его отношении к этому оскорблению всей аристократии, Бенкендорф вынужден был донести обо всем императору, который к тому же уже знал об этом «воззвании к революции». Считают, что автором письменного доноса императору была та же самая Хитрова.

Бенкендорфом была подана «Докладная записка о стихотворении Лермонтова „Смерть Поэта“»: «Я уже имел честь сообщить Вашему Императорскому Величеству, что я послал стихотворение гусарского офицера Лермонтова генералу Веймарну, дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сноситься с кем-либо извне, покуда власти не решат вопрос о его дальнейшей участи, и о взятии его бумаг как здесь, так и на квартире его в Царском Селе. Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное. По словам Лермонтова, эти стихи распространяются в городе одним из его товарищей, которого он не захотел назвать.

А. Бенкендорф».

На эту докладную записку Николаем I была наложена резолюция: «Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону». Ничего не скажешь, суровая бумага. Да и карательная медицина, как мы видим, действовала уже в те времена. Против власти, значит, сумасшедший. Хотя чего уж там опасного прочитал для себя Николай I в стихотворении «Смерть Поэта»? И о каком воззвании к революции можно говорить?

Интересно, что жандармов прежде всего волновало распространение стихотворения. Не так важен автор, важен распространитель. Михаил Лермонтов был под домашним арестом. Поэт, более испугавшись за судьбу бабушки, нежели за свою судьбу, написал подробное объяснение случившемуся, где привел и фамилию своего друга Святослава Раевского, занимавшегося распространением стихотворения.

21 февраля 1837 года Раевского арестовали и вскорости сослали в ссылку в Олонецкую губернию, где он и пробыл до 7 декабря 1838 года, работая чиновником у петрозаводского губернатора. На год дольше, чем первая кавказская ссылка самого Михаила Лермонтова. Лермонтов назвал в своем показании Раевского на требование П. А. Клейнмихеля указать виновника распространения его стихотворения. Когда, выпущенный из-под ареста, он узнал об аресте Раевского, о том, что тот продолжал в марте 1837 года сидеть на гауптвахте в Петропавловской крепости, он написал ему письмо, полное отчаяния, и был вне себя от радости, получив от Раевского ответное письмо («Меня мучила мысль, что ты за меня страдаешь… Бабушка хлопочет у Дубельта и Афанасий Алексеевич тоже»). Лермонтов не знал, что Раевский до его допроса и его показания сам признался в распространении инкриминируемого стихотворения.

Находясь в Петрозаводске, Святослав Раевский участвовал в создании газеты «Олонецкие губернские ведомости», собирал этнографические материалы, переписывался с Лермонтовым. Получив в 1838 году освобождение от ссылки, возвратился в Санкт-Петербург, где продолжал встречаться с поэтом. Служа чиновником в Ставрополе, Раевский мог вновь видеться с Лермонтовым на Кавказе. Сохранились шесть писем Лермонтова Раевскому и акварельный портрет Святослава Раевского работы М. Ю. Лермонтова 1836–1837 годов. В своей ссылке Раевский поэта не винил. 19 сентября 1840 года он вышел в отставку и

поселился в своем имении — селе Раевка Пензенской губернии.

К счастью, Раевский, во-первых, сам добровольно занялся рассылкой знаменитого стихотворения и не считал Лермонтова в чем-то виноватым, а во-вторых, будучи сам литератором, прекрасно понимал величие лермонтовского дара и скорее гордился дружбой с поэтом и своей петрозаводской ссылкой.

Я сам родом из Петрозаводска и тоже горжусь, что благодаря этой ссылке Михаил Лермонтов хоть как-то оказался связан с моей родиной — Карелией, писал письма в Петрозаводск своему другу. До конца дней своих Святослав Раевский отстаивал интересы Лермонтова, и как поэта, и как человека, сохранил очень многие ценнейшие материалы о нем. Как пишет карельский журналист А. Валентик: «…в ссылке в Петрозаводске Раевский оставил о себе добрую память. Он стал одним из организаторов газеты „Олонецкие губернские ведомости“. По его инициативе было создано и „Прибавление к ведомостям“ — своего рода историко-литературное приложение. В 1838 году Раевский опубликовал в „Прибавлениях…“ статью „О простонародной литературе. О собирании русских народных песен, стихов, пословиц“. В ней он, по сути, обозначил бытование на территории Карелии русских былин и плачей, которые впоследствии были записаны Рыбниковым, Гильфердингом и Барсовым».

Одним из первых Раевский стал заниматься всерьез русской народной культурой. Святослав Раевский писал: «Для полного издания песен и стихов необходимо, чтобы они записаны были везде. Простой народ Олонецкой губернии, отброшенный на край империи, сохранил много поговорок, пословиц, преданий и песен, которые следует записать и издать. Часто одна-две подслушанные песни или поговорки, при всей их видимой немудрености, достойны более внимания, нежели большие собрания. Кроме других обстоятельств, легко может случиться, что они сохранились только в Олонецкой губернии или вовсе не существовали в других».

В свою очередь Михаил Лермонтов писал письма своему ссыльному другу в Петрозаводск:

«Ты не можешь вообразить моего отчаяния, когда я узнал, что стал виной твоего несчастья. Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет и что если я запрусь, то меня в солдаты… Я вспомнил бабушку… и не смог… Я тебя принес в жертву ей… Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать, но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойным своей дружбы…

27 февраля 1837 г.».

Затем в декабре 1837 года письмо было послано из Тифлиса в Петрозаводск. Приведу его полностью:

«Любезный друг Святослав!

Я полагаю, что либо мои два письма пропали на почте, либо твои ко мне не дошли, потому что с тех пор, как я здесь, я о тебе знаю только из писем бабушки.

Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский гусарский полк, и если б не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли поселение веселее Грузии.

С тех пор, как я выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже…

Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить — в месяц меня воды совсем поправили; я никогда не был так здоров, зато веду жизнь примерную; пью вино только тогда, когда где-нибудь в горах ночью прозябну, то, приехав на место, греюсь… Здесь, кроме войны, службы нету; я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два-три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и черкес (мирный, разумеется), — и чуть не попались шайке лезгин. Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани! Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь.

Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским.

Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а право, я расположен к этому роду жизни. Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увы, не в Царское Село; скучно ехать в Новый полк, я совсем отвык от фронта, и серьезно думаю выйти в отставку.

Прощай, любезный друг, не позабудь меня, и верь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал.

Вечно тебе преданный **М. Лермонтов».**

Вернувшись из ссылки в Санкт-Петербург, Михаил Лермонтов вновь пишет другу в Петрозаводск 8 июня 1838 года. Судя по всему, кто-то хотел оклеветать поэта, поссорить друзей: «Любезный друг Святослав, твое последнее письмо огорчило меня: ты сам знаешь, почему; но я тебя от души прощаю, зная твои расстроенные нервы. Как мог ты думать, чтоб я шутил твоим спокойствием или говорил такие вещи, чтобы отвязаться… Не знаю, как у вас, а здесь мне после Кавказа все холодно, когда другим жарко… Прощай, любезный друг, и прошу тебя, будь уверен во мне и думай, что я никогда не скажу и не сделаю тебе ничего огорчительного…»

…Когда Раевский в декабре 1838 года вернулся из ссылки в Петербург, то уже через несколько часов по его приезде вбежал в его комнату Лермонтов и бросился другу на шею. «Я помню, — рассказывала сестра Раевского, — как М. Ю. Лермонтов целовал брата, гладил его и все приговаривал: „Прости меня, прости, милый“. Как теперь вижу растроганное лицо Лермонтова и его большие, полные слез глаза. Брат был тоже растроган до слез и успокаивал друга…»

Но вернемся от ссыльного друга к самому поэту. Когда Святослава Раевского отправляли в ссылку в Олонецкую губернию, Михаила Лермонтова приказом от 27 февраля 1837 года за сочинение стихов «Смерть Поэта» перевели корнетом в Нижегородский драгунский полк, воевавший на Кавказе. Так закончился первый петербургский период в жизни русского поэта.

«Великие имена создаются на востоке»

Бабушка Михаила Лермонтова, Елизавета Алексеевна, поначалу испугавшаяся дурных последствий после публикации лермонтовского стихотворения «Смерть Поэта», особенно его заключительных шестнадцати строк, сделала всё, что было в ее силах, чтобы смягчить наказание внука.

В первый момент после чтения стихов она в панике даже бросилась собирать и уничтожать экземпляры переписанных стихов, но быстро поняла, что это сделать невозможно. Стихи, как ветром, несло по всей России. В голове у любящей бабушки уже проносились сцены солдатчины, чуть ли не сибирской каторги, успокоилась только, когда узнала, что государь изволил приказом от 27 февраля 1837 года перевести лейб-гвардии корнета Михаила Лермонтова тем же чином в Нижегородский драгунский полк, воюющий на Кавказе. К тому же по просьбе бабушки отъезд разрешили отложить, несколько дней поэт провел в любимой Москве. Елизавета Алексеевна писала 6 марта А. И. Философову: «Мишенька по молодости и ветрености написал стихи на смерть Пушкина и в конце написал не прилично нащет придворных… Государь изволил выписать его тем же чином в Нижегородский драгунский полк в Грузию; и он на днях едет».

Сам Михаил Лермонтов такому решению был даже отчасти рад. Вначале, на самом деле, боялся более сурового наказания, многих провинившихся в ту пору и впрямь отсылали на войну простыми солдатами. К тому же Кавказ с детства любил, чувствуя в горах свою прародину. Не случайно и другу Раевскому писал: «Прощай, мой друг. Я буду к тебе писать про страну чудес — Восток. Меня утешают слова Наполеона: Les grands noms se font a l'Orient[40]…» Он уже ехал туда с первой заслуженной славой поэта, с множеством замыслов и недописанных стихов и поэм, ехал «за лаврами».

Из Петербурга поэт выехал 19 марта 1837 года. Путь лежал через Москву, где он задержался на три недели до 10 апреля. Так и остается до конца неизвестным, как и многое в судьбе Лермонтова, но бытует мнение, что свое знаменитое «Бородино» он закончил в Москве.

Вслед за стихотворением «Смерть Поэта», сделавшим его знаменитым, но опальным, последовало другое, столь же ныне классическое и включенное в школьную программу, хотя его уже опальным никак не назвать. Позже государь говорил, что было бы

хорошо, если бы Лермонтов продолжал писать такие стихи, как «Бородино». Хотя, как считает П. А. Висковатый, именно кавказская военная жизнь, «вдохновив поэта, кажется, побудила его вновь переделать стихотворение „Бородино“, которое и было послано в Петербург и напечатано в 1837 году, в 6-м томе „Современника“. Весьма может статься, что поэт в кавказских, „суворовским“ духом проникнутых войсках и подслушал разговор старого солдата, очевидца бородинской битвы, с рекрутом. По обычаю своему, всё, что писал, брать из жизни, облек свое стихотворение в форму диалога между стариком-солдатом и рекрутом…».

Существует и другое мнение, к которому стоит прислушаться. Ведь у Михаила Юрьевича Лермонтова, молодого корнета, в том же Санкт-Петербурге, в том же 1837 году служил его троюродный брат, старше его на добрых два десятка лет, Михаил Николаевич Лермонтов — капитан 1-го ранга Гвардейского флотского экипажа, «двойной» георгиевский кавалер — вполне героическая личность.

Вряд ли в первой половине XIX века, да еще в среде офицеров Гвардейского корпуса, забывались семейные связи: в то время члены одного лермонтовского рода просто должны были быть очень близки. Наверняка молодой корнет Миша Лермонтов встречался со своим старшим родственником и мог слушать его рассказы о Наполеоновских войнах.

Их отцы были кузенами, они были троюродными братьями Лермонтовыми. Даже на основании этого факта можно предположить их знакомство. Присмотримся к этому дальнему родственнику именно по лермонтовской линии поближе. Как пишет историк Александр Смирнов:

«1812 год. Мичман Лермонтов в строю Гвардейского флотского экипажа участвует в Смоленском сражении. Затем следует Бородино. Экипаж флотских гвардейцев после битвы уменьшился почти наполовину. Михаила Лермонтова хранил Бог. Через село Бородино протекает речушка Колоча. 30 матросов-гвардейцев вызвались под командой мичмана Лермонтова прикрывать отход арьергарда наших войск через эту речушку. Дождались, пока по деревянному мосту прошли последние русские егеря. Затем пробежал французский линейный полк. И только тогда матросы подпалили заложенные под мостом пороховые заряды! Авангардная часть наполеоновской армии была уничтожена. А на груди у отчаянного мичмана засверкал новый крест, уже офицерский — орден Святого Георгия IV класса…»

Вполне мог молодой корнет Михаил Лермонтов называть

своего старшего (на 22 года) троюродного брата и дядей. «Скажика, дядя…»

По крайней мере, они вполне могли беседовать о Бородинском сражении.

Заодно брошу еще одну шпильку в адрес новоявленных «подлинных отцов» поэта — чеченца, еврея или крепостного кучера. Смирнов опубликовал и портрет лермонтовского родственника. Поразительное сходство. Глаза, овал лица, губы, да и сам профиль головы удивительно схожи. Да и характеры у обоих — лермонтовские.

Читаем далее у Смирнова: «Михаил Николаевич Лермонтов участвовал в сражениях под Бауценом, при Кульме. Был ранен. Входил с победоносной русской армией в покоренный Париж. Воевал ветеран и с турками. В 1828 году брал штурмом черноморскую крепость Варну. За доблесть был произведен в чин капитана второго ранга и отмечен боевым орденом Святой Анны.

Михаил Николаевич не стал „сухопутным моряком“…»

После завершения войн командовал боевыми кораблями, под его началом совершал дальние плавания фрегат «Россия». И только в середине 1830-х годов, уже капитан 1-го ранга, начал служить в Петербурге, вот в эти годы он и мог регулярно встречаться со своим юным родственником, рассказывая ему о битвах морских и сухопутных. В 1848 году М. Н. Лермонтов был произведен в вице-адмиралы и назначен командиром порта и губернатором Свеаборга. Скончался Михаил Николаевич Лермонтов в 1866 году в Петербурге в чине полного адмирала флота.

Такое развитие бородинского стихотворения под влиянием разговоров с М. Н. Лермонтовым вполне могло бы быть. Шестая книжка «Современника» с «Бородино» была одобрена цензурой 2 мая. За это время вряд ли Лермонтов добрался из Москвы до Кавказа, написал стихотворение и успел отослать его в журнал. Скорее всего, идея обновить свое прежнее «Поле Бородина», написанное в 1830 году, возникла в Москве, как раз готовившейся отмечать 25-ю годовщину сражения. Тут и пригодились беседы с троюродным братом, одним из героев Бородинского сражения.

Полемика по поводу этого блестящего стихотворения продолжается до сих пор. Наша либеральная интеллигенция не желает отмечать достоинства стихотворений, проникнутых державным патриотическим чувством. Нынешние «перестроечные» историки и саму Бородинскую битву ставят под сомнение. Их корежит всё, употребление поэтом слов «бусурманы» или «драгуны», «уланы» и даже ворчащие старики. Мол, не было в войсках тогда мусульман, и не было никаких

«драконов»-драгун, не было тюрок-улан. И не могла мешать ядрам гора кровавых тел.

Во-первых, искать дословное историческое подтверждение той или иной битвы в художественной литературе бессмысленно. Даже если бы Лермонтов и сам участвовал в этой битве, в стихах он бы создал лишь художественный образ. Не надо изучать биографию Наполеона по «Войне и миру», не надо изучать Бородинскую битву по стихам Лермонтова, а Полтавскую битву по стихам Пушкина. Хотя и саму Полтавскую битву те же либеральные историки ставят нынче под сомнение. Может быть, и Сталинградской битвы не было? И Берлин мы не брали в 1945 году?

Во-вторых, то, что под «бусурманами» подразумевались в те времена любые иноверцы, тоже общеизвестно. Нечего искать загадочных тюрков или мусульман. Уланы и драгуны тоже известны, как те или иные военные подразделения, искать вместо драгунов или уланов неведомых «драконов» или «тюрков» могут только завзятые скептики и нигилисты, отрицающие ценность самой лермонтовской поэзии. Их рассуждения вне поля серьезных обсуждений. Тогда и лермонтовская эротическая «Уланша» — тоже какая-то турецкая девица.

Когда некто Сергей Худиев пишет, что «…теория „исторической основы“ не принимается большинством экспертов, поскольку для ее обоснования нам пришлось бы сначала обосновать историчность Полтавской битвы, что для всех (кроме кучки патриотов-фундаменталистов) представляется непосильной задачей», когда он же сомневается и в Бородинском сражении, а гениальное стихотворение Лермонтова считает слабым подражанием немецкой «Песни о нибелунгах», я бы советовал такому автору вообще не приближаться к русской поэзии.

И надо ли поверять алгеброй гармонию? Когда Пушкин писал, что поэзия должна быть слегка глуповата, он, скорее, не свои стихи, предельно законченные и совершенные, имел в виду, а стихи таких поэтов, как Михаил Лермонтов. Характерен такой пример из жизни Лермонтова. Принес он издателю «Отечественных записок» Краевскому свое ныне знаменитое стихотворение «Есть речи — значенье» (1839). Издатель уличил его в незнании грамматики: «Из пламя и света / Рожденное слово…» Правильно писать «из пламени». Поэт задумался, пробовал чем-то заменить, не получалось. Решил печатать, как есть, пусть и «неграмотно». Об этой волшебной звукописи и написано стихотворение.

Есть речи — значенье

Темно иль ничтожно!
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.
Не встретит ответа
Средь шума мирскова
Из пламя и света
Рожденное слово…

Поэтому пусть буквоеды отыскивают у гениального поэта разного рода исторические или смысловые небрежности, они ничтожны по сравнению с тем волнением, которое вызывают лермонтовские стихи у всех, кто хоть немного чувствует и красоту русского слова, и величие замысла в целом.

Меня в стихотворении «Бородино» поражает, скорее, глубочайшее проникновение молодого Лермонтова в характер русского солдата, его яркая героизация русской истории. Не случайно же, как к последнему аргументу, к тексту лермонтовского «Бородино» прибег президент Владимир Путин в период своей предвыборной кампании 2012 года:

«В этом году мы будем отмечать двухсотлетие со дня Бородинской битвы, и как не вспомнить Лермонтова и его Чудо-богатырей? Мы помним эти слова еще с детства, со школы, помним этих воинов, которые перед битвой за Москву клялись в верности отечеству и мечтали умереть за него. Помните, как они говорили? И Есенина будем помнить, будем все помнить наше величие. Так вот, вспомним эти слова:

„…Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!“
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали».

Не собираюсь погружаться в политическую риторику. Но само по себе то, что политический лидер, когда припекло, вспомнил слова из классического стихотворения, лишь подтверждает историческое и литературное значение лермонтовского шедевра. Это ли не высшее проявление гениальности, то, как один из самых одиноких и неприкаянных гениев, во многом сосредоточенный на самом себе, погруженный часто совсем в

иную неземную, демоническую сторону мира, вдруг обращается к предельной народности, сливается своими ощущениями жизни с душой простого солдата. И согласуясь со всей святой простотой народной жизни, с естественностью батарейца на Бородинском поле, он легко преодолевает свой личный индивидуальный восторг перед гением Наполеона, свое восхищение перед великой энергией французского полководца.

Забил заряд я в пушку туго,
И думал, угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Легко и просто от гордыни одинокого демона, от певца стихийной воли Михаил Лермонтов переходит к христианской всеобщности, к чувству народного самосознания. Этим всепроникновением в разные сферы мира и при жизни своей поэт поражал своих читателей, от императора Николая I до Белинского или Булгарина. Как перейти пропасть от Максима Максимыча к Печорину, от «Бородино» и «Песни про… купца Калашникова» к «Демону» и «Мцыри»? Как в одном молодом человеке могут совмещаться столь разные художественные и психологические миры? Да и в самой России он одинаково любил Москву и Кавказ, пренебрежительно относясь к придворному Санкт-Петербургу.

В том же 1837 году написал поэт и свои наиболее молитвенные стихи, и многие кавказские стихи с восточной тематикой. Вдали от суетного света ему всегда хорошо писалось. Добирался до своего полка Лермонтов достаточно долго. Это вошло у него в привычку. К месту назначения или к месту ссылки он всегда ехал месяцами, делая остановки во всех заинтересовавших его поселениях. А на Кавказе его интересовало всё.

В Ставрополь опальный поэт приехал где-то в начале мая. И сразу же попал под опеку и покровительство своих дальних и ближних родственников по линии Столыпиных, друзей и знакомых его родни. Поэтому срочно отправлять по месту назначения, в Нижегородский драгунский полк, стоящий где-то под Тифлисом в Грузии, никто из ставропольских генералов приехавшего поэта не стал. Он сам отправился в путешествие вдоль левого берега Терека до Кизляра. Рисовал, писал стихи,

вспоминал детские маршруты по Кавказу.

Впервые еще в детстве Миша Лермонтов вместе с бабушкой и семьей А. А. Столыпина ездил летом 1818 года к сестре бабушки Екатерине Алексеевне, жене генерал-майора Акима Васильевича Хастатова. У них было два имения недалеко от Кизляра на Тереке и в Пятигорске, тогдашнем Горячеводске. Хастатовы и порассказывали во время первых детских поездок на Кавказ Мишелю о войне на Кавказе, о жизни горцев. Думаю, пробудились среди Кавказских гор у Михаила Лермонтова и все родовые чувства потомка шотландских горцев. С тех пор стал Кавказ для него одним из любимых мест на земле. Второй раз побывали опять же большой семьей, с бабушками и тетушками, с придворной челядью, летом 1820 года, третий раз — в 1825 году. Там зародились в голове у подростка все кавказские замыслы поэм: «Черкесы» (1828), «Кавказский пленник» (1828), «Аул Бастунджи» (1833–1834), «Хаджи Абрек» (1833). Тогда же Мишель стал увлекаться кавказскими пейзажами, что-то присочинял, что-то вспоминал из детских путешествий. Там, на Кавказе он впервые пережил чувство любви, с самых малых лет Кавказ стал для Лермонтова и источником поэтического вдохновения, и полигоном его боевой, полной опасности жизни, и приютом любящей души, и притягательным своей природной красотой краем.

До своего полка прапорщик Лермонтов не спешил добираться. В Тамани ему довелось повидать контрабандистов и возник замысел повести «Тамань». Случаи из жизни его родственника, помещика Хастатова, послужили материалом для повестей «Бэла» и «Фаталист». Живописные виды гор и ущелий способствовали появлению его чудных акварелей и рисунков. Июнь, июль и начало августа он лазил по горам, принимал в Пятигорске минеральные ванны, укреплявшие его здоровье. В этом раздвоении натур тоже есть постоянная лермонтовская разноплановость характера и образа жизни. Дорвавшись до стычек с горцами, Лермонтов показывает себя храбрецом, но к постоянной службе в войсках его не тянет, привычно берет справки о болезнях, привычно лечится на водах. В Пятигорске он сблизился с доктором Н. В. Майером, послужившим прототипом доктора Вернера в повести «Княжна Мери». К сожалению, как часто и бывает, после выхода целиком романа «Герой нашего времени» доктор был резко недоволен тем, как он был изображен. Один его знакомый еще со времен Московского пансиона Н. М. Сатин вспоминал: «Лермонтов снял с него портрет поразительно верный; но умный Майер обиделся, и, когда „Княжна Мери“ была напечатана, он писал ко мне о Лермонтове: „Ничтожный человек,

ничтожный талант“…» Как-то привычно все персонажи, запечатленные Михаилом Лермонтовым и в стихах, и в прозе, негодуют и оскорбляются. За исключением женщин, иногда с большим преувеличением, как та же Екатерина Сушкова, находящих себя изображенными в поэзии и прозе Лермонтова.

Думаю, дело еще и в том, что тогда светское дворянское общество еще не привыкло к существованию русской литературы, предпочитая французскую или немецкую, не привыкло видеть свое верное отражение в характерах героев. Так было и с прототипами Пушкина, Грибоедова, Гоголя. Молодой и занозистый офицер как-то не совмещался в умах светского окружения с ликом пророка и властителя дум. Да и время николаевское было лишено пафоса и героичности. В чем-то оно очень схоже с нашим нынешним временем. Вспомним то же «Бородино», обращается старый ветеран, свидетель дней Александровых, славных битв и побед, к молодому солдату уже николаевских времен: «— Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри — не вы! / Плохая им досталась доля: / Немногие вернулись с поля…» Так же могли и ветераны Великой Отечественной войны обратиться к внукам пустого и безыдеального нынешнего времени. Да и поэт, подобный Михаилу Лермонтову, сегодня был бы явно в опале. Президенты и императоры могут восхвалять и цитировать его искренние патриотические стихи, поражаться его слиянию с духом народным, но одновременно негодовать по поводу его чересчур независимого и вольнодумного поведения. Так было и с «Бородино». И с «Песней про… купца Калашникова». Когда издатель «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» А. А. Краевский отослал поэму в цензуру, ему отказали, ибо поэт только что был сослан на Кавказ. Краевский обратился к Жуковскому, имевшему влияние на императора. Жуковский от поэмы пришел в восторг и употребил все свои связи, чтобы поэму опубликовали. Народность, державность — всё соответствовало государственной политике. Добро на публикацию дали, но… без фамилии сосланного автора. Так и вышла «Песня… про купца Калашникова» с подписью «ъ». Подобное случалось с Михаилом Лермонтовым не раз. Его русское органическое народное начало, которое так приветствовалось и во времена Николая I, и в советские времена, и ныне, всегда сталкивалось с его вольнолюбивой, вечно бунтарской и стихийной кельтской родовой традицией. Его шотландская мистика конфликтовала в нем самом с такой же естественной византийской, имперской традицией. Его чухломские северные полуязыческие корни соприкасались с европейским дворянским аристократическим

воспитанием.

И потому его изумительная поэзия не собирается воедино, в одну прямую линию, а всегда разнонаправлена. Западникам и либералам в поэзии Лермонтова не нравится и абсолютно чуждо одно, те же «Бородино» и «Песня про… купца Калашникова», записным патриотам не подходят его шотландские мотивы, его мистичность и демонизм. Он — автор явно еретических богоборческих стихов, и одновременно, мало у кого из русских поэтов можно найти такую чистую православную поэзию, такое внемление Богу, как у Лермонтова.

Так и на Кавказе. С одной стороны, он рвется в самые опасные схватки, дружит с самыми отчаянными офицерами и одновременно восторгается смелостью и свободолюбием горцев, не желающих подпадать под опеку Российской империи даже на самых выгодных для них условиях. Впрочем, настоящих боевых действий в свою первую ссылку на Кавказ он так и не дождался. Пока в Тамани ждал почтового судна до Геленджика, пока ждал в Ставрополе оформления всех документов и получения путевых денег, государь Николай I сам отправился в поездку на Кавказ, и в Тифлисе 11 октября 1837 года среди других государевых помилований и снисхождений, усилиями всё той же неутомимой бабушки Елизаветы Алексеевны, было подписано и прощение прапорщика Лермонтова, и отдан высочайший приказ по кавалерии о переводе «в Гродненский гусарский полк корнетом». Поэт В. А. Жуковский отмечает в дневнике: «Пребывание в Новочеркасске. Прибытие государя… Прощение Лермонтова…»

Уже после прощения, наконец-то, в конце октября 1837 года Михаил Лермонтов отправляется в свой назначенный ему Нижегородский драгунский полк, проезжает через всё Закавказье — «был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии». С тех пор и азербайджанцы, и грузины считают его своим поэтом. В Азербайджане познакомился с поэтом Мирзой Ахундовым, который и рассказал ему сказку, ставшую основой лермонтовской поэмы «Ашик-Кериб». В Грузии побывал в Цинандали, где сдружился с семьей Александра Гарсевановича Чавчавадзе. Наконец, 1 ноября 1837 года в «Русском инвалиде» был опубликован высочайший приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. За этот менее чем годовалый период пребывания на Кавказе поэт не только написал и даже опубликовал свои ставшие классическими произведения, но и продумал весь замысел романа «Герой нашего времени», замыслил многие свои восточные поэмы. Пусть и не повоевал по-настоящему, но возвращался с Кавказа с чувством победы. Он не столько воевал, сколько странствовал и записывал увиденное,

общался с Александром Александровичем Бестужевым-Марлинским, с декабристами, служившими на Кавказе рядовыми. Там же познакомился и с князем Александром Ивановичем Одоевским. Позже он написал стихотворение на смерть этого яркого и талантливого человека, одного из декабристов, из Сибири прибывших на Кавказ.

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока… и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений…[41]

Как часто и бывало у Лермонтова, которого никак не хотели воспринимать как большого поэта его многие сотоварищи, после появления этого стихотворения памяти Одоевского на Лермонтова набросились друзья Одоевского, в том числе и декабристы. Мол, не помним их дружеского общения… И не видели его рядом с декабристом. Вместо того чтобы восхититься таким поэтическим посвящением памяти их товарища, они бросились протестовать. Чему и зачем? Лермонтов и Одоевский вместе были на Кавказе в тот период — это факт. Они были знакомы — это тоже факт. А проникать в глубину их знакомства, даже, может быть, и мимолетного, никто, кроме самого поэта, не вправе. Даже если они встречались один или два раза, поэт имел право написать то, что он написал. Остается только поражаться низкой культуре так называемого дворянства, не способного понять восхитительное поэтическое слово, прочувствовать глубину его образов. Генерал Филипсон якобы берет под защиту князя Одоевского: «Не могу понять, как мог Лермонтов в своих воспоминаниях написать, что он был при кончине Одоевского. Его не было не только в отряде на Псезуаппе, но и даже на всем берегу Черного моря». Как Филипсон мог назвать поминальное стихотворение воспоминаниями (ибо больше ничего об Одоевском Лермонтов не писал)? Или вообще, как и многие другие, писал свои заметки на основании светских сплетен? Бог им всем судья. Но как же все они ненавидели гениального поэта, явно выпирающего из их слоя светской черни. Ненавидят и до сих

пор.

Михаил Лермонтов был переведен в Новгород в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк 11 октября 1837 года, но, как всегда, добираться до места службы, даже возвращаясь из ссылки, поэт не спешил. Жил в Пятигорске, в Ставрополе, как бы по своему вечному «нездоровью», затем побывал в родной Москве, в Петербурге и лишь 25 февраля 1838 года добрался до Господина Великого Новгорода.

«На севере диком…»

Эта глава о необычном, северном Лермонтове. Как правило, с Русским Севером связывают таких поэтов, как Николай Клюев, Гавриил Державин, родившихся в Вологде и Череповце Батюшкова и Северянина. И уж никак не южного, кавказского Лермонтова. К тому же о чухломских корнях Лермонтова многие вообще не догадываются. Даже в десятитомном собрании сочинений 2002 года умудрились шотландских предков Лермонтова послать вместо Галича Костромской губернии в украинскую Галицию. Но помимо Чухломы поэт еще с юности был одержим легендами о новгородской вольнице.

Проезжая из Москвы в Санкт-Петербург, каждый раз любовался и рекой Волхов, и древними руинами. Довелось ему и послужить рядом с Новгородом, узнать эти края поближе. И потому для него была так близка северная сосна, дремавшая в снегу на голой вершине, и пальма, растущая на кавказском горючем утесе. К тому же именно в этот лермонтовский период 30-х годов XIX века началось романтическое увлечение скандинавскими и финскими мифами и легендами.

Не прошел мимо финского увлечения и молодой Мишель Лермонтов. Вот так и возникла его чудная «Жена севера». Но вернемся сначала к его кратковременной новгородской службе, отмеченной им самим в поэзии разве что эпиграммой на белокурого немца Цейдлера. Все остальные так называемые северные стихи Михаила Лермонтова были написаны или раньше, в московско-петербургский период, или позже.

Высочайшим приказом от 11 октября 1837 года Михаил Лермонтов был переведен из места своей первой ссылки на Кавказ в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, стоявший под Новгородом. Как всегда добирался Михаил Юрьевич неспешно, с заездами в Пятигорск, Ставрополь, Елисаветград, вероятно, в Тамбов, в родную Москву и в Петербург. По сути, он и в первой ссылке на Кавказе как следует не успел побывать, всё восхищался его природой… То же случилось и со службой в Господине Великом Новгороде. По-настоящему и не отслужил, добилась перевода в стольный Петербург обожавшая его бабушка Елизавета Алексеевна. В Петербурге, куда он приехал по пути в Новгород, он уже был принят в литературном обществе, многие пожелали у себя на балах увидеть новую знаменитость. Великий Жуковский пригласил его к себе с новыми стихами, подарил ему экземпляр своей «Ундины» с автографом, был в восторге от «Тамбовской казначейши». Но к литературным кружкам поэт так

и не приблизился, былой светской компании не стало, ближайший друг Святослав Раевский еще пребывал в ссылке в Петрозаводске. Вот и заехать бы к нему в Петрозаводск Михаилу Лермонтову, ведь приглашал друг, как бы проездом в Новгород, жаль, поленился. В Петербурге поэт чувствовал себя предельно одиноким. Разве что писал стихи, трудился над очередной редакцией «Демона».

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной…

Не рвался он и к месту службы в Новгород. Он пишет в одном письме своему дядюшке Павлу Петровичу: «Петербург, 1 февраля 1838 г. Любезный дядюшка Павел Иванович. Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний. Бабушка выздоровела от моего приезда и надеется, что со временем меня опять переведут в лейб-гусары; и теперь я еще здесь обмундировываюсь; но мне скоро грозит приятное путешествие в великий Новгород, ужасный Новгород…»

Вот в таком одиноком и пасмурном настроении прибыл поэт в давно уже его манящий «великий и ужасный» Господин Великий Новгород. Как всегда в жизни Лермонтова, с пребыванием его в Новгороде связана тоже некая двойственность. С одной стороны, с юных лет, с первых стихов для него, Великий Новгород был краем русской вольницы, свободной республикой, где жили его бунтующие герои. Где славянский богатырь Вадим восставал против варяга Рурика. Ему было интересно осмотреть все места, связанные с давней новгородской вольницей. С другой стороны, он ехал служить в этот город в проклятый период аракчеевских поселений, как он сам писал, в «ужасный город».

Его сослуживец А. И. Арнольди писал: «Дух Аракчеева, года за два-три перед тем скончавшегося, царил всецело над его созданием и порядок, заведенный при нем, всё еще сохранялся. Могу смело сказать, что для пользы службы лучшего места для стоянки полка и сыскать было трудно и оттого, как мне кажется, служба во всех своих проявлениях нигде так исправно не шла, как в нашем полку, да и вообще в тех полках нашей дивизии, которые были расположены, подобно нам, в таких же казармах, тянувшихся по Волхову до Новгорода».

Как строевой офицер, Арнольди был прав, служакам там жилось привольно, выполняй только все приказы. Но для вольного поэта эта справная аракчеевская службистиха казалась адом. Вот когда он не раз проклял свою учебу в Школе юнкеров. Поэту не место в военной казарме. Спасали его лишь сама поэзия да история вольного Новгорода.

Согласно словарю иностранных слов, составленному в 1891 году, «лейб-гвардия — войско, охраняющее особу императора». Одна из этих элитных частей — созданный в 1824 году по указу Александра I лейб-гвардии Гродненский гусарский полк дислоцировался в Варшаве или в Новгородской губернии. Из двадцати девяти полков российской гвардии было только четыре носивших имя городов: Московский, Санкт-Петербургский, Кексгольмский пехотные полки и Гродненский гусарский. Какое отношение полк имел к городу Гродно — неизвестно и военным историкам. Просуществовал полк до марта 1918 года, когда был расформирован по приказу Московского областного комиссариата по военным делам за № 236.

В полку служили отборные солдаты и «цвет» дворянской молодежи Российской империи. Многие из них вошли в историю как военные, писатели, политики, деятели искусства. Самым известным гродненским гусаром остался навсегда Михаил Юрьевич Лермонтов.

Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк в то время дислоцировался в 145 верстах от столицы империи в местечке Селищи в знаменитых селищинских казармах. Сам Лермонтов прослужил в полку не так много, полтора месяца. О пребывании в гродненских гусарах великого русского поэта упоминается в мемуарах его сослуживцев А. И. Арнольди, М. И. Цейдлера, а также в переписке поэта и его современников. Прочитаем не спеша, в очередности, эти письма.

Из письма М. Ю. Лермонтова С. А. Раевскому: «Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский гусарский полк, и если б не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли поселение веселее Грузии». Под поселением поэт имел в виду военный городок в Селищах Новгородской губернии, где дислоцировался полк и куда он так не хотел ехать.

«…Надобно сказать, что Гродненский полк, да и вообще 2-я кавалерийская дивизия в прошедшее царствование Николая, вероятно, по месту нашей стоянки, вдали от столицы и всех ее прелестей, считалась как бы местом ссылки или какого-то чистилища, так что Лермонтов — не единственное лицо из гвардейских шалунов, офицеров, прощенных за разные проступки

и возвращаемых в гвардию, из перебывавших у нас в полку…» (из мемуаров А. И. Арнольди).

М. Ю. Лермонтов, переведенный корнетом по приказу Николая I в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк 11 октября 1837 года, прибыл в полк лишь 26 февраля 1838 года. Явившись к командиру князю Багратиону-Имеретинскому, он получил назначение состоять в 4-м эскадроне и на другой день, 27-го числа, дежурил.

«…Лермонтов в то время не имел еще репутации увенчанного лаврами поэта, которую приобрел впоследствии и которая сложилась за ним благодаря достоинству его стиха, и мы, не предвидя в нем будущей славы России, смотрели на него совершенное равнодушно…» (из мемуаров А. И. Арнольди).

Поселился Лермонтов в так называемом «сумасшедшем доме».

«…Сумасшедшим домом назывался правый крайний дом офицерских флигелей, потому что вмещал в себе до двадцати человек холостых офицеров, большей частью юных корнетов и поручиков, которые и вправду проводили время как лишенные рассудка и в число которых, само собою разумеется, попадал невольно всякий новоприбывший.

Легко себе представить, что творилось в двадцати квартирах двадцати юношей, недавно вырвавшихся на свободу…» (из мемуаров А. И. Арнольди).

Лермонтов жил на одной квартире с корнетом Краснокутским и, как рассказывают, исписал все стены стихами, которые долго сохранялись в таком виде, пока однажды в отсутствие полка какой-то инженер, ремонтировавший казармы, варварски не закрасил все эти бесценные автографы, и только на одном из подоконников долго оставалась вырезанная перочинным ножом фамилия поэта. В первый же вечер во время игры в карты М. Ю. Лермонтов проиграл братьям Безобразовым и А. И. Арнольди 800 рублей. Из селищинских казарм Лермонтов довольно часто отъезжал в Петербург. Один из его отъездов совпал с проводами поручика Михаила Цейдлера на Кавказ. Проводы состоялись на станции Спасская Полесть.

«…Веселому расположению духа способствовало то обстоятельство, что товарищ мой и задушевный приятель Михаил Юрьевич Лермонтов, входя в гостиную, устроенную на станции, скомандовал содержателю ее… немедленно вставить в свободные подсвечники и пустые бутылки свечи, и осветить таким образом, без исключения все окна…

Во время ужина тосты и пожелания сопровождались спичами и экспромтами. Один из них, сказанный нашим незабвенным

поэтом Михаилом Юрьевичем, спустя долгое время потом… попал даже в печать.

Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной, сталью
Мысли юноши полны»[42].

Все это время службы в Новгороде неутомимая бабушка Лермонтова вела успешные хлопоты, ссылаясь на свой преклонный возраст и невозможность самой поехать к внуку в Селищи.

Как писал по просьбе бабушки граф Бенкендорф военному министру Чернышеву: "Родная бабка его, вдова Гвардии Поручика Арсеньева, огорченная невозможностью беспрерывно видеть его, ибо по старости своей она уже не в состоянии переехать в Новгород, осмеливается всеподданнейше повергнуть к стопам его Императорского Величества просьбу свою о… переводе внука ее Лейб-гвардии в Гусарский полк, дабы она могла в глубокой старости (ей уже 80 лет) спокойно наслаждаться небольшим остатком жизни и внушать своему внуку правила чистой нравственности и преданность монарху…" И уже 9 апреля 1838 года Лермонтов был переведен в свой прежний лейб-гвардии Гусарский полк. Насколько известно, за полуторамесячное пребывание в полку М. Ю. Лермонтов шесть раз дежурил по полку, два раза был в церковном параде.

Я воспользовался этой новгородской остановкой Лермонтова, скорее, для того, чтобы отметить все его ранние и поздние северные новгородские стихи. И потому, оказавшись с Михаилом Лермонтовым в северных новгородских местах, обратимся к такой непривычной для лермонтоведов теме: Лермонтов на Севере.

Традиционно все почитатели и знатоки Лермонтова тянутся к иным темам: Лермонтов и родная ему, любимая им Москва, Лермонтов и родные Тарханы, Лермонтов и величественный Кавказ, даже Лермонтов и нелюбимый им Петербург. И вдруг — Лермонтов на Русском Севере. Конечно, если поискать все упоминания Лермонтовым слова "север", то их окажется достаточно много, но все они будут носить или чисто географическое определение места — к примеру: "Спеша на север издалека, / Из теплых и чужих сторон, / Тебе, Казбек, о страж

востока, / Принес я, странник, свой поклон" — какой уж тут Русский Север; или же мы видим такое державное противопоставление России как северного колосса:

…Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки…

Возьмем всё же Север реальный, в рамках древней вечевой Новгородской республики. Еще до своих кавказских увлечений, до воспевания вольницы горских племен, Михаил Лермонтов успел прочитать внимательно все исследования о древней истории Господина Великого Новгорода. И посвятил ему прекрасные стихи. С другой стороны, не будем забывать о том, что все русские корни рода Лермонтовых идут из чухломских мест, из Костромского и Вологодского Севера. И воспитан он был на новгородских былинах. Да и горная Шотландия, страна его предков, была отнюдь не южной страной. Впрочем, и все прибалтийские земли были для поэта реальным Севером. В балладе "Югельский барон" ("До рассвета поднявшись, перо очинил", 1837) герой из похода пишет своей невесте на Север. Его паж посмеивается над хозяином, верящим женским словам. Барон отвечает пажу, а вернее, самому себе:

Знай!.. ты сам ослеплен! Знай! У северных жен
Не в размолвке обеты с душой!
Там девица верна, постоянна жена;
Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья там сторона,
И послушен там сердцу язык!

Это ведь не столько слова югельского барона, сколько поэтическое отражение Севера в мировоззрении самого поэта. Баллада была посвящена родственнице Лермонтова Александре

Михайловне Верещагиной. И хотя в чем-то поэт пародирует балладу Жуковского "Замок Смальгольм, или Иванов вечер", смысл баллады и выше дружеского пародирования, и выше приветственного послания А. М. Верещагиной, которая как раз в 1837 году выходила замуж за барона Гюгеля, именем которого и названа баллада. Очень часто, отталкиваясь от простых дружеских или лирических посвящений в дамские альбомы, очень быстро в ходе написания поэт формулирует уже свои жизненные и нравственные установки, передает свое видение мира. Вот и задумаемся сейчас: "Север силой ли только велик?" Мистика Севера, космизм Севера с какой-то древней родовой шотландско-чухломской тягой привязывали Михаила Лермонтова душой к северным истокам.

Может быть, поэтому одно из лучших ранних мистических его стихотворений посвящено мифам Севера и называется "Жена севера". Это раннее произведение Лермонтова написано еще в 1829 году. В основе лежит услышанная поэтом легенда о таинственной властительнице Севера; взгляд этой колдуньи считался смертельным ("Кто зрел ее, тот умирал"), и смотреть на нее могли только северные поэты, посвящавшие ей свое "вдохновенье"…

Ей массово поклонялись "финны", не случайно же "Финна дикие сыны / Ей храмины сооружали…", то есть "финны" строили целые храмы, посвященные этой таинственной властительнице северных пространств. Наши специалисты по Античности как-то легко "вычислили" предшественницу этой "жены севера". По их ученому мнению, героиня стихотворения, "дочь богов", подобна Диане, Церере и Прозерпине, в античной мифологии олицетворявшим луну. Диану, богиню целомудрия, нельзя было безнаказанно видеть простым смертным; Церере, культ которой сопрягался с ночными мистериями и таинствами, сооружали храмы; Прозерпине поклонялись как "дочери богов" Цереры и Юпитера. Об античных божествах подробно рассказывалось в руководствах по мифологии, которые вроде бы Мишель Лермонтов штудировал в детстве. Но тогда бы молодой Лермонтов и написал стихотворение, посвященное Диане или Прозерпине. Я не согласен с этой версией. Лермонтов вообще в своей поэзии Античность, как таковую, осознанно не затрагивал. Какая уж тут Диана или Церера?!

И все-таки в "финнской" зловещей богине есть нечто свое. Как считают нынешние историки, о почитании Цереры на Севере "Лермонтов должен был знать из обширной литературы на эту тему, обязательной для каждого культурного читателя эпохи романтизма. Улуф Далин сообщал, что древние скандинавы

поклонялись "великому на небе светилу", луне; "таким образом, сия Урания, сия Астарте, сия Фригга, супруга Одена или Солнца, была самая та великая Дияна Ефеская, которой в Азии и во всем свете поклонялись; так же и древний жертвенник Фригги в Швеции именовался Дияниновым храмом. Прежде бывшие народы скифские в России называли ее Златою Бабою… У эстляндцев почиталась она за матерь богов, а у древних финнов называлась златая сия Баба Юмалою или небесною". Богослужение северное совершалось "без всякого великолепия и убранства. На севере по большей части отправлялось оно под открытым небом в рощах или на возвышенных местах и горах, где поставлялись амвоны каменные от востока к западу"".

Почитаем же внимательно это, отнюдь не заимствованное у Античности, стихотворение:

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.

Неплохо знающий скандинавский и финский фольклор, я сразу смутился от такого смешения абсолютно разного по природе своей финноугорского и скандинавского фольклора. Но, насколько я понимаю, прежде всего, Лермонтов в этом стихотворении обращается к "финнам", к их храминам. Значит, истоки "Жены севера" надо искать в древнем финском эпосе "Калевала". Там есть красавица Айно, но она не подходит под зловещую роль той, которой

И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;

И пробужден немым виденьем
Был строен их невнятный глас!

От созерцания финской красавицы Айно никто не умирал. Скорее, Михаил Лермонтов воспользовался образом злой колдуньи Лоухи, которая и на самом деле смотрела на весь мир своими металлическими голубыми глазами. Или же, недостаточно в ту пору зная финский эпос, смешал воедино в одном образе и красавицу Айно и зловещую Лоухи. Также от незнания приплел поэт к финским богам и скандинавских скальдов. Простим его юношеское неведение.

Я уверен во влиянии финского мистического эпоса "Калевала" на написание стихотворения Лермонтова "Жена севера" еще и потому, что именно в этот период друг Александра Сергеевича Пушкина, декабрист Федор Николаевич Глинка был в ссылке в Карелии и именно в том же 1828 году познакомил читателей журнала "Славянин" с рунами финского эпоса. Тогда же Федор Глинка, прекрасный русский поэт, написал и свои две карельские поэмы: "Дева карельских лесов" и "Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой". Даже само название поэмы Федора Глинки "Дева карельских лесов" перекликается с лермонтовской "Женой севера".

Знакомство талантливого поэта, прозаика, публициста Федора Глинки с Пушкиным состоялось вскоре после окончания Пушкиным Лицея. Во время петрозаводской ссылки Глинка живо интересуется судьбой Пушкина, а в 1830 году посылает ему свою новую поэму "Карелия". К поэме поэт прилагает письмо "отъ 17-го февраля": "Из глубины Карельских пустынь я посылал вам (чрез Дельвига) усердные поклоны. Часто, часто (живя только воспоминанием) припоминал я то приятнейшее время, когда пользовался удовольствием личных с вами свиданий, вашею беседою и, как мне казалось, приязнью вашею, для меня драгоценною. И без вас мы, любящие вас, были с вами. В пиитическом уголке любезнаго П. А. Плетнева мы часто и с любовью об вас говорили, радовались возрастающей славе вашей и слушали живое стереотипное издание творений ваших — вашего любезнаго братца Льва Сергеевича… У меня есть ваш портрет. Только жаль, что вы в нем представлены с какою-то пасмурностью; нет той веселости, которую я помню в лице вашем. Ужели это следствие печалей жизни? В таком случае, молю жизнь, чтобы она, заняв все лучшее у Муз и Славы, утешала бы вас с таким же усердием, с каким я читаю ваши пленительные стихи". Поручая, в заключение, благосклонности Пушкина свою

поэму, Глинка выражает надежду, что он заметит в "Карелии" "… чувствования незаметные другим или другими пренебрегаемые".

Именно в ссылке Федор Глинка перевел главы великого финского эпоса "Калевала" и сделал его достоянием всего мира. Именно исследования глубин народной мудрости привели к изучению отечественной истории времен Великой смуты. Конечно, "дочь природы" в изображении Михаила Лермонтова носит откровенно демонический характер, у Глинки в "Деве карельских лесов" она проста и наивна. Но перекличка образов видна отчетливо. А что до злой финской колдуньи Лоухи, то и ее растормошил наш русский ссыльный декабрист, публикуя первые главные руны из эпоса "Калевала". Пора нашим финским друзьям-филологам обратить внимание на эту связь между двумя произведениями русских поэтов и великим финским эпосом.

Финская культура воспринималась русскими поэтами начала XIX века (впрочем, и начала XX века тоже) неким посредником между западной культурой и русской. Финские мифы усилили интерес многих поэтов, в том числе Батюшкова, Боратынского, Глинки, к далекому прошлому варягорусского Севера. С точки зрения Федора Глинки, страны древнего Севера "справедливо могут наименоваться колыбелью свободы", где "никогда не раздавался обидный человечеству звук оков". В "Письмах русского офицера" Глинка восторженно отозвался о культуре свободной Исландии: "Маллет повествует, что многие норвежцы, не стерпя ига рабства, в правление одного из древних своих королей ушли на остров Исландию. Там-то, на самом краю северного мира, насадили они древо свободы, которое чрез долгое время зеленело в благоустроенной их республике. Все лучшие историки и поэты Севера родились в Исландии: свобода и музы водворили щастие на льдистых берегах ее. Поэзия рассыпала там цветы свои, и лиры скальдов воспевали героев, славу и любовь".

Перед началом своей поэмы о Карелии Федор Глинка пишет: "В 18** году один из почтеннейших в сем крае (в Олонецкой губ.) чиновников, искусный стрелок, любя странствовать в диких местах (он, может быть, находил в них сходство с своим природным отечеством — горною Шотландиею), проник однажды далее обыкновенного в лесистые окрестности города Петрозаводска, застрелил большую медведицу с двумя подростками и в чаще пустынного леса заметил следы постоянного жилища человека. В ту же ночь сделал обыск; лучи зажженной лучины осветили темноту бора, и открылось, что там, в местах необитаемых, действительно жил, с давнего времени, человек, уклонявшийся от преследования закона. Он был женат и уже в пустыне стал отцом 5-х детей. Все они жили в хижине,

имели корову и некоторое хозяйственное обзаведение…"

Интересно, что это еще за горный шотландец находился в те годы в Карелии? Может быть, дальний родственник рода Лермонтов? Но вернемся к увлечению Финляндией русскими писателями.

Прочитаем поэму в прозе Батюшкова "Отрывок из писем русского офицера о Финляндии" (1809). Всё, по его мнению, ужасно в сей "бесплодной пустыне", в "сих пространных вертепах" и лесные дебри, и дикие первобытные нравы местных жителей, и ужасный северный климат. В финских дебрях раздаются "резкий крик плотоядной птицы", "завывания волка, ищущего добычи", "рев источника, образованного снегом"; "сыны диких лесов", некогда здесь обитавшие, населяли "пещеры", и конечно же "полагали пределом блаженства… победу над врагом, из черепа которого (страшное воспоминание!) пили кровь, и славили свое могущество…".

Пройдет время, и увлеченный образами русского языческого прошлого уже великий русский поэт века XX Юрий Кузнецов напишет свое знаменитое: "Я пил из черепа отца…"

У Лермонтова тоже "скалы финские" — место "встречи" древнерусского "праздника Лады" ("Два брата"), "дружин Днепра седой певец" — бард ("Песнь барда", 1830); в поэме "Олег" (1829) наряду с картинами "языческой дубравы", "дуба высокого", битвы призраков и т. п. раздается "смелый глас" "скальдов северных", является русское божество ("И шумно взволновались воды… Восстал в средине столб туманный… и вот Стрибог по озеру идет"), причем, как уточняют наши филологи, сам "владетель русского народа" в каноническом тексте — "варяг", а в вычеркнутых строках — "родом финн". Поэтому и "жену севера" скальды могли видеть как в условно-поэтической Финляндии, так и в лермонтовской горной Шотландии, тоже "полуночной стране".

Ведьма Лоухи, совсем как лермонтовская "Жена севера", губит героев. Когда кое-кто из ученых предполагает, что "центральный образ стихотворения "Жена севера" — прекрасная женщина с чертами демонизма, окруженная суеверной легендой, — по-видимому, навеян стихотворением Александра Пушкина "Портрет"", он, по-видимому, совсем не разбирается ни в поэзии, ни в истории. Оттолкнувшись лишь от того, что и у Пушкина в стихотворении "Портрет" упоминаются "жены Севера", он даже не обращает внимания на то, что Пушкин имеет в виду чопорных петербургских красавиц, а у Лермонтова героиня — мифическая демоническая фигура. Какие уж тут сравнения. Про пушкинских "жен Севера" написано: "О жены Севера, меж вами…" — это его обращение к северным женам — к тому же холодному

Петербургу. Никакой мистики, никаких загадочных северных сказаний.

Скажу честно, стихотворение Михаила Лермонтова "Жены севера" абсолютно независимо ни от чего, это одно из моих любимых лермонтовских стихотворений с юности, впрочем, как и остальные его северные стихи.

Северная поэзия Лермонтова похожа на статую древности, которую откопали в развалинах. Статуя прекрасная, совершенная, но совсем позабытая.

Впрочем, как и сама история вечевой Новгородской республики. Для демократов эта история чересчур русская, для патриотов чересчур центробежная, вольнолюбивая. Явная русскость торчит из всех углов его новгородских стихов. Он соединяет воедино свободолюбие и отчизнолюбие. Еще все в том же 1830 году 3 октября шестнадцатилетний юноша пишет стихотворение "Новгород". Никогда там не бывая, он чувствовал его родным и близким.

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?… Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Все то, к чему теперь ваш дух летит.

Это не описание города, а скорее, мечта Лермонтова о русской вольности. Не случайно философ Владимир Соловьев называл его первым ницшеанцем: "Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий… которое для краткости можно назвать "ницшеанством". Глубочайший смысл действительности Лермонтова освещается писаниями его ближайшего преемника Ницше". Но ницшеанец в нем явно славянского замеса. Остается удивляться, как он в свои шестнадцать-семнадцать лет так перепахивал и исторические характеры, и всю мировую литературу, заимствуя лишь то, что ему было необходимо, но придавая всему глубинный русский смысл. Читая эти новгородские стихи сегодня, думаешь, как ко времени и к месту, как они необходимы всем нам. Или и на самом деле "мужеством упали"?

Что такое его новгородская поэма "Последний сын вольности", как не песнь чистому славянству, которое еще в те

древние времена угнеталось чуждыми русскому духу варягами. Дело другое, что и русские со своей вечной враждой между собой неизбежно обречены на поражение. Потому и позвали княжить в IX веке чуждого им варяга Гарика.

Княжит Рурик в Новегороде,
В диких дебрях бродят юноши;
С ними есть один старик седой —
Он поет о родине святой.
Он поет о милой вольности!

Душа славян мечтала о возврате вольности, но их мечты "презирал варяг-властитель; все их законы, все права…". Рурик похищает невесту витязя Вадима и, обесчещенную, бросает на гибель. Вадим рвется в бой с варягом и тоже погибает. "Он пал в крови, и пал один — последний вольный славянин!" Увы, сколько столетий пролетело, сколько битв, сколько разных варягов на Русь ходило, и вновь повторяется старое. И всё так же забываются древние русские ценности. Может, поэтому о новгородских стихах Лермонтова так мало пишут. Еще вольность горцев можно поддержать, воспеть славу Мцыри, но когда Лермонтов пишет в поэме "Последний сын вольности" о забвении русского богатыря, как-то не любят это цитировать.

Под ними спит последним сном,
С своим мечом, с своим щитом,
Забыт славянскою страной,
Свободы витязь молодой.

В "Последнем сыне вольности", где изображается и "великий", и "ужасный" Новгород, звучит упрек против иноземного ига. Гостомысл, умирая, обращается к "людям новгородским", во избежание внутренних раздоров, просить помощи со стороны: "Призовите князя чуждого, / Чтоб владел он краем Родины". Наказ послушно исполняется. Автор не соглашается с этим:

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан над городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

Лермонтову всегда было чуждо смирение. Он бунтовщик по натуре, не желающий и не умеющий сдерживать свои страсти. Он и в творчестве пишет как бы рывками, с налетающей на него стихией творчества, и вдруг божественный свет высокой поэзии освещает всё пространство мира. И уже не поймешь, откуда этот свет — то ли с надземных шотландских кельтских высот, то ли из адского пекла. Прототипом главного героя поэмы послужил реальный герой из русской летописи Вадим Храбрый, защищавший независимость Новгорода и павший от руки Рурика. Вадим был для наших вольнодумцев XIX столетия символом борьбы за свободу и вольность.

Не все "с безнадежием немым на стыд отечества" глядят. Тридцать юношей во главе с Вадимом и их спутником, "стариком седым", поющим о "родине святой", "о милой вольности", собираются сразиться с иноземцами. И все гибнут, и мир о них забывает. Помнит лишь поэт.

Считается, что аллюзионный, продекабристский характер поэмы усиливается тем, что ее действие происходит уже после гибели соратников Вадима; очевидны намеки на сосланных декабристов ("Но есть поныне горсть людей, / В дичи лесов, в дичи степей; / Они, увидев падший гром, / Не перестали помышлять / В изгнанье дальнем и глухом, / Как вольность пробудить опять; / Отчизны верные сыны / Еще надеждою полны…"). И тогда центральными в поэме становятся строки, содержащие укор современникам, обвинение их в бездействии: "Ужель мы только будем петь, / Иль с безнадежием немым / На стыд отечества глядеть…" Специалисты давно отметили использование поэтом исключительно мужских рифм (кроме вставной "Песни Ингелота", написанной белым стихом с преобладанием дактилических клаузул, весьма редких у раннего Лермонтова). Поэма Михаила Лермонтова "Последний сын вольности" датируется филологами второй половиной 1830 года — первой половиной 1831 года. То есть написана она всё тем же шестнадцатилетним подростком, еще ни разу в жизни не видевшим самого Новгорода, но прекрасно знавшим, что святилище Перуна находится на истоке реки Волхов из озера Ильмень.

Михаил Лермонтов, как и все гении, противоречив и не одномерен. То его цитирует Владимир Путин, отрывок из боевого патриотического стихотворения "Бородино": "Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали…" То его же цитируют самые крутые диссиденты: "Свободы, Гения и Славы палачи! Таитесь вы под сению закона, пред вами суд и правда — всё молчи!.." Разве это не про наши дни? Вот и его северные, новгородские вольные

стихи как бы позабыли. Но одно из них написано примерно в августе 1832 года прямо в Новгороде и связано с его познанием Севера. Молодой Лермонтов впервые ехал из Москвы в Санкт-Петербург и конечно же остановился в городе, ставшем для него с детства символом свободного развития, славы и величия. Приведу это стихотворение полностью:

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженье.
И сколько гордых душ увлек в свое паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

"Служил тот колокол" — вечевой колокол; в 1478 году Иван III уничтожил в Новгороде вечевое управление и колокол был снят. Но остался ли новгородский дух у северян? Не случайно же так популярна была новгородская тема в поэзии пушкинской поры. Заметна она и в поэзии Лермонтова. Ей посвящены такие стихи, как уже вышеупомянутые "Новгород", "Приветствую тебя, воинственных славян святая колыбель!.." (1832), поэма "Последний сын вольности" и множество строк и фраз из самых различных стихотворений — "Песнь Барда", "Могила бойца", "Баллада" (1830) и др.

Подводя итоги северному периоду Михаила Лермонтова, такому же краткосрочному, как и его первая кавказская ссылка, я поневоле делал главный акцент на более ранних стихах, посвященных тому же Русскому Северу. И, естественно, хочу закончить северный цикл стихов, пусть написанных далеко от Севера, но ставших несомненным символом "северного" Лермонтова, уже классическим стихотворением "На севере диком". Во-первых, это даже не оригинальное стихотворение Михаила Лермонтова, а перевод стихотворения великого немецкого поэта Генриха Гейне "Сосна"[43], написанного гораздо раньше, в 1822 году. Стихотворение М. Ю. Лермонтова "На севере диком стоит одиноко…" я считаю абсолютно самостоятельным стихотворением, даже шедевром, превзошедшим немецкий оригинал. "На севере диком стоит одиноко…" было написано на последнем году жизни, незадолго до гибели поэта в 1841 году. Оно и посвящено одиночеству творческого человека. Его душа —

это одинокая русская душа северной сосны, лишь позволяющей себе мечтать о некой южной пальме. И все стихотворение гениально пронизано северной, снежной, сосновой, стоящей на одинокой вершине северной душе. Это — сссссс-самое сссссеверное стихотворение. Символ севера — снежное "С". Слышно становится, как сыплется сверху снег. Зябко и одиноко.

Для начала привожу текст самого Генриха Гейне.

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Hoh.
Ihn schlafert; mit weiBer Decke
Umhiillen ihn Eis und Schnee.
Er traumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

Для понимания и сравнения приведу и подстрочник Гейне, сделанный с немецкого:

Сосна стоит одиноко
На севере на холодной вершине.
Она дремлет, белым покрывалом
Окутывают ее лед и снег.
Она мечтает о пальме,
Которая далеко на востоке
Одиноко и молча печалится
На пылающей скале.

А теперь не спеша вчитаемся в строчки самостоятельного стихотворения Михаила Лермонтова, вольно изложившего нам замысел немецкого поэта:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Даже не так интересно, совпадают ли интонация и замысел

оригинала любовной лирики Гейне с лермонтовской версией. Не будем принижать великого немецкого поэта, но у Лермонтова получился совсем иной вариант. Даже сюжет южной пальмы ушел куда-то на второй план. Да, мечтается северному русскому одинокому властелину, возвышающемуся над одноликой массой, о чем-то южном, теплом, согревающем, но никуда не уйти от своей вершины, не снять свою православную ризу, и даже от своего вечного северного одиночества. Не уйти от своего родного снежного Севера. Может быть, это сам Михаил Лермонтов мечтал о чем-то несбыточном, оставаясь в своей великой непостижимости.

Как мог 26-летний молодой поэт познать такие истины, которые неподвластны и старцам? Как и в случае со стихотворением "Смерть Поэта", не один Михаил Лермонтов брался за перевод этого шедевра Гейне. Его переводили достойные великие русские поэты Федор Тютчев и Александр Фет. Прекрасные переводы, но созвучным и времени, и оригиналу, и замыслу оказался лишь лермонтовский текст. Впрочем, читайте сами.

Тютчев:

На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий, подъемлясь, белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.
Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном востока
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и цветет одиноко.

Фет:

На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным и льдяным ковром.
Во сне ему видится пальма
В далекой восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скале…

И всё же как стояла, так и стоит на севере диком гениальная и одинокая сосна Михаила Юрьевича Лермонтова. В конце

девятнадцатого столетия к лермонтовской северной сосне добавилась еще и созвучная ей картина Ивана Ивановича Шишкина "На севере диком", написанная художником в 1890 году по мотивам стихотворения М. Ю. Лермонтова "Сосна".

Так же как и в стихотворении Лермонтова, в картине звучит тема одиночества. На голой скале, посреди льда и снега, стоит одинокая сосна. Луна освещает мрачное ущелье и какую-то бесконечную космическую, совсем не шишкинскую даль. Мистический, космический поэт увлек художника, законченного реалиста, в свою романтическую глубину Севера.

И ничуть уже северной поэзии Михаила Лермонтова не мешает такая же чудная русская северная сосна художника Ивана Шишкина. Насколько разные таланты у мистика и пророка Михаила Лермонтова и прозорливого реалиста Ивана Шишкина, но в этом случае они как-то очень подошли друг другу. Даже не хочу этот стих признавать переводом. Гениальное вольное изложение лермонтовской северной концепции жизни. Впрочем, то же самое случилось с переводом гётевских "Горных вершин". Как нынче модно говорить: ремейк. Вот уж верно сказано: "Глубокий и могучий дух… Каждое его слово — он сам, вся его натура — во всей глубине и целости своей". За что ни возьмется, передает саму душу природы, душу края. И написана эта сосна уже незадолго до гибели поэта. Может, и снится до сих пор этой могучей сосне (а на немецком языке сосна мужского рода) стройная и дивная пальма?!

Сосна торжественна, мужественна, красива, но она одна. Она на голой северной вершине, что само по себе наводит грусть. По сути, это предсмертное тоскливое одиночество, мужественное желание дойти в своей жизни до конца. Женственная грациозная пальма — это лишь несбыточная мечта о счастье. Да и не нужна северной громадной сосне южная стройная пальма. У каждого свой путь. Суровый русский северный путь.

"Железный стих, облитый горечью и злостью!.."

Из северного Новгорода в Санкт-Петербург, в лейб-гвардии Гусарский полк 14 мая 1838 года возвращался уже не опальный офицер, а преемник пушкинской славы, признанный всеми русский поэт. Как писал брат декабриста, известный историк и поэт Андрей Муравьев: "…Ссылка его наделала много шуму, на него смотрели как на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. С жадностию читали его стихи с Кавказа, который послужил для него источником вдохновения. Юные воители, возвращавшиеся с Кавказа, были принимаемы как герои… Песни и поэмы Лермонтова гремели повсюду…"

Да и сам второй петербургский период оказался для него чрезвычайно плодотворным. В годы до второй кавказской ссылки Михаил Лермонтов создал почти все наиболее значительные произведения: пьесу "Маскарад" (1835–1836), поэму "Мцыри" (1839), работал над "Демоном" и, самое главное, написал свой великий роман "Герой нашего времени". Он стал самым желанным автором ведущих литературных журналов, прежде всего "Отечественных записок". Это не считая сотен лирических стихов и посвящений. Среди них такие шедевры, как "Казачья колыбельная песня", "Дума", "Поэт", "Молитва", "Дары Терека", "Памяти А. И. О[доевско]го", "1 января", "И скучно, и грустно", "Есть речи — значенье…", "Тучи".

Закончился второй петербургский период выходом романа "Герой нашего времени" и подготовкой к изданию первой книги стихотворений, вышедшей уже осенью 1840 года. Хорошо бы время от времени переиздавать книгу "Стихотворения М. Лермонтова" в том виде, в каком она была составлена поэтом и издана Н. И. Кувшинниковым и А. Д. Киреевым, людьми, близкими к редакции "Отечественных записок". Надо удивляться требовательности поэта. Из более четырехсот своих стихов и тридцати поэм он отобрал лишь 26 стихотворений и две поэмы: "Песню про… купца Калашникова" и "Мцыри". Понятно, что по цензурным соображениям в сборник не попали "Смерть Поэта", "Демон" и "Маскарад", но многое другое, ныне широко известное в его творчестве, было им отодвинуто. Впрочем, поговорим о сборнике стихов позже.

Вернувшись в столицу в 1838 году известным поэтом, Михаил Лермонтов какое-то время с интересом играет роль молодого светского льва в большом свете, за ним ухаживают все салонные

дамы: "любительницы знаменитостей и героев". Поэту быстро все эти "львиные" забавы надоедают, его уже не устраивает и военная служба, он то просится в отпуск, то мечтает о возвращении на Кавказ. Но, как пишет он своему доверенному другу М. А. Лопухиной: "Все эти милые родственники! — не хотят, чтоб я оставил службу…" Этот длинный поводок Столыпиных так до конца жизни и тянулся за ним. С одной стороны, он купался в деньгах, жил подобно самым богатым своим товарищам из гусаров. Получая в месяц чуть больше 200 рублей жалованья, от бабушки Михаил получал за год более десяти тысяч рублей. Денег на внука бабушка и впрямь не жалела, но контролировала постоянно. И отпускать с военной службы никак не желала.

Когда-то Елизавета Алексеевна противилась поступлению внука в Школу юнкеров. После первых восторгов по поводу стихов, узнав, какие от стихов бывают неприятности, она уже не желала видеть Мишеля литератором. Зная его строптивый характер и его вольнолюбие, она предпочла лучше бы какие-нибудь его великосветские шалости или веселое бражничество. Недаром она всегда щедро принимала на своих петербургских и московских квартирах всю его компанию буйных захмелевших светских друзей. Лишь бы не литературное вольнодумство.

По-своему, по-бабушкиному она была права. В России во все времена литературное вольнодумство каралось, как государственная измена, не менее. А за любой дебош лишь бы хватило Мишелю денег расплатиться. Вот и привык за годы вольной жизни ее Мишель к легким деньгам, без них уже не желал обходиться. Увы, но надо признать, он прочно, до конца жизни своей сел на бабушкину денежную иглу. Потому и исполнял все ее повеления, несмотря на всю свою строптивость. Всегда помнил, что Елизавета Алексеевна не менее строптива, и ежели начнет Мишель вести себя по-своему, уйдет со службы, обзаведется семьей без ее согласия, сразу же останется и без наследства, и без ежемесячных дотаций. Зато он позволял себе всевозможные светские дерзости.

О его дерзких поступках в свете ходили легенды, которые лишь увеличивали его славу. "Какой он взбалмошный, вспыльчивый человек, — пишет о нем А. Ф. Смирнова, — наверно, кончит катастрофой. Он отличается невозможной дерзостью. Он погибает от скуки, возмущается собственным легкомыслием, но в то же время не обладает достаточно характером, чтобы вырваться из этой среды. Это — странная натура".

Став модным поэтом, Лермонтов сразу был замечен в большом свете. Он сам писал М. А. Лопухиной: "Я пустился в

большой свет. В течение месяца на меня была мода, меня наперерыв отбивали другу друга. Это, по крайней мере, откровенно. Все те, кого я преследовал в моих стихах, осыпают меня теперь лестью. Самые хорошенькие женщины добиваются у меня стихов и хвалятся ими, как триумфом. Тем не менее, я скучаю. Просился на Кавказ — отказали, не хотят даже, чтобы меня убили. Может быть, эти жалобы покажутся вам, милый друг, неискренними; вам, может быть, покажется странным, что я гонюсь за удовольствиями, чтобы скучать, слоняясь по гостиным, когда там нет ничего интересного. Ну что же, я открою вам мои побуждения. Вы знаете, что самый мой большой недостаток это тщеславие и самолюбие. Было время, когда я, в качестве новичка, искал доступа в это общество: это мне не удалось, и двери аристократических салонов были закрыты для меня; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как проситель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискивают, меня всюду приглашают, а я и вида не подаю, что хочу этого; женщины, желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что я ведь тоже лев, да! я, ваш Мишель, добрый малый, у которого вы и не подозревали гривы. Согласитесь, что все это может опьянять; к счастью, моя природная лень берет верх, и мало-помалу я начинаю находить все это несносным. Но этот обретенный мной опыт полезен в том отношении, что дает мне оружие против общества: если оно будет преследовать меня клеветой (а это непременно случится), у меня будет средство отомстить; нигде ведь нет столько пошлого и смешного, как там…"

То, о чем он так долго мечтал, прорываясь в светское общество, в аристократические столичные круги, случилось. За ним уже тянулся такой шлейф литературной славы, что отказать ему в приеме было невозможно. Тем быстрее этот большой свет, о котором ему когда-то так мечталось, наскучил ему, пустота бесцельной светской жизни его утомила. Спасали стихи… и женщины.

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды…
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?…
А годы проходят — все лучшие годы!
Любить… но кого же?… на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно…

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка…

Вот такие стихи писал Михаил Лермонтов в 1840 году, при этом ежедневно присутствуя на всевозможных балах, посещая все театры. Прекрасно осознавал всю пустоту и напыщенность этого большого света и все-таки тянулся к нему. В нем всегда была определенная двойственность. Как очень верно писал Иван Иванович Панаев: "Лермонтов хотел слыть во что бы то ни стало и прежде всего за светского человека и оскорблялся точно так же, как Пушкин, если кто-нибудь рассматривал его как литератора. Несмотря на сознание, что причиной гибели Пушкина была наклонность его к великосветскости…"

Можно допустить и другую версию. В эти придворные салоны Михаил Лермонтов врывался как дикий вольный зверь в зоопарк со стерилизованными животными. Душа дикого вольного зверя требовала властвования над стаей домашних животных, как бы они ни были крупны. Конечно, одинокому зверю долго не продержаться несмотря на всю свою мощь среди бесчисленных кастратов. Но и не доставить себе удовольствия порезвиться над ними этот вольный зверь не мог. В ответ он получал глухую ненависть к себе. Думаю, Державин или Жуковский были не менее заносчивы в своем поведении, не менее капризны в поступках. Но за ними были и высокие придворные чины, и солидный возраст. Общество не желало понимать, что среди них присутствует молодой гений. То, что допускалось придворным вельможам, было вызывающе для простого армейского офицера, недавнего ссыльного.

Его Гусарский полк стоял в Царском Селе, и он, как и положено офицеру, присутствовал на всех дежурствах, нарядах, смотрах и парадах. Но всё свободное время конечно же проводил в Петербурге.

Со стороны посмотреть: светский щеголь, над всем посмеивается, ни с кем всерьез не говорит ни о поэзии, ни о литературе. К тому времени в апреле 1838 года в "Литературных прибавлениях к "Русскому инвалиду"" была напечатана "Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова". Пусть по требованию цензора вместо фамилии автора, недавнего ссыльного, была поставлена подпись "-…въ", об авторстве догадались быстро. Этой "Песней…"

восторгались равно и славянофилы, и западники, и высокие государственные мужи, и декабристы. Если сложить рядом первые крупные публикации поэта: "Бородино", "Тамбовская казначейша", "Песня про… купца Калашникова", остается недоумевать, почему такого поэта, обладающего высочайшим чувством народности, так грубо отметали придворные круги, императорские идеологи. Вроде бы это так совпадало с концепцией николаевской народности. Николай I и на самом деле был сторонником народности в литературе, но, увы, принципы этой народности в то время определяли — все как один — Бенкендорф, Дубельт, Клейнмихель и т. д., верные служаки, напрочь лишенные русского национального сознания.

Впрочем, на Руси так было почти всегда. Я считаю поэзию Михаила Лермонтова сверхсовременной и востребованной сегодня еще и потому, что вижу много общего в николаевской и путинской моделях правления Россией. В такой атмосфере казенного официозного равнодушия к русской национальной культуре не мог не возникнуть знаменитый лермонтовский скепсис. На Кавказе он чувствовал себя гораздо свободнее и вольготнее. Но и на Кавказ не пускали. Первый его немецкий исследователь Фридрих Боденштедт писал: "…выросший среди общества, где лицемерие и ложь считались признаками хорошего тона, до последнего вздоха оставался чужд всякой лжи и притворства… Неопределенные теории и мечтания были ему совершенно чужды; куда ни обращал он взора, к небу ли или к аду, он всегда отыскивал прежде всего твердую точку опоры на земле…"

Михаил Лермонтов натужно улыбался на балах, танцевал мазурки, болтал о совершеннейших пустяках со знакомыми, но кроме шутки или сарказма его собеседники ничего не получали. И потому весь этот великосветский круг дружно недолюбливал поэта. Всё тот же круг образованцев и льстецов придворных не любит его и сегодня. Военная служба в придворном лейб-гвардии Гусарском полку ему тоже наскучила.

Увы, эта маска скепсиса и пустоты отталкивала от поэта иногда и самых умнейших людей его времени. К примеру, никак не мог разговорить поэта даже ведущий литературный критик и к тому же его пензенский земляк Виссарион Белинский. Еще во время первой ссылки на Кавказ, в Пятигорске состоялась их первая встреча.

Н. М. Сатин вспоминал: "В одно из таких посещений он встретился у меня с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках; они даже открыли, что оба урожденцы города Чембар (Пензенской губ.).

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с удивлением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он начал отвечать разными шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками.

— Да я вот что скажу вам о вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембары, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернеры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд смотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Лермонтов разразился хохотом. Тщетно я уверял его, что Белинский замечательно умный человек; он передразнивал Белинского и утверждал, что это недоучившийся фанфарон, который, прочитав несколько страниц Вольтера, воображает, что проглотил всю премудрость.

Белинский, с своей стороны, иначе не называл Лермонтова, как пошляком, и когда я ему напоминал стихотворение Лермонтова "На смерть Пушкина", он отвечал: "Вот важность написать несколько удачных стихов! От этого еще не сделаешься поэтом и не перестанешь быть пошляком!"

На впечатлительную натуру Белинского встреча с Лермонтовым произвела такое сильное влияние, что в первом же письме из Москвы он писал ко мне: "Поверь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай к себе таких пошляков, как Лермонтов".

Так встретились и разошлись в первый раз эти две замечательных личности. Через два или три года они глубоко уважали и ценили друг друга…"

Уже в Петербурге они не раз встречались у Краевского, редактора лучшего литературного журнала тех лет "Отечественные записки", Белинский восторженно писал о Лермонтове, как о новом русском явлении, а разговора между ними всё не получалось: Михаил Лермонтов по привычке прикрывался светской пустотой, изображая из себя скептического, уставшего от жизни господина. Лишь после его дуэли с де Барантом, когда Лермонтов был арестован и сидел в ордонанс-гаузе, Белинский пришел к нему вместе с Краевским, и поэта

после одинокой камеры потянуло на откровенность.

Позже Белинский писал своему другу Боткину: "Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!

Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше Вальтер Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целости. Я давно так думал и еще первого человека встретил, думающего так же. Перед Пушкиным он благоговеет и больше всего любит "Онегина". Женщин ругает: одних за то, что дают; других за то, что не дают… Пока для него женщина и давать — одно и то же. Мужчин он также презирает, но любит одних женщин и в жизни только их и видит. Взгляд чисто онегинский. Печорин — это он сам, как есть. Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: "Дай Бог!" Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям, и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве! Каждое его слово — он сам, вся его натура, во всей глубине и целости своей. Я с ним робок, — меня давят такие целостные, полные натуры, я перед ними благоговею и смиряюсь в сознании моего ничтожества. Понимаешь ли ты меня, о лысая и московская душа!.."

Но не каждому удавалось поговорить с ним от души. Не каждому удалось прорваться сквозь его одиночество. Пожалуй, из настоящих друзей, остающихся верными этой дружбе не только до гибели поэта, но и до собственного конца жизни, я бы назвал Святослава Афанасьевича Раевского и Акима Павловича Шан-Гирея. Остальные — боевые товарищи, сослуживцы, литераторы, бражники и знакомые по салонам. На основании всего прочитанного как-то осторожно я отношусь даже к дальнему родственнику и приятелю, секунданту на двух дуэлях Алексею Столыпину, по прозванию Монго. **Князь** Павел Вяземский как-то писал после встречи с Лермонтовым: "Он был встревожен и со мною холоден. Я это приписываю Монго-Столыпину, у которого мы виделись. Лермонтов что-то имел со Столыпиным и вообще чувствовал себя неловко в родственной компании…" Сложными были и его отношения с Алексеем Лопухиным.

К литературным партиям он тоже не тянулся, будучи хорошо знакомым и со славянофилом Юрием Самариным, и с демократом Белинским, он предпочитал держаться в литературе наособицу, сблизившись разве что с Андреем Краевским, редактором "Отечественных записок". Пожалуй, из литераторов это был единственный человек по-настоящему близкий ему, с которым он был предельно откровенен, с которым был на "ты", что Лермонтов позволял очень немногим. Всё тот же Иван Панаев, хорошо знавший Лермонтова и Краевского, писал в своих заметках:

"Лермонтов обыкновенно заезжал к г. Краевскому по утрам (это было в первые годы "Отечественных Записок", в 1839 — 40 и 41 годах) и привозил ему свои новые стихотворения. Входя с шумом в его кабинет, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которых были аккуратно расставлены и разложены книги, журналы и газеты, Лермонтов подходил к столу, за которым сидел редактор, глубокомысленно погруженный в корректуры, в том алхимическом костюме, о котором я упоминал и покрой которого был снят им у Одоевского, — разбрасывал эти корректуры и бумаги по полу и производил страшную кутерьму на столе и в комнате. Однажды он даже опрокинул ученого редактора со стула и заставил его барахтаться на полу в корректурах. Г. Краевскому, при его всегдашней солидности, при его наклонности к порядку и аккуратности, такие шуточки и школьничьи выходки не должны были нравиться, но он поневоле переносил это от великого таланта, с которым был на ты, и, полуморщась, полуулыбаясь, говорил:

— Ну, полно, полно… перестань, братец, перестань. Экой школьник…

Г. Краевский походил в такие минуты на гётевского Вагнера, а Лермонтов на маленького бесенка, которого Мефистофель мог подсылать к Вагнеру нарочно для того, чтобы смущать его глубокомыслие.

Когда ученый приходил в себя, поправлял свои волосы и отряхивал свои одежды, поэт пускался в рассказы о своих светских похождениях, прочитывал свои новые стихи и уезжал…"

На памятнике Лермонтову в Александровском саду в 1888 году скульптор поместил его четверостишие из стихотворения "Поэт":

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,

Во дни торжеств и бед народных.

Вскоре обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев обратился к градоначальнику Петербурга с письмом: "Мне представляется делом едва ли не кощунственным помещать такое сравнение стиха Лермонтова с божьим духом на публичном памятнике, где будут читать эту надпись простые неграмотные люди (интересно, как, по мнению Победоносцева, ее смогут прочитать неграмотные люди?) и многие, конечно, соблазнятся таким выражением…"

Чиновникам всех времен и народов лучше бы задуматься о смысле этого гениального стихотворения, о причинах, почему и когда этот божий дух исчезает из поэзии. Стихотворение "Поэт", из самых классических его стихов, отобранное самим Лермонтовым в число немногих творений, составивших его первую книгу, было написано всё в том же душно-светском Петербурге в 1838 году. Поэзия, как и боевой кинжал горца, пробивший не одну кольчугу, на стене придворного вельможи превращается в золотую игрушку, бесславную и безвредную.

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Вот и ныне "нас тешат блестки и обманы…", и ныне пора обратиться к русским талантливым поэтам: "Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?"

Из всех петербургских салонов Михаил Лермонтов предпочитал чаще бывать не в великосветских дворцах, где ему было тоскливо и неуютно, а в кругу друзей Александра Пушкина, в доме Карамзиных, у князя Одоевского, князя Вяземского, в доме А. О. Смирновой. Там хотя бы говорили по-русски и находили более интересные темы для разговоров.

Граф Владимир Александрович Соллогуб вспоминает: "В доме князя В. Ф. Одоевского — в этом безмятежном святилище знания, мысли, согласия, радушия — сходился весь цвет петербургского населения. Государственные сановники, просвещенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, светские образованные красавицы встречались тут без удивления, и всем этим представителям столь разнородных понятий было хорошо и ловко; все смотрели друг на друга приветливо, все забывали, что за чертой этого дома жизнь идет совсем другим порядком. Я

видел тут, как Андреевский кавалер беседовал с ученым, одетым в гороховый сюртук; я видел тут измученного Пушкина во время его кровавой драмы… Им нужно было иметь тогда точку соединения в таком центре, где бы Андреевский кавалер знал, что его не встретит низкопоклонство, где бы гороховый сюртук чувствовал, что его не оскорбят пренебрежением. Все понимали, что хозяин, еще тогда молодой, не притворялся, что он их любит, что он их действительно любит, любит во имя любви, согласия, взаимного уважения, общей службы образованию, и что ему все равно, кто какой кличкой бы ни назывался и в каком бы платье ни ходил. Это прямое обращение к человечности, а не к обстановке каждого, образовало ту притягательную силу к дому Одоевских, которая не обусловливается ни роскошными угощениями, ни красноречием лицемерного сочувствия…"

Впрочем, это не мешало и образованным красавцам, типа того же графа Соллогуба, признавая высокий талант Лермонтова, исподтишка щедро клеветать на поэта. Именно В. А. Соллогуб, числившийся среди приятелей поэта, по заказу великой княжны Марии Николаевны написал в 1839 году литературный пасквиль на поэта. В повести "Большой свет" под образом "маленького корнета Мишеля Леонина" им выведен поэт Михаил Лермонтов, ничтожный и нелепый, тщетно пытающийся обратить на себя внимание общества и прежде всего женщин и использующий для этого своего богатого родственника, под которым подразумевался Алексей Столыпин. Этот Столыпин, согласно повести, сам как бы брезгливо относится к маленькому уродцу, но по просьбе бабушки водит своего Мишеля по салонам.

Думаю, этим заказом уже придворным кругом готовился дуэльный вариант. Хорошо, что Лермонтов будто бы не признал в этом герое себя и даже поздравил Соллогуба с выходом повести. Павел Висковатый пишет, что Соллогуб "лично не любил Лермонтова", так как тот старался ухаживать за его невестой. Мне кажется, дело не в этом, господствовала в душе ограниченного писателя и светского придворного Соллогуба всё та же зависть кастрата перед вольным и мощным зверем. Зависть мелкого литератора перед мистическим гением. Недаром больше всего поэта ненавидели придворные льстецы и мелкие литераторы, от Соллогуба и Арнольди до Мартынова и Васильчикова. При том же несносном лермонтовском характере, с теми же шуточками и прозвищами у Лермонтова были самые дружеские отношения и со своими товарищами по оружию на Кавказе, и с сослуживцами в полках.

К примеру, во время служения Лермонтова в лейб-гвардии Гусарском полку командирами полка были: с 1834 по 1839 год —

генерал-майор Михаил Григорьевич Хомутов, а в 1839 и 1840 годах — генерал-майор Павел Александрович Плаутин. Эскадронами командовали: 1-м — флигель-адъютант ротмистр Михаил Васильевич Пашков; 2-м — ротмистр Орест Федорович фон Герздорф; 3-м — ротмистр граф Александр Осипович де Витт, а потом — штаб-ротмистр Алексей Григорьевич Столыпин; 4-м — полковник Федор Васильевич Ильин, а затем — ротмистр Егор Иванович Шевич; 5-м — ротмистр князь Дмитрий Алексеевич Щербатов 1-й; 6-м — ротмистр Иван Иванович Ершов и 7-м — полковник Николай Иванович Бухаров.

И со всеми командирами у Лермонтова были прекрасные отношения, с иными он сдружился. Бухарову посвятил прекрасное стихотворение. И никаких якобы ядовитых дерзостей на службе не замечалось. Многие офицеры просто гордились, что служат с поэтом.

Один из первых биографов П. К. Шугаев пишет:

"В праздничные же дни, а также в случаях каких-либо экстраординарных событий в свете, как то: балов, маскарадов, постановки новой оперы или балета, дебюта приезжей знаменитости, гусарские офицеры не только младших, но и старших чинов уезжали в Петербург и, конечно, не все возвращались в Царское Село своевременно. Граф Васильев помнит даже такой случай. Однажды генерал Хомутов приказал полковому адъютанту, графу Ламберту, назначить на утро полковое ученье, но адъютант доложил ему, что вечером идет "Фенелла" и офицеры в Петербурге, так что многие, не зная о наряде, не будут на ученье. Командир полка принял во внимание подобное представление, и ученье было отложено до следующего дня.

Лермонтов жил с товарищами вообще дружно, и офицеры любили его за высоко ценившуюся тогда "гусарскую удаль". Не сходился только он с одними поляками, в особенности он не любил одного из наиболее чванных из них — Понятовского, бывшего впоследствии адъютантом великого князя Михаила Павловича. Взаимные их отношения ограничивались холодными поклонами при встречах. Михаил Юрьевич не раз говаривал: "Жиды гораздо искреннее, чем поляки"".

Квартиру Лермонтов имел, по словам Д. А. Столыпина, в Царском Селе, на углу Большого проспекта и Манежной улицы, но жил в ней не с одним только Алексеем Аркадьевичем Столыпиным, как заявлено в биографии поэта П. А. Висковатого, — вместе с ними жил также и Алексей Григорьевич Столыпин, и хозяйство у всех троих было общее. Лошадей Лермонтов любил хороших, и ввиду частых поездок в Петербург

держал верховых и выездных. Его конь Парадёр считался одним из лучших; он купил его у генерала Хомутова и заплатил более 1,5 тысячи рублей…

В Гусарском полку, по рассказу графа Васильева, было много любителей большой карточной игры и гомерических попоек с огнями, музыкой, женщинами и пляской. У Герздорфа, Бакаева и Ломоносова велась постоянная игра, проигрывались десятки тысяч, у других — тысячи бросались на кутежи. Лермонтов бывал везде и везде принимал участие, но сердце его не лежало ни к тому, ни к другому. Он приходил, ставил несколько карт, брал или давал, смеялся и уходил. О женщинах, приезжавших на кутежи из Санкт-Петербурга, он говаривал: ""бедные, их нужда к нам загоняет", или: "на что они нам? у нас так много достойных любви женщин". Из всех этих шальных удовольствий поэт более всего любил цыган…"

Из воспоминаний о службе в Новгороде в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку мы тоже не видим обычного светского пренебрежения якобы несносным Лермонтовым. Читаем в "Истории… полка": "За свое пребывание в полку Лермонтов не оставил по себе того неприятного впечатления, каким полны отзывы многих сталкивавшихся с ним лиц. Правда, отзывы гродненских офицеров о Лермонтове устанавливали одно общее мнение о язвительности его характера, но это свойство не мешало Лермонтову быть коноводом всех гусарских затей и пирушек и оправдывалось товарищами как одно из проявлений его исключительной натуры… В бытность Лермонтова в нашем полку им был написан… экспромт "Русский немец белокурый", по случаю проводов М. И. Цейдлера на Кавказ. Кроме того, тогда же Лермонтов, недурной художник, написал две картины масляными красками из кавказской жизни: "Черкес" и "Воспоминание о Кавказе""[44].

Пусть извинит меня читатель за обильное цитирование, но повсеместное распространение и по сю пору слухов о злом и желчном поэте должно оскорблять любого истинного ценителя поэзии, любого русского человека. Меня скорее поражает, почему все великосветские злые сплетни о поэте столь щедро и охотно цитируются в наши времена самыми известными лермонтоведами и деятелями культуры. Впрочем, также наши элитные придворные поэты морщились от дерзких выпадов Лёни Губанова в адрес Евтушенко или дерзких слов Николая Рубцова. О том же писал и Иосиф Бродский в стихотворении "Я входил вместо дикого зверя в клетку…". Ничто не меняется. Представьте, сегодня войдет какой-нибудь новый молодой гений в кабинет или встретится на каком-нибудь приеме, куда критик из солидного журнала даст ему

пропуск, с вельможей или сановитым писателем и начнет вольно излагать свое мнение о современной литературе. И он станет изгоем в приличном обществе.

Вот так и было с нашим величайшим гением Михаилом Лермонтовым. Боевой офицер, приглашенный на светские рауты благодаря своему поэтическому дару и ведущий себя на равных со всеми этими светскими пустышками. Остается вопрос: а надо ли было ему ходить на все эти балы и приемы? Тогда вспомните: это был молодой офицер, 22–25 лет, а на балах были собраны все красавицы Петербурга. Это уже страстный гусар Лермонтов прорывался к красоткам, прикрываясь своей литературной известностью. И его боевые друзья это прекрасно понимали.

Они смотрели проще на причуды Лермонтова, потому что лишены были зависти и, скорее, уважали его вольный независимый характер. Те же, кто ценил поэзию, кто лишен был светского лоска мнимой значимости, лишь восторгались поэтом и как-то даже не замечали иронических высказываний в свой адрес.

Вспоминает историк Андрей Муравьев: "Он поступил опять в лейб-гусары. Мне случилось однажды, в Царском Селе, уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. "Что с тобою?" — спросил я. "Сядьте и слушайте", — сказал он и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму "Мцыри" (послушник по-грузински), которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера. Внимая ему, и сам пришел я в невольный восторг: так живо выхватил он, из ребр Кавказа, одну из его разительных сцен и облек ее в живые образы перед очарованным взором. Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления. Много раз впоследствии перечитывал я его "Мцыри", но уже не та была свежесть красок, как при первом одушевленном чтении самого поэта".

Ценили его и в салоне у Карамзиных. Устроительница салона, дочь от первого брака знаменитого историка Карамзина, Софья Николаевна в письмах своей подруге Е. Н. Мещерской в Москву не раз восхищалась и самим поэтом, и его поэзией. "Я вальсировала с Лермонтовым (маменька пригласила его к нам, он очень мил, совершенный двойник Хомякова и лицом, и разговором)… В субботу мы получили большое удовольствие (4 ноября 1838 года. — **В. Б.)** — слушали Лермонтова (он у нас обедал), который читал свою поэму "Демон". Ты скажешь, что название избитое, но сюжет, однако, новый, он полон свежести и прекрасной поэзии. Поистине блестящая звезда восходит на

нашем столь бледном и тусклом литературном небосклоне…"

Литературный салон Карамзиных почти четверть века (1826–1851 годы) был одним из центров петербургской культурной жизни. Здесь собирался цвет литературы и искусства со всей столицы — Глинка, Брюллов, Даргомыжский, Одоевский, Лермонтов, Вяземский — весь наш золотой век, цвет литературного и художественного вольнодумия. Лермонтов, очевидно, познакомился с семейством Карамзиных через поэта Жуковского. Еще в свой новгородский период приезжая в Петербург, молодой поэт был представлен маститому русскому классику. А. П. Шан-Гирей писал: "Жуковский хотел видеть Лермонтова, которого ему и представили… Маститый поэт принял молодого дружески и внимательно и подарил ему экземпляр своей "Ундины" с собственноручной надписью".

В феврале 1838 года Михаил Лермонтов вновь посетил В. А. Жуковского и передал ему текст поэмы "Тамбовская казначейша". Жуковский прочел эту поэму вместе с П. А. Вяземским, им она понравилась, вскоре ее и напечатали. Сразу же вслед за этим 30 апреля в "Литературных прибавлениях к "Русскому инвалиду"" А. А. Краевский опубликовал "Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова".

В. А. Жуковский и познакомил молодого поэта с семьей Карамзиных. По мнению литературоведа В. А. Мануйлова, встретились они летом 1838 года на даче в китайской дачной деревне в Царском Селе, где обычно Карамзины проводили лето.

Как пишет Мануйлов: "По вечерам молодежь встречалась в Ротонде, сооруженной Ч. Камероном для придворных балов, и вот тут в пятницу, 2 сентября, Екатерина Андреевна и ее падчерица Софья Николаевна Карамзины, вероятно не впервые, увидели Лермонтова, и Екатерина Андреевна попросила одного из гусарских офицеров представить ей поэта". В тот же вечер, как мы знаем из письма Софьи Николаевны ее сестре Екатерине Николаевне Мещерской от 7 сентября в Москву, С. Н. Карамзина "вальсировала с Лермонтовым".

Софья Николаевна, к сожалению, не сообщает, кто именно представил им Лермонтова. Возможно, это был кто-то из "семейных танцоров", завсегдатаев дома Карамзиных и в то же время сослуживцев Лермонтова: С. Д. Абамелек (осенью 1838 года он чаще остальных упоминается вместе с Лермонтовым в письмах Софьи Николаевны), О. Ф. Герздорф или ближайший друг и двоюродный дядя Лермонтова А. А. Столыпин (Монго). В тот вечер Е. А. Карамзина пригласила Лермонтова к себе на дачу 5 сентября, в понедельник, в день именин дочери Лизы, которая только год как стала "выезжать" и появляться на балах…

На зиму Карамзины перебираются в Петербург, и поэт уже становится их постоянным и близким гостем. К счастью, с Софьей Николаевной у молодого и пылкого Михаила Лермонтова не было никаких романов, и потому их дружба продолжалась бесконечно. Хозяйка дома, вдова историка Екатерина Андреевна Карамзина была долгое время дружна с Пушкиным, и потому Михаил Лермонтов относился к ней с благоговением и робостью. Она же, как и две дочери историка, по-настоящему ценила поэтический дар Лермонтова еще со времен стихотворения "Смерть Поэта". На приемах в доме Карамзиных царила молодежь, незаменимая Софья Николаевна умело собирала вокруг себя истинно талантливых писателей и художников.

В зимний период, постоянно приезжая в Петербург из Софии, предместья Царского Села, где был расквартирован лейб-гвардии Гусарский полк, Лермонтов очень часто бывал у Карамзиных. А. И. Кошелев, историк, философ из круга славянофилов, рассказывает: "В карамзинской гостиной предметом разговоров были не философские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и россказни. Литературы, русская и иностранная, важные события у нас и в Европе, особенно действия тогдашних великих государственных людей Англии — Каннинга и Гускиссона — составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы, что в тогдашней петербургской душной атмосфере было для нас особенно полезно. Хозяйка дома умела всегда направлять разговоры на предметы интересные". А. И. Кошелев отмечал, что в этом салоне, единственном в Петербурге, не было карточной игры и говорили по-русски. Салон Карамзиных посещали Пушкин, Жуковский, Вяземский, Тургенев, Лермонтов. П. А. Плетнёв, вспоминая 1830-е годы — время расцвета салона Карамзиных, писал В. А. Жуковскому: "Всех нас связывала и животворила чистая, светлая литература".

Вспоминает о салоне Карамзиных и дочь Ф. И. Тютчева: "Серьезный и радушный прием Екатерины Андреевны, неизменно разливавшей чай за большим самоваром, создавал ту атмосферу доброжелательства и гостеприимства, которой мы все дышали в большой красной гостиной. Но умной и вдохновенной руководительницей и душой этого гостеприимного салона была, несомненно, София Николаевна, дочь Карамзина от его первого брака с Елизаветой Ивановной Протасовой, скончавшейся при рождении этой дочери. Перед началом вечера Софи, как опытный генерал на поле сражения и как ученый стратег, располагала большие красные кресла, а между ними легкие соломенные стулья, создавая уютные группы для собеседников; она умела

устроить так, что каждый из гостей совершенно естественно и как бы случайно оказывался в той группе или рядом с тем соседом или соседкой, которые лучше всего к ним подходили. У ней в этом отношении был совершенно организаторский гений…"

По мнению В. А. Мануйлова, у очаровательной Софьи Николаевны к Лермонтову были не просто дружеские чувства: "На доверчивую дружбу Лермонтова она отвечала чем-то более глубоким и горячим. "Софья Николаевна решительно относится к Лермонтову", — сообщала А. О. Смирнова-Россет П. А. Вяземскому 14 мая 1839 года. Это "решительное отношение" С. Н. Карамзиной к поэту замечали и другие близкие друзья — П. А. Плетнёв, А. И. Тургенев. Следующей весной, в апреле, когда решалась участь Лермонтова после его дуэли с де Барантом, Смирнова писала Жуковскому: "Софья Николаевна за него горой и до слез, разумеется".

С. Н. Карамзиной приходилось постоянно встречаться в обществе и принимать у себя молодую вдову княгиню М. А. Щербатову, А. А. Оленину и А. О. Смирнову-Россет, с которыми у Лермонтова складывались совсем другие отношения, особенно со Щербатовой. И встречи с этими приятельницами поэта не всегда были приятны Софье Николаевне…"

Но это мы уже приближаемся к теме следующей главы, впрочем, и салоны все эти часто затеивались лишь ради удачного замужества своих дочерей. Часто так и случалось. И потом уже бывшие властительницы салонов уединялись в тиши.

На одном из званых вечеров, где-то в феврале 1840 года, поэт вписал в знаменитый альбом Софи, где были и строки самого Пушкина, свое стихотворение, которое Карамзиной явно не понравилось. Лермонтов вырвал листок, разорвал его и сжег, а спустя какое-то время вписал другое, сегодня нам всем известное:

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.
Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,
Люблю я парадоксы ваши,

И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С[мирновой] штучку, фарсу Саши
И Ишки М[ятлева] стихи…

У Карамзиных провел Михаил Лермонтов и свой прощальный вечер в 1840 году, отправляясь во вторую ссылку на Кавказ. Как пишет Павел Висковатый: "Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную…

Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез… Поэт двинулся в путь прямо от Карамзиных. Тройка, увозившая его, подъехала к подъезду их дома. Пьеской "Тучи" поэт заключил и первое издание своих стихотворений, вышедших в конце 1840 года".

У Карамзиных же провел поэт и свой вечер 12 апреля 1841 года, возвращаясь после разрешенного отпуска на Кавказ. Как вспоминают, там же на вечере Лермонтов и сделал на клочке бумаги свой изумительный вольный перевод стихотворения Гейне, ставший уже просто лермонтовским стихом "На севере диком…". В дороге поэт закончил работу над переводом. Так и рождается на колене поэта, в дорожной карете — великая русская поэзия. В дневнике П. А. Плетнёва за тот же день 12 апреля 1841 года записано: "После чаю Жуковский отправился к Карамзиным на проводы Лермонтова…"

На этом же прощальном вечере у Карамзиных состоялась и знаменательная встреча Михаила Лермонтова с вдовой Александра Пушкина Натальей Николаевной. Уже дочь Натальи Николаевны Александра Петровна Арапова, урожденная Ланская, писала:

"Нигде она [Наталья Николаевна Пушкина] так не отдыхала душою, как на карамзинских вечерах, где всегда являлась желанной гостьей. Но в этой пропитанной симпатией атмосфере

один только частый посетитель как будто чуждался ее, и за изысканной вежливостью обращения она угадывала предвзятую враждебность. Это был Лермонтов. Слишком хорошо воспитанный, чтобы чем-нибудь выдать чувства, оскорбительные для женщины, он всегда избегал всякую беседу с ней, ограничиваясь обменом пустых, условных фраз. Матери это было тем более чувствительно, что многое в его поэзии меланхолической струей подходило к настроению ее души, будило в ней сочувственное эхо. Находили минуты, когда она стремилась высказаться, когда дань поклонения его таланту так и рвалась ему навстречу, но врожденная застенчивость, смутный страх сковывали уста. Постоянно вращаясь в том же маленьком кругу, они чувствовали незримую, но непреодолимую преграду, выросшую между ними.

Наступил канун отъезда Лермонтова на Кавказ. Верный дорогой привычке, он приехал провести… вечер к Карамзиным, сказать грустное прости собравшимся друзьям. Общество оказалось многолюднее обыкновенного, но, уступая какому-то необъяснимому побуждению, поэт, к великому удивлению матери, завладел освободившимся около нее местом, с первых слов завел разговор, поразивший ее своей необычайностью. Он точно стремился заглянуть в тайник ее души, чтобы вызвать ее доверие, сам начал посвящать ее в мысли и чувства, так мучительно отравлявшие его жизнь, каялся в резкости мнений, в беспощадности осуждений, так часто отталкивавших от него ни в чем перед ним не повинных людей.

Мать поняла, что эта исповедь должна была служить в некотором роде объяснением; она почуяла, что упоение юной, но уже признанной славой не заглушило в нем неудовлетворенность жизнью. Может быть, в эту минуту она уловила братский отзвук другого мощного, отлетевшего духа, но живое участие пробудилось мгновенно, и, дав ему волю, простыми, прочувствованными словами она пыталась ободрить, утешить, подбирая подходящие примеры из собственной тяжелой доли. И по мере того, как слова непривычным потоком текли с ее уст, она могла следить, как они достигали цели, как ледяной покров, сковывавший доселе их отношения, таял с быстротою вешнего снега, как некрасивое, но выразительное лицо Лермонтова точно преображалось под влиянием внутреннего просветления.

В заключение этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью, Лермонтов сказал: "Когда я только подумаю, как мы часто здесь встречались!.. Сколько вечеров, проведенных здесь, в этой гостиной, но в разных углах! Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я

видел в вас только холодную неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собою вечный упрек в близорукости, бесплодное сожаление о даром утраченных часах. Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянна мечта, стать вам когда-нибудь другом. Никто не может помешать посвятить вам всю беззаветную преданность, на которую я чувствую в себе способность".

"Прощать мне вам нечего, — ответила Наталья Николаевна, — но если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, что мне отраднее оставаться при этом убеждении".

Ему не суждено было вернуться в Петербург, и когда весть о его трагической смерти дошла до матери, сердце ее болезненно сжалось. Прощальный вечер так наглядно воскрес в ее памяти, что ей показалось, что она потеряла кого-то близкого.

Мне было шестнадцать лет, я с восторгом юности зачитывалась "Героем нашего времени" и все расспрашивала о Лермонтове, о подробностях его жизни и дуэли. Мать мне тогда передала их последнюю встречу и прибавила: "Случалось в жизни, что люди поддавались мне, но я знала, что это было из-за красоты. Этот раз это была победа сердца, и вот чем была она мне дорога. Даже и теперь мне радостно подумать, что он не дурное мнение обо мне унес с собой в могилу"".

Вот так же и по отношению к самому Лермонтову у людей, долгое время чуждающихся его из-за испорченной светской репутации, вдруг наступал момент просветления, и дружеские чувства объединяли ранее сторонившихся друг друга людей.

Не столь часто, как Карамзиных, посещал Михаил Лермонтов и литературный салон Александры Осиповны Смирновой-Россет. Написал он и в ее альбом в 1840 году, во время одной из встреч свое посвящение:

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что делать?… Речью безыскусной

Ваш ум занять мне не дано…
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

"Софи Карамзина мне раз сказала, — вспоминает Смирнова, — что Лермонтов был обижен, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся вверх, открыл альбом и написал эти стихи" [45].

Как видим, были у поэта в Петербурге и верные друзья, и любимые подруги, были поклонники его таланта, были товарищи по военной службе, и всё же они растворялись на шумных многолюдных придворных балах, где царило уже совсем другое настроение, где ценили не талант, не мужество, не честь, а чины и приближенность к императору. Оттуда и шла неприязнь к дерзкому характеру поэта.

Под Новый, 1840 год Лермонтов был на маскарадном балу в Благородном собрании. Присутствовавший там А. И. Тургенев наблюдал, как поэту "не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, и он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, — пишет Тургенев, — что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества". В результате написалось вновь возмутившее всех стихотворение "1 января".

Блистали светские красавицы, но не было видно его друзей, офицеров. Дикий русский зверь оказался в нерусской придворной клетке. Как тут было ему не надерзить этим августейшим маскам, притворившись незнанием и мальчишеской наивностью. А наутро, выйдя из клетки, на бумагу сами собой рванулись такие же дерзкие, вольные слова:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

Это уже беспощадный суд над всем холодным салонным петербургским обществом, где лишь как редкие вкрапления видны были чистые человеческие души. Но это не простое озлобление, не отчаяние от безнадежности, это борьба пророка с царством тьмы. И пусть пророку всего 25 лет, у пророков нет возраста. Он сам с виду казался одним из них, из этих светских теней, да и вел себя часто согласно правилам света, но сидевшее в нем небесное, божественное поэтическое начало звало на борьбу, вызывало ненависть к самолюбивому, бездушному обществу. И в нем вновь поднималась вся нелюбовь к холодному придворному Петербургу.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник нёзваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Стихотворение это, названное "1 января", он отнес к Краевскому, и оно появилось в первой книжке "Отечественных записок" за 1840 год. В том же январе, под тем же впечатлением пишет он еще одно свое горькое и разящее стихотворение "И скучно и грустно". Оно было опубликовано 20 января в "Литературной газете", которую выпускал тот же Краевский. И вновь он вызвал недовольство государя императора и его верного слуги графа Бенкендорфа. Впрочем, Петербург изначально, с первого же приезда не стал для него близким городом, хотя и прожил Михаил Лермонтов, если сосчитать всё вместе, в этом городе чуть более семи лет. Да и Петербург платил и платит до сих пор ему той же отчужденностью.

До сих пор в городе нет музея Лермонтова, а что творится ныне с единственным уцелевшим домом, где подолгу жили и сам поэт, и его бабушка, на Садовой, 61, любителям поэзии Лермонтова лучше и не знать. Он разрушается на глазах, а ведь именно в этом доме были написаны бессмертные "Смерть Поэта", "Демон", "Герой нашего времени", "Бородино". Ныне в этом заброшенном пустом доме обитают азиатские гастарбайтеры.

Даже если к двухсотлетию и построят на его месте новую гостиницу, оставив исторический фасад здания, будет ли там открыт, наконец, музей? Ведь был же первый в России музей Михаила Лермонтова открыт в здании Николаевского

кавалерийского училища, бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где два года учился юнкер Лермонтов, и неплохой музей. Но после октября 1917 года, естественно, кавалеристов прикрыли, а большинство уцелевших материалов лермонтовского музея передали в Пушкинский Дом, где они хранятся и поныне. Готовая музейная экспозиция. Но отдаст ли Пушкинский Дом эти, не им собранные, лермонтовские фонды? Впрочем, может, не будет ни музея, ни дома, который вот-вот рухнет. Стоит дом ныне расселенный, с отключенными инженерными сетями. У кого-то есть коммерческий расчет на то, что он может быть признан аварийным и под этим предлогом снесен. Шикарный участок под застройку! Хотя о мемориальной квартире Лермонтова в этом доме речь шла уже лет тридцать.

Не везет Лермонтову в Петербурге. Может, город мстит за его первые стихи о нем?

…Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — все сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Все удивительно и ново —
А нет ни пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

В этом стихотворении, посланном в 1832 году из Петербурга в Москву С. А. Бахметевой, Лермонтов делится своими первыми — крайне неблагоприятными — впечатлениями от Северной столицы. Начинается стихотворение вроде бы самыми благостными словами:

Примите дивное посланье
Из края дальнего сего;
Оно не Павлово писанье —
Но Павел вам отдаст его.

Павел, который должен был передать послание, — родственник Лермонтова по его бабушке Е. А. Арсеньевой (сын ее сестры), Павел Александрович Евреинов.

Михаил Лермонтов довольно часто сопоставлял в своем сознании Петербург с Москвой — городом, к которому испытывал неизменную и глубокую привязанность: "…Москва есть и всегда будет моя родина. — Я в ней родился, в ней много страдал, в ней был чрезмерно счастлив".

В стихотворении Лермонтова сравнение двух городов перерастает в прямое противопоставление двух укладов жизни — московского, сохраняющего дружескую откровенность и радушие, традиционную русскость, и петербургского, где царит дух казенной, обезличенной холодности и где отличительными чертами становятся себялюбие и бездушие. Вместо дивного послания мы видим явное неприятие Северной столицы. В той или иной форме эта неприязнь к Петербургу осталась у Михаила Лермонтова навсегда. Да и ему все большие неприятности шли из Петербурга, из придворных кругов.

Он еще много чего написал в Петербурге — и "Мцыри", и "Героя нашего времени", и "Демона", но действие их разворачивается на близком ему по духу вольнолюбивом Кавказе. Разве что замолчанная пьеса "Маскарад" как бы развернула во всю ширь и глубь тему стихотворения "1 января". Но об этом позже…

"Печальный демон, дух изгнанья..."

Пожалуй, никто не будет отрицать, поэма "Демон" — главное поэтическое творение Михаила Лермонтова. Шедевр мировой поэзии. Я не собираюсь сейчас писать литературоведческую статью, это иной жанр. Но поэма "Демон" — это и значительная часть жизни Лермонтова, веха в его биографии. Да и работал он над этой поэмой с 1829 года до самого конца своей жизни.

Историки литературы и литературоведы немало писали и пишут о влиянии на поэму "Демон" и пушкинских стихов "Ангел" (1827) и "Демон" (1823), и байроновского "Каина", и "Фауста" Гете, и "Потерянного рая" Мильтона… Всё так. Но не будем вечно искать у наших русских гениев те или иные заимствования. Интереснее проследить демоническое начало в судьбе самого Лермонтова. Иные историки и литературоведы из самых добрых побуждений переводят само "демоническое начало" как некую дерзость, вольность. Увы, не будем скрывать: в демонизме всегда есть и богоборческое начало.

Прислушаемся к самому поэту. Как-то князь В. Ф. Одоевский его спросил:

— Скажите, Михаил Юрьевич, с кого вы списали вашего Демона?

На что поэт шутливо ответил:

— С самого себя, князь, неужели вы не узнали?

— Но вы не похожи на такого страшного протестанта и мрачного соблазнителя, — стал оправдывать своего собеседника Одоевский.

— Поверьте, князь, я еще хуже моего Демона.

Все участники разговора рассмеялись. Но шутка запомнилась, стали поговаривать об автобиографическом характере поэмы, стали искать прототипы.

Конечно же нет никаких реальных прототипов ни у Демона, ни у Тамары. Но и отвергать признание самого Лермонтова в близости к образу Демона мы не будем. Было в нем и на самом деле некое демоническое начало. Как тут не вспомнить о его далеком предке Томасе Лермонте, уведенном в царство мифических фей.

Да и сам Демон лермонтовский не похож на героев поэм его великих предшественников. Настолько самостоятелен, что скорее я соглашусь с высказыванием остроумного великого князя Михаила Павловича, заметившего после прочтения поэмы:

— Были у нас итальянский Вельзевул, английский Люцифер, немецкий Мефистофель, теперь явился русский Демон, значит,

нечистой силы прибыло. Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов ли — духа зла или же дух зла — Лермонтова?

И впрямь, не юный поэт в 15 лет придумывал самые разные инфернальные образы, а в нем самом с детства витали некие силы. Не будем погружаться с головой в демонологию, но признаем, что скорее уже с детства, с рождения в судьбе Михаила Лермонтова присутствовало мистическое демоническое начало. И потому уже в самом начале его творчества, с 1823 года сквозь все откровенные подражания и заимствования Пушкину или Байрону, Гёте или Жуковскому просматривалась чисто лермонтовская надмирная, надземная, космическая линия.

Когда он писал первые варианты поэмы в 1829 году, еще учась в университетском Благородном пансионе, ему представлялись два героя — демон и ангел, влюбленные в одну монахиню. Потом его демон, влюбившись в монахиню, из ревности к ангелу губит свою возлюбленную. Естественно, как и всё у Лермонтова, уже в первых набросках "Демона" видны следы автобиографизма. Для меня — это скорее автобиографизм души самого поэта, его чувства, прорастающие из чисто человеческих, юношеских эмоций. Во второй редакции поэмы (1831) он пишет:

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой…

Впрочем, он и в лирических стихах, посвященных конкретной женщине, тоже сравнивает себя с падшим демоном. Можно, конечно, стать светским хроникером и найти не одну документальную историю из жизни Лермонтова о том, как он обольстил женщину, которая была готова к встрече с ангелом, тоже вполне конкретным человеком, соперником поэта. И даже такая история была не одна. Почти все его страсти тех юношеских лет, и Сушкова, и Иванова, и Лопухина, по-своему были обольщены Лермонтовым-демоном и имели при этом своего ангела, позже ставшего законным мужем. Бывало и наоборот: поэт увлекается, любит свою подружку, но вскоре она ему прискучит, но ее былой ангел уже ее покинул. Героиня обречена на гибель. Я не буду сейчас расписывать все эти документальные версии. Ибо за автобиографической правдой факта у Михаила Лермонтова всегда скрывается, даже помимо его желания, глубинный замысел, его постижение страстей человеческих. Его взгляд с небес. Автобиография его души, его глубинных противоречий.

Самым космическим поэтом на Руси был Михаил Юрьевич Лермонтов. Небо было изначально его стихией. Если другие поэты смотрели с земли — в небо, то Михаил Лермонтов, скорее, смотрел с неба на землю. С неба посылал нам свои вирши.

Еще шестнадцатилетним юношей он писал: "Люди друг к другу / Зависть питают;/ Я же, напротив, / Только завидую звездам прекрасным, / Только их место занять бы желал". Впрочем, так и случилось. Всю свою поэтическую жизнь он прожил в звездном мире. Он говорил с Богом, как с равным, ибо "совершенная любовь исключает страх". И Бог принимал его, как равного, ибо стихи его несли небесную благодать людям. "По небу полуночи ангел летел, / И тихую песню он пел; / И месяц, и звезды, и тучи толпой / Внимали той песне святой…"

Разве с таким поэтом Россия не должна была первой повернуться к космосу? Если весь космос внимал святой песне Михаила Лермонтова? Тем и отличается Лермонтов от других замечательных писателей русских, что у них изображен человек природный, смущающийся перед небом. А у Лермонтова человек уже совершенен, он прошел уже свое прошлое, перед ним лишь настоящее и будущее, и он готов увидеть новый мир, готов познать его, полететь ввысь.

Михаил Лермонтов плывет перед нами на своем воздушном корабле по синим волнам океана, куда-то вдаль, в космос, к неведомым вершинам, "лишь звезды блеснут в небесах", и сопровождают поэта в этом полете лишь близкие и равные ему люди, которых он ценил и на грешной земле. И никого более.

Внимательный читатель заметит, поэзия Лермонтова почти вся — на вершинах: "Горные вершины спят во тьме ночной…", "На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна…", "Ночевала тучка золотая / На груди утеса-великана…", "Терек воет, дик и злобен, / Меж утесистых громад". Но если и спускается он на равнину, то вместе с ним спускается и всё звездное небо. И опять с ним наедине космическое пространство.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Где, с какой галактики, с каких космических высот глядит сверху на нас поэт и отмечает наши земные судьбы?

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом… [46]

И где он заметил еще до всяких космических полетов голубое сияние земли? Кто подсказал? И впрямь, с Богом на равных. Потому казались ему такими ничтожными все эти мелкие человеческие подробности. Какие-то нелепые ссоры, дуэли… "Да не буду я стрелять в этого дурака", — сказал он в адрес Мартынова. Всё земное, плотское его как бы мало задевало. Он еще при жизни уже пережил свое бессмертие. Потому он и писал: "Россия вся в будущем", что предвидел это будущее. Предвидел и свое величие, и величие России. Если он и спорил с небом, то не о своей личной судьбе, а о судьбе России. Он творил для нас новый небесный миф: "Я, Матерь Божия…", "Ангел", "Выхожу один я на дорогу…": он был апостолом Михаилом. Думаю, такого тонкого, такого космического поэта, как Михаил Лермонтов, нет более ни на Руси, ни в мире. Есть выше его по стилистике, совершеннее по замыслу, изобретательнее по композиции, но такого русского чародея, которого увела некая сила так рано в небесный мир, больше нет. Один его сон во сне, наивный, простой и волшебный по исполнению, стоит многих высоких томов. Казалось бы, опустили его с космических небесных высот на самую нашу грешную землю:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя…

Вскоре, 15 июля 1841 года поэт и на самом деле оказался с свинцом в груди в долине Дагестана… И уже погибшему герою стихотворения снился вечерний пир в родимой стороне. На пиру одна душа младая, в разговор веселый не вступая, сама погрузилась в грустный сон:

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей [47].

Такой ужасающий сон во сне притягивает своей фантасмагорией. Лермонтов, как бы пролетая в небесах над Россией, сбрасывает нам свои моменты истины, изумительные мгновения.

…Но, увы, как всё в России, так и творения Михаила Лермонтова не были завершены. Впрочем, он это предвидел еще в своей "Русской мелодии" 1829 года: "И слышится начало песни! — но напрасно! / — Никто конца ее не допоет!.."

Его любят изображать многие исследователи падшим ангелом, но даже сама история написания поэмы "Демон" очень ясно показывает любому внимательному читателю, как демоническое начало в его поэзии постепенно смирялось перед душой его ангела-хранителя.

"Ее душа была из тех, / Которых жизнь — одно мгновенье / Невыносимого мученья, / Недосягаемых утех…" — это же ангел не только Демону говорит, и не только о душе героини поэмы Тамары. Думаю, так же унесена была на небо и душа самого поэта, как бы ни боролись за нее демоны: "И рай открылся для любви…"

Начинает свою великую поэму Михаил Лермонтов с рассказа о судьбе Демона, о тех временах, когда "блистал он, чистый херувим", когда на небе он "верил и любил".

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!

Он был чистым ангелом и не знал ни злобы, ни сомнения. Но всё прошло… он стал Демоном, падшим ангелом.

Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.

История написания "Демона" — это история взросления, мужания и озарения самого поэта. Отношение к Демону менялось у Лермонтова, спор шел в нем самом. Разные редакции поэмы, разные посвящения и финалы как бы оспаривают друг друга. Не надо привязывать поэму ни к возлюбленной поэта Варваре Лопухиной, хотя существует посвящение ко второму варианту поэмы 1831 года "Прими мой дар, моя мадонна!..", ни к членам императорской семьи, в том числе и к загадочной великой княжне Марии Николаевне, дочери императора Николая I, со всем ее сложным отношением к творчеству поэта.

Да, был условно называемый, а ныне многими отвергаемый лопухинский вариант поэмы "Демон", был и так называемый придворный, последний вариант 1839 года. Но я вообще немного скептически отношусь к влиянию женщин на творчество Михаила Лермонтова.

Ни "Валерик", ни "Я, Матерь Божия…", ни "Нищий" я бы не отнес к любовным творениям поэта. Кому бы он ни посвящал свои стихи, стоило ему чуть углубиться в саму поэзию, и от его милых граций ничего не остается, любовная тема уходит на второе или третье место. Даже в простых альбомных стишатах. А уж тем более в поэме "Демон". Кстати, и начинал он ее в 1829 году еще задолго до всех своих пылких романов. Нередки у него были и перепосвящения тех же самых стихов из альбома в альбом, но об этом позже. Конечно, и во всех первых редакциях поэмы можно найти бытовую основу. Лермонтов встречается с возлюбленной, увлекается ею, но при ней кто-то другой или она выходит замуж. И он с гневом обрекает былую возлюбленную на мистическую гибель, посмеиваясь над тем или иным ангелом. О романтических увлечениях поэта я расскажу в другом месте, но сверх всех земных историй, без которых и нет самой литературы, царят уже грандиозные мистические символы и космические образы. После возвращения с Кавказа он не то что вписывает в поэму "Демон" какие-то этнографические наблюдения и пейзажные зарисовки, а избавляется от автобиографических следов и личных историй. Чем достовернее становится историческая основа поэмы, реальнее грузинская природа, тем более мощным и властным, обаятельным и легендарным видится образ Демона. Впрочем, укрупняется и образ Тамары. Если уж сравнивать этих героев, то разве что с шекспировскими.

Я с большим интересом прочитал книгу Д. А. Алексеева "Тайна кода Лермонтова". Допускаю, что в разных поздних вариантах поэмы он отталкивался от реальной помолвки великой княжны Марии Николаевны и герцога Лейхтенбергского, состоявшейся как раз 4 декабря 1838 года, и не случайно этим

днем помечен так называемый "придворный вариант поэмы". Могут пригодиться и все подробности их великосветской жизни. Но, честно говоря, для понимания самой поэмы "Демон" ни великая княжна Мария Николаевна, ни ее будущий супруг, герцог Лейхтенбергский, не так уж долго и проживший в нелюбимой им России, ничего не дают.

И развивалось действие поэмы от первого варианта 1829 года до последнего восьмого варианта декабря 1839 года отнюдь не в зависимости от любовных увлечений поэта или от его придворных интриг. Все эти посвящения и сюжетные подробности лишь обрамляют главный замысел поэмы, служат малозначащими декорациями. Посвящать всю книгу поискам второстепенных прототипов и ничего не говорить о сокровенном и сложнейшем замысле поэмы, на мой взгляд, мелковато для такого мощного творения.

"Демон" — самое загадочное произведение в русской поэзии, но не потому, что столь трудно угадываемы женщины-адресаты. Так ли волнуют всех любителей поэзии Михаила Лермонтова тайны его любовных похождений? Читая разные варианты "Демона", скорее, видишь развитие его характера, его отношение к добру и злу, его понимание мира.

Еще в 15 лет, студентом Московского университета, Михаил Лермонтов пишет стихотворение "Мой демон" (1829). Это для начала некое олицетворение зла, которое поэт ощущает и в себе самом. "Собранье зол его стихия…" Он равнодушен и к природе, и к людям. "Он чужд любви и сожаленья". Лишен жалости и сострадания. Поэт как бы предвидит всю свою дальнейшую жизнь, как борьбу с этим демоном.

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствие блаженства,
Не даст мне счастья никогда [48].

Этим стихотворением Лермонтов уже на всю будущую жизнь четко отделил себя от демона зла, как бы потом он в разговорах или в стихах и не надевал на себя порой его маску, не говорил о демоне своей поэзии. Конечно, демон уже до конца дней не отставал от поэта и даже озарял его лучом чудесного огня, но он же поступал с ним, как в поэме с Тамарой, не дав ему достигнуть

совершенства, лишив его и в жизни, и в поэзии счастья. Так и оставив его несовершенным, недооцененным гением. Совершенствуя образ Демона, поэт в то же время и боролся с ним, преодолевал его. Путь постижения демона и в себе и в мире у Лермонтова продолжался от "Моего демона" до незавершенной "Сказки для детей".

Уже в "Сказке для детей" он как бы вспоминал о поразившем его с детства образе героя:

Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ; меж иных видений,
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно… и душа тоскою
Сжималася — и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет.

Вот этот дикий бред и назывался поэмой "Демон". Еще Николай Гоголь заметил: "Признавши над собою власть какого-то обольстительного демона, поэт покушался не раз изобразить его образ, как бы желая стихами от него отделаться. Образ этот не вызначен определительно, даже не получил того обольстительного могущества над человеком, которое он хотел ему придать. Видно, что вырос он не от собственной силы, но от усталости и лени человека сражаться с ним. В неоконченном его стихотворении, названном "Сказка для детей", образ этот получает больше определительности и смысла. Может быть, с окончанием этой повести… отделался бы он от самого духа…"

Демоническими чертами наделяет Лермонтов героев своих ранних произведений: горбуна Вадима в неоконченной повести "Вадим", взбунтовавшегося против мира Арбенина в пьесе "Арбенин" и позднее в "Маскараде". Но в нем была потребность сосредоточиться уже не на демоническом герое, а на самом Демоне.

В заметках за 1830 год он сначала пишет о замысле поэмы "Ангел смерти": "Написать поэму "Ангел смерти". Ангел смерти при смерти девы влетает в ее тело из сожаления к ее другу и раскаивается, ибо это был человек мрачный и кровожадный, начальник греков. Он ранен в сражении и должен умереть; ангел уже не ангел, а только дева, и его поцелуй не облегчает смерти юноши, как бывало прежде. Ангел покидает тело девы, но с тех пор его поцелуи мучительны умирающим". Вроде бы поэма об ангеле смерти, но не случайно следующая запись в дневнике уже касается поэмы "Демон": "Memor: написать длинную

сатирическую поэму: приключения Демона". Эти замыслы у молодого поэта тесно взаимосвязаны, где ангел, там и демон.

Поэма "Ангел смерти" датируется самим автором "1831 года сентября 4-го дня". В самой поэме действие переносится в Индию, на так манящий всегда Лермонтова восток, грек превратился в отшельника Зораима, напоминающего нам древнего пророка Зороастра, основателя древней религии огнепоклонников, распространенной в Иране, Афганистане и части Индии. Зораим гибнет, ангел тоже покидает тело уже смертной женщины и возвращается на небеса. Но это уже не светлый ангел, "…за гибель друга в нем осталось / Желанье миру мстить всему". Ангел на пути превращения в Демона. Но из сатирической поэмы о Демоне ничего не получилось. Не тот герой, да и не тот автор. Демон требовал своего воплощения, автор начинал познавать своего Демона.

Как всегда у раннего Лермонтова, поэма "Ангел смерти" отталкивается от одного из западных творений — новеллы Ж. П. Рихтера "Смерть ангела", но тоже, как всегда у поэта, использовав в какой-то мере идею и сюжет Рихтера, Михаил Лермонтов своей поэме дает другой собственный смысл, вместо милосердия Неба идет схватка добра и зла. Поэтому я не люблю говорить о влиянии на Лермонтова тех или иных его великих предшественников. Сюжеты, мифы, имена героев поэт может еще поначалу щедро заимствовать у других, но с какой самостоятельностью и независимостью с первых же своих, еще несовершенных, творений он развивает свое понимание мира, свое познание и человека, и неба.

Не хуже, чем Шекспир, который всегда заимствовал сюжеты и образы из творений самых разных авторов, но использовав их как зацепку для собственного замысла, дальше уже творил свои гениальные трагедии и комедии. Михаил Лермонтов тоже часто брал из какой-нибудь западной поэмы или цикла стихов первичную схему действия, но затем разворачивал в своей поэзии уже по мистическим лермонтовским законам постижения мира.

К своему Демону он подбирается и в другой своей ранней поэме "Азраил", уже посвященной мусульманскому ангелу смерти. Не познав к тому времени как следует Кавказ, еще живя в Москве и подмосковном Середникове, учась в пансионе и Московском университете, читая в оригинале всех английских, французских и немецких авторов, тем не менее он тянется на восток — в Индию, в Персию. Как северная сосна на голой вершине, он мечтает о прекрасной пальме, растущей там, "где солнца восход".

В первом варианте 1829 года мы еще видим однозначного

прямолинейного Демона зла, осознанно и мстительно соблазняющего монахиню. Это унылый и мрачный ледяной Демон. Первый вариант "Демона" Лермонтов набрасывает пятнадцатилетним мальчиком, в 1829 году. Он состоит из стихотворных этюдов и двух прозаических записей сюжета. Это лишь наброски поэмы, два посвящения, два конспекта сюжета, которые и были позже воплощены. Начинающий поэт только набрасывает разные варианты сюжета. "Демон влюбляется в смертную (монахиню), и она его наконец любит, но демон видит ее ангела-хранителя и от зависти и ненависти решается погубить ее. Она умирает, душа ее улетает в ад, и демон, встречая ангела, который плачет с высот неба, упрекает его язвительной улыбкой…"

Всё действие вне времени и пространства. Демон хоть и побеждает в первых вариантах поэмы, но остается каноническим злодеем. Нет и никаких еретических мотивов. Мировой злодей соблазнил юную монашку и умчался, довольный победой зла. Оставь он таким сюжет, поэма вряд ли заинтересовала бы читателя. Но гений на то и гений, чтобы отказываться от пошловатой обыденности. Впрочем, уже в первом варианте у пятнадцатилетнего подростка родились изумительные строки: "Печальный демон, дух изгнанья…" Так и останется блуждать, летать над грешною землей этот печальный Демон во всех восьми редакциях поэмы. Останется неизменным и размер поэмы.

Какой-то период времени Михаил Лермонтов собирается перенести действие "Демона" ко времени "пленения евреев в Вавилоне". Но библейский "Демон" так и остался в планах.

Вторая редакция поэмы, уже достаточно большая, 442 стиха, была написана в московском пансионе в начале 1830 года. Дополнения к этой редакции уже датированы 1831 годом. В этой второй редакции поэмы 1830 года действие переносится в Испанию. Но надолго ли? Появляются "лимонная роща", "испанская лютня".

В третьей редакции 1831 года появляется посвящение, по версии Павла Висковатого, адресованное Вареньке Лопухиной: "Прими мой дар, моя мадонна!.." И уже идет сравнение автора с образом Демона, и уже его любимая, как героиня поэмы, бережет этого мрачного Гения для небес и для надежд. Можно было бы увлечься сопоставлением образа монашки с Лопухиной, а самого Лермонтова с Демоном, но… этого не дает сделать сам поэт. Действие поэмы развивается и глубже, и дальше, чем простой пересказ земной любви поэта. В третьем варианте поэмы, московского периода его страстных увлечений, появляется знаменитый еретический диалог Демона и монахини: "Зачем мне

знать твои печали…", в котором Демон уже отрицает Божий промысел. Этот диалог был вычеркнут лишь в придворной редакции поэмы.

И на самом деле, зачем императрице и ее дочерям, великим княжнам, знать печали Демона или знать печали поэта? Да и рискованно. Но в оригинале поэт этот диалог не вычеркнул. Появилась в третьем варианте и "Песнь монахини". В это же время Лермонтов продолжает работу и над другими своими поэмами "Азраил" и "Ангел смерти". Что-то его явно не удовлетворяет в познании Демона. Он пишет в конце четвертой редакции: "Я хотел писать эту поэму в стихах: но нет. — В прозе лучше".

Михаил Лермонтов начинает писать роман в прозе времен Пугачевского восстания "Вадим" с демоническим Вадимом в центре событий. И здесь что-то его не удовлетворяет. Тем более в жизни у него не заладилось с Московским университетом, затем Санкт-Петербургским, он поступил учиться в Школу юнкеров. На два года отвлекся от почти всех поэтических замыслов. Но к Демону время от времени возвращается. Демон всё такой же, и так же от его злодейского замысла гибнет героиня. Также торжествует зло. Из мести ангелу Демон губит свою прежнюю любовь.

Пятая, последняя докавказская редакция поэмы "Демон" написана уже в 1835 году, после окончания Школы юнкеров, после производства в офицеры. Он уже переделывает поэму с надеждой на успех в обществе. Офицер, лихой гусар Лермонтов, хочет откровенно использовать свое дарование, свои творения, своего чарующего и влекущего Демона, лишь бы покорить сердца красавиц. Но по-настоящему, конечно, лермонтовский "Демон" даже в неопубликованном виде приобрел всероссийскую известность в двух редакциях — шестой, лопухинской, и восьмой, придворной.

Демон влюбляет в себя Тамару. Он губит ее жениха, владельца Синодала, зато открывает ей "пучину гордого познанья". Но Тамара — это всего лишь земная грузинская княжна. Полюбив Демона, она погибает, иначе и быть не могло. Демон обречен на вечное одиночество. Его борьба с небом вечна. И даже если зло наскучило, примирение с Богом для него невозможно, даже если бы он этого захотел. Для этого надо отречься от вольности и независимости, а от своей свободы Демон не отречется никогда. "Я царь познанья и свободы, / Я враг небес, я зло природы", — говорит он Тамаре…

Михаил Лермонтов во время ссылки слышал в Грузии легенду о злом духе Гуда, который полюбил красавицу княжну и погубил ее жениха. Он упоминает об этой легенде в "Герое нашего

времени". Так и возник у Лермонтова старый князь Гудал. А невеста и впрямь ушла в монастырь, который расположен недалеко от Гудаула.

Как и положено мистическому Демону, он не имеет окончательного канонического варианта. Само время выдвигает вперед то одну, то другую версию поэмы. Уже первая кавказская версия поэмы, датированная 8 сентября 1838 года, переносит действие на Кавказ. Неизвестная монахиня становится грузинской княжной Тамарой. Вместо борьбы Демона с ангелом мы видим древний княжеский грузинский род реальных "властителей Синодала". Возвратившись из первой кавказской ссылки, Лермонтов подвергает поэму капитальной переработке. Вместо аллегорий и абстракций появляется восхитившая Белинского живая природа Кавказа, появляются реальные полулегендарные персонажи из грузинской истории. Горы Кавказа, Казбек, который кажется пролетающему над ним Демону "гранью алмаза", "излучистый Дарьял", Кайшаурская долина, светлая Арагва, бурный Терек, угрюмая Гуд-гора. Павел Висковатый предложил, что поэт при своей переработке поэмы уже опирался на кавказские легенды и сказания. В отличие от большинства других исследователей, традиционно ищущих у русских писателей заимствования из западной цивилизованной литературы, Висковатый в своей книге о Лермонтове убедительно доказывает, что поэму Лермонтов переоснастил, хорошо познакомившись с бытом и легендами Грузии.

Прежде всего "Демон" покорил прекрасный пол. Княгиня М. А. Щербатова, одна из любимых женщин Михаила Лермонтова, призналась поэту после чтения "Демона":

— Мне ваш Демон нравится: я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака.

Можно считать эти слова признанием поэту в любви. Но еще одна из признанных красавиц высшего света М. И. Соломирская, танцуя с поэтом на придворном балу, сказала:

— Знаете ли, Лермонтов, я вашим Демоном увлекаюсь… Его клятвы обаятельны до восторга… Мне кажется, я могла бы полюбить такое могучее, властное и гордое существо, веря от души, что в любви, как в злобе, он был бы действительно неизменен и велик…

Влечет все-таки женщин к сильному демоническому началу. Не случайно именно Ева потянулась к яблоку греха. Не случайно и императорская семья, прежде всего ее женская половина, захотела прочитать поэму и обратилась к поэту с просьбой предоставить им точный список поэмы. Может быть, и вынужден был ради императрицы поэт пойти на какие-то сокращения

наиболее еретических мест, но в целом, я считаю, это обращение императорской семьи пошло на пользу "Демону": Михаил Лермонтов, во-первых, привел текст поэмы к завершенному виду, переписал ее набело. Во-вторых, придворный "Демон" совсем по-иному, чем стихотворение "Смерть Поэта", но тоже получил самое широкое распространение и в придворном обществе, и в литературном. Не знать лермонтовского Демона становилось как-то неприлично. Императрица читала придворную редакцию поэмы 8 и 9 февраля 1839 года. А. П. Шан-Гирей вспоминает: "Один из членов царской фамилии пожелал прочесть "Демона"… Лермонтов принялся за эту поэму в четвертый раз, обделал ее окончательно, отдал переписать каллиграфически и… препроводил по назначению".

Кто был посредником, неизвестно. Как и всё в жизни Михаила Лермонтова, тень тайны висит над всем. То ли фрейлина императрицы С. Н. Карамзина, толи бывшая фрейлина А. О. Смирнова-Россет. Мог передать поэму и поэт В. Е. Жуковский, который был в то время воспитателем наследника и читал лекции старшим дочерям императора. Императорская семья в большой восторг от поэмы не пришла или, по крайней мере, постеснялась выразить свою любовь к демоническим образам. Возвращали поэту "Демона" со словами, выражающими мнение императорской фамилии: "Поэма — слов нет, хороша, но сюжет ее не особенно приятен. Отчего Лермонтов не пишет в стиле "Бородина" или "Песни про царя Ивана Васильевича…"". Думаю, это мнение отнюдь не женской половины семьи. Чисто мужское мнение, и даже политическое мнение. Вряд ли великие княжны увлекались битвами или поединками. Видно, что и сам император ознакомился с "Демоном".

Интересно, что и торопиться с публикацией поэмы Лермонтов не стал, мол, пусть полежит — сказал он, уезжая на Кавказ. Значит, думал работать над поэмой и дальше. Значит, по-прежнему стремился к небу, к звездным пространствам. Не случайно же в позднем варианте "Демона" появляются такие небесные стихи:

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.

За период с 1838 по 1841 год поэма стала известна не менее, чем в свое время пущенное по рукам стихотворение "Смерть Поэта". Вот уж кто был родоначальником нашего самиздата, так это Михаил Лермонтов. Он запускал в придворные и литературные круги текст поэмы "Демон" осознанно и продуманно. "Демон" уже окончательно сделал Лермонтова первым поэтом России, рядом даже некого было поставить. Федор Тютчев еще занимался своей дипломатической работой, не спешил проявлять себя в литературе, Пушкин и Грибоедов погибли, все остальные поэты были совсем другого уровня.

Находясь под впечатлением "Демона", Белинский писал В. П. Боткину в марте 1842 года о творчестве Лермонтова: "… содержание, добытое со дна глубочайшей и могущественнейшей натуры, исполинский взмах, демонский полет — с небом гордая вражда, — всё это заставляет думать, что мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина". В связи с "Маскарадом", "Боярином Оршей" и "Демоном" Белинский говорил: "… это — сатанинская улыбка на жизнь, искривляющая младенческие еще уста, это — "с небом гордая вражда", это — презрение рока и предчувствие его неизбежности. Всё это детски, но страшно сильно и взмашисто. Львиная натура! Страшный и могучий дух! Знаешь ли, с чего мне вздумалось разглагольствовать о Лермонтове? Я только вчера кончил переписывать его "Демона", с двух списков, с большими разницами, — и еще более в них это детское, незрелое и колоссальное создание… "Демон" сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня — миры истин, чувств, красот".

Готовя к публикации свой вариант "Демона", естественно вольнолюбивый бунтарский критик Виссарион Белинский убрал все придворные сглаженности и соединил все лермонтовские бунтарские варианты поэмы. Его Демон — это символ свободы, независимости и познания, борющийся с несовершенством Божьего мира. Ведь поэт убрал в придворном варианте даже его любимую строчку: "Иль с небом гордая вражда…" Демон и Тамару увлек в свою борьбу с небом, заставил ее засомневаться в Боге. И поэтому, в отличие от придворного варианта, где ангел объявляет, что Тамара "ценой жестокой искупила / Она сомнения свои", в лопухинском варианте 1838 года ангел просто спускался на ее могилу, и "за душу грешницы младой / Творцу молился он…". Победа оставалась за Демоном.

Белинский назвал Демона "демоном движения, вечного

обновления, вечного возрождения". "Он тем и страшен, тем и могущ, что едва родит в вас сомнение в том, что доселе считали вы непреложною истиной, как уже кажет вам издалека идеал новой истины".

Сам Боткин, уже как бы отвечая своему другу Белинскому, продолжал: "Какое хладнокровное, спокойное презрение всяческой патриархальности, авторитетных, привычных условий, обратившихся в рутину… Дух анализа, сомнения и отрицания, составляющих теперь характер современного движения, есть не что иное, как тот диавол, демон… Лермонтов смело взглянул ему прямо в глаза, сдружился с ним и сделал его царем своей фантазии, которая, как древний понтийский царь, питалась ядами".

Уже в наши дни писатель Дмитрий Быков высказался так: "Другому аутичному, замкнутому и начитанному ребенку, вечному одиночке, явился демон — летающее существо образца 1833 года. Симптоматично, однако, что и Демон, и Карлсон, и Лермонтов, и Печорин — существа одной породы: они демонически разрушают все, к чему прикасаются, и делают это не по своей злой воле, а потому, что не вписываются в социум". Вспомним: Демон, дух изгнанья, чувствует себя бесконечно одиноким — как и Карлсон. Тут Быков прав, с самого детства одинокому ребенку не хватало своего небесного покровителя, вместо Карлсона Михаил Лермонтов нашел своего Демона и уже до конца жизни боролся с ним, вместе с ним.

Фрагменты из поэмы "Демон" впервые были опубликованы лишь в годовщину гибели поэта в его любимом журнале "Отечественные записки". Целиком цензура не пустила. Чересчур много ереси…

Долгое время литературоведы считали, что последняя, восьмая версия "Демона" относится к 1841 году, выходили целые книги и исследования на эту тему. Но когда были опубликованы документы из царских архивов и мы узнали, что императрица прочитала поэму не в 1841 году, а на два года раньше, с придворной редакцией поэмы всё стало ясно. Дело другое, что и после возвращения поэмы Михаилу Лермонтову, вплоть до своего отъезда на Кавказ в последний раз, он вполне мог продолжать работу над текстом дорогого ему творения.

Образ Демона — самый многогранный и разноликий образ в творчестве поэта. Это не дьявол, не Сатана, но и не какой-то мелкий бесенок. Он могуществен и мстителен, восстает против сложившегося миропорядка, и в то же время он тоскует и по любви, и по идеалу. Для небесного создания он чересчур человечен. Он чересчур привязан к самому автору.

Честно говоря, я не думаю, что так называемый придворный список поэмы принес Лермонтову пользу. Да, именно по этому списку А. И. Философовым в 1856 году в Карлсруэ была напечатана в типографии Гаспера мизерным тиражом в 28 экземпляров поэма "Демон". И значит, сохранилась для вечности. Через год, в 1857 году тот же Философов выпустил второе издание "Демона", уже соединив придворный список с лопухинским, введя диалог Демона и Тамары. В России поэма появилась только в 1873 году, 35 лет спустя после того, как Лермонтов поставил в ней последнюю точку.

Но при всех цензурных и самоцензурных сокращениях не мог императорский двор одобрить демоническую поэму. Как бы ни восхищались тайком его стихами и сама императрица, и ее дочери, для суровых придворных чиновников и православных иерархов "Демон" был неприличен. Не случайно же после гибели поэта императрица пишет в своем дневнике: "Гром среди ясного неба. Почти целое утро с великой княгиней читали стихотворения Лермонтова…" И когда вскоре великая княгиня Мария Павловна, "жемчужина семьи", уезжает к мужу в Германию, императрица дарит ей как самое драгоценное "Стихотворения" Михаила Лермонтова и роман "Герой нашего времени".

Говорят, император не один раз чуть ли не ревновал поэта к своей семье. Но об этом в другой раз.

Увы, при жизни поэта "Демон" не был разрешен цензурой. И герой поэмы Демон терпел финальную катастрофу в схватке за Тамару, и демоническое его отражение в душе поэта тоже терпит поражение.

Надо ли было Лермонтову переделывать для императорского двора поэму? Может и не надо, прав Белинский. Но поэт всегда творит, и именно в придворном варианте возник чудесный монолог Демона, который стоит всей переделки.

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братий мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;

Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовию моей…

Назови поэт своего героя не Демоном, а Прометеем или каким-либо восточным или славянским одиноким и гордым героем, может, и по-иному бы судьба сложилась.

Думаю, недолюбливают Демона и наши нынешние церковные и правительственные власти. Не подходит им ни одинокий бунт героя, ни восстание против несправедливости мирового порядка. И не понять, то ли мир несет зло гордому мятущемуся Демону, то ли сам Демон недоволен миром.

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой…

Ясно же, что это мысли самого Михаила Лермонтова. Но почему они, от первого же его стихотворения, обретают некое демоническое начало то в горбуне Вадиме, то в Арбенине, то в Мцыри, то в самом Демоне. Пусть он, расставшись с прочими мечтами, в конце концов и от Демона отделался стихами. Увы, финал в жизни все равно случился демонический.

Демон отвергнут Богом, его возлюбленная Тамара погибла, хоть и взята ангелом в райский мир. Ее могила всеми забыта и покинута.

И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..

Как бы ни приукрашивали "Демона" лермонтовского, Демон не может быть ни служителем Бога, ни носителем Добра. И если в самом Михаиле Лермонтове временами прорывалось демоническое начало, с которым он сам и боролся, это и делало его поэзию бунтарской более, чем все его юнкерские порнографические поэмы.

Герой нашего времени

Лермонтов и на самом деле — герой нашего нынешнего времени — как никакого другого. Герой начала XXI века. Впрочем, так уж мистически повелось, все столетия начинаются в чем-то одинаково. И время Николая I конечно же по многим параметрам совпадает с нашим путинским временем. Без высоких идей, без великих замыслов. Единственная беда — не видать ни Грибоедова, ни Гоголя, ни Пушкина, ни Лермонтова. Чем закончится? Новым крымским поражением? Тем более, и стихи, и проза Михаила Юрьевича Лермонтова крайне созвучны нашему времени. Да и герой — тот же, волевой, смелый, мужественный, решительный, но лишенный всякого смысла жизни, кроме удовлетворения своей похоти. Вряд ли Владимиру Путину полюбился бы нынешний Печорин, как и Николаю I. Ближе Максим Максимыч, "слуга царю, отец солдатам…", но где их нынче взять?

И по-прежнему живы слова Виссариона Белинского, сказанные после выхода этого изумительного лермонтовского романа: "Вот книга, которой суждено никогда не стареться, потому что, при самом рождении ее, она была вспрыснута живою водою поэзии! Эта старая книга всегда будет нова… Перечитывая вновь "Героя нашего времени", невольно удивляешься, как все в нем просто, легко, обыкновенно и в то же время так проникнуто жизнию, мыслию, так широко, глубоко, возвышенно…"

Но я все время, перечитывая этот роман уже после десятков толстенных книг о самом Лермонтове, думаю еще и о другом: почему же все и сегодня боятся сказать, что многое в своем герое Лермонтов брал из себя. В этом же откровенно не раз признавался и сам Михаил Юрьевич. Это же впечатление выразил тот же Виссарион Белинский: "Печорин — это он сам как есть". Как-то, даря свой роман княгине Одоевской, будучи у нее в гостях, Михаил Лермонтов на заглавном листе романа после печатных слов "Герой нашего времени" добавил запятую и дописал: "упадает к стопам ее прелестного сиятельства, умоляя позволить ему не обедать".

Он как бы приравнял себя к "герою нашего времени". Конечно, это не слепок с автора, скорее, он высмеивает ту одержимость злом, красотой зла, которая присутствует в Печорине. Но ведь и сам Михаил Лермонтов всю жизнь боролся в себе самом с тем же любованием красотой зла. Печорин — это издевательская карикатура на самого себя.

Уже в драмах "Menschen und Leidenschaften" и "Странный

человек", а затем в "Маскараде" и "Двух братьях" Лермонтов стремился показать читателю героя, подобного ему самому, "странного человека"… С одной стороны крайне активного, энергичного, но из-за того, что он сам не знает, что делать со своей энергией, он превращается в полуживого человека.

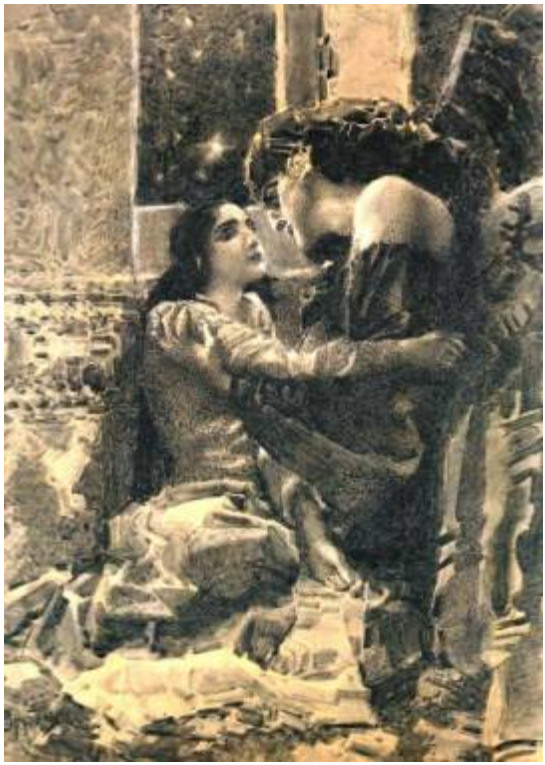
М. Ю. Лермонтов в сюртуке лейб-гвардии Гусарского полка. Акварель А. И. Клюндера. 1838 г.

Автопортрет М. Ю. Лермонтова. 1837 г.

Крестовая гора. Картина М. Ю. Лермонтова. 1837 г.

Генерал Николай Федорович Плаутин. Акварель А. И. Клюндера. 1840-е гг.

Пешие и конные офицеры и нижние чины лейб-гвардии Гусарского полка перед Большим Царскосельским дворцом. Акварель. XIX в.



Тамара и Демон. Иллюстрация М. А. Врубеля. 1890 г.

Голова Демона. Иллюстрация М. А. Врубеля. 1890–1891 гг.

Иллюстрация к повести "Княжна Мери". Акварель М. А. Врубеля. 1890–1891 гг.

Иллюстрация к стихотворению "Журналист, Читатель и Писатель". Акварель М. А. Врубеля. 1890–1891 гг.

Посол Франции барон Проспер де Барант. Литография. XIX в.

Тереза фон Бахерахт. Гравюра. XIX в.

Мария Алексеевна Щербатова (урожденная Штерич). Литография. 1830-е гг.

Здание Ордонанс-гауза в Санкт-Петербурге, здесь содержали Михаила Лермонтова после дуэли с Эрнестом де Барантом. Акварель. 1853 г.

Андрей Александрович Краевский. Акварель. XIX в.

Виссарион Григорьевич Белинский. Гравюра. XIX в.

Евдокия Петровна Ростопчина (урожденная Сушкова), близкая подруга М. Ю. Лермонтова, поэтесса. Акварель. Ф. Соколова. 1842–1843 гг.

Александр Дюма в Чир-юрте в Чечне. 1859 г.

Варвара Лопухина (в замужестве Бахметева), по мнению многих, главная любовь в короткой жизни поэта. Акварель М. Ю. Лермонтова. 1835–1838 гг.

Михаил Лермонтов. Портрет работы П. Е. Заболотского. 1840 г.

Эпизод сражения при Валерике. Акварель М. Ю. Лермонтова и Г. Г. Гагарина. 1840 г.

Похороны убитых в сражении при Валерике. Акварель М. Ю. Лермонтова. 1840 г.

Екатерина Андреевна Карамзина, вторая супруга Н. ***М. Карамзина. 1830-е гг.***

Софья Николаевна Карамзина, в ее альбом писали Лермонтов,

Баратынский, Вяземский, Хомяков, Ростопчина. Портрет работы П. Н. Орлова. XIX в.

Старый Пятигорск. XIX в.

Лермонтов в форме Тенгинского пехотного полка. Акварель К. А. Горбунова. 1841 г.

Наталья Соломоновна Мартынова. Рисунок Т. Райт. 1844 г.

Николай Соломонович Мартынов. Акварель Т. Райт. 1843 г.

Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго). Акварель А. И. Клюндера. 1840-е гг.

Михаил Лермонтов на смертном одре. Рисунок Р. К. Шведе. 1841 г.

Надгробный памятник М. Ю. Лермонтову в фамильном склепе в Тарханах.

Юрий Волин из "Menschen und Leidenschaften" говорит о себе: "Тот, который перед тобою, есть одна тень; человек полуживой, почти без настоящего и без будущего…" Таким Михаил Юрьевич видел и сам себя. В признаниях этого своего юного героя Юрия Волина мы можем понять, как рос Мишель. Он с неизбежностью

шел навстречу своей гибели. В своей трагичности он видел нечто неизбежное, небесное.

Он признается: "…от колыбели какое-то странное предчувствие мучило меня… Несправедливости, злоба — все посыпалось на голову мою… По какому-то машинальному побуждению я протянул руку — и услышал насмешливый хохот — и никто не принял руки моей — и она обратно упала на сердце… Любовь мою к свободе человечества почитали вольнодумством — меня никто… не понимал".

Не так ли исповедуется Печорин перед княжной Мери? А если учесть, что в ранних своих драмах он показывает и всю свою сложную семейную историю, всю борьбу между отцом и бабушкой, становясь однозначно на сторону отца, но продолжая уважать бабушку, видно, что, по сути, все творчество Михаила Лермонтова — о себе самом.

Именно поэтому "Герой нашего времени" с годами не утратил своей актуальности. Эгоист и бретер Печорин, на самом деле, в большей степени наш современник, чем мы сами. Как и Лермонтов, он воевал уже сегодня под Урус-Мартаном. Как и Лермонтов, он крутился на сегодняшних кремлевских балах, не зная, чем всерьез занять себя. Увы, нынешнее поколение такое же внешне пустое, как и печоринское, ни веры, ни идей, ни надежд. Опять ехать на Кавказ? Идти на Болотную площадь? А зачем?

В июне 1851 года поэт Яков Петрович Полонский, бывший в то время на Кавказе, написал стихотворение "На пути из-за Кавказа", в котором поэтически воспроизвел путь автора с Максимом Максимычем и последние страницы "Княжны Мери":

Душу, к битвам житейским готовую,
Я за снежный несу перевал.
Я Казбек миновал, я Крестовую
Миновал — недалеко Дарьял.
Слышу, Терека волны тревожные
В мутной пене по камням шумят —
Колокольчик звенит — и надежные
Кони юношу к северу мчат.
Выси гор, в облака погруженные,
Расступитесь! — приволье станиц —
Расстилаются степи зеленые,
Я простору не вижу границ.
И душа на простор вырывается
Из-под власти кавказских громад —
Колокольчик звенит-заливается…
Кони юношу к северу мчат.

Погоняй! гаснет день за курганами,
С вышек молча глядят казаки —
Красный месяц встает за туманами,
Недалеко дрожат огоньки.
В стороне слышу карканье ворона —
Различаю впотьмах труп коня —
Погоняй, погоняй! тень Печорина
По следам догоняет меня…

Конечно, Печорин — это придуманный герой, даже описывая сам себя, Лермонтов в чем-то преувеличил достоинства своего героя, в чем-то максимально принизил его. Он выдавал мечты за действительность, он безжалостно бичевал сам себя. Вот его Печорин и в Персию едет, и погибает по дороге обратно, как бы реализовывая все тайные мечты самого автора.

Кстати, почему наших поэтов всегда так тянет в Персию? Именно туда мечтал попасть и сам Лермонтов. Он писал С. А. Раевскому: "Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч.". Мечтал о Персии и его друг, поэт-декабрист Александр Одоевский. В 1835 году он сожалел о несбывшемся "проекте отправиться в Персию вместе с добрым и дорогим Александром Грибоедовым". Еще один русский поэт Дмитрий Владимирович Веневитинов писал брату в период русско-персидской войны (1826–1828): "Молю Бога, чтобы поскорее был мир с Персией, хочу отправиться туда при первой миссии и на свободе петь с восточными соловьями". И уже незадолго до смерти в 1827 году мечтательно планировал: "Я еду в Персию. Это уже решено. Мне кажется, что там я найду силы для жизни и вдохновения". Вот и Печорин утолил свою тягу к Востоку, реализуя в романе несбывшуюся мечту самого Лермонтова уехать от всей постылой казарменной николаевщины в неведомую Персию. А там уж можно на обратном пути где-нибудь и умереть по дороге. Вспомним и "Персидские мотивы" Сергея Есенина. Персия мелькает в стихах всех ведущих поэтов Серебряного века. Что нас всех, русских, славян, притягивает к этой древнейшей цивилизации?

Даже в самых личных и интимных письмах мы все пишем немножко не от себя, а от некоего лирического героя. "Мысль изреченная — есть ложь". Что бы мы про себя ни говорили и ни писали хорошего или плохого, будет добавляться, как бес из тумана, выдуманный образ. А уж если пишет гениальный автор, то какие бы свои сокровенные мечты, мысли и чувства он ни открывал перед нами, какие бы ядовитые подробности ни писал

как бы о себе, как бы ни признавал самого себя главным героем, ясно, что это описание всех своих пороков перерастает, как правильно написал сам же Михаил Лермонтов в предисловии ко второму изданию романа, в "…портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии".

Но не лукавил ли автор в своем предисловии, написанном уже после известного мнения о романе самого императора Николая I? Не выглядит ли это предисловие как оправдание героя (и самого себя) перед своим государем? Это неизвестно. Известно лишь, что письмо Николая I своей супруге Александре Федоровне было опубликовано сначала в немецкой печати еще в 1913 году, а в русской — в 1921 году, и содержится в этом письме императора своей жене (давней и верной поклоннице таланта Лермонтова, по чьей просьбе он и взялся читать роман Лермонтова), написанном 12/24 июня 1840 года, анализ этого романа. Там изложена ясно и литературоведчески четко императорская оценка "Героя нашего времени" и его автора. Любой консервативный литературовед может позавидовать такой четкой оценке. Император Николай I объяснял, что, начав читать роман, вначале было обрадовался, решив, что именно Максим Максимыч и есть "герой нашего времени". Однако, обнаружив в дальнейшем свою ошибку, очень на автора вознегодовал. И уже на всю жизнь. Он мог забыть шалости с дуэлями, пьянки, вольное поведение, но книги, особенно талантливые (а вкус у него, несомненно, был), которые могли принести вред его державе, его правлению, он не забывал никогда. Ни Пушкина, ни Рылеева, ни Лермонтова…

Письмо это было впервые напечатано (к сожалению, не целиком) в труде немецкого историка Теодора Шимана "История России в царствование Павла I и Николая I". На русском языке письмо это процитировано Е. В. Тарле в его статье-некрологе "Теодор Шиман". Подлинник был написан по-французски.

Мы имеем русский перевод этого письма с немецкого перевода Шимана, который предваряет свою цитату словами: "Государь не любил этого поэта":

"13 июня 1840 г. 10 $^1/_2$. Я работал и читал всего "Героя", который хорошо написан. 14 июня. 3 часа дня. Я работал и продолжал читать сочинение Лермонтова; я нахожу второй том менее удачным, чем первый… 7 часов вечера. За это время я дочитал до конца "Героя" и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же самое преувеличенное изображение презренных характеров, которое имеется в нынешних иностранных романах. Такие романы портят характер. Ибо хотя такую вещь читают с досадой, но все-таки она оставляет тягостное впечатление, потому что, в конце концов, привыкаешь

думать, что весь мир состоит из подобных людей, у которых даже лучшие на первый взгляд поступки проистекают из отвратительных и фальшивых побуждений. Что должно из этого следовать? Презрение или ненависть к человечеству! Но это ли цель нашего пребывания на земле? Ведь и без того есть наклонность стать ипохондриком или мизантропом, так зачем же поощряют или развивают подобного рода изображениями эти наклонности! Итак, я повторяю, что, по моему убеждению, это жалкая книга, обнаруживающая большую испорченность ее автора".

Характер капитана намечен удачно. Когда я начал это сочинение, я надеялся и радовался, думая, что он и будет, вероятно, героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, которых обыкновенно так называют. В кавказском корпусе, конечно, много таких людей, но их мало кто знает; однако капитан появляется в этом романе как надежда, которой не суждено осуществиться. Господин Лермонтов оказался неспособным представить этот благородный и простой характер; он заменяет его жалкими, очень мало привлекательными личностями, которых нужно было оставить в стороне (даже если они существуют), чтобы не возбуждать досады. Счастливого пути, господин Лермонтов, пусть он очистит себе голову, если это может произойти в среде, где он найдет людей, чтобы дорисовать до конца характер своего капитана, допуская, что он вообще в состоянии схватить и изобразить его".

Очевидно, в семье императора не раз обсуждали творчество Михаила Лермонтова, и женская часть семьи уговаривала императора принять все достоинства этого автора, приблизить его к себе. Получилось наоборот. Понятно, что и дуэль недавняя Михаила Лермонтова с молодым Барантом, сыном французского посла, тоже обсуждалась. И уже как итог, и за дуэль, и за своего Печорина, отправился Михаил Лермонтов вновь в ссылку на Кавказ, а император Николай I уже навсегда невзлюбил всё его творчество, да и его самого.

Николаю I, как мы знаем, понравился в романе образ Максима Максимыча, вот кто должен был стать "героем его времени". В 1841 году Лермонтов, может быть, отвечая на пожелания Николая, написал очерк "Кавказец", в котором "дорисовал" тип Максима Максимыча. Получилось, однако, не то, что нужно было Николаю: цензура этот очерк запретила.

Печорин — этакий эгоистичный везунчик, который портит жизнь всем, с кем ему приходится сталкиваться, отравляет их существование и часто вполне осознанно. Он не умеет ни любить, ни ненавидеть.

Это как герои аксеновского "Звездного билета" периода оттепели, вольнодумные и безответственные шалопаи, стали в 60-е годы XX века кумирами у большого числа молодых людей. И уже с этим ничего нельзя было сделать никакой цензуре, "звездные мальчики" засели в мозгах у целого поколения. "Звездные мальчики" и совершили перестройку, развалив великую державу. Вот так и печоринский тип, срисованный с художественными преувеличениями автором с самого себя, взятый из жизни, внедрился в саму эпоху, и дальше эти презрительные вольнодумцы Печорины скакали по просторам России до октября 1917 года, повсюду сея нигилизм и ницшеанство.

Неизвестно, по какому поводу и в связи с чем посвящает Николай столько места Лермонтову и его роману; неизвестно, что говорил он о Лермонтове в предыдущих письмах. Но литературным критиком он оказался более чем решительным, сталинского образца. Прав ли был Николай I в своей критике?

Скажу честно, мне по многим параметрам император Николай I нравится. И о державе заботился, и порядок в своей империи наводил, и вкус литературный имел. Всех талантливых писателей он читал и даже не раз выступал в роли литературного критика. Дело другое, что Михаила Лермонтова он не любил, понимал его огромное дарование, но терпеть не мог. Бунтарь, такие и воспитывают своей литературой новых декабристов, о которых император помнил до конца дней своих. Я даже согласен с его оценкой Печорина, только, думаю, император пожелал закрыть глаза на то, что это и есть герои его, николаевского, времени, решил счесть Печорина за пустую фантазию. А жаль. Так и героев "прозы сорокалетних" тоже спустя почти 200 лет сочли за выдумку, вместо того чтобы взяться за переустройство нашей державы.

Императора можно понять: нашел писатель удачный образ Максима Максимыча, вот и делай его главным героем. Вот он — народный образ, чего еще надо? А автор оставил в сторонке народного заступника и тащит вперед легкомысленного и безнравственного шалопая. Почему-то эти народные характеры, что Максима Максимыча, что пушкинского Савельича, что толстовского капитана Тушина или Платона Каратаева, не становятся у писателей главенствующими. Да и могла ли дворянская литература целиком сосредоточиться на них? Потребовались другое время, другие люди: Михаил Шолохов, Андрей Платонов, Василий Белов… Для создания народных героев нужны и народные писатели.

Начнем с истории выхода самого романа "Герой нашего

времени". В 1839 году в третьем номере журнала "Отечественные записки" была опубликована повесть Михаила Лермонтова "Бэла". Затем в одиннадцатом номере появилась повесть "Фаталист" и во втором номере за 1840 год — "Тамань". В том же 1840 году уже известные читателю три новеллы, повествующие о различных эпизодах жизни некоего Печорина, вышли в печати как главы романа "Герой нашего времени".

Впервые роман был издан в Санкт-Петербурге, в типографии Ильи Ивановича Глазунова, в 1840 году в двух книгах. Тираж тысяча экземпляров разошелся почти мгновенно. Особенно после того, как в "Северной пчеле" появилась восторженная рецензия Фаддея Булгарина. При всем сложном отношении к этому критику и романисту, надо отметить его тонкий вкус и литературное чутье. Булгарин пишет:

"Скажите, ради Бога, где созрело, где развилось это необыкновенное дарование? Каким волшебством этот юный ум проник в тайники природы, в глубину души человеческой? Какая непостижимая сила сорвала пред ним личину общества и объяснила болезнь, которою оно страждет в **наше время**, в XIX веке?! Все это чудеса для меня! "Герой нашего времени" — первый опыт в прозе юного автора, первый — понимаете ли! Гениальные умы взвиваются на высоту при первых поэтических порывах, но в прозе эти примеры чрезвычайно редки. Проза требует глубокой науки и обдуманности. Виктор Гюго написал множество плохих романов и повестей, пока создал "Notre Dame de Paris"[49]. Бальзак долго влачился по земле, пока возвысился до "Евгении Гранде", "Отца Горио", "Истории тринадцати" и "Шагриновой кожи". Вальтер Скотт начал писать свои романы уже в зрелых летах, богатый опытами жизни и наукою… Автор "Героя нашего времени" в первом опыте стал на ту ступень, которой достигали другие долговременною опытностью, наукою, трудом и после многих попыток и неудач. О Русь, мать всех племен славянских, сколько дарования, сколько ума и нравственной силы сокрыто в твоих недрах! Другие народы уже истощили дар слова, а мы едва тронули поверхность нашего рудника… Лучшего романа я не читал на русском языке! Это говорит вам романист, рассказчик и критик, которого многие почитают неумолимым, беспощадным и даже привязчивым критиком, потому что он говорит откровенно правду напыщенной бесталантности, дерзкой самонадеянности и пронырливому литературному корыстолюбию, прикрывающемуся глупым чванством. Вот юный автор, незнакомый мне и, вероятно, не благоприятствующий мне, судя по его литературным связям, в которые он мог попасть нечаянно. Этот юный автор с истинным, неподдельным дарованием, и я хвалю его сочинение с такою же

радостию, как будто бы делился с ним его славою. И точно делюсь, потому что слава русской литературы отражается на всех нас, на всей России, а ее можно искренно поздравить с таким автором, каков творец романа "Герой нашего времени"! С этих пор автор должен вооружиться мужеством и терпением. У него будут бесталантные подражатели и завистники. Зависти не знает истинный литератор, посвятивший литературе всю жизнь свою, все свое время, пожертвовавший ей своим честолюбием и светскими преимуществами. Зависть есть удел тех самозванцев в литературе, которые употребляют ее как **средство** к достижению других целей. Истинный литератор — раб своей обязанности. Если б жесточайший враг его написал хорошее — он должен хвалить, если не хочет сам унизиться до степени своих клеветников. Литератор, как судья, должен смотреть не на лица, а на дела…"

Сразу же после выхода романа завязалась острейшая полемика между ценителями и отрицателями Печорина. Сам роман и его достоинства признали все, от Булгарина до Белинского, но вот его героя? Не клевета ли это на русского человека? Не срисован ли он с парижских и лондонских журналов? Ничего еще не зная о письме Николая I, консервативная критика будто под копирку бросилась прославлять прежде всего "истинно русского" Максима Максимыча.

Я подумал, а выйди такой роман сегодня, случилось бы, наверное, то же самое. И наши консервативные критики взялись бы пушить порочного Печорина и возносить до небес "истинно русского" Максима Максимыча.

Уже после дуэли с молодым де Барантом, получив заслуженную ссылку на Кавказ, незадолго до отъезда из Петербурга в середине апреля 1840 года вышло первое отдельное издание романа "Герой нашего времени". "Вышли повести Лермонтова, — писал в эти дни Белинский. — Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь". Думаю, и вынужденная поездка героя романа Печорина на Кавказ как-то связана с первой дуэлью самого Лермонтова. По крайней мере, первое издание романа вышло уже после нашумевшей дуэли и решения о ссылке писателя на Кавказ. То ли предвидел всё заранее Лермонтов, то ли успел отобразить в романе уже случившееся. В черновиках он пишет даже о дуэли, но затем меняет дуэль на некую "историю". Тем более он мог переписывать какие-то детали сюжета вплоть до выхода романа целиком. Ни в "Бэле", ни в "Фаталисте", ни в

"Тамани", вышедших ранее, до дуэли с де Барантом, еще этой дуэльной истории нет. А "Княжна Мери" появилась уже после дуэли. Лермонтов будто бы соединил в повести обе свои ссылки и причины, вызвавшие их, соединил даже пророчески обе свои дуэли и показал нам такого героя, которого во многом видел в себе самом. Недаром же Белинскому так понравился сам Печорин, какие уж тут пороки?

Для Виссариона Белинского полюбившийся ему Печорин — "человек с сильной волей, отважный, напрашивающийся на бури и тревоги". Вслед за первой рецензией на роман Лермонтова Белинский во второй половине мая 1840 года сделал подробный разбор "Героя нашего времени", опубликованный в июньской и июльской книжках "Отечественных записок". Это уже была песнь и Лермонтову, и его Печорину:

"Не таков Печорин. Этот человек не равнодушно, не апатически несет свое страдание: бешено гоняется он за жизнью, ища ее повсюду; горько обвиняет он себя в своих заблуждениях. В нем неумолчно раздаются внутренние вопросы, тревожат его, мучат, и он в рефлексии ищет их разрешения: подсматривает каждое движение своего сердца, рассматривает каждую мысль свою.

Он сделал из себя самый любопытный предмет своих наблюдений и, стараясь быть как можно искреннее в своей исповеди, не только откровенно признается в своих истинных недостатках, но еще и выдумывает небывалые или ложно истолковывает самые естественные свои движения. Как в характеристике современного человека, сделанной Пушкиным, выражается весь Онегин, так Печорин весь в этих стихах Лермонтова:

> И ненавидим мы, и любим мы случайно,
> Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
> И царствует в душе какой-то холод тайный,
> Когда огонь кипит в крови.

"Герой нашего времени" — это грустная дума о нашем времени, как и та, которою так благородно, так энергически возобновил поэт свое поэтическое поприще и из которой мы взяли эти четыре стиха…"

Конечно, превалировали отрицательные отзывы о Печорине, к примеру, в той же славянофильской критике. Известный критик Степан Петрович Шевырев, к которому в юношеские годы, учась еще в пансионе, Лермонтов относился с большим интересом, в 1841 году написал в "Москвитянине", что Печорин — явление

"порочное, не свойственное русской жизни, а навеянное влиянием Запада". Я бы даже согласился, что образ Печорина навеян влиянием Запада. Как и сам характер Михаила Лермонтова, росшего не в семейном, а в книжном окружении, явно зависим от творчества Байрона или Альфреда де Мюссе. Его роман, так близкий по духу Лермонтову, "Исповедь сына века", вышел в 1836 году и тоже повествует о "пороках поколения". Но согласившись с "влиянием Запада", я поспорю с Шевыревым, что такое явление не характерно для русской жизни. Особенно для жизни русского дворянства, всё заимствующего у европейской культуры. Как раз у нас такие явления, что во времена Лермонтова, что сейчас, доводятся до максимализма, до предельного русского экстремизма.

О таком же, гораздо более сложном взаимодействии романа Лермонтова и с нашей жизнью, и с русской и мировой литературой пишет Владимир Набоков:

"Едва ли нам стоит принимать всерьез, как это делают многие русские комментаторы, слова Лермонтова, утверждающего в своем "Предисловии" (которое само по себе есть искусная мистификация), будто портрет Печорина "составлен из пороков всего нашего поколения". На самом деле этот скучающий чудак — продукт нескольких поколений, в том числе нерусских; очередное порождение вымысла, восходящего к целой галерее вымышленных героев, склонных к рефлексии, начиная от Сен-Пре, любовника Юлии д'Этанж в романе Руссо "Юлия, или Новая Элоиза" (1761) и Вертера, воздыхателя Шарлотты С. в повести Гете "Страдания молодого Вертера" (1774; в России того времени известна главным образом по французским переложениям, например, Севелинжа, 1804), через "Рене" Шатобриана (1802), "Адольфа" Констана (1815) и героев байроновских поэм, в особенности "Гяура" (1813) и "Корсара" (1814), пришедших в Россию во французских прозаических пересказах Пишо, которые начали выходить с 1820 года, и кончая "Евгением Онегиным" (1823–1831) Пушкина, а также разнообразной, хотя и более легковесной продукцией французских романистов первой половины того же столетия (Нодье, Бальзак и т. д.). Соотнесенность Печорина с конкретным временем и конкретным местом придает, конечно, своеобразие плоду, взращенному на другой почве, однако сомнительно, чтобы рассуждения о притеснении свободомыслия со стороны тиранического режима Николая I (1825–1855) помогли нам его распробовать…"

Считается, что полемизируя и с Шевыревым, и особенно с прямолинейным консервативным критиком С. А. Бурачком, Михаил Лермонтов вдруг неожиданно, уже когда печаталось

второе издание романа, срочно написал свое предисловие к роману уже весной 1841 года, опровергающее свои же высказывания о сходстве с героем и высказывания Белинского об однотипности героя и его автора. Это предисловие еле втиснули уже во вторую половину романа. С чего это вдруг? В неожиданно написанном предисловии уже говорится о Печорине, как о сборище всех пороков того времени.

Я не думаю, что Лермонтов стал бы так усердствовать из-за статей Бурачка или даже Шевырева, вставляя поспешно в последний момент во второе издание романа свое предисловие. Мне кажется, императрица нашла услужливых фрейлин, которые передали Лермонтову мнение самого императора о романе, и отвечал он своим предисловием прежде всего самому императору. Отвечал достойно. Предисловие сумели вставить, как ни парадоксально, уже во вторую часть романа. Но мало ли каков был авторский замысел? Отвечая якобы Шевыреву, автор отвечал самому императору, посчитавшему его роман "жалкой книгой, обнаруживающей испорченность автора". Появилось и предисловие к "Журналу Печорина". Михаил Лермонтов пишет в своем предисловии, объясняя свою позицию:

"Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее на находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых… Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все

в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?…

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает, и к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж Бог знает!"

Полный отказ от намека на автобиографичность. Какое-то преувеличенно отрицательное отношение к своему любимому герою Печорину. Конечно, он и впрямь нагружал Печорина всяческими пороками, переводя в образный ряд все свои грешные помыслы. Вот, к примеру, он беседует с княжной Мери, безжалостно рассказывая ей о самом себе:

"Разговор наш начался злословием: я стал перебирать присутствующих и отсутствующих наших знакомых, сначала выказывал смешные, а после дурные их стороны. Желчь моя взволновалась. Я начал шутя — и кончил искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потом испугало.

— Вы опасный человек! — сказала она мне. — Я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок… Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и зарежьте меня, — я думаю, это вам не будет очень трудно.

— Разве я похож на убийцу?…

— Вы хуже…

Я задумался на минуту и потом сказал, приняв глубоко тронутый вид:

— Да, такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных чувств, которых не было; но их

предполагали — и они родились. Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние — не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, — тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочел ее эпитафию. Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. Впрочем, я не прошу вас разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна — пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит нимало…"

Это анализ самого себя, явно написанный под влиянием "Исповеди" Руссо. Но такой же откровенный. Где-нибудь во Франции Михаил Лермонтов даже не стал бы отпираться, сваливая всё на якобы отрицательного героя. Но в России царил Николай I, тут было не до шуток и откровенностей. Впрочем, и в своих заметках и письмах Михаил Лермонтов не раз проговаривался на ту же самую тему, подтверждая идентичность мыслей автора и его героя. А разве не схожа история надуманного романа Печорина и княжны Мери с такой же историей с Екатериной Сушковой, которой тоже говорил Михаил Лермонтов, заставив ее влюбиться в себя, те же самые слова о своей нелюбви к ней, о надуманности этой его игры в любовь?

Михаил Лермонтов с детства жил выдуманной литературной, образной жизнью, он уже навсегда вжился в образ героя, демонстрируя не то, что было в нем, а то, что ему хотелось показать. "Я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения,

разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов, — вот что я называю жизнью…"

Роман "Герой нашего времени" — великий роман и сам по себе, первый психологический объективный русский роман, первый новаторский роман, задолго до Пруста и Джойса использовавший и поток сознания, и наложение одного сюжета на другой, и проникновение в психологию человека. Но это еще и полная тайная биография его души, его страстей, его характера. Это зашифрованный автопортрет самого писателя. И что бы он ни придумывал после написания, все тайные мысли Печорина — это его, лермонтовские мысли и думы. Задолго до Фрейда и Розанова Михаил Лермонтов сам описал свой психологический характер. И уже для занимательности он придумывал достаточно замысловатые сюжеты, впрочем, тоже, как правило, беря их из собственной жизни. Под пером гения его мемуары стали великим романом, но если хотите узнать Лермонтова, читайте внимательно "Герой нашего времени". Даже в деталях он достоверен. Вот, к примеру, драгунский капитан высказывает свое мнение о Печорине. Но я могу привести немало мнений светской черни о самом Лермонтове, и такого же разлива.

"Драгунский капитан, разгоряченный вином, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

— Господа! — сказал он. — Это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургские слётки всегда зазнаются, пока их не ударишь по носу! Он думает, что он только один и жил в свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги…"

И на самом деле, Михаил Лермонтов многих даже в университете раздражал своей независимостью. Хорошо, у талантливого критика Белинского терпения хватило дождаться откровенного разговора, а потом и гениальных творений. А поначалу ведь так и обзывал Лермонтова пошляком. А почитайте воспоминания Ивана Гончарова, Герцена, не самых последних людей того времени. Лермонтов таил свою внутреннюю жизнь, демонстрируя напоказ далеко не лучшие людские качества. Не у каждого хватит времени и ума, как хватило их у Белинского, распознать за показухой его истинные человеческие достоинства. И не свою ли собственную, лермонтовскую какую-то боязнь к женщине, боязнь открытой большой любви, боязнь будущей женитьбы он так откровенно описывает в "Герое нашего времени":

"Я иногда себя презираю… не оттого ли я презираю и других?… Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе. Другой бы на моем месте

предложил княжне son coeur et sa fortune; но надо мною слово жениться имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться, — прости, любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту… но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею? что мне в ней?… куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?… Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие… Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей… Признаться ли?… Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мне смерть от злой жены; это меня тогда глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе… Между тем что-то мне говорит, что ее предсказание сбудется; по крайней мере буду стараться, чтоб оно сбылось как можно позже".

В этом монологе Печорина заложено объяснение всех будущих и прошлых любовных неудач Лермонтова и с Варенькой Лопухиной, и с Катенькой Сушковой, и с княгиней Щербатовой. Он сам бежал от них. Да, конечно, над ним висел и бабушкин запрет на женитьбу, но на запрет наслаивалось уже и свое собственное чувство боязни.

Близки к прототипам и герои, а особенно героини романа. Та же Вера — в полном объеме описана Варенька Лопухина. Понятно, почему ее муж сжег все письма и автографы поэта, впрочем, он понимал, что останется уже на века рогоносцем. По сути, Вера в романе и не нужна, там главный образ — княжны Мери, Вера проходит вторым планом, хотя отношения Печорина и Веры описаны намного естественнее и органичнее, нежели отношения Печорина с той же княжной Мери. Там меньше выдумки, разве что прощальное письмо Веры — это то письмо, которого Лермонтов так и не дождался от Варвары Лопухиной.

У княжны Мери есть несколько возможных прототипов, один из них — это сестра Николая Мартынова. Нынче иные лермонтоведы и дуэль объясняют схожестью образов героини романа и реальной сестры Мартынова. Мол, брат обиделся за сестру. Но парадокс в том, что, во-первых, это все под большим сомнением, она ли есть прототип княжны Мери; во-вторых, сама сестра Мартынова с великой радостью до конца дней своих признавалась в своем сходстве с княжной Мери, ей льстило это сходство. Она гордилась им. Знал об этой ее гордости и брат. Николай Мартынов никак не мог вымещать мнимую обиду за сходство на княжну Мери на Михаиле Лермонтове.

Кстати, тогда уж Николай Мартынов, даже обижаясь за схожесть своей сестры и литературной княжны Мери, должен был, читая роман "Герой нашего времени", внимательно прочитать и "Тамань", где подробнейше описано, как слепой мальчик и ундина обворовали Печорина, то бишь самого Лермонтова, унеся у него абсолютно всё, в том числе и пакет с письмом и деньгами для Мартынова. Значит, не было и никаких "вскрытых писем от сестры", что якобы обидело Мартынова. Нельзя одновременно обижаться за схожесть с образом княжны Мери и не замечать в том же романе доказательства подлинности кражи. Не стал бы Михаил Лермонтов ради того, чтобы утаить письмо для сестры от Мартынова, придумывать целую гениальную сцену в "Тамани".

Его прозрение в романе до мелочей собственной дуэли с Грушницким, то бишь с Мартыновым, нельзя не назвать гениальным предвидением событий. Только излишняя самоуверенность Михаила Лермонтова и его же привычная демонстрация якобы присущих ему отрицательных черт характера переиначили описанную в романе дуэль. В книге Печорин хладнокровно и за дело, за явную подлость вызывает на дуэль и убивает Грушницкого. Эх, если бы так же было и в жизни. В жизни и во время своей первой дуэли с Эрнестом де Барантом, и во время второй дуэли с Мартыновым опытнейший стрелок, храбрый командир разведотряда, убивший, небось, не одного черкеса в бою, благородно стреляет в сторону или вверх. А ведь этой своей литературной дуэлью с Грушницким Лермонтов до смерти напугал Мартынова, и тот уже стрелял наповал и из лютой ревности к его гению, и из чувства страха за свою жизнь. Он не хотел оказаться на месте Грушницкого.

Почему, с горечью пишу я, в своем романе автор рукой своего автобиографического героя убивает с презрением Грушницкого, а в жизни Лермонтов отказался в него стрелять? Он, казалось бы, как и его предок Томас Лермонт, всё предвидел и описал заранее то, что случится, но на бумаге Лермонтов спокойно пристреливает своего врага. В жизни он этого сделать не смог. С одной стороны — опытный боец Михаил Лермонтов, с другой стороны — трус, избегавший сражений Николай Мартынов.

Но в жизни именно трусы и подонки доводят свое дело до конца. Они лишены благородства. Я представляю, как трясло Мартынова перед дуэлью, всё время ему вспоминался Грушницкий. Нет, именно из трусости он не мог себе позволить выстрелить вверх. Трус и лжец, он до самой смерти лгал и трусил, понимая, что в истории он все равно останется мерзким убийцей. А Лермонтов, предвидя свою дуэль, в "Герое нашего времени" размышлял:

"Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я — как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова… прощайте!..

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?… А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные… Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший свет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упадал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления… Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их радости и страданья — и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собой роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезает… остается удвоенный голод и отчаяние!

И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле… Одни скажут: он был добрый малый, другие — мерзавец. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а все живешь — из любопытства: ожидаешь чего-то нового… Смешно и досадно!.."

Это же самая предельная исповедь великого русского поэта. И он находит в себе силы признаться в увлечении пустыми страстями света, он признается в том, что никогда не жертвовал ничем ради любимых, и потому был лишен чувства любви. Даже в том, что одни его считали добрым малым, а другие — мерзавцем — тоже правда. Так оно и было на самом деле. Вот только со счастливым финалом дуэли он не угадал. Очень уж поэту хотелось побывать еще в Персии, а потом уж можно и в мир иной.

Загадка, тема для хорошей книги. Допускаю, что, закончилась бы дуэль нормально, без смертей, со временем Михаил Лермонтов и сумел бы напроситься на поездку в Персию и в результате написал бы великий роман о жизни и смерти Александра Грибоедова. А еще эпический роман об эпохе генерала Ермолова. Как много мы потеряли. Я уж не говорю о его возможных новых гениальных стихах. И как можно после этого

хоть в чем-то оправдывать Николая Мартынова, хладнокровно пристрелившего гениального поэта.

Еще одно откровение романа — это прощальное письмо Веры, то есть Вареньки Лопухиной. Оно также написано с известной долей вымысла, явный уход от объективизма. Поэт пишет от имени своей возлюбленной то, что и сам хотел бы услышать от нее в жизни, но не услышал:

"Я пишу к тебе в полной уверенности, что мы никогда больше не увидимся. Несколько лет тому назад, расставаясь с тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытания, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу… ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будет вместе прощаньем и исповедью: я обязана сказать тебе все, что накопилось на моем сердце с тех пор, как оно тебя любит. Я не стану обвинять тебя — ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала… Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий. Прошло с тех пор много времени: я проникла во все тайны души твоей… и убедилась, что то была надежда напрасная. Горько мне было! Но моя любовь срослась с душой моей: она потемнела, но не угасла.

Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоем голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно, ничей взор не обещает столько блаженства, никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном…"

Пророк и провидец, славный потомок шотландского барда Томаса Лермонта, в романе своем Михаил Лермонтов эти качества соединял с верой в свой счастливый фатальный исход. Не случаен его последний рассказ в романе "Фаталист", он не столько о фатальном исходе бедного серба Вулича, сколько о своей фатальной предсказуемости событий. Это же Печорин как

бы подтвердил, что, несмотря на счастливый исход с заряженным пистолетом, Вулич должен был в тот же день умереть. Сам же герой трижды фатально вмешивается в жизнь и трижды побеждает судьбу. Думаю, Михаил Лермонтов и в жизни своей был фаталистом, и до поры до времени ему и впрямь везло. Он был фаталистически уверен, что и с Мартыновым исход дуэли будет мирным. Может, в последний только миг, презрительно глядя в глаза Мартынову, он вдруг увидел в них свою смерть. Но было уже поздно.

Роман "Герой нашего времени", кроме его объективных гениальных характеристик героев, является еще и манифестом победителя, сумевшего пройти все препятствия в своей запутанной жизни: он победил на дуэли, он будет вечно любим, а женитьбы ему и не надо, он завоевал всех женщин, встретившихся ему на пути, от черкешенки Бэлы до княжны Мери, он не утонул в Тамани, он играл с судьбами людей, как играют в карты. И пусть бы застрелился фаталист у него на глазах, жалко ему не стало бы. Он не обязан никому, свободен и от друзей, и от семьи. Осталось исполнить заветную мечту: добиться отставки, съездить в Персию, потом можно и умереть просто так, от скуки. Это роман о фатально победительном Печорине. Каким хотел бы видеть себя сам Михаил Лермонтов.

Когда у николаевской эпохи и на самом деле не было никаких великих замыслов, когда люди, от мала до велика, не вовлечены в некое соборное народное действо, они и впрямь развлекаются каждый по-своему. Кто летает на стерхах, кто строит себе дворцы, кто пописывает романы, кто коллекционирует девиц, кто не против и повоевать…

А ведь и на самом деле Михаил Лермонтов не столько про себя всё это описывает, сколько про пороки всех времен и всех народов, лишенных великого смысла существования. Разве что на своем примере, но как далеко он ушел в своих вымыслах и фантазиях от своего примера. Потому и получилась не "Исповедь" Руссо, уже ныне и полузабытая, а великая развязка человеческой комедии. Человек теряет свое предназначение, свою связь с Небом и уходит в предельную пустоту.

Это одновременно и самый русский, и самый европейский роман. Впрочем, и сам Михаил Лермонтов — это посредник между небом и землей, между вечностью и сиюминутностью, между глубинной Русью и древним кельтским Западом.

Роман уже сразу после выхода поразил как русских, так и иностранных писателей. В восторг пришел даже требовательный Николай Гоголь: "Никто еще не писал у нас такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тут видно больше

углубленья в действительность жизни — готовился будущий великий живописец русского быта".

Поразительно, что декабрист Кюхельбекер практически повторил слова Николая I: "В последние дни прочел я… "Героя нашего времени" ‹…› Лермонтова роман — создание мощной души: эпизод "Мери" особенно хорош в художественном отношении; Грушницкому цены нет, — такая истина в этом лице; хорош в своем роде и доктор; и против женщин нечего говорить… а все-таки! Все-таки жаль, что Лермонтов истратил свой талант на изображение такого существа, каков его гадкий Печорин…"

Впрочем, не в восторге был от образа Печорина и Иван Гончаров: "…Чацкий, как личность, несравненно выше и умнее Онегина и Лермонтовского Печорина. Он искренний и горячий деятель, а те — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века. Ими заканчивается их время, а Чацкий начинает новый век — и в этом все его значение и весь "ум".

И Онегин, и Печорин оказались неспособны к делу, к активной роли, хотя оба смутно понимали, что около них все истлело. Они были даже "озлоблены", носили в себе и "недовольство" и бродили как тени с "тоскующею ленью". Но презирая пустоту жизни, праздное барство, они поддавались ему и не подумали ни бороться с ним, ни бежать окончательно. Недовольство и озлобление не мешали ‹…› Печорину блестеть интересной скукой и мыкать свою лень и озлобление между княжной Мери и Бэлой, а потом рисоваться равнодушием к ним перед тупым Максимом Максимычем: это равнодушие считалось квинтэссенцией донжуанства. Оба томились, задыхались в своей среде и не знали, чего хотеть…"

Интересно, что Михаил Лермонтов вслед за Александром Пушкиным взял для героя северную русскую реку, то есть чисто русское явление. Онегин — от родной мне реки Онеги, а Лермонтов забрался еще севернее и выбрал реку Печору. Там уж никаких иностранцев в то время не нашлось бы. Следующим героем должен был стать Мещорин, от полярной реки Мещоры. Но не нашлось такого таланта. Да и описывать уже было нечего.

Уже в советское время третий Толстой тоже сказал свое слово о романе: "…Лермонтов-прозаик — это чудо, это то, к чему мы сейчас, через сто лет, должны стремиться, должны изучать лермонтовскую прозу, должны воспринимать ее как истоки великой русской прозаической литературы.

…Лермонтов в "Герое нашего времени", в пяти повестях: "Бэла", "Максим Максимыч", "Тамань", "Княжна Мери" и "Фаталист", связанных единым внутренним сюжетом —

раскрытием образа Печорина, героя времени, продукта страшной эпохи, опустошенного, жестокого, ненужного человека, со скукой проходящего среди величественной природы и простых, прекрасных, чистых сердцем людей, — Лермонтов в пяти этих повестях раскрывает перед нами совершенство реального, мудрого, высокого по стилю и восхитительно благоуханного искусства.

Читаешь и чувствуешь: здесь всё — не больше и не меньше того, что нужно и как можно сказать. Это глубоко и человечно. Эту прозу мог создать только русский язык, вызванный гением к высшему творчеству. Из этой прозы — и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов. Вся великая река русского романа растекается из этого прозрачного источника, зачатого на снежных вершинах Кавказа…"

"Не могу понять, как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь да еще водевиль хороший, тогда бы и умереть можно!" — писал Антон Чехов Ивану Бунину. И он же далее: "Может быть, я и не прав, но лермонтовская "Тамань" и пушкинская "Капитанская дочка", не говоря уж о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой…"

Блестяще разобрал этот роман наш изобретательный стилист Владимир Набоков. Для него Печорин — романтическая тень Лермонтова, с чем я полностью солидарен. Свое предисловие к английскому переводу "Героя нашего времени", который писатель сделал из любви к Лермонтову вместе со своим сыном Дмитрием — "Lermontov M. A. Hero of Our Time / Translated from Russian by Vladimir Nabokov in collaboration with Dmitri Nabokov" (NY: Doubleday Anchor Books, 1958), — Владимир Набоков начинает с разбора стихотворения "Сон":

"В 1841 году, за несколько месяцев до своей смерти (в результате дуэли с офицером Мартыновым у подножия горы Машук на Кавказе), Михаил Лермонтов (1814–1841) написал пророческие стихи:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.
И снился мне сияющий огнями

Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.
Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

Это замечательное сочинение (в оригинале везде пятистопный ямб с чередованием женской и мужской рифмы) можно было бы назвать "Тройной сон".

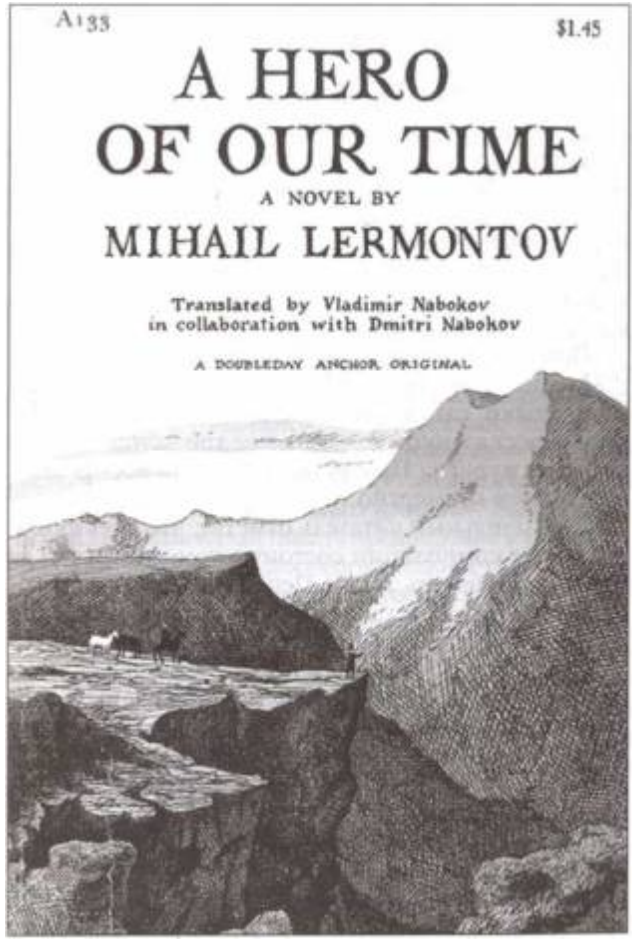
Некто (Лермонтов, или, точнее, его лирический герой) видит во сне, будто он умирает в долине у восточных отрогов Кавказских гор. Это Сон 1, который снится Первому Лицу.

Смертельно раненному человеку (Второму Лицу) снится в свою очередь молодая женщина, сидящая на пиру в петербургском, не то московском особняке. Это Сон 2 внутри Сна 1.

Молодой женщине, сидящей на пиру, снится Второе Лицо (этот человек умирает в конце стихотворения), лежащее в долине далекого Дагестана. Это Сон 3 внутри Сна 2 внутри Сна 1, который, сделав замкнутую спираль, возвращает нас к начальной строфе…"

Далее Набоков сравнивает такой тройной сон лирического героя уже с переплетением пяти рассказов, составивших великий роман:

"В первых двух — "Бэла" и "Максим Максимыч" — автор, или, говоря точнее, герой-рассказчик, любознательный путешественник, описывает свою поездку на Кавказ по Военно-Грузинской дороге в 1837 году или около того. Это Рассказчик 1.



Обложка романа "Герой нашего времени" в переводе Владимира и Дмитрия Набоковых.

Выехав из Тифлиса в северном направлении, он знакомится в пути со старым воякой по имени Максим Максимыч. Какое-то время они путешествуют вместе, и Максим Максимыч сообщает Рассказчику 1 о некоем Григории Александровиче Печорине, который, тому пять лет, неся военную службу в Чечне, севернее Дагестана, однажды умыкнул черкешенку. Максим Максимыч — это Рассказчик 2, и история его называется "Бэла".

При следующем своем дорожном свидании ("Максим Максимыч") Рассказчик 1 и Рассказчик 2 встречают самого Печорина. Последний становится Рассказчиком 3 — ведь еще три истории будут взяты из журнала Печорина, который Рассказчик 1 опубликует посмертно.

Внимательный читатель отметит, что весь фокус подобной

композиции состоит в том, чтобы раз за разом приближать к нам Печорина, пока наконец он сам не заговорит с нами, но к тому времени его уже не будет в живых".

Владимир Набоков сам не замечает, как увлекается образом Лермонтова. Будучи прекрасным прозаиком, Владимир Набоков, тем более уже исходя из самого характера Печорина, приходит к такому же выводу о близости героя с Лермонтовым, о чем пишу и я: "Автор постарался отделить себя от своего героя, однако для читателя с повышенной восприимчивостью щемящий лиризм и очарование этой книги в значительной мере заключаются в том, что трагическая судьба самого Лермонтова каким-то образом проецируется на судьбу Печорина, точно так же как сон в долине Дагестана зазвучит с особой пронзительностью, когда читатель вдруг поймет, что сон поэта сбылся".

Американский литературовед Брайан Бойд писал об этом переводе "Героя нашего времени" Набоковым: "Было решено, что Дмитрий вместе с отцом будет переводить "Героя нашего времени"… Набоков считал, что переводческая работа дисциплинирует Дмитрия — ведь именно в этом возрасте он сам переводил, под наблюдением и нажимом отца, "Кола Брюньона", — и к тому же позволит ему освоить более солидную профессию, нежели оперное пение… Но гонки на стареньком "эм-джи" влекли его [Дмитрия] куда сильнее, чем лавры переводчика… Набоков отмечал в дневнике, как мало продвинулся перевод, а чаще с отчаянием констатировал, что книга по-прежнему открыта на той же странице — это означало, что заканчивать работу ему придется самому… К июлю [1956 г.] "Герой нашего времени" был переведен, и Набоков начал писать предисловие к роману".

Если держаться последовательности событий, развивающихся в повестях и рассказах "Героя нашего времени", то они расположены примерно так: Печорин, быть может, за дуэль выслан из Санкт-Петербурга на Кавказ. По дороге к месту его новой службы он задержался в Тамани, где происходит его случайное столкновение с контрабандистами ("Тамань"). После какой-то военной экспедиции ему разрешают пользоваться водами в Пятигорске, затем за дуэль с Грушницким ("Княжна Мери") его отправляют под начальство Максима Максимыча в крепость. Отлучившись на две недели в казачью станицу, Печорин переживает историю с Вуличем ("Фаталист"), а по возвращении в крепость происходит похищение Бэлы ("Бэла"). Из крепости Печорина переводят в Грузию, затем он возвращается в Петербург. Через пять лет, вновь очутившись на Кавказе, по дороге в Персию, Печорин встречается с Максимом Максимычем

и офицером — автором путевых записок ("Максим Максимыч"). Наконец, на обратном пути из Персии Печорин умирает (Предисловие к "Журналу Печорина").

Лермонтов начал писать роман "Герой нашего времени" в 1838 году. Через два года он вышел отдельным изданием и сразу же вызвал ожесточенные споры. В этом произведении Лермонтов жизнью Печорина, молодого человека 1830-х годов, отвечает на важнейший вопрос: почему люди умные и энергичные не находят применения своим недюжинным способностям и "вянут без борьбы" в самом начале жизни?

А мы продолжим: и всегда ли так происходит, во все ли времена?

Думаю, нашему президенту тоже Максим Максимыч понравился бы гораздо больше, нежели иные умные и энергичные бездельники с Болотной. Зато, в отличие от президентов, герой Лермонтова Григорий Александрович Печорин очень нравится многим великим писателям, и русским, и мировым. Этот роман оказал огромное влияние на ирландца Джеймса Джойса. Прочитанный еще в юности "Герой нашего времени" Михаила Лермонтова возбудил в ирландце желание написать нечто подобное. И он пишет "Герой Стивен", кстати, тоже автобиографический роман, начатый в 1904 году, позднее переименованный в "Портрет художника в юности" (1916). Да и герои у писателей схожие. Стивен также не может найти себя в обществе, не может обрести веру в себя, также мечется по жизни, разменивая себя на мелочи. В сентябре 1905 года Джеймс Джойс писал брату Станиславу: "Единственная такая же книга из мне известных, которая похожа на мою, — это "Герой нашего времени" Лермонтова. Правда, мой роман гораздо длиннее, кроме того, герой Лермонтова — аристократ, усталый человек, смелое существо. Сходство проявляется в общей задаче, в заглавии и местами в убийственном анализе, порой и в горьких лекарствах. В конце книги Лермонтов описывает дуэль между героем и Г. (очевидно, Джойс забыл фамилию Грушницкого, когда писал письмо брату. — **В. Б.**), где Г. убивают и он падает в пропасть на Кавказе. Прототип Г., уязвленный сатирой автора, вызвал Лермонтова на дуэль. Дуэль происходила на краю обрыва, на Кавказе, как и описано в книге. Можно вообразить, какие мысли появились у меня… Эта книга сильно подействовала на меня. Она не в пример интереснее любого романа Тургенева…"

У самого Джойса был такой же лютый противник, как и у Лермонтова, некто Гогарти, только их дуэль растянулась на долгие годы. В своей жесткой прозе Джеймс Джойс признается: "Я не могу писать, не оскорбляя людей". Что делать, пошляки

Грушницкие всегда будут оскорблены в мировой литературе. И они всегда будут мстить, они готовы убивать всех гениев мира, от Лермонтова до Джойса. В письме брату от 18 августа 1905 года Джойс сочувственно цитировал слова Лермонтова: "По поводу "Исповеди" Руссо Лермонтов говорит, что эта книга имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям. Исходя из тех условий, в которых писались мои рассказы, я очень сомневаюсь, чтобы они были так уж хороши".

За время написания "Портрета художника в юности", где он хотел, так же как и Лермонтов, во многом изобразить самого себя, как характерного героя времени, он постоянно обращался к опыту Лермонтова. Общий сюжет, общая задача — изображение эпохи через постижение самого себя, сходство было и в "проницательном способе изображения", в иронии по отношению к самому себе, в концентрации на внутреннем мире героя.

На примере русской прозы Джойс писал молодому ирландскому писателю Артуру Пауэру, что великое произведение литературы, для того чтобы претендовать на общечеловеческое содержание, должно рождаться исключительно на национальной почве. Эх, хорошо бы эти слова Джеймса Джойса усвоить нашим нынешним молодым писателям.

И в целом Джойс размышляет о русской прозе: "Главное, что я нахожу у всех русских, — это дотошная, нутряная приверженность своей нации… Толстой — потрясающий писатель. Он не бывает ни скучным, ни глупым, ни утомительным, ни педантичным, ни напыщенным! Он на голову выше всех остальных… Он и впрямь искренен в своих духовных исканиях, что, впрочем, вовсе не мешает ему изъясняться на превосходном русском языке с петербургским аристократическим лоском, что вовсе не мешает ему помнить имя своего прапрадеда — это вообще свойственно русскому искусству… Какой-то писака в "Иллюстрейтед Лондон ньюс" издевается над Толстым за то, что он, мол, не понимает войны. "Наивный старик", — пишет он. Черт возьми, тебе не кажется, что это уж слишком?! Приходилось тебе когда-нибудь слышать подобное хамство?! Неужели он и впрямь думает, что автор "Воскресения" и "Анны Карениной" ничего не смыслит? Неужели этот ничтожный хам смеет равнять себя с Толстым — физически, интеллектуально, творчески, морально? Мало сказать, что это нелепо, это еще и глубоко отвратительно. Может, этот журналист вздумает исправлять всего Толстого — его романы, рассказы, пьесы и прочее?"

По сути, "Герой нашего времени" был первым русским классическим романом, признанным всем миром.

Нам же остается решить каждому для себя (ибо абсолютной

правды мы никогда не узнаем): написал ли предисловие ко второму изданию романа Михаил Лермонтов искренне, составляя портрет Печорина из пороков всего поколения, или же, описывая жизнь во всех ее причудах, рассказывая все те любовные и фаталистические истории, которые есть в "Герое нашего времени", он во многом брал материал для главного героя из себя самого и ссылка на придуманных героев простое оправдание для власть имущих? Василий Аксенов тоже позже в "Правде" отказался от своих "звездных мальчиков", но он-то был одним из них.

Сам гениальный роман не станет хуже ни от одного, ни от другого толкования, но, поверив в немалую автобиографичность "Героя нашего времени", мы с вами легче поймем самого героя.

Ведь это же он сам был в Тамани и правдиво, до мелочей дивно описал всю свою историю. Я специально ездил в Тамань по местам этой поездки, вездесущие краеведы уже до мелочей указали, кто там жил в этой хате, что за товары везли (не оружие ли?) контрабандисты, сколько дней провел Михаил Лермонтов в Тамани. Да и знаменитая кража всего имущества, доставившая Лермонтову позже столько хлопот, тоже произошла, как мы знаем, в Тамани.

Он сам и написал: "Отчего же вы не веруете в действительность Печорина?… Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?"

О Печорине можно говорить сколько угодно много, связывая его с Лермонтовым или не связывая, но в чем-то и на самом деле Михаил Лермонтов копнул "в самые глубины души человеческой…". А какие созданы в романе чудные образы любимых женщин, пусть и брошенных Печориным, но так любовно описанных! Там проглядывают и Варенька Лопухина, и Катенька Сушкова, говорят, что и одна из сестер Мартыновых.

Я пробую не вдаваться в анализ романа, а читаю его как еще одну зашифрованную автобиографию великого русского поэта. Где подробные бытовые описания офицера, побывавшего на Кавказе, соединяются с пророчествами Лермонтова опять же в отношении самого себя. Перечитаем внимательно "Княжну Мери", сцену дуэли Печорина и Грушницкого, и мы как бы оказываемся на дуэли самого Лермонтова с Мартыновым. Детали предельно автобиографичны, автор описывает свое пребывание в Пятигорске летом 1837 года. Узнаваемы и многие персонажи, доктор Вернер списан с доктора Н. В. Майера, в образе Веры явно узнаваема Варенька Лопухина. Схож и образ Грушницкого с образом Мартынова. Вот только его герой Печорин гораздо хуже, чем сам Лермонтов. Писатель явно описывает себя без лишнего

любования, скорее, с неким негодованием. Он сам преувеличивает свои пороки. Посмотрите, как хладнокровно Печорин убивает Грушницкого. Эх, было бы так на самом деле. В жизни-то на первой и на второй дуэли Михаил Лермонтов стрелял вверх (или же совсем не стрелял, направив дуло пистолета вверх?). Хотя повод для дуэли был самый достоверный. Зачем Грушницкий всему миру рассказывает о том, что Печорин провел ночь с юной княжной? Печорину, положим, до этой болтовни и дела нет. Но даже если бы это было и так, достойно ли дворянина и офицера уличать княжну в развратности? Даже если бы Печорин промолчал, неужели не нашлось бы ни одного дворянина, который бы защитил честь княжны? Даже при нынешней безнравственности, кому какое дело, кто у кого бывает по ночам? Я уж не говорю еще и про попытку не зарядить печоринский пистолет. Это уже смахивает на попытку убийства, а не на дуэль. Нечто подобное было и в дуэли самого Лермонтова. Грушницкого убили по всем правилам, за дело, это не было простым баловством дворянского бездельника. Жаль, что никто так и не убил на дуэли Николая Мартынова.

Поверх автобиографической хроники событий в курортном городке автор пишет уже вымышленную историю о характерах и развитии самой эпохи. Да и противостояние гордого и яркого Печорина и мелкого и пошлого Грушницкого соответствует истинным героям того времени. Меня поражает лишь то, как решительно сам автор производит в романе свой выстрел в Грушницкого и как решительно он же отказывается от такого же выстрела в реальной дуэли с Мартыновым. Он как бы сам здорово преувеличивает свой демонизм. Печорин напрямую ассоциируется с Демоном. И все вроде бы лермонтовские типажи. В разговорах, в письмах, в прозе и стихах Михаил Лермонтов мог сколько угодно себя демонизировать, но в жизни он Демоном не был. Что и доказали наглядно обе дуэли. Лермонтов не просто был беспощаден к себе в демонстрации своих недостатков, он явно их гиперболизировал.

Его современники пишут о том, что за позой высокомерного и презирающего всех человека в реальности скрывался совсем иной, и добрый, и скромный, верный и в дружбе, и на службе. Эх, жаль не разглядел его настоящий характер император Николай I, не сумел вчитаться ни в "Бородино", ни в "Песню про… купца Калашникова", ни даже в "Демона". И на самом деле часто Лермонтов демонстрировал презрение к большинству окружающих, не скрывал свое избранничество. Но не случайно же в товарищеской среде его любили и ценили, и не только за талант. Не случайно с ним шли в разведку.

У нас с войны осталась поговорка: "Я бы с ним в разведку не пошел", то есть — ненадежный человек. Высшая проба человеческих качеств. Если Михаил Лермонтов долгое время ходил в разведку да еще собирал в свой разведотряд добровольцев, значит, и все сопливые упреки и прошлых, и нынешних лермонтоведов, оправдывающих Мартынова и обвиняющих Лермонтова в отвратительных человеческих качествах, несостоятельны. Дворянский свет, увы, это и было самое гнилое и пошлое болото, состоящее из людей, которые никогда бы и ни с кем ни в какую разведку бы не ходили. Увы, и поведение всех псевдодрузей Лермонтова после дуэли тоже столь же омерзительно. Какая уж тут разведка! Даже признать свое участие или неучастие в дуэли ни у Алексея Столыпина, ни у Сергея Трубецкого не хватило сил. Утонули в собственном вранье и Васильчиков, и Глебов. Вот они все и были явные "герои нашего времени".

Эх и напугал же Лермонтов своим Печориным мелкого и ничтожного Мартынова! Уверен, тот почти до самого конца дуэли видел перед собой Печорина и ждал выстрела, а не дождавшись, мстительно выстрелил в "презирающего" его человека. Сконцентрировав в образе Печорина весь свой преувеличенный демонизм, Лермонтов и впрямь напугал своим героем окружающих его недалеких людей. Надо ли было стрелять в негодяя Грушницкого, надо ли было пугать контрабандистов возможным разоблачением, надо ли было так поступать с Бэлой, да и с княжной Мери? Если бы большинство читателей не видели бы определенной близости героя с автором, если бы речь шла о явно вымышленном персонаже, думаю, не было бы и дуэли на Кавказе. Лермонтов сам наблюдает и любовно выписывает свои вымышленные пороки. Разве ему не понятна вся обида Максима Максимыча, так жаждавшего встретиться с былым другом и сослуживцем и наткнувшегося на высокомерную презрительность Печорина? Копаясь в себе самом, Лермонтов копается и в людском характере как таковом. Через свою душу и свои пороки он показывает всю пустоту николаевского правления страной. Вот уж верно пишет Белинский: "Лермонтов великий поэт: он объектировал современное общество и его представителей".

Так о чем же повествует этот роман? Как всегда бывает у Лермонтова, не сохранилось ни одной рукописи "Бэлы". Так и осталась эта повесть самой загадочной частью романа, которую трактуют, кто как хочет. Но, к счастью, сохранилась тетрадь, где есть рукописные тексты "Максима Максимыча", "Фаталиста" и "Княжны Мери", в которой всё написано рукой поэта, за исключением отрывка в "Княжне Мери", написанного рукой А. П.

Шан-Гирея. На обложке рукой Лермонтова написано первое заглавие романа: "Один из героев начала века". По всей вероятности, это первоначальный текст. С. А. Раевский в письме А. П. Шан-Гирею 8 мая 1860 года, между прочим, отмечал: "Мишель почти всегда писал без поправок". В эту тетрадь вклеен автограф Предисловия к "Журналу Печорина". Хранятся в РНБ и черновой автограф Предисловия к роману в альбоме Лермонтова 1840–1841 годов (карандашом), и авторизованная копия "Тамани", написанная А. П. Шан-Гиреем с пометками Лермонтова [50]. Вот, собственно, и весь рукописный фонд к роману. Не лучше обстоят дела и с автографами его стихов.

Замысел романа, скорее всего, возник летом 1837 года на Кавказе. Но уже основная работа над романом шла в Петербурге с 1838 по 1840 год. Когда и какая повесть была написана раньше, какая позже, тоже неизвестно. И как дружно многие знакомые уничтожили все хранившиеся у них рукописные материалы, которые могли бы хоть подсказать историю создания романа. Вряд ли уже новые материалы когда-нибудь и появятся.

Известный русский литературовед Б. М. Эйхенбаум заметил, что в начале "Максима Максимыча" сказано — "Бэла" была начата во время остановки во Владикавказе: "Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дня… и я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей…" Из этих слов видно, что во время работы над "Максимом Максимычем" "цепь повестей" уже определилась. Одновременно с предисловием ко всему роману, включенным во второе издание, весной 1841 года Лермонтов написал для сборника А. П. Башуцкого "Наши, списанные с натуры русскими" очерк "Кавказец", завершающий так приглянувшийся Николаю I образ Максима Максимыча, но цензуру почему-то этот очерк не прошел. Может, надо было как-то переслать очерк самому императору?

Позже, после наброска повести "Штосс", Михаил Лермонтов задумал целых три исторических романа. Планы у писателя были громадные, так что ни о каком самоубийстве он не помышлял. Не сбылось.

Белинский писал об этом последнем большом эпическом замысле Лермонтова в статье, посвященной второму изданию "Героя нашего времени": "…пылкая молодость, жадная впечатлений бытия, самый род жизни, — отвлекали его от мирных кабинетных занятий, от уединенной думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура начала устаиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться вглубь жизни. Уже затевал он в уме,

утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство, по примеру куперовской тетралогии, начинающейся "Последним из могикан", продолжающейся "Путеводителем в пустыне" и "Пионерами" и оканчивающейся "Степями"…"

Как считают ученые, замысел первого романа, скорее всего, был связан с Пугачевским восстанием, может быть, с завершением начатого "Вадима". Второй роман — "из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене". Третий роман — "из Кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране".

Может быть, он вернулся бы и к "Герою нашего времени". Пишет же предполагаемый путешествующий офицер, которому попали в руки тетради Печорина:

"Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? — Мой ответ — заглавие этой книги. "Да это злая ирония!" — скажут они. Не знаю".

Вместо Лермонтова уже о Печорине стал размышлять его самый искренний и верный критик Виссарион Белинский, за что ему честь и хвала. "В основной идее романа г. Лермонтова лежит важный современный вопрос о внутреннем человеке, вопрос, на который откликнутся все, и потому роман должен возбудить всеобщее внимание, весь интерес нашей публики. Глубокое чувство действительности, верный инстинкт истины, простота, художественная обрисовка характеров, богатство содержания, неотразимая прелесть изложения, поэтический язык, глубокое знание человеческого сердца и современного общества, широта и смелость кисти, сила и могущество духа, роскошная фантазия, неисчерпаемое обилие эстетической жизни, самобытность и оригинальность — вот качества этого произведения, представляющего собою совершенно новый мир искусства…"

Лермонтов использовал в своем новаторском и по сию пору романе такие жанры, как путевой очерк, дорожный рассказ, светская повесть, кавказская новелла, добавив еще и

психологический рассказ-эссе, и мистическую новеллу… и смело соединил всё свое варево в единый роман. Это уже было подлинным новшеством.

По словам Николая Михайловича Сатина (товарища Лермонтова по Московскому университетскому пансиону), будущие герои романа: княжна Мери, Грушницкий и доктор Вернер были списаны с оригиналов как раз в этом году. "…Он писал тогда свою "Княжну Мери" и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями. Те, которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера", — пишет Сатин в своем труде "Отрывки из воспоминаний".

Хронология написания повестей не установлена точно, но предполагается, что ранее других (осенью 1837 года) написана "Тамань", затем "Фаталист", "Бэла", "Максим Максимыч". Такую последовательность предложил Б. М. Эйхенбаум.

Как все помнят, начинается роман повестью "Бэла", может быть, самой загадочной повестью из всего цикла. В младшую дочь кавказского князька влюбляется Печорин. Он легко уговаривает брата Бэлы Азамата выкрасть для него сестру взамен на коня, которого Печорин в свою очередь выкрадет у абрека Казбича. Казбич в отместку убивает отца Бэлы, Азамат исчезает вместе со своим конем вовсе. Некое равновесие разрушено, между горцами и казаками, между самими офицерами, между самими абреками. В конце концов гибнет и Бэла, скрывается в горах Казбич. К тому же за четыре месяца совместной жизни Бэла изрядно надоела и самому Печорину. Дочь гор Бэла… Она влюбилась в Печорина. Ее, как дочку, лелеет Максим Максимыч. Но они оба в равной степени не нужны Печорину.

Вслед за "Бэлой" следует как бы проходная повесть "Максим Максимыч", где появляется на сцене и сам герой Григорий Александрович Печорин. Мельком поздоровавшись с ждавшим его всю ночь Максимом Максимычем, Печорин уезжает в Персию. В гневе старик оставляет все тетради с записями Печорина проезжавшему офицеру, от лица которого и идет повествование.

Затем идут уже тетради Печорина, написанные им самим. Сначала Предисловие к "Журналу Печорина", следом "Тамань", "Княжна Мери" и "Фаталист".

Сначала мы узнаем о герое со слов других, во второй части романа он уже сам рассказывает о себе и о своей жизни.

Обидно, что и впрямь все действия героя, даже на Кавказе, практически на передовой, сосредоточены или на игре в карты, или на любовных приключениях, или на от скуки разыгранной

дуэли. Написано замечательно, образы яркие и запоминающиеся, но о чем роман?

После Бэлы второй женский образ — это, конечно, княжна Мери. Умная, красивая, тактичная. Сколько же надо иметь внутренней силы, чтобы полюбить Печорина со всеми его душевными провалами? Как писал Шекспир: "Она его за муки полюбила…" Но, к сожалению, в отличие от Отелло, Печорин не полюбил княжну "за состраданье к ним". Женщинам в романе повезло, они хоть испытали чувство подлинной сильной любви. Пусть и несчастной, но завораживающей. Но, в целом, роман "Герой нашего времени" не только лишен значимого действия, а в чем-то повторяет лермонтовское стихотворение "Дума" (1838).

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

Разве не об этом же постоянно размышляет и Григорий Печорин? Разве это не его слова?

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

В "Герое нашего времени" мы читаем ту же насмешку над "промотавшимся" обществом. Но и сам Печорин, полный и ума и энергии, такой же притомившийся герой на празднике чужом. Не случайно же писал о нем Белинский: "В Печорине мы встречаем тип силы, но силы искалеченной, направленной на пустую борьбу, израсходовавшейся по мелочам на дела недостойные… Печорина не запугаешь ничем, его не остановишь никакими препятствиями; кожа у него, правда, женская и рука аристократическая, но он, этой аристократической рукой,

наносит смерть не хуже любого дикаря".

И кому нужна его богатырская сила? Все его приключения в Тамани, в Пятигорске, в горах Кавказа лишены величия замысла. На самом деле, нам понятнее контрабандисты, понятнее Азамат или Казбич, все эти вольные бесстрашные горцы, понятен служивый и благородный кавказец Максим Максимыч. Печорин не понятен даже самому себе, тем более он не понятен и автору.

Григорий Александрович Печорин завораживает читателей своей воистину богатырской силой, он покоряет всех, но дальше-то что ему делать с покоренными? Не знает. Убивать, как Грушницкого, проходить снисходительно мимо, как он прошел мимо Максима Максимыча? Возлюбленных можно и бросить, но что делать со всем обществом, со всем остальным человечеством?

Таким же богатырем был и сам Михаил Юрьевич Лермонтов. Несостоявшимся народным богатырем. Остается только догадываться, что же таилось в той главной тетради, которую рассказчик обещает читателю со временем предоставить. Каким был бы новый герой Лермонтова? Но будем довольствоваться и тем, которого мы получили. Это ведь правда и о нас самих.

Роман "Герой нашего времени" — это откровение всего XIX века. Его "умная ненужность" всегда будет нужна читателю. Его горькая насмешка над миром на самом деле полна надежды в этот мир. Его ирония над человеком полна надежды в человека. Он своим романом зовет нас в разведку, смелые всегда пойдут с ним.

С этим романом, вышедшим в Санкт-Петербурге, Михаил Лермонтов и поехал в свою вторую ссылку. За что же его вновь наказал император?

Отъявленный русоман

Более русского по стихам, по выражению своей русскости в русской поэзии XIX века не найти. Он и был светлым предвестником Сергея Есенина. Но зачем придумывают ему, словно в параллель с Шолоховым, которому навязывают мнимых "соавторов", каких-то надуманных "подлинных отцов"?

Особенно после первой дуэли в Санкт-Петербурге с сыном французского посла Эрнестом де Барантом поэта стали звать в светских кругах отчаянным русоманом. Его даже отличали от философствующих о России славянофилов. Те больше размышляли, Лермонтов действовал.

Он и журнал задумал издавать отличный от всех либеральствующих изданий, даже от "Отечественных записок", где сам и печатался. Он писал своему другу и издателю Краевскому: "Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам тянуться за Европою и за французским…"

Он спорил и с самим Жуковским, покровительствовавшим поэту: "Мы в своем журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное. Не так, как Жуковский, который кормит все переводами. Да еще не говорит, откуда берет их…"

Недаром известный публицист Владимир Данилович Спасович писал о нем: "По врожденной сильной наклонности к национальному, по сильной любви к родине своей, по нерасположению своему к европеизму и глубокому религиозному чувству… Лермонтов был снабжен всеми данными для того, чтобы сделаться великим художником того литературного направления, теоретиками коего были Хомяков и Аксаковы, художником народническим, какого именно недоставало этой школе…"

Его предполагаемый журнал — это была программа нынешнего "Нашего современника".

Уже позже, после своей первой дуэли, Михаил Лермонтов выскажется по поводу вызвавшего его на дуэль сына французского посла в России Эрнеста де Баранта, а заодно и в адрес других, таких же как он, заезжих французиков: "Я ненавижу этих искателей приключений — эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети…" Эта фраза, вырвавшаяся в разговоре, подтверждает, что несмотря на все остальные реальные и придуманные причины дуэли, главной причиной дуэли было его

презрительное отношение не то что конкретно к французам, а к хлынувшим в Россию чужеземным искателям славы и почестей. "Это совершенная противоположность истории Дантеса, — замечает П. А. Вяземский 22 марта 1840 года. — Здесь действует патриотизм. Из Лермонтова делают героя и радуются, что он проучил француза".

Фразу о "сукиных детях" хорошо запомнил караульный офицер Горожанский, дежуривший на Арсенальной гауптвахте во время заключения там Михаила Лермонтова. Позже он и рассказал о ней П. А. Висковатому. Современники долгое время считали, что при всех мелких конкретных поводах главной причиной дуэли и была месть за Пушкина. Хорошо знавшая Лермонтова, сама талантливая писательница, Евдокия Петровна Ростопчина уже через много лет после смерти поэта писала интересовавшемуся Лермонтовым Александру Дюма, что основной причиной ссоры с Барантом был "спор о смерти Пушкина".

Да и военно-судебная комиссия, отнюдь не благоприятствовавшая Михаилу Лермонтову, признала, что Лермонтов "…вышел на дуэль не по одному личному неудовольствию, но более из желания поддержать честь русского офицера". Более того, как пишет Белинский: "Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается".

Тень Дантеса изначально повисла над первой дуэлью Михаила Лермонтова.

Начнем с того, что еще зимой 1839 года на вечеринке у вюртембергского посланника Гогенлоэ барон д'Андре поинтересовался у А. И. Тургенева, насколько соответствует истине мнение, что стихотворение Лермонтова "Смерть Поэта" направлено не только против убийцы Пушкина Дантеса, а против всех французов. Барон д'Андре дал понять, что этим интересуется сам посол Франции, господин Проспер де Барант. Как всегда, истинные причины такого запроса навсегда покрыты тайной. Со дня гибели Пушкина прошло два года, стихотворение "Смерть Поэта" ходило в тысячах списков и наверняка достигло посольства Франции. Скорее, французскому послу хотелось узнать мнение светских кругов о самом поэте. Тургенев поспешно пообещал барону поговорить с Лермонтовым и взять у него текст стихотворения. Когда Тургенев обратился к Михаилу Лермонтову с таким вопросом, поэт через день ему прислал текст "Смерть Поэта", сопроводив его запиской: "Посылаю Вам ту строфу, о которой Вы мне вчера говорили, для известного употребления, если будет такова Ваша милость". Баранта интересовало,

очевидно, и мнение русского дворянства об этом стихотворении.

Кто-то же напомнил французскому послу, вряд ли серьезно занимающемуся русской поэзией, о стихотворении, кто-то же истолковал его как оскорбительное для Франции. Но, очевидно, не один Тургенев спешно кинулся разузнавать подробности стихотворения Лермонтова. Позже Тургенев рассказывал князю Вяземскому: "Через день или два, кажется, на вечеринке или бале уже самого Баранта, я хотел показать эту строфу Андрэ, но он прежде сам подошел ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию…" Вроде бы требовалось убедиться в благонадежности известного поэта, дабы его приглашать на балы в посольство. Всё может быть.

Это говорит прежде всего о том, что к 1839 году положение поэта в обществе уже достигло самых высоких степеней. Не замечать его иностранные дипломаты не могли. К примеру, после дуэли с молодым Барантом тот же вюртембергский посланник Гогенлоэ писал своему королю 22 марта 1840 года, что поэт "возбуждает некоторый интерес достаточно замечательным поэтическим талантом". Итак, на новогодний бал во французском посольстве поэт Михаил Лермонтов был приглашен. Позже друзья Лермонтова упрекали Тургенева, что он ввязался в эту историю, связал поэта с Барантами, да и вообще зачем-то обсуждал с французским послом его стихи о гибели Пушкина. Тургенев уже оправдывался перед Вяземским: "Я был вызван к изъявлению моего мнения самим Барантом". И заканчивал горячим уверением: "Вот тебе правда, вся правда и ничего кроме правды. Прошу тебя и себя, и других переуверить, если, паче чаяния, вы думаете иначе".

Вообще-то А. И. Тургенев — гражданин России и его никак не мог "вызвать к себе для изъявления его мнения" никакой французский посол. Но таковы были нравы многих русских дворян. Это на своего императора можно было и заговоры, и покушения готовить, а перед французским послом надо стоять навытяжку. Так и нынче наши вольнодумцы перед американским послом навытяжку стоят.

Вряд ли барон Проспер де Барант предполагал, что приглашение на балы молодого талантливого поэта Михаила Лермонтова закончатся дуэлью с его сыном. Если откровенно, дуэль французскому послу была не нужна. Эта дуэль могла повлечь удаление посла из Петербурга. Между Россией и Францией и так были натянутые отношения. Император Николай I явно недолюбливал короля Франции Луи Филиппа. К тому же барон и сам был неплохим писателем и даже дружил с

Пушкиным. Он присутствовал при выносе тела покойного поэта и отпевании его в церкви. В. А. Жуковский в письме С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 года заметил: "Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к дверям его с печалью собственной; и о нашем Пушкине пожалел как будто о своем". П. А. Вяземский тоже пишет А. И. Тургеневу: "Чем поддержал Барант свое неотъемлемое и незаимствованное достоинство во время пребывания его в Петербурге? Ничем, за исключением живого участия, которое он оказал в горе нашем о Пушкине". Как говорили, барон Барант входил в число его "близких и высоко ценимых собеседников-европейцев".

Так что, не увлекаясь конспирологией, остановимся или на версии, что обнаглевший сынок посла Эрнест де Барант и впрямь был уязвлен тем, что приглянувшаяся ему вдовая княгиня Щербатова предпочла русского поэта, или же главной причиной послужила одна европейская кокотка, крутившая романы со всеми знатными юношами, Тереза фон Бахерахт, по дамской своей глупости и впрямь рассказавшая молодому Баранту о том, что думает о нем, да и обо всех французах, Михаил Лермонтов. Вспомнили и "Бородино", и "Смерть Поэта". Как писал 7 марта генерал П. Д. Дурново: "Барант, сын посла, дрался на дуэли с Лермонтовым, гвардейским гусарским офицером. 1-й был легко ранен. Причиной дуэли была г-жа Бахарахт". 17 марта о дуэли уже пишет в своем дневнике Л. И. Голенищев-Кутузов: "Произошла дуэль очень замечательная, потому что один из противников — сын посла, а другой — офицер лейб-гвардии гусарского полка… Героиней, или, вернее, причиной дуэли, была, говорят, мадам Бахарах, не в обиду ей будь сказано, так как она ничего не знала, и оба молодца вызвали один другого, хотя она ни одному из них не давала повода, — несмотря на это, злые языки и сплетницы захотят вышивать по этой канве".

Может быть, науськанный сыном посол и заинтересовался всерьез стихами Лермонтова, вызвал к себе своего агента влияния А. И. Тургенева. Умудренный опытом посол, узнав подробности, перечитал еще раз стихотворение "Смерть Поэта", посвященное его покойному другу, и успокоился. Но у сына, кроме чисто политического недовольства позицией Михаила Лермонтова, хватало и личных претензий. К тому же, как у нас в России водится, из недоброжелателей Лермонтова нашлись и кляузники (может, тот же Тургенев, к примеру), которые сообщили, что поэт написал на него злую эпиграмму:

Прекрасная Невы богиня,

За ней волочится француз!
Лицо-то у нее как дыня,
Зато и жопа как арбуз.

Вот обозленный Эрнест де Барант и решил слегка проучить русского поэта. Где Эрнесту было знать, что эту эпиграмму молодой Лермонтов написал, еще учась в юнкерской школе, когда о Баранте и слыхом не слыхивал, и посвящена она была интрижке между одним из юнкеров и горничной. Надо же было кому-то запомнить эту эпиграмму и спустя семь-восемь лет пересказать молодому Баранту. Может быть, этой доносчицей и оказалась та самая Тереза фон Бахерахт, воспринявшая эпиграмму, якобы направленную в свой адрес? Версию об увлеченности Лермонтова женой консула в Гамбурге я отметаю, хотя бы потому, что именно в это время у него развивались самые нежные отношения с княгиней Марией Щербатовой. Также непонятно, зачем связывают дуэль с именем княгини Марии Щербатовой.

Скорее, надо поверить рассказу лермонтовского друга Акима Шан-Гирея: "История эта оставалась довольно долго без последствий, Лермонтов по-прежнему продолжал выезжать в свет и ухаживать за своей княгиней: наконец одна неосторожная барышня Б***, вероятно, безо всякого умысла, придала происшествию достаточную гласность в очень высоком месте, вследствие чего… Лермонтов за поединок был предан военному суду". Как мы видим, госпожа Бахерахт разнесла слухи о поединке с Барантом, но до этого также в светской болтовне она рассказала что-то лишнее о Лермонтове молодому Баранту.

Как пишет князь Павел Петрович Вяземский: "Лермонтов был в близких отношениях с княгиней Щербатовой; а дуэль вышла из-за сплетни, переданной г-жою Бахарах". П. П. Вяземский называет эту госпожу Бахерахт "очень элегантной и пребойкой женщиной". Впрочем, и молодого Баранта не украшает столь резкая реакция на женские пересуды. О госпоже Бахерахт, как виновнице дуэли, говорит весь петербургский свет, хотя, думаю, что бы ни рассказывала эта красотка, главная причина дуэли была в неприятии характеров друг друга, помноженной на общие сложные русско-французские отношения.

В письмах уже Петра Андреевича Вяземского жене в Баден читаем: "Лермонтов имел здесь дуэль, впрочем, без кровопролитных последствий с молодым Барантом (Надинька, не бледней, не с Проспером). Причина тому бабьи сплетни и глупое ребяческое, а между тем довольно нахальное волокитство петербургское. Тут замешана моя приятельница или екс-

приятельница Бахерахт". Спустя несколько дней продолжение: "Об истории дуэли много толков, но все не доберешься толку, не знаешь, что было причиной ссоры. Теперь многие утверждают, что Бахерахтша тут ни в чем не виновата. Она, говорят, очень печальна и в ужасном положении, зная, что имя ее у всех на языке. Кажется, они скоро едут обратно в Гамбург, не дожидаясь навигации. Петербург удивительно опасное и скользкое место".

"Жаль бедной Бахерахтши! В Гамбурге она не уживется, а Петербург надолго не для нея", — добавляет в своем письме П. А. Вяземскому А. И. Тургенев 28 марта. Доказательством того, что эта первая дуэль не была политически спровоцирована ни одной, ни другой стороной, служат и письма секретаря французского посольства барона д'Андрэ своему послу 28 марта 1840 года: "Я не могу выразить, до какой степени второе письмо меня огорчило. Моя первая мысль была о Вас и о г-же Барант. Потом я очень сожалел, что покинул Вас на восемь дней раньше срока; мне казалось, что я мог бы избавить Вас от того, что случилось. Ко времени моего отъезда они уже были в очень натянутых отношениях. Я несколько раз уговаривал Эрнеста сделать над собой небольшое усилие, чтобы не придавать слишком большого значения не вполне культурным манерам г-на Лермонтова, которого он видел слишком часто. Я очень не любил известную даму, находя ее большой кокеткой; теперь я питаю к ней нечто вроде отвращения. Я полагаю, может быть, совсем ошибочно, что при некоторой доле ума она могла бы не допустить того, что произошло. Но, в конце концов, дело, которое могло бы кончиться столь несчастливо, не имеет других последствий, кроме доставленных Вам мимолетного огорчения и больших забот…"

Тереза фон Бахерахт после серии шумных скандалов, связанных с ней, из России уехала, а вот дуэльный след за ней остался. Многие "понаехавшие" из Европ французы, немцы, англичане и впрямь вели себя даже в светском обществе вызывающе, доказывая свое превосходство. Казалось бы, только что русские и австрияков с пруссаками били, и французов хваленых били, но почему-то в самой же России те же русские аристократы нередко прогибались перед приезжими иностранцами. Но — не Лермонтов. У него и самого шотландской крови хватало.

Впрочем, Тереза фон Бахерахт и за границей продолжала свою бурную любвеобильную жизнь. Меняла мужей, любовников, писала романы на немецком языке в духе Жорж Санд. Была эксцентрична и в любви, и в ненависти. Закончила свою жизнь на острове Ява.

Когда 16 февраля 1840 года Эрнест де Барант на балу у

графини Лаваль заявил Михаилу Лермонтову, что тот якобы говорил о нем обидные слова у известной особы, Лермонтов ответил, что никогда и нигде он Баранта не оскорблял. Как пишет П. А. Висковатый, молодой Барант не удовлетворился оправданием Лермонтова и указал ему, что "…если всё переданное мне справедливо, то вы поступили дурно". Лермонтов резко ответил: "Ни советов, ни выговоров не принимаю и нахожу ваше поведение смешным и дерзким". На это де Барант вызывающе заявил: "Если б я был в своем отечестве, то знал бы как кончить дело". Конечно, Лермонтов не мог не ответить и сказал следующее: "Поверьте, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и мы, русские, не меньше других позволяем оскорблять себя безнаказанно"…

Эрнест де Барант прекрасно знал, что в России дуэли запрещены. Николай I ненавидел дуэли и строжайше наказывал за них. (И правильно делал, столько замечательных людей в России было убито.) К тому же в России принято было стреляться на пистолетах, в отличие от всей Европы, где предпочитали шпаги и до первого ранения. И потому там смертных случаев было крайне немного. Совсем другое дело — пистолеты. Русские, как всегда, доходили до крайних мер в любых увлечениях. Барант был уверен, что Лермонтов откажется от дуэли. Он сделал вызов, поэт его принял. И более ужесточил, после предложенной первой схватки на шпагах он решил продолжить дуэль на пистолетах, по-русскому. Барант не посмел отказаться.

Почему я так презрительно пишу об Эрнесте де Баранте, да потому что все последуэльные события доказали его трусость. Мало того что он отказался от повторной дуэли, сочтя себя вполне удовлетворенным, но и в будущем он уже из Европы боялся приехать в Россию, ибо предполагал, что Лермонтов вновь пожелает встретиться с ним. Мать Эрнеста всё время давила на мужа, а посол — на Нессельроде и Бенкендорфа, добиваясь того, чтобы Михаил Лермонтов никогда не возвращался в Петербург. Боялись за своего сыночка. Будто это не он вызвал 16 февраля 1840 года на дуэль нашего поэта. Позже в разговоре с Белинским поэт назовет Баранта "салонным Хлестаковым", так оно и было.

Дуэль состоялась днем 18 февраля всё на той же самой Черной речке, где и был убит Пушкин. Сначала по-французски помахались на шпагах. Поражаюсь отчаянности Лермонтова. Поначалу его секундант Алексей Столыпин (Монго) объяснил секунданту Баранта, недавно приехавшему в Россию виконту Раулю де Англе, что в России на шпагах не дерутся, в России у офицеров на вооружении сабли, и предложил сражаться на саблях, француз заупрямился, а Лермонтов, малознакомый с

таким оружием, спокойно согласился. Шпаги, так шпаги.

При взаимных ударах Барант, к счастью, поскользнулся и шпага лишь процарапала грудь Лермонтова, а шпага Лермонтова ударилась о рукоять барантовской шпаги и острие сломалось.

Взялись за пистолеты. Лермонтов всё медлил, Барант выстрелил и промахнулся. После этого Лермонтов выстрелил в сторону. Противники пожали друг другу руки и разъехались. Что мешало Лермонтову, прекрасному стрелку, пристрелить обнаглевшего француза? И его же до сих пор многие литераторы обвиняют в излишней жестокости и равнодушии к людям.

Алексей Столыпин, который был секундантом на стороне М. Ю. Лермонтова, показал на суде: "Дуэль состоялась 18 февраля 1840 года. Она сначала должна была происходить на шпагах до первой крови, а потом на пистолетах; на шпагах кончилась небольшой раной, полученной поручиком Лермонтовым в правый бок, и тем, что конец шпаги был сломан; после чего продолжалась она на пистолетах; поставили их на 20 шагов, стрелять они должны были вместе, по счету раз — приготовиться, два — целить, три — выстрелить. По счету два Лермонтов остался с поднятым пистолетом и спустил его по счету три. Барон де Барант целил по счету два… Направление пистолета поручика Лермонтова при выстреле не могу определить, но могу только сказать, что он не целил в барона де Баранта, а выстрелил с руки. Барон де Барант, как я уже сказал, целил по слову два и выстрелил по слову три".

Этой дуэли уже в наши дни еще один замечательный русский поэт Николай Рубцов посвятил стихотворение "Дуэль" (1964):

Напрасно
дуло пистолета
Враждебно целилось в него:
Лицо великого поэта
Не выражало ничего!
Уже давно,
как в Божью милость,
Он молча верил
В смертный рок.
И сердце Лермонтова билось,
Как в дни обидчивых тревог.
Когда же выстрел
грянул мимо,
(Наверно, враг
Не спал всю ночь!),
Поэт зевнул невозмутимо

И пистолет отбросил прочь…

Один из видных царедворцев М. А. Корф писал в своем дневнике 21 марта 1840 года: "На днях был здесь дуэль довольно примечательный по участникам. Несколько лет тому назад молоденькая и хорошенькая Штеричева, жившая круглою сиротою у своей бабки, вышла замуж за молодого офицера кн. Щербатова, но он спустя менее года умер, и молодая вдова осталась одна с сыном, родившимся уже через несколько дней после смерти отца. По прошествии траурного срока она, натурально, стала являться в свете, и столь же натурально, что нашлись тотчас и претенденты на ее руку, и просто молодые люди, за нею ухаживавшие. В числе первых был гусарский офицер Лермонтов — едва ли не лучший из теперешних наших поэтов; в числе последних, — сын французского посла Баранта, недавно сюда приехавший для определения в секретари здешней миссии. Но этот ветреный француз вместе с тем приволачивался за живущей здесь уже более года женою консула нашего в Гамбурге Бахерахт — известною кокеткою и даже, по общим слухам, — femme galante. В припадке ревности она как-то успела поссорить Баранта с Лермонтовым, и дело кончилось вызовом… все это было ведено в такой тайне, что несколько недель оставалось скрытым и от публики и от правительства, пока сам Лермонтов как-то не проговорился, и дело дошло до государя. Теперь он под военным судом, а Баранту-сыну, вероятно, придется возвращаться восвояси. Щербатова уехала в Москву, а между тем ее ребенок, остававшийся здесь у бабушки, — умер, что, вероятно, охладит многих из претендентов на ее руку: ибо у нее ничего нет и все состояние было мужнино, перешедшее к сыну, со смертию которого возвращается опять в род отца…"

Менее всего княгине Марии Алексеевне хотелось приобретать незаслуженную репутацию коварной женщины, устраивающей дуэли между поклонниками. Понимая, что любимый ею Михаил Лермонтов не рвется к прочному союзу, она предпочла уйти в московское затворничество. В марте 1840 года она писала А. Д. Блудовой: "Вы знаете, моя дорогая, нет большего позора для женщины, чем низкие домыслы о ней со стороны тех, кто ее знает. Но если женщина слишком горда, она часто предпочитает склонить свою голову перед гнусной клеветой, нежели оказать честь этим клевещущим на нее людям, представляя им доказательства своей чистоты…"

Верно же писал про нее Лермонтов:

…И следуя строго

Печальной отчизны примеру,
В надежду на Бога
Хранит она детскую веру;
Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.
И как бы прощальное признание:
От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

Всё понимал Михаил Юрьевич, но… заехал по пути на Кавказ к Марии попрощаться, написал чудесные стихи и умчался подальше, боясь связывать себя женитьбой…

Но вернемся к самой дуэли с Барантом. После дуэли Михаил Лермонтов поехал к своему издателю Краевскому, где и обмыл рану. Он был энергичен, в веселом настроении, много шутил. Что уж там таилось в душе его — неизвестно. Слухи о такой громкой дуэли быстро разнеслись по всему городу. Полковой командир Лермонтова генерал-майор Плаутин вынужден был потребовать у своего офицера, к которому относился всегда одобрительно, ясных и подробных объяснений. Михаил Юрьевич подробно отчитался своему командиру:

"Ваше превосходительство, милостивый государь! Получив от вашего превосходительства приказание объяснить вам обстоятельства поединка моего с господином Барантом, честь имею донести вашему превосходительству, что 16 февраля, на бале у графини Лаваль, господин Барант стал требовать у меня объяснения насчет будто мною сказанного. Я отвечал, что все ему переданное несправедливо; но так как он был этим недоволен, то я прибавил, что дальнейшего объяснения давать ему не намерен. На колкий его ответ я возразил такою же колкостью, на что он сказал, что если б находился в своем отечестве, то знал бы, как кончить это дело. Тогда я отвечал, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно. Он меня вызвал, условились и расстались. 18 числа в воскресенье, в 12 часов утра, съехались мы за Черною речкою на Парголовской дороге. Его секундантом был

француз, которого имени я не помню и которого никогда до сего не видел. Так как господин Барант почитал себя обиженным, то я предоставил ему выбор оружия. Он избрал шпаги, но с нами были также и пистолеты. Едва успели мы скрестить шпаги, как у моей конец переломился, а он слегка оцарапал (мне) грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрелять вместе, но я немного опоздал. Он дал промах, а я выстрелил уже в сторону. После сего он подал мне руку, и мы разошлись. Вот, ваше превосходительство, подробный отчет всего случившегося между нами. С истинной преданностью честь имею пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга

Михаил Лермонтов".

Плаутин был удовлетворен объяснением. Казалось, дуэль не будет иметь последствий.

И все же 10 марта 1840 года Лермонтов был арестован и посажен в ордонанс-гауз, где содержали подсудимых офицеров. Как пишет Аким Шан-Гирей: "История эта оставалась довольно долго без последствий, Лермонтов по-прежнему продолжал выезжать в свет и ухаживать за своей княгиней; наконец, одна неосторожная барышня Б… (очевидно, Бахерахт. — **В. Б.)** вероятно, без всякого умысла, придала происшествию достаточную гласность в очень высоком месте, вследствие чего приказом по гвардейскому корпусу поручик лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов за поединок был предан военному суду с содержанием под арестом, и в понедельник на Страстной неделе получил казенную квартиру в третьем этаже… петербургского Ордонанс-гауза, где и пробыл недели две, а оттуда перемещен на арсенальную гауптвахту, что на Литейной…"

Думаю, ожесточение властей против Лермонтова началось после дружной атаки всего семейства де Барантов на Бенкендорфа и Нессельроде. Они чрезвычайно испугались повторной дуэли, предложенной Лермонтовым Эрнесту де Баранту во время встречи на гауптвахте. Никого не интересовало, что встреча была обусловлена громкими заверениями Баранта о том, что Лермонтов лжет, уверяя, что стрелял осознанно в сторону. Это уже была не стычка двух молодых забияк, а столкновение двух держав, и для сглаживания русско-французских отношений Нессельроде и Бенкендорф сделали всё, чтобы удалить Михаила Лермонтова из Петербурга.

В показаниях на суде Михаилом Лермонтовым написано: "Я

спросил его: правда ли, что он недоволен моим показанием? Он отвечал: "Точно, и не знаю, почему вы говорите, что стреляли, не целя, на воздух". Тогда я отвечал, что говорил это по двум причинам. Во-первых, потому, что это правда, во-вторых, потому, что я не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему неприятна, а мне может служить в пользу; но что если он недоволен этим моим объяснением, то когда я буду освобожден и когда он возвратится, то я готов буду вторично с ним стреляться, если он этого пожелает. После сего г. Барант, отвечав мне, что он драться не желает, ибо совершенно удовлетворен моим объяснением, уехал".

Я вполне согласен со всеми характеристиками Корфа, в том числе и о Лермонтове, как о лучшем поэте, и его расстановкой всех сил. Больше всего мне жалко в этой истории княгиню Марию Щербатову, которая мне виделась бы лучшей женой для Лермонтова из всех женщин, окружавших его. И какой стойкий характер: гибель мужа, гибель сына, потеря любимого человека, полное обнищание, и никаких упреков. После дуэли она переехала в Москву, и, уезжая на Кавказ через свою любимую Москву, Михаил Лермонтов побывал у нее, но уже с прощальным визитом. Разве что посвятил ей замечательное стихотворение:

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украйны она променяла,
Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.
Как ночи Украйны,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,
Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки,
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки…

"Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова", — записал в своем дневнике А. И. Тургенев, посетив княгиню уже в Москве. Многие уверяют, что и Михаил Лермонтов тоже испытывал к княгине самые серьезные чувства. Что же помешало ему распорядиться ими?

Удивляет и то, что многие лермонтоведы нигде не упоминают госпожу Бахерахт, сосредоточиваясь на княгине Щербатовой, как якобы главной причине дуэли. Неужели гамбургского посланника боятся обидеть?

И в ордонанс-гаузе, и позже на Арсенальной гауптвахте поэт не сидел без дела. Он писал на всех попавшихся ему обрывках бумаги, не было бумаги, писал прямо на стене. Среди написанных и уцелевших для истории стихов "Соседка" (1840), посвященное дочери сторожа ордонанс-гауза:

Не дождаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!
Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой…

На Арсенальной гауптвахте было написано одно из немногих стихотворений Лермонтова, посвященное литературному процессу, литературной жизни России "Журналист, Читатель и Писатель" (1840). Эпиграфом идет французское выражение: "Поэты похожи на медведей, сытых тем, что сосут лапу. Неизданное". Впрочем, может быть, это выражение самого Лермонтова, сосущего в камере свою лапу, взявшего за основу перевод немецкого двустишия Гёте из "Изречений в стихах". Недаром там же, в камере, было написано еще одно стихотворение "Пленный рыцарь". Уж кто-кто, а Лермонтов всегда писал, используя свой опыт, передавая свои страсти и сомнения, в любом из его героев есть частичка самого поэта. А уж жизненный опыт у него к двадцати пяти годам был более чем богатый. От тюрьмы до войны, от любви до презрения, от высшего света до тарханской деревушки. Да еще и генный, древний голос шотландского предка-пророка Томаса Лермонта. Так что, в отличие от уймы ученых, легко обозначивших позицию Журналиста, как позицию буржуазного пошляка, я и в Журналисте вижу лапу самого поэта. Един в трех лицах: и Журналист, с добавкой своего друга Краевского, и Писатель, с добавкой своего друга Хомякова, и Читатель.

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта

Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?…
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!

Вообще-то, всё так и было, как утверждает в этих строках Журналист. И все лермонтовские светские мадригалы и посвящения красавицам не стоят строк, написанных в ссылке или даже в камере. В русских тюрьмах и ссылках было написано немало замечательных творений, от этих лермонтовских строк до сочинений Льва Гумилева и даже Эдуарда Лимонова. Я уж не говорю про пушкинское сидение в Михайловском или даже гоголевское уединение в Риме. Да и "Герой нашего времени" — результат первой кавказской ссылки. Какая уж тут пошлость?!

Но и за Читателя выступает тоже сам поэт. Это же его не раз высказанные мысли о современной ему русской журнальной литературе:

Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? — перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.

Сразу вспоминаешь его желание издавать свой журнал, где можно было бы печатать только своих русских авторов. Недаром его и называли в ту пору отчаянным русоманом. Что касается общего потока отечественной литературы, так и было. Не один Лермонтов утверждал это. Александр Бестужев (Марлинский) писал: "У нас есть критика и нет литературы". Александр Пушкин

сделал наброски статьи с названием "О ничтожности литературы русской". Виссарион Белинский в "Литературных мечтаниях" замечал: "У нас нет литературы". Но не так ли во все времена? Разве нынче не царит в журналах та же стихотворная пустота? Разве мало издевательских сочинений о России и о Москве? Я уже не говорю о господстве коммерческого подхода у издателей и руководителей СМИ. Но и в позиции Писателя мы чувствуем не только постороннюю скептическую точку зрения новой молодой литературы, чувствуем желание самого Михаила Лермонтова уйти в новую прозу. Ведь уже был написан и издан роман "Герой нашего времени", на подходе первая книга стихов. А повторяться Лермонтов не желал. И сидя в камере, найдя неожиданно для себя свободное время для раздумий, он уже как Писатель размышляет:

Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток…
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать…
Скажите ж мне, о чем писать?…
К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?

Так и было, и бранили за смелые творения Лермонтова во многих местах и многие личности, от самого императора до иных из его друзей. Даже и это тюремное стихотворение, подписанное "С-Петербург, 21 марта 1840 года, под арестом на Арсенальной гауптвахте", тогда же резко раскритиковали С. П. Шевырев, С. А. Бурачок, В. Н. Майков, А. В. Дружинин и другие критики, как из славянофильского, так и из западнического направления. Может, и впрямь, не дожидаясь этой критики, Писателю стоит поступить так, как он сам и поступает:

Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья

Он затопляет свой камин.

Нужна ли такая истинная литература "неприготовленному взору"? И если Михаил Лермонтов свой век считает веком коммерческим, то что говорить нам о нынешнем времени? Впрочем, тогда же это столь необычное для Лермонтова стихотворение о литературе высоко оценил всё тот же Виссарион Белинский: "Разговорный язык этой пьесы — верх совершенства; резкость суждений, тонкая и едкая насмешка, оригинальность и поразительная верность взглядов и замечаний — изумительны. Исповедь поэта, которою оканчивается пьеса, блестит слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородною".

Павел Висковатый писал:

"Лермонтов вверял бумаге каждое движение души, большею частию выливая их в стихотворную форму. Он всюду накидывал обрывки мыслей и стихотворений. Каждым попадавшим клочком бумаги пользовался он, и многое погибло безвозвратно. "Подбирай, подбирай, — говорил он шутя своему человеку, найдя у него бумажные отрывки со своими стихами, — со временем большие будут деньги платить, богат станешь". Когда не случалось под рукою бумаги, Лермонтов писал на столах, на переплете книг, на дне деревянного ящика, — где попало…

О том, что Лермонтов шутя советовал подбирать исписанные листы, рассказывал мне в Тарханах сын лермонтовского камердинера со слов отца своего. Другой человек Лермонтова рассказывал, как, посещая барина на гауптвахте в Петербурге, он видел исписанными все стены, "начальство за это серчало" — и М. Ю. перевели на другую гауптвахту".

Там же, в ордонанс-гаузе, и состоялась знаменитая встреча Лермонтова с Белинским, которого привел их общий издатель Краевский. Белинский от встречи был в восторге: "Я смотрел на него — и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собою… В словах его было столько истины, глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть. И он перешел от Вальтер Скотта к Куперу и говорил о нем с жаром, доказывал, что в Купере несравненно более поэзии, чем в Вальтер Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом и — что удивило меня — даже с увлечением. Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем!.. Недаром же меня так тянуло к нему. Мне наконец удалось-таки его видеть в настоящем свете. А ведь

чудак! Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хотя на минуту быть самим собою, — я уверен в этом".

Пока Михаил Лермонтов сидел под арестом в ордонанс-гаузе, а затем на Арсенальной гауптвахте, молодой Эрнест де Барант, официально отправленный уже к себе на родину в Париж, оставался по-прежнему в Петербурге и изображал из себя обиженного. Мол, Лермонтов заявляет, что не промахнулся, а первым выстрелил в воздух, и это оскорбительно для его чести. Когда до Лермонтова дошли эти россказни всё еще не успокоившегося Баранта, он вызвал его на тайную встречу на гарнизонную гауптвахту.

Это случилось уже 22 марта. Лермонтов объяснил нахальному французу, что, если он все еще считает себя обиженным, он готов на повторную дуэль. Вот этого смелого предложения от арестованного русского офицера Эрнест де Барант не ожидал. При свидетелях он заявил, что полностью чувствует себя удовлетворенным и не имеет никаких претензий к Лермонтову.

Очевидно, он понял, что на этот раз Лермонтов не промахнется. Более того, о своей тайной встрече с поэтом на гауптвахте он рассказал и своей семье, и всем светским знакомым. Мать Эрнеста добилась встречи с великим князем Михаилом Павловичем и пожаловалась ему на то, что ее сына вновь этот русский офицер хочет вызвать на дуэль. Думаю, из-за этой уже дипломатической интриги, политической игры, в которую ввязались на стороне Баранта и министр иностранных дел России Нессельроде, и шеф Третьего жандармского отделения Бенкендорф, Михаил Лермонтов в результате получил более жесткую меру наказания, чем предполагалось ранее, и ненависть высших чиновников империи.

При всех самых жестких нынешних полемиках о судьбе Лермонтова, так никто никогда и не узнает, не сыграла ли эта ненависть Нессельроде и Бенкендорфа к поэту роковую роль в Пятигорске. Ведь не в советское время, когда агитпроп мог приказать развивать какую-то конкретную идеологическую версию, а в XIX столетии, как пишет Павел Висковатый, господствовало мнение, что Мартынов был всего лишь орудием "если не злой, то мелкой интриги дрянных людей…".

Мать заодно донесла великому князю и о других встречах поэта во время ареста, с тем же Виссарионом Белинским.

Уже после отъезда Эрнеста в Париж, надеясь на его возвращение и удачную карьеру в России, мать постоянно допытывалась, не отпустят ли Лермонтова в отставку, не вернется ли он в Петербург. Более того, она требовала, чтобы Лермонтов

написал письмо де Баранту с признанием своего ложного заявления на суде, что он стрелял в воздух. Без такого признания молодой Барант вряд ли был бы привлечен к работе в посольстве Франции в России.

Барантов поддержал граф А. Х. Бенкендорф. Он потребовал от поэта этого письменного признания.

Михаил Лермонтов был вынужден обратиться к великому князю Михаилу Павловичу:

> "[Апрель, 1840] Ваше Императорское Высочество! Признавая в полной мере вину мою и с благоговением покоряясь наказанию, возложенному на меня Его Императорским Величеством, я был ободрен до сих пор надеждой иметь возможность усердною службой загладить мой проступок, но, получив приказание явиться к господину генерал-адъютанту графу Бенкендорфу, я из слов его сиятельства увидел, что на мне лежит еще обвинение в ложном показании, самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своей честью.
>
> Граф Бенкендорф предлагал мне написать письмо к Баранту, в котором бы я просил извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил на воздух. Я не мог на то согласиться, ибо это было бы против моей совести; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, может быть, разделяете сомнение в истине слов моих, мысль эта столь невыносима, что я решился обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушие и справедливость Вашу и будучи уже не раз облагодетельствован Вами, и просить Вас защитить и оправдать меня во мнении Его Императорского Величества, ибо в противном случае теряю невинно и невозвратно имя благородного человека.
>
> Ваше Императорское Высочество, позволите сказать мне со всею откровенностью: я искренно сожалею, что показание мое оскорбило Баранта; я не предполагал этого, не имел этого намерения, но теперь не могу исправить ошибку посредством лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказав, что выстрелил на воздух, я сказал истину, готов подтвердить оную честным словом, и доказательством может служить то, что на месте дуэли, когда мой секундант, отставной поручик Столыпин подал мне пистолет, я сказал ему именно, что

выстрелю на воздух, что и подтвердит он сам.

Чувствуя в полной мере дерзновение мое, я, однако, осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить внимание на горестное мое положение и заступлением Вашим восстановить мое доброе имя во мнении Его Императорского Величества и Вашем.

С благоговейною преданностью имею счастие пребыть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший

Михаил Лермонтов, Тенгинского пехотного полка поручик".

К счастью, великий князь поддержал письмо Лермонтова и, как мог, смягчил приговор императора. Естественно, после этой как бы жалобы на графа Бенкендорфа от былого его благорасположения к поэту не осталось и следа, до самой смерти это уже был один из самых злейших врагов Михаила Лермонтова.

Император же Николай I написал собственноручно:

"Поручика Лермантова перевесть в Тенгинский пехотный полк тем же чином; отставного поручика Столыпина и Г. Браницкого освободить от подлежащей ответственности, объявив первому, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным. В прочем быть по сему.

Николай С. Петербург 13 Апреля 1840".

Незадолго до отъезда, наконец, вышел роман "Герой нашего времени". Лермонтову это был как бы прощальный подарок от Петербурга.

Прощальный вечер перед отъездом через Москву на Кавказ состоялся в салоне Карамзиных. Весь вечер поэт был задумчив и грустен. Может, и предугадывал наш шотландский мистик и прорицатель, что едет на смерть? Стоя у окна, смотря на Неву и Летний сад, он написал ныне всем известное стихотворение:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную…

Тройка лошадей увезла его в ссылку прямо от дома Карамзиных. Этим стихотворением не случайно Михаил Лермонтов заканчивает свою первую книгу стихотворений, изданных в конце 1840 года.

В Москве он наносит визиты княгине Щербатовой, всем своим

московским друзьям, ругая на чем свет стоит и Петербург, и всех иностранцев. Видный чиновник Ф. Ф. Вигель негодует: "Я видел русомана Лермонтова в последний его проезд через Москву. "Ах, если б мне позволено было оставить службу, — сказал он мне, — с каким бы удовольствием поселился бы я здесь навсегда". — "Ненадолго, мой любезнейший", — отвечал я ему".

Совсем по-другому пишет о нем сблизившийся с ним в Москве славянофил Юрий Самарин: "Я часто видел Лермонтова за все время его пребывания в Москве. Это чрезвычайно артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию, благодаря своей наблюдательности и значительной доли индифферентизма. Вы еще не успели с ним заговорить, а он вас уже насквозь раскусил; он все замечает; его взор тяжел, и чувствовать на себе этот взор утомительно… Этот человек никогда не слушает то, что вы ему говорите, он вас самих слушает и наблюдает, и после того, как он вполне понял вас, вы продолжаете оставаться для него чем-то совершенно внешним, не имеющим никакого права что-либо изменить в его жизни. В моем положении, мне очень жаль, что знакомство наше не продолжалось дольше. Я думаю, что между им и мною могли бы установиться отношения, которые помогли бы мне постичь многое".

По сути, начинается уже зрелый период жизни и творчества великого поэта. Он встречается со многими московскими писателями, размышляет о своей будущей литературной жизни. Сергей Аксаков вспоминает свою встречу с ним на именинах Николая Гоголя. Все-таки это была знаменательная встреча двух русских гениев:

"Приблизился день именин Гоголя, 9-е мая [1840], и он захотел угостить обедом всех своих приятелей и знакомых в саду у Погодина… На этом обеде, кроме круга близких приятелей и знакомых, были: И. С. Тургенев, князь П. А. Вяземский, Лермонтов, М. Ф. Орлов, М. А. Дмитриев, Загоскин, профессора Армфельд и Редкий и многие другие. Обед был веселый и шумный, но Гоголь, хотя был также весел, но как-то озабочен, что, впрочем, всегда с ним бывало в подобных случаях. После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы "Мцыри" и читал, говорят, прекрасно. Потом все собрались в беседку, где Гоголь, собственноручно, с особенным старанием, приготовлял жженку. Он любил брать на себя приготовление этого напитка, причем говаривал много очень забавных шуток".

О той же встрече вспоминает и Юрий Самарин: "Я увидал его

несколько лет спустя на обеде у Гоголя 9 мая 1840 года. Это было после его дуэли с Барантом. Он узнал меня, обрадовался; мы разговорились про Гагарина; тут он читал свои стихи — Бой мальчика с барсом ["Мцыри"]. Ему понравился Хомяков. Помню его суждение о Петербурге и петербургских женщинах. Лермонтов сделал на всех самое приятное впечатление. Ко мне он охотно обращался в своих разговорах и звал к себе. Два или три вечера мы провели у Павловых и у Свербеевых. Лермонтов угадал меня. Я не скрывался. Помню последний вечер у Павловых. К нему приставала К. К. П. [Каролина Карловна Павлова]. Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце".

Литературный завоеватель и победитель Петербурга, ему чуждого, и родной Москвы в конце мая 1844 года отправился на Кавказ.

"Валерик"

Михаил Юрьевич Лермонтов в своей прозе предвидел дуэль с Мартыновым, лишь придал ей в книге иной, счастливый для себя финал. Предвидел он и ссылку на Кавказ. В повести "Бэла" он пишет: "Вскоре перевели меня на Кавказ; это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями, — напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров, — и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял последнюю надежду…"

Около месяца, в мае 1840 года, он пробыл в своей родной и любимой Москве. По пути на Кавказ на три дня он останавливается в Новочеркасске у своего бывшего командира генерала М. Г. Хомутова, который, как и другие его командиры, очень хорошо относился к поэту. Был бы он плохим офицером, то при всей его поэтической популярности и при всех связях рода Столыпиных в войсках его бы не уважали. Да и служил-то он на Кавказе в боевых условиях. Значит, было за что ценить офицера.

Выехав из Москвы в конце мая, лишь к 10 июня он добрался до Ставрополя, где находилась главная квартира командующего Кавказской линией. В свой Тенгинский пехотный полк, штаб которого был расположен в Анапе, поручик так и не поехал. Генерал-адъютант Павел Христофорович Граббе высоко ценил Михаила Лермонтова и как храброго офицера, и как поэта и позволял ему достаточно вольно служить на Кавказе. По просьбе поэта Лермонтов был прикомандирован к чеченскому отряду генерала Аполлона Васильевича Галафеева.

Он хвастливо заявлял в письме от 17 июня 1840 года своему другу Алексею Лопухину: "Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк! Пожалуйста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индейских петухов, так, авось, это его испугает".

Жил Михаил Лермонтов, как правило, в Ставрополе. Но как только появлялась возможность, отправлялся в боевые операции, которые обычно начинались в крепости Грозной, участвовал в экспедициях в Малую и Большую Чечню, а также в походе в Темир-Хан-Шуру. В Ставрополе, как обычно, Лермонтов быстро оказался в центре проживающих в то время в городе ярких и незаурядных людей, собирающихся у капитана Генерального штаба барона И. А. Вревского, к тому же давних знакомых поэта.

Это были Алексей Столыпин (Монго), Лев Сергеевич Пушкин, Сергей Трубецкой, Руфин Дорохов, доктор Майер, декабрист Михаил Назимов. Но Лермонтову светские развлечения порядком надоели.

Михаил Лермонтов после боя на Валерике. Рисунок Д. П. Палена. 1840 г.

Генерал Аполлон Васильевич Галафеев. Акварельная копия Е. И. Висковатой с оригинала Д. П. Палена.

В том же письме своему приятелю Алексею Лопухину накануне отъезда в отряд в боевую экспедицию 17 июня Лермонтов пишет: "Я здесь в Ставрополе, уже с неделю и живу вместе с графом Ламбертом, который также едет в экспедицию и который вздыхает по графине Зубовой, о чем прошу ей всеподданнейше донести".

Отряд выдвинулся 6 июля из крепости Грозная и после нескольких незначительных стычек принял бой у реки Валерик. 11 июля 1840 года на обширной территории от нынешнего Валерика, особенно в верхней части в районе Старого кладбища,

между землями Валерик и Шалажи, у реки Гехи происходит яростное сражение между царской и чеченской армиями. Около семи тысяч чеченских бойцов встречают отряд царской армии. Горцами командовал наиб Ахбердил Мухаммед. Михаил Лермонтов в этом бою проявил себя опытным и храбрым бойцом. Как было написано в сводке генерала Галафеева своему начальнику генерал-адъютанту Граббе от 8 октября 1840 года: "Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы".

За свою храбрость в бою поручик Лермонтов был представлен к ордену. Но из списка награжденных рукой императора Николая I Лермонтов был вычеркнут. И в дальнейшем, когда уже за другие боевые действия его представляли к Золотой сабле, вновь, как говорится, награда не нашла героя. И как после этого двойного осознанного вычеркивания из списков награжденных за боевые заслуги считать, что неприязнь Николая I к поэту была выдумана советскими учеными. Обычно Николай I щедро награждал героев кавказских сражений. Поэт рвется в бой, в самые рискованные боевые экспедиции, а император пишет, чтобы Лермонтова держать строго в полку, в тылу, и не допускать ни до каких сражений. Он лишал поэта последнего повода для просьбы об отставке. Мало ли, Лермонтова бы легко ранили, и, уже как раненого, император вынужден был бы удовлетворить просьбу о его отставке. И, значит, поэт появился бы в Москве и Петербурге, основал бы свой журнал, продолжал бы возмущать народ своими стихами. Недопустимо.

Император не желал смерти поэта, он желал его тихого угасания в казарменной жизни, вдали от столиц. Вот как ответил граф Клейнмихель генералу Граббе:

"Милостивый государь Евгений Александрович!

В представлении от 5-го минувшего Марта № 458 ваше высокопревосходительство изволили ходатайствовать о награждении, в числе других чинов, переведенного 13-го апреля 1840 года за проступок л. — гв. из Гусарского полка в Тенгинский пехотный полк, поручика Лермонтова орденом св. Станислава 3-й степени, за отличие, оказанное им в экспедиции противу горцев 1840 года.

Государь император, по рассмотрении доставленного о сем офицере списка, не изволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую ему награду. — При сем его величество, заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивый государь, о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку.

О таковой монаршей воле имею честь вас уведомить.

Подлинное подписал **Граф Клейнмихель".**

Вот тебе и монаршия справедливость!

Как писали в "Журнале военных действий отряда на левом фланге Кавказской линии" (который по ряду предположений и вел сам Михаил Лермонтов): "Кинжал и шашка уступили штыку. Фанатическое исступление отчаянных мюридов не устояло против хладнокровной храбрости русского солдата! Числительная сила разбросанной толпы должна была уступить нравственной силе стройных войск, и чеченцы выбежали на поляну на левом берегу реки Валерика, откуда картечь из двух конных орудий, под командою гвардейской конной артиллерии поручика Евреинова, снова вогнала их в лес".

Чувства самого Михаила Лермонтова после первых сражений тоже раздвоились. С одной стороны, со своей горячей шотландской горской кровью он тянулся к боевым смертельным схваткам и, небось, не одного горца застрелил или зарубил во время сражений. Да и немало сел и старинных башен было уничтожено во время этих вылазок русскими отрядами. Как пишет сам поэт тому же Лопухину: "Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными". Это было поострее, чем игра в карты или завоевание сердец красавиц. Это уже была азартная игра со смертью. Как он пишет о сражении на реке Валерик в том же письме Лопухину: "…в овраге, где была потеха".

Задиристый храбрец, готовый сражаться на всех фронтах, в нем же самом соседствовал и с древним шотландским горцем, которому были близки и дороги свободолюбивые чеченцы, он их воспевал больше, чем многие их же национальные поэты. Над всем этим царил в нем еще и небесный посланник, пришедший к нам свыше на грешную землю.

И уже этот небесный посланник, не голосом задиры-офицера, не голосом поклонника горцев, а голосом всечеловеческого

странника писал одно из своих гениальных стихотворений "Валерик".

Как часто у Лермонтова и бывало, оно начинается как обычное любовное послание былой подружке юных лет. Этакая романтическая поэзия. Но далее любовные воспоминания плавно переходят на описание военного быта:

Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга.
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.

Следом идут уже, как продолжение "Бородино", рассказы стариков о былых сражениях:

Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам…

Потом уже описываются удалые казачьи сшибки с чеченскими мюридами. Такими молодеческими сшибками и впрямь пробавлялись солдаты и офицеры обеих сторон до поры до времени, без всякой военной пользы для любой из сторон. И вот, наконец, жаркая схватка на реке Валерик. И уже сам Михаил Лермонтов, как рассказывают очевидцы, даже не спрыгнув с коня, помчался на завалы, под огонь горцев, на смерть. Но — пронесло:

Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня…
"Ура" — и смолкло. — "Вон кинжалы,
В приклады!" — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть…
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

Тысячи убитых с одной стороны, тысячи с другой, и всё во имя чего? Тут уже от батальной поэзии Михаил Лермонтов уходит далеко ввысь:

А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: "Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?"

Враждуют и воюют уже тысячи лет, убивают миллионы людей, и надо быть космическим, мистическим поэтом, чтобы прямо с поля брани, весь в крови, своей и чужой, сам не сторонний наблюдатель, а один из отчаянных головорезов спецназа, и вдруг вознестись туда, ввысь и, видя в сиянье голубом родную землю, подивиться, зачем же среди ее земных красот люди так нещадно режут и убивают друг друга.

Вечный вопрос: вчерашний, сегодняшний, завтрашний — зачем? А потом опуститься на грешную землю и уточнить у своего горского кунака: как же называлось то кровавое место? Нужны ли земле и космосу эти беспрестанные кровопролития, эта человеческая вражда?

Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: "Валерик,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми".

Обладая и отвагой, и опытом, воинским умением, и впрямь Михаил Лермонтов на той кавказской войне не обладал лишь уверенностью в ее необходимости. Какое-то фатальное, игровое отношение было у поэта ко всему происходящему:

Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал…
"Спасите, братцы. Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал…
Не слышат…" Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих и душу отдал Богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые…
И тихо плакали… потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел ‹я› недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.

Стихотворение было написано вскоре после самого боя. Исповедь героя перед еще не забытой, когда-то любимой женщиной. А вернее, исповедь перед самим собой и перед небом. Начиная как любовное послание, перейдя на описание сражений и горестные думы о природе человека, Лермонтов заканчивает стихотворение "Валерик" вновь обращением к столь дорогой ему когда-то женщине:

Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвенье

Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье?
Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так?
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

Но не будь у этого любовного послания совсем иного, не любовного содержания, думаю, стихотворение вряд ли стало бы одним из вершинных в творчестве поэта. Все-таки эти "шалости чудака" были гораздо важнее "тревог самозабвенья". Да и батальная лирика тоже сама по себе мало отличается от сцен из "Бородино" и других батальных творений поэта. Важнее всего его прорыв ввысь, вглубь человека и его существования, и эта в чем-то леденящая, космическая, без всякого сожаления и печали, демоническая скорбь о человеке как таковом прежде всего и определяет смысл стихотворения "Валерик". Стих такой же ломаный и неупорядоченный, как сама война. Как сама жизнь. Как давняя, вспыхивающая временами любовь.

Позже, 12 сентября Лермонтов пишет о происшедшем уже из Пятигорска Алексею Лопухину: "Мой милый Алеша. Я уверен, что ты получил письма мои, которые я тебе писал из действующего отряда в Чечне, но уверен также, что ты мне не отвечал, ибо я ничего о тебе не слышу письменно. Пожалуйста, не ленись: ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают. С тех пор, как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался всё время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2 тысячи пехоты, а их до 6 тысяч; и всё время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте, — кажется хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные — только бог знает, когда мы увидимся. Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню. Если ты будешь мне писать, то вот адрес: на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Галафеева, на левый фланг. Я здесь проведу до конца ноября, а потом не знаю, куда отправлюсь — в Ставрополь, на Черное море

или в Тифлис. Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными. Только скучно то, что либо так жарко, что насилу ходишь, либо так холодно, что дрожь пробирает, либо есть нечего, либо денег нет, — именно что со мною теперь. Я прожил всё, а из дому не присылают. Не знаю, почему от бабушки ни одного письма. Не знаю, где она, в деревне или в Петербурге. Напиши, пожалуйста, видел ли ты ее в Москве. Поцелуй за меня ручку у Варвары Александровны и прощай. Будь здоров и счастлив.

Твой Лермонтов".

Храбро сражался и при этом мечтал об отставке и воспевал в стихах чеченцев, коим нещадно сносил головы. Такова жизнь! Как пишет генерал Галафеев: "Успехам этого дня я вполне обязан распорядительности и мужеству… Равномерно в этот день отличились храбростию и самоотвержением при передаче приказаний под огнем неприятеля Кавалергардского его величества полка поручик граф Ламберт и Тенгинского пехотного полка поручик Лермантов. Из Журнала военных действий отряда на левом фланге Кавказской линии с 25 сентября по 7 октября 1840 года".

После валерикского сражения поэт создает своеобразный художественный триптих: начало боя 11 июля 1840 года, момент решительной рукопашной схватки, похороны убитых утром 12 июля.

"Эпизод из сражения при Валерике" здесь занимает главное место. Этот маленький акварельный шедевр был создан, когда Лермонтов вместе с художником Григорием Гагариным приехал в кратковременный отпуск на Кавказские воды. Гагарин сделал только раскраску. Гагарин сам признается: "Рисунок Лермонтова, раскрашенный мною во время пребывания в Кисловодске" и дата — 11 июля 1840 года.

Сражение при реке Валерик не было определяющим на Кавказской войне, но оно стало определяющим и для жизни, и для поздней, зрелой поэзии Михаила Юрьевича Лермонтова. Он переживал заново уже наяву все свои сюжеты из "Героя нашего времени". Он лихо сражался с чеченцами, но он же уважал их стремление к свободе, их вольность и независимость поведения. Чеченцы и ныне, как рассказывали мне в Грозном чеченские писатели, считают Лермонтова своим. Участие в битвах ему прощается, на то и война, чтобы сражаться, тут не до сантиментов, кто кого. Но его уважение к народам Кавказа, его породненность с ними всегда высоко ценятся на Кавказе.

Он признается чуть ли не в родственной тяге к ним, к их

образу жизни, и как тут не вспомнить его горские шотландские корни:

Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.

Даже в сражениях это не враги, это горцы-удальцы. Но при этом Лермонтов понимает, что в противостоянии Азии и России Кавказ, и по его мнению, должен быть в орбите его родины. И потому он всегда ищет мирного союза, ищет куначества, а не уничтожения.

В этот период жизнь Лермонтова-офицера и жизнь Лермонтова-поэта резко отделились друг от друга. По жизни Михаил Лермонтов после ранения его друга, еще одного удальца Руфина Дорохова, взял у него командование отрядом отчаянных храбрецов, нынешнего спецназа. И по приказу командования совершал дерзкие нападения на горцев. Ему, всегда немного фату и любящему красиво одеться, в этих вылазках было не до переодеваний. Как с неприязнью сообщает о Лермонтове один из его вечных светских недругов барон Лев Васильевич Россильон:

"Лермонтова я хорошо помню. Он был неприятный, насмешливый человек, хотел казаться чем-то особенным. Хвастался своею храбростью, как будто на Кавказе, где все были храбры, можно было кого-либо удивить ею!

Лермонтов собрал какую-то шайку грязных головорезов. Они не признавали огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские аулы, вели партизанскую войну и именовались громким именем Лермонтовского отряда. Длилось это недолго, впрочем, потому, что Лермонтов нигде не мог усидеть, вечно рвался куда-то и ничего не доводил до конца. Когда я его видел на Судаке, он был мне противен необычайною своею неопрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстегнутого сюртука поэта, который носил он без эполет, что, впрочем, было на Кавказе в обычае. Гарцевал Лермонтов на белом как снег коне, на котором, молодецки заломив белую холщевую шапку, бросался на черкесские завалы. Чистое молодечество, ибо кто же кидался на завалы верхом! Мы над ним за это смеялись".

К тому же, по мнению барона Льва Россильона, Лермонтов был фатом, чересчур много о себе думающим. Впрочем, слыша о

себе подобные разговоры, Михаил Лермонтов как бы между прочим и сам заметил о бароне Россильоне: "Не то немец, не то поляк, — а пожалуй и жид".

А по поводу своего спецназа Лермонтов писал Алексею Лопухину, уже вернувшись в крепость Грозную:

"Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, то есть отряд возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков, — разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то авось что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем еще воевать целую зиму, то я успею их раскусить. Вот тебе обо мне самое интересное.

Писем я ни от тебя, ни от кого другого уж месяца три не получал. Бог знает, что с вами сделалось; забыли что ли? или [письма] пропадают? Я махнул рукой. Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна, а описывать экспедиции не велят. Ты видишь, как я покорен законам. Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем. Варвара Александровна будет зевать за пяльцами и, наконец, уснет от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну, который сделает мне кака на колена… Сделай одолжение, пиши ко мне как можно больше. Прощай, будь здоров с чадами и домочадцами и поцелуй за меня ручку у своей сожительницы.

Твой Лермонтов".

Все-таки реальная война, как и любая другая, сделала Михаила Лермонтова из юнца, несмотря на молодой возраст, уже совсем зрелым человеком.

После этих военных вылазок поэт вернулся в Ставрополь, съездил в Пятигорск. Далее следует совсем уж загадочное путешествие в Крым, знакомство или роман с француженкой Оммер де Гелль.

Первоначально опубликованные в переводе князя Павла Петровича Вяземского записки французской писательницы, путешествующей по Кавказу, были использованы всеми биографами Лермонтова, от Павла Висковатого до Павла Щеголева, вышли в 1933 году в знаменитом издании "Academia". Потом обнаружилось, что они были дописаны, досочинены,

придуманы великим мистификатором Вяземским, и все ссылки на Оммер де Гелль перечеркнули. Решили, что такой особы вообще не существовало. Наши ученые любят шарахаться из крайности в крайность. Но вот вышли недавно в Москве уже в качественном переводе с французского подлинные записки Оммер де Гелль. Там нет упоминаний о Лермонтове, но точно доказывается, что они с поэтом были на Кавказе в одно и то же время.

И что же, французская писательница не заинтересовалась нисколько нашим знаменитым уже в ту пору поэтом? И что же, всегда увлекающемуся красивыми женщинами Михаилу Лермонтову была неинтересна очаровательная француженка, к тому же писательница, увлеченная Россией? Не пора ли французским славистам как следует заняться архивом Оммер де Гелль? Уверен, какие-то следы их общения наверняка обнаружатся. Я думаю, скорее всего, на реальные записки путешественницы князь Вяземский лишь добавил своих фантазий, а может быть, устных ее рассказов? Ездила ли Оммер де Гелль в Крым с поэтом перед его последней поездкой в Петербург, неведомо никому до поры до времени. Но наверняка они были знакомы на Кавказе.

После разоблачения мистификаций Вяземского никто почти не обращается к воспоминаниям генерала Е. И. фон Майделя, всю жизнь прослужившего на Кавказе. А он независимо от Вяземского рассказывает о своих беседах с Лермонтовым: "Знаете ли барон, я прошлой осенью ездил к ней (своей французской приятельнице. — **В. Б.)** в Ялту… О, если бы вы знали, что это за женщина! Умна и обольстительна как фея. Я ей написал французские стихи…" Это и была супруга французского консула в Одессе, известного французского геолога Ксавье Оммера де Гелля. Звали ее Жанна Адель Эрно Оммер де Гелль. Согласно воспоминаниям барона Майделя, Оммер де Гелль говорила о Лермонтове: "Это Прометей, прикованный к скалам Кавказа… Коршуны, терзающие его грудь, не понимают, что они делают, иначе они сами себе растерзали бы груди…" Кстати, это мало чем отличается от версии мистификатора Вяземского: "Мне жаль Лермонтова… Он дурно кончит. Он не для России рожден. Его предок вышел из свободной Англии со своей дружиной при деде Петра Великого. А Лермонтов великий поэт…"

Может, в этой мистификации была заложена реальная основа? Хорошо, что сейчас этой проблемой занялась Екатерина Соснина, автор книги, посвященной малоизученным фактам биографии М. Ю. Лермонтова, "Черный алмаз". Может, докопается она и до французских архивов семьи Оммер де Гелль?

Поэт и впрямь написал в ту пору французские стихи,

очевидно, посвященные Оммер де Гелль:

…Измучен призраком надежды,
В густой траве смежаю вежды
И забываюсь, одинок,
Но вдруг развеян сон унылый:
Я слышу радом голос милый,
Прикосновенье милых ног [51].

Независимо от того, был ли Михаил Лермонтов в Крыму поздней осенью 1840 года или нет, вернувшись в Ставрополь и поучаствовав в очередных боевых экспедициях, за что он уже был представлен командованием к Золотой сабле, также отвергнутой императором, он хлопочет уже не об отставке, а хотя бы об отпуске и получает его в самом конце 1840 года сроком на несколько месяцев. Вновь помогли хлопоты любящей бабушки.

В Санкт-Петербург он приехал в начале февраля 1841 года. Прибыл прямо к восторженным читателям романа "Герой нашего времени". Прибыл героем Кавказа, обретшим кровавый боевой опыт, возмужавшим, подготовившим к выпуску книгу своих лучших стихов. Это уже был последний и самый триумфальный приезд знаменитого русского поэта в покоренную им столицу.

Ждала его уже и первая вышедшая в самом конце 1840 года книжка лирических стихотворений. Надо нам сегодня только поражаться требовательности к себе Михаила Юрьевича. Он отобрал всего лишь 28 стихотворений из сотен им написанных. Допустим, что "Смерть Поэта" и "Демон" не пропустила бы цензура, но сколько ныне ставших классическими стихотворений им было не допущено в книжку? Всем бы русским поэтам иметь к себе такую требовательность.

Зато все вышедшие — это шедевры мировой лирики. Я не удержусь, чтобы не перечислить все стихи, отобранные поэтом в первую книгу. Это "Песня про… купца Калашникова", "Бородино", "Узник", "Молитва" ("Я, Матерь Божия…"), "Дума", "Русалка", "Ветка Палестины", "Не верь себе…", "Еврейская мелодия", "В альбом" ("Как одинокая гробница…"), "Три пальмы", "В минуту жизни трудную…" ("Молитва"), "Дары Терека", "Памяти Одоевского", "1-е января", "Казачья колыбельная песня", "Журналист, Читатель и Писатель", "Воздушный корабль", "И скучно и грустно", "Ребенку", "Отчего", "Благодарность", "Из Гёте", "Мцыри", "Когда волнуется желтеющая нива…", "Сосед", "Расстались мы, но твой портрет…", и последнее, написанное поэтом прямо в день отъезда из Петербурга в кавказскую ссылку у Карамзиных, стало величественным и печальным финалом

сборника "Тучи". Книжка была составлена самим поэтом незадолго до отъезда в ссылку. О ней писали восторженно практически все газеты и журналы, от Булгарина до Белинского.

Так что встречали в феврале 1841 года в Петербурге не какого-то ссыльного неизвестного офицерика с малозначащими стихами, как любят нынче писать апологеты Мартынова, а общенационального, известного читающей публике всей России лучшего русского поэта, зачинателя новой русской прозы.

Или все дворяне и офицеры были и впрямь безграмотными необразованными людьми и ничего этого не знали? Когда же мы, наконец, поймем, что последний год жизни Лермонтова, год 1841-й — это был год жизни всеми признанного гениального русского поэта. И все эти Мартыновы и васильчиковы прекрасно понимали, на кого они руку поднимали. Как понимал это и император Николай I, и вся его семья. Как понимали Бенкендорф и Нессельроде.

А пока Михаила Лермонтова ждал петербургский карнавал. Ему были открыты двери всех са лонов, его звали к себе самые знатные и чопорные аристократы.

Его ждали друзья и любящая бабушка.

"Я ищу свободы и покоя..."

"Я ищу свободы и покоя!.." — занес он в свою походную тетрадь. Свобода и покой — чего еще может желать человек, обладающий этими бесценными дарами? И одновременно, "уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть...". Это уже песнопения мудрого старца, а не 25-летнего молодца. Так быстро и стремительно прожита вся жизнь.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Воистину самая странная судьба из всех наших славных гениев. Вся его внешняя жизнь — ничто по сравнению с проживаемой им небесной, надземной жизнью.

Скажите, как дано было знать земному поэту XIX века, что из космоса видна "земля в сиянье голубом"? Кто и в какие мгновения уносил его на небо, где так торжественно и чудно?! И кто упорно утаивает от мира истинную причину его гибели? Вот уж и спустя десятилетия после дуэли Лермонтова А. В. Дружинин расспрашивает подробно обо всем того же Руфина Дорохова: "Преданность моего случайного знакомца памяти Лермонтова была беспредельна. Он понимал произведения поэта так, как немногие их понимают: он мог рассказать происхождение почти каждого из стихотворений, событие, подавшее к нему повод, расположение духа, с которым автор "Пророка" брался за перо... За день до своего выступления он, укладываясь в поход, показывал мелкие вещицы, принадлежащие Лермонтову, свой альбом с шуточными стихами поэта, портрет, снятый с него в день смерти, и большую тетрадь в кожаном переплете, наполненную рисунками. Картинки карандашом изображали по большей части сцены из Кавказской жизни, стычки линейных казаков с татарами и т. д. Кое-где между ними были стихи да шуточные двустишия и четверостишия, относящиеся к неизвестным лицам".

Рассказал Дорохов и о подробностях злосчастной дуэли. Дружинин даже в зашифрованном виде многое побоялся записать. Не настало еще время. Но он дает понять: было совершено преступление. А позже бесследно исчезли и Дружинин, и все его записи. Все реликвии, стихи, рисунки, которые Дорохов

так бережно хранил, после его гибели исчезли. Даже не сохранилось ни одного его портрета. Что за мистика?

Но вернемся к нашему повествованию. Михаил Лермонтов приезжает в отпуск в Петербург, отдавать ему свой прощальный поклон.

> "31 декабря 1840, г. Анапа.
>
> Приказ по Тенгинскому пехотному полку за № 365:
>
> Прибывшего в полк из командировки поручика Лермонтова предписываю исключить из командировочной ведомости, зачислить налицо.
>
> За командира полка
>
> Полковник Голубицкий-Лебединский".

В январе Лермонтов едет в отпуск, преисполненный надежд. Они не оправдались. Отставка не получена. В наградах отказано. Жить осталось пол года…

Вернулся на Масленицу в феврале 1841 года в Санкт-Петербург уже не искатель светских приключений, а фронтовик, близко соприкасавшийся со смертью. Михаил Лермонтов уже прекрасно понимал свое дальнейшее предназначение. Любым способом уйти в отставку со службы и посвятить себя русской литературе. Он уже и в поэзии перестал писать бесконечные посвящения всем знакомым и малознакомым женщинам. Была бы его воля, он бы под конец жизни почти все свои стихотворные послания к подружкам уничтожил.

Но пока что, несмотря на все хлопоты бабушки, не удалось добиться ни прощения, ни увольнения, всего лишь дали двухмесячный отпуск. По-прежнему его приезда боялись Баранты, к тому же недруги Лермонтова распускали слухи, что несносный поэт готов поехать в Париж, дабы вызвать вновь сына французского посла на дуэль. Иной раз думаешь, может, и на самом деле за этими злыми сплетнями, а потом и за дуэлью Мартынова стояли жандармское отделение графа Бенкендорфа и Министерство иностранных дел Нессельроде. Сколько же можно мутить воду?

Как писал А. П. Шан-Гирей: "Все бабушкины попытки выхлопотать еще раз своему Мише прощение остались без успеха, ей сказали, что не время еще, надо подождать". Как у нас на Руси водится, воевать за родину — это пожалуйста, а все награды и милости совсем другим достаются. Допустим, Михаил Лермонтов — русский гений, он и без орденов на века прославлен, но таких, как он, храбрецов, гибнущих за славу России, во все времена, вплоть до сегодняшнего дня, — многие тысячи, и кто бы о них вспомнил при раздаче орденов и званий?

Как обычно, добирался до Петербурга Михаил Лермонтов через любимую свою Москву, куда и прибыл 30 января 1841 года, но долго задерживаться в Москве не стал и уже в первых числах февраля добрался до Северной столицы. Прибыл в Петербург уже отчаянным русоманом. В литературе он уже был недоволен даже опекавшими его "Отечественными записками" Краевского.

"Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам тянуться за Европою и за французским… — писал он Краевскому. — Там на Востоке тайник богатых откровений". Перестал нравится ему и журнал Жуковского: "Мы в своем журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь в каждой книжке доставлять что-либо оригинальное, не так, как Жуковский, который все кормит переводами, да еще не говорит, откуда берет их". В то время написал он и свое известное стихотворение "Родина". Он и к Карамзиным в салон зачастил, потому что это был чуть ли не единственный салон, где говорили по-русски. Недаром заговорили даже в кругу Жуковского о его общности с многими славянофилами.

Но на свою беду после приезда в Петербург он допустил роковую оплошность. По приглашению графини Воронцовой-Дашковой он заявился в армейском мундире на бал, где присутствовали члены императорской семьи, что было недопустимо для ссыльного офицера.

Пишет он уже после бала своему кавказскому сослуживцу Д. С. Бибикову:

"Милый Биби. Насилу собрался писать к тебе; начну с того, что объясню тайну моего отпуска: бабушка моя просила о прощении моем, а мне дали отпуск; но скоро еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот какие беды: приехав сюда в Петербург на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал; обществом зато я был принят очень хорошо, и у меня началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно, не будет, ибо 9 марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня здесь вычеркнули, так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук".

Ох уж эти придворные балы, сколько вреда они принесли поэту, и что его туда так тянуло? Хотелось покрасоваться перед красавицами во всей своей славе?! Он весело кружился в танцах, а на него угрюмо и недовольно смотрел великий князь Михаил

Павлович. В своем армейском мундире он заметно выделялся на фоне всех светских щеголей.

"Великий князь очевидно несколько раз пытался подойти к Лермонтову, но тот несся с кем-либо из дам по зале, словно избегая грозного объяснения. Наконец графине указали на недовольный вид высокого гостя, и она увела Лермонтова во внутренние покои, а оттуда задним ходом его препроводила из дому. В этот вечер поэт не подвергся замечанию. Хозяйка энергично заступалась за него перед великим князем, принимала всю ответственность на себя, говорила, что она зазвала поэта, что тот не знал ничего о бале, и, наконец, апеллировала к правам хозяйки, стоящей на страже неприкосновенности гостей своих", — вспоминал граф Соллогуб, один из давних недоброжелателей поэта. Дамы еле уговорили великого князя сменить гнев на милость и не выказывать своего недовольства Лермонтовым.

М. Н. Лонгинов вспоминал позже:

"Он был тогда на той высшей степени апогея своей известности, до которой ему только суждено было дожить. Петербургский "beau-monde" встретил его с увлечением; он сейчас вошел в моду и стал являться по приглашениям на балы, где бывал Двор. Но все это было непродолжительно. В одно утро, после бала, кажется, у графа С. С. Уварова, на котором был Лермонтов, его позвали к тогдашнему дежурному генералу графу Клейнмихелю, который объявил ему, что он уволен в отпуск лишь для свидания с "бабушкой", и что в его положении неприлично разъезжать по праздникам, особенно когда на них бывает Двор, и что поэтому он должен воздержаться от посещения таких собраний. Лермонтов, тщеславный и любивший светские успехи, был этим чрезвычайно огорчен и оскорблен, в совершенную противоположность тому, что выражено в написанном им около этого времени стихотворении: "Я не хочу, чтоб свет узнал"".

Оставались лишь дружеские приемы у Карамзиных и других близких друзей, встречи у Краевского и Одоевского, разговоры с верным ему Белинским. Но как недолюбливал весельчак и задира Лермонтов эту скучную и серьезную литературную жизнь! Главный поэт России упорно стремился быть вне всей литературы. Как же он собирался вести свой журнал? Белинский же, напротив, вытягивал из Лермонтова все его новые творения. Прочитав "Родину", он сразу же написал Боткину: "Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его "Родина", то, аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских…" Белинский откровенно писал о величии таланта Лермонтова, "если пуля дикого черкеса не остановит его пути…". Увы, вместо черкеса оказался на его пути русский дворянин Мартынов,

прекрасно понимавший, на кого он поднимал руку.

Тогда Лермонтов на одном из приемов и познакомился с одной из своих последних верных подружек графиней Евдокией Ростопчиной. Графиня писала своему другу, французскому писателю Александру Дюма:

"Именно в это-то время я познакомилась лично с Лермонтовым, и двух дней было довольно, чтобы связать нас дружбой.

Принадлежа к одному и тому же кругу, мы постоянно встречались и утром и вечером; что нас окончательно сблизило — это мой рассказ об известных мне его юношеских проказах; мы вместе вдоволь над ними посмеялись, и таким образом вдруг сошлись, как будто были знакомы с самого того времени. Три месяца, проведенные тогда Лермонтовым в столице, были, как я полагаю, самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять в этой дружественной обстановке, он придумывал какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили целые часы в веселом смехе, благодаря его неисчерпаемой веселости…

Отпуск его приходил к концу, а бабушка не ехала. Стали просить об отсрочках, в которых было сначала отказано; их взяли потом штурмом, благодаря высоким протекциям. Лермонтову очень не хотелось ехать, у него были всякого рода дурные предчувствия…

Наконец, около конца апреля или начала мая, мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути. Я из последних пожала ему руку. Мы ужинали втроем, за маленьким столом, он и еще другой друг, который тоже погиб насильственной смертью в последнюю войну. Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать, старалась смеяться над его, казавшимися пустыми, предчувствиями, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце. Через два месяца они осуществились, и пистолетный выстрел во второй раз похитил у России драгоценную жизнь, составлявшую национальную гордость. Но что было всего ужаснее, в этот раз удар последовал от дружеской руки…"

Конечно, это было письмо писательницы с ее авторскими преувеличениями, к тому же написанное крупнейшему французскому писателю Александру Дюма, уже давно интересовавшемуся Лермонтовым. Графиня Ростопчина, тогда

такая же молодая, как Лермонтов, лет двадцати пяти, умная, очаровательная, одаренная необыкновенной памятью, стала сразу же после своего знакомства с поэтом своеобразным мостиком между Лермонтовым и Дюма.

И потому отвлекусь немного в сторону. Благодаря переписке с Ростопчиной, обладавшей и тончайшим художественным вкусом, и даром убеждения, Дюма заинтересовался поэтом и даже в 1855 году опубликовал в своем журнале роман "Герой нашего времени", переведенный на французский язык. Думаю, перевод А. А. Столыпина вряд ли дошел до французского читателя. Уже в 1858 году Александр Дюма путешествовал по Кавказу и описал его в своем трехтомнике "Кавказ". Одна из глав полностью посвящена великому русскому поэту. Он переводит массу его стихов, включая "изумительное "Дары Терека"", да еще и неизвестное в России стихотворение Лермонтова. То ли это чересчур вольный перевод, то ли попавшее ему в 1858 году и затем исчезнувшее стихотворение, каких немало в литературной истории Лермонтова. Все оригиналы лермонтовских переводов Дюма были выкуплены позже семьей потомков князя Васильчикова. Как утверждает Екатерина Соснина, Васильчиков оставил том рукописных мемуаров, хранящихся ныне у его родственника. Да и в архиве Александра Дюма стоит покопаться. Впрочем, пора уже к двухсотлетию Михаила Лермонтова издать и записки Александра Дюма "Кавказ", особенно ту часть, которая касается Лермонтова. Как видим, Михаил Лермонтов сумел всерьез заинтересовать и Дюма, и Джойса, и Набокова, и многих других всемирно известных писателей.

Сразу после смерти Николая I Александр Дюма решил поехать в Россию. Приехав в Санкт-Петербург, испросил позволения побывать на Кавказе. Побывал, написал книгу "Кавказ", многое и насочинял, как и положено автору "Трех мушкетеров". Но, поездив по Кавказу, по местам боевых действий, он еще более полюбил уже заочно близкого ему Михаила Лермонтова. "Я первый познакомил Францию с гениальным человеком… Вы знаете Лермонтова, любезные читатели? После Пушкина это первый поэт России… ныне говорят, даже выше Пушкина. Лермонтов, преимущественно поэт Кавказа, куда он был сослан, там сражался, там писал и, наконец, там же и убит".

В станице Червлёной он пожелал увидеть Авдотью Догадиху. Он знает по письмам Ростопчиной, рядом с ней Лермонтов написал изумительную "Казачью колыбельную песню" и жаждет полюбоваться ее красотой. Авдотья уже к тому времени умерла, но Александр Дюма уверяет читателей, что она — та красавица-казачка, которую Терек принес в дар седому Каспию. В Чир-Юрте

Дюма пожелал встретиться с однополчанами поэта. Офицеры подарили ему роскошную черкеску, папаху, кинжал и шашку. Дюма был в полном восторге, даже ходил в ночной секрет. Не пожалел своих слов на фантастическое описание своего участия в "опасной военной операции".

Влиятельные друзья и очаровательные поклонницы использовали все свои возможности, чтобы оттянуть отъезд Михаила Лермонтова на Кавказ. Поначалу это удавалось, даже поэт возликовал, наверное, можно думать и об отставке. И вдруг как обухом по голове: А. А. Краевский вспоминает:

"Он рвет и мечет, снует по комнате, разбрасывает бумаги и вновь убегает. По прошествии известного времени он опять тут. Опять та же песня и катанье по широкому моему дивану. Я был занят; меня досада взяла: — Да скажи ты ради Бога, что с тобою, отвяжись, дай поработать! Михаил Юрьевич вскочил, подбежал ко мне и, схватив за борты сюртука, потряс так, что чуть не свалил меня со стула. — Понимаешь ли ты! Мне велят выехать в 48 часов из Петербурга. — Оказалось, что его разбудили рано утром: Клейнмихель приказывал покинуть столицу в двадцать четыре часа и ехать в полк в Шуру. Дело это вышло по настоянию гр. Бенкендорфа, которому не нравились хлопоты о прощении Лермонтова и выпуске его в отставку".

Петербургу и императорскому двору не нужен был гениальный поэт Михаил Лермонтов, им нужен был простой армейский офицеришка, которому еще к тому же запрещено было отправляться на боевые экспедиции. Дабы не совершать геройских поступков. Какая уж тут житейская неуживчивость Лермонтова, ничего не стоят и его якобы высокомерие и злословие. Поэта откровенно и нагло выгоняли в дальний темный угол, без права на возвращение. Добрался бы он до своего полка, а что дальше? Опальный и озлобленный офицер легко мог стать причиной какого-нибудь происшествия. Не Мартынов и дуэль, так что-нибудь другое. Нет, господа хорошие, в этой лермонтовской истории по всей логике таится что-то скверное, петербургское, чиновное. И кем была уготована дуэль на Кавказе — еще большой вопрос!

Недаром и архив свой поэт оставил у Акима Шан-Гирея. Уезжая на Кавказ, написал наскоро свой шедевр "На севере диком…", скорее не о любовной истории соснового дерева и пальмы, а о невыносимом одиночестве и невозможности какого-либо счастья.

На севере диком стоит одиноко На голой вершине сосна И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим Одета, как ризой, она.

Но перенеси эту северную сосну, эту северную поэзию

Лермонтова, да и его самого на юг, и там точно так же уже южная пальма обречена на то же одиночество и безнадежность. "Одна и грустна на утесе горючем / Прекрасная пальма растет".

Явно, поэту не до лирики. Уезжая из Петербурга, князь Одоевский подарил ему свою чистую записную книжку, с тем условием, чтобы Лермонтов возвратил ее всю исписанную новыми стихами.

Одоевский получил ее уже после смерти поэта, она была лишь частично заполнена стихами 1841 года, но какими прекрасными стихами…

Последний вечер в Петербурге поэт провел у Карамзиных, где и поговорил по душам с Натальей Николаевной Пушкиной. Незадолго до отъезда он побывал у гадалки Александры Филипповны, жившей у Пяти Углов и предсказавшей смерть Пушкину от "белого человека". Лермонтов, как бы шутя, спросил, будет ли он отпущен в отставку и останется ли в Петербурге. Гадалка сказала, что в Петербурге ему вообще больше не бывать. И ожидает его совсем другая отставка, "после коей уж ни о чем просить не станешь". Лермонтов рассмеялся, ему перед этим только что сказали о продлении отпуска и о возможной отставке. Но когда всё рухнуло, он вспомнил гадание и помрачнел…

2 мая 1841 года он пошел на почтамт, откуда отправлялась на Москву почтовая карета. Уже в пути написал крайне злые стихи на Бенкендорфа, которого готов был вызвать на дуэль. Бабушке он писал: "Петербург мне вреден…" И впрямь, не надо было ездить, думаю, в Москве бы он без всяких осложнений провел бы и отпуск, глядишь, и отставки бы добился. Но не таков был его характер.

Несколько дней после всего этого нервного расстройства, потрясений и дурных предчувствий он приходил в себя в дружеском кругу в родной Москве. Там он и познакомился еще с одним своим переводчиком и поклонником, немецким поэтом Фридрихом Боденштедтом. Немец уже знал его сборник стихов 1840 года, очень ценил его. Уже после смерти поэта Боденштедт перевел множество его стихов в Германии и среди них опять одно (как и у Дюма) неизвестное в русском оригинале. Может быть, Лермонтов сам и дал Боденштедту пачку своих творений, и опубликованных, и неопубликованных. Он всегда был щедр на такие подарки.

Уже в 1860-е годы Ф. Боденштедт вспоминал:

"Отдаваясь кому-нибудь, он отдавался от всего сердца, только едва ли это с ним случалось. В самых близких и дружественных отношениях находился он с умной графиней Ростопчиной, которой было бы поэтому легче, нежели кому-либо, дать верное

понятие о его характере.

Людей же, недостаточно знавших его, чтобы извинять его недостатки за его высокие, обаятельные качества, он скорее отталкивал, нежели привлекал к себе, давая слишком много воли своему несколько колкому остроумию. Впрочем, он мог быть в то же время кроток и нежен, как ребенок, и вообще в характере его преобладало задумчивое, часто грустное настроение.

Серьезная мысль была главной чертой его благородного лица, как и всех значительнейших его творений, к которым его легкие, шутливые произведения относятся, как его насмешливый, тонко очерченный рот к его большим, полным думы глазам. Многие из соотечественников Лермонтова разделяли с ним его прометеевскую участь, но ни у одного из них страдания не вызвали таких драгоценных слез, которые служили ему облегчением при жизни и дали ему неувядаемый венок по смерти".

Почти каждый день Лермонтов бывал у славянофила Ю. Ф. Самарина.

Из Москвы по просьбе бабушки он выехал на Кавказ вместе с А. А. Столыпиным. Позже Столыпин записывает в дневнике:

"Мы долго разговаривали. Он показывал мне свои рисунки. Воспоминания Кавказа его оживили. Помню его поэтический рассказ о деле с горцами, где ранен Трубецкой… Его голос дрожал, он был готов прослезиться. Потом ему стало стыдно, и он, думая уничтожить первое впечатление, пустился толковать, почему он был растроган, сваливая все на нервы, расстроенные летним жаром. В этом разговоре он был виден весь. Его мнение о современном состоянии России: "Ce qu'il y a de pire, ce n'est pas qu'un certain nombre d'hommes souffre patiemment, mais c'est qu'un nombre immense souffre sans le savoir""[52].

Вот и пора бы поэту вести такую же спокойную творческую жизнь, в размышлениях и творческих спорах. Да кто ему даст?

Оставил Самарину для "Москвитянина" свои новые стихи, среди них "Спор", и отправился в сопровождении Алексея Столыпина в Ставрополь. Ехали не спеша, с остановками в Туле и других городах. Первоначально в его планах было добраться до своей части в Шуре, а уже оттуда съездить отдохнуть на воды в Пятигорск.

В Ставрополе, представившись начальству, решал, куда ехать дальше. И здесь кардинально расходятся версии лучших биографов Лермонтова Павла Висковатого и Павла Мартьянова. По версии Висковатого, составленной на основе воспоминаний улана Петра Магденко, Лермонтов со Столыпиным вначале поехали в расположение части, в Шуру, а затем кинули монетку

по настоянию Лермонтова, и попала монетка им ехать в Пятигорск.

Петр Магденко рассказал Висковатому: "Солнце уже закатилось, когда я приехал в город или, вернее, только крепость Георгиевскую. Смотритель сказал мне, что ночью ехать дальше не совсем безопасно. Я решился остаться ночевать и, в ожидании самовара, пошел прогуляться. Вернувшись, я только что принялся пить чай, как в комнату вошли Лермонтов и Столыпин. Они поздоровались со мной, как со старым знакомым, и приняли приглашение выпить чаю. Вошедший смотритель, на приказание Лермонтова запрягать лошадей, отвечал предостережением в опасности ночного пути. Лермонтов ответил, что он старый кавказец, бывал в экспедициях и его не запугаешь. Решение продолжать путь не изменилось и от смотрительского рассказа, что позавчера в семи верстах от крепости зарезан был черкесами проезжий унтер-офицер. Я, со своей стороны, тоже стал уговаривать лучше подождать завтрашнего дня, утверждал что-то вроде того, что лучше же приберечь храбрость на время какой-либо экспедиции, чем рисковать жизнью в борьбе с ночными разбойниками. К тому же разразился страшный дождь и он-то, кажется, сильнее доводов наших подействовал на Лермонтова, который решился-таки заночевать. Принесли что у кого было съестного, явилось на стол кахетинское вино, и мы разговорились. Они расспрашивали меня о цели моей поездки, объяснили, что сами едут в отряд за Лабу, чтобы участвовать в "экспедициях против горцев". Я утверждал, что не понимаю их влечения к трудностям боевой жизни, и противопоставлял ей удовольствия, которые ожидаю от кратковременного пребывания в Пятигорске, в хорошей квартире, с удобствами жизни и разными затеями, которые им в отряде, конечно, доступны не будут…

На другое утро Лермонтов, входя в комнату, в которой я со Столыпиным сидели уже за самоваром, обратясь к последнему, сказал: "Послушай, Столыпин, а ведь теперь в Пятигорске хорошо, там Верзилины (он назвал еще несколько имен); поедем в Пятигорск". Столыпин отвечал, что это невозможно. "Почему? — быстро спросил Лермонтов. — Там комендант старый Ильяшевич, и являться к нему нечего, ничто нам не мешает. Решайся, Столыпин, едем в Пятигорск". С этими словами Лермонтов вышел из комнаты. На дворе лил проливной дождь. Надо заметить, что Пятигорск стоял от Георгиевского на расстоянии 40 верст, по-тогдашнему — один перегон. Из Георгиевска мне приходилось ехать в одну сторону, им — в другую.

Столыпин сидел задумавшись. "Ну, что, — спросил я его, —

решаетесь, капитан?" — "Помилуйте, как нам ехать в Пятигорск, ведь мне поручено везти его в отряд. Вон, — говорил он, указывая на стол, — наша подорожная, а там инструкция — посмотрите". Я поглядел на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцию посовестился и, признаться, очень о том сожалею.

Дверь отворилась, быстро вошел Лермонтов, сел к столу и, обратясь к Столыпину, произнес повелительным тоном: "Столыпин, едем в Пятигорск!" — С этими словами вынул он из кармана кошелек с деньгами, взял из него монету и сказал: "Вот, послушай, бросаю полтинник, если упадет кверху орлом — едем в отряд; если решеткой — едем в Пятигорск. Согласен?"

Столыпин молча кивнул головой. Полтинник был брошен и к нашим ногам упал решеткой вверх. Лермонтов вскочил и радостно закричал: "В Пятигорск, в Пятигорск! Позвать людей, нам уже запрягли!" Люди, два дюжих татарина, узнав в чем дело, упали перед господами и благодарили их, выражая непритворную радость. Верно, — думал я, нелегка пришлась бы им жизнь в отряде.

Лошади были поданы. Я пригласил спутников в свою коляску. Лермонтов и я сидели на задней скамье, Столыпин на передней. Нас обдавало целым потоком дождя. Лермонтову хотелось закурить трубку, — оно оказалось немыслимым. Дорогой и Столыпин и я молчали, Лермонтов говорил почти без умолку и все время был в каком-то возбужденном состоянии. Между прочим, он указывал нам на озеро, кругом которого он джигитовал, а трое черкес гонялись за ним, но он ускользнул от них на лихом своем карабахском коне.

Говорил Лермонтов и о вопросах, касавшихся общего положения дел в России. Об одном высокопоставленном лице я услыхал от нею тогда в первый раз в жизни моей такое жесткое мнение, что оно и теперь еще кажется мне преувеличенным.

Промокшие до костей, приехали мы в Пятигорск и вместе остановились на бульваре в гостинице, которую содержал армянин Найтаки. Минут через 20 в мой номер явились Столыпин и Лермонтов, уже переодетыми, в белом как снег белье и халатах. Лермонтов был в шелковом темно-зеленом с узорами халате, опоясанный толстым снурком с золотыми желудями на концах. Потирая руки от удовольствия, Лермонтов сказал Столыпину:

— Ведь и Мартышка, Мартышка здесь. Я сказал Найтаки, чтобы послали за ним.

Именем этим Лермонтов приятельски называл старинного своего хорошего знакомого, а потом скоро противника, которому рок судил убить надёжу русскую на поединке.

Я познакомился в Пятигорске со всеми людьми, бывавшими у Лермонтова; но весть о печальной кончине поэта нагнала меня уже вне Пятигорска".

Может, так и запомнилось стареющему улану, но я более солидарен с версией Мартьянова. Вряд ли осмотрительный человек Алексей Столыпин, которому поручено было следить и направлять необузданного Михаила Лермонтова, так запросто нарушил бы императорскую "Подорожную по казенной надобности" и самовольно изменил маршрут. Да и в Пятигорске вряд ли так легко комендант города разрешил бы им оставаться без всякого на то разрешения. Вряд ли они стали бы подкупать писарей и лекарей, не то еще было время.

Уверен, как и считает Мартьянов, еще в Ставрополе Лермонтов явился к генералу Граббе и отпросился у него в отпуск. Генерал Граббе уехал в отряд, неужели он не заметил бы очередную лермонтовскую самоволку? Далее Лермонтов в Ставрополе получил свидетельство о болезни и отпросился у начальника штаба флигель-адъютанта Траскина на лечение в Пятигорск на воды. И получил новое предписание на лечение.

Я могу предположить, соединяя обе версии воедино, что уже выехав с разрешением на лечение в Пятигорск, по дороге друзья засомневались (может быть, настоял более осмотрительный Столыпин), стоит ли ехать на воды, не заезжая в часть. Может, сначала добраться до отряда? И вот тут уже они и могли кинуть свою монетку. Выпало на Пятигорск. К тому же, как радостно сказал в душе далеко не злобный и щедрый на чувства к приятелям Михаил Лермонтов: "Ведь и Мартышка, Мартышка здесь…"

Вот и отправились друзья в Пятигорск, где жилось отдыхающим весело и привольно. Писал же Лермонтов:

> Очарователен Кавказский наш Монако!
> Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
> В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
> И жгут днем женщины, а по ночам — клопы.

Явились к коменданту Пятигорска уже с предписанием. Там же Чилаев предложил им флигель своего дома. Осмотрели флигель, подошел, заплатили задаток и въехали.

Всё недалеко, всё рядом.

Вспоминает декабрист Н. И. Лорер: "Гвардейские офицеры, после экспедиции, нахлынули в Пятигорск, и общество еще более оживилось. Молодежь эта здорова, сильна, весела, как подобает молодежи; вод не пьет, конечно, и широко пользуется свободой

после экспедиции. Они бывают у источников, но без стаканов; их заменяют лорнеты, хлыстики… Везде в виноградных аллеях можно их встретить, увивающихся и любезничающих с дамами.

У Лермонтова я познакомился со многими из них и с удовольствием вспоминаю теперь имена их. Алексей Столыпин (Монго), товарищ Лермонтова по школе и полку в гвардии; Глебов, конногвардеец, с подвязанной рукой, тяжело раненный в ключицу; Тиран, лейб-гусар; А. Васильчиков, чиновник при Гане, присланном для ревизии Кавказского края, сын моего бывшего корпусного командира в гвардии; Сергей Трубецкой, Манзей и другие. Вся эта молодежь чрезвычайно любила декабристов вообще, и мы легко сошлись с ними на короткую ногу".

А вот как их живописует Н. П. Раевский:

"В Пятигорске была жизнь веселая, привольная; нравы были просты, как в Аркадии. Танцевали мы много, и всегда по простоте. Играет, бывало, музыка на бульваре, играет, а после перетащим мы ее в гостиницу к Найтаки, барышень просим прямо с бульвара, без нарядов, ну вот и бал по вдохновению. А в соседней комнате содержатель гостиницы уж нам и ужин готовит. А когда, бывало, затеет начальство настоящий бал, и гостиница уж не трактир, а благородное собрание, — мы, случалось, барышням нашим, которые победней, и платьица даривали. Термалама, мовь и канаус в ход шли, чтобы перед наезжими щеголихами барышни наши не сконфузились. И танцевали мы на этих балах все, бывало, с нашими; таков и обычай был, чтобы в обиду не давать.

Зато и слава была у Пятигорска. Всякий туда норовил. Бывало, комендант вышлет к месту служения; крутишься, крутишься, дельце сварганишь, — ан и опять в Пятигорск. В таких делах нам много доктор Ребров помогал. Бывало, подластишься к нему, он даст свидетельство о болезни, отправит в госпиталь на два дня, а после и домой, за неимением в госпитале места. К таким уловкам и Михаил Юрьевич не раз прибегал.

И слыл Пятигорск тогда за город картежный, вроде кавказского Монако, как его Лермонтов прозвал. Как теперь вижу фигуру сэра Генри Мильс, полковника английской службы и известнейшего игрока тех времен. Каждый курс он в наш город наезжал".

В. И. Чилаев рассказывает: "Первую ночь по приезде в Пятигорск они ночевали в гостинице Найтаки. На другой день утром, часов в девять, явились в комендантское управление. Полковник Ильяшенков, человек старого закала, недалекий и боязливый до трусости, находился уже в кабинете. По докладе плац-адъютанта о том, что в Пятигорск приехал Лермонтов со

Столыпиным, он схватился за голову обеими руками и, вскочив с кресла, живо проговорил:

— Ну, вот опять этот сорвиголова к нам пожаловал!.. Зачем это?

— Приехал на воды, — отвечал плац-адъютант.

— Шалить и бедокурить! — вспылил старик. — А мы отвечай потом!.. Да у нас и мест нет в госпитале, нельзя ли их спровадить в Егорьевск?… А?… Я даже не знаю, право, что нам с ними делать?

— Будем смотреть построже, — проговорил почтительно докладчик, — а не принять нельзя, у них есть разрешение начальника штаба и медицинские свидетельства о необходимости лечения водами…"

Жаль, не выполнил А. А. Столыпин своего предназначения следить за своим родственником. Может, и пошло бы всё по-другому? А может, уже чувствовал Михаил Лермонтов надвигающуюся смерть, только думал, что она ждет его на войне, решил немного отвлечься от дурных мыслей, с которыми в бой идти никак нельзя, тогда уж точно убьют. Вот и довеселился со своим Мартышкой, коего вплоть до смертного выстрела всерьез, как недруга, не воспринимал.

В игре, как лев, силен
Наш Пушкин Лев,
Бьет короля бубен,
Бьет даму треф.
Но пусть всех королей
И дам он бьет:
"Ва-банк!" — и туз червей
Мой — банк сорвет!

Всегда мешала Михаилу Лермонтову лишняя самоуверенность. Вот и в картах всё надеялся своим тузом червей банк сорвать, но, как говорят, вечно проигрывал и довольно крупные суммы. Просто, в отличие от Мартынова, он ни в малейшей степени никогда не позволял себе жульничать, не был шулером. И дуэль печоринскую в жизни переиграл совсем не так. Тоже с товарищеской наивностью отказался стрелять в своего противника. Думал, и тот откажется. Лишь перед его выстрелом увидел его глаза и понял: вот она, смерть.

Он уходил в этот период от своих грустных мыслей в бешеные скачки на лошадях, в игры, которыми раньше совсем не увлекался, в приезжих барышень.

На самом-то деле его все любили таким, каким он был. Все

поздние сочинения о злобном карлике высосаны из собственных предположений.

Любили генералы, любили сослуживцы, любили женщины. Не любил императорский двор и не любили завистники.

Увы, нынче больше прислушиваются к записям завистников, а надо бы читать мнения простых его однополчан. Н. П. Раевский пишет: "Любили мы его [Лермонтова] все. У многих сложился такой взгляд, что у него был тяжелый, придирчивый характер. Ну, так это неправда; знать только нужно было с какой стороны подойти. Особенным неженкой он не был, а пошлости, к которой он был необыкновенно чуток, в людях не терпел, но с людьми простыми и искренними и сам был прост и ласков. Над всеми нами он командир был. Всех окрестил по-своему. Мне, например, ни от него, ни от других, нам близких людей, иной клички, как Слёток, не было. А его никто даже и не подумал называть иначе, как по имени. Он хотя нас и любил, но вполне близок был с одним Столыпиным. В то время посещались только три дома постоянных обитателей Пятигорска. На первом плане, конечно, стоял дом генерала Верзилина. Там Лермонтов и мы все были дома. Потом, мы также часто бывали у генеральши Катерины Ивановны Мерлини, героини защиты Кисловодска от черкесского набега, случившегося в отсутствие ее мужа, коменданта кисловодской крепости…"

Даже шум он производил, думаю, осознанно, предваряя нынешний пиар. И добился же своего, его как поэта к лету 1841 года уже знала вся Россия!

Цельная, единая, самобытная личность. "Над всеми нами командир был", — писал Н. П. Раевский. "Всякий раз, как появлялся поэт в публике, ему предшествовал шепот: "Лермонтов идет!" — и всё сторонилось, всё умолкало, все прислушивались к каждому его слову, к каждому звуку его речи", — утверждает поручик Куликовский…

Очень быстро он овладел и салоном Верзилиных. Был зван на все вечера.

Да и стихи в свободное от ванн и гуляний время у него выходили все более значимыми.

Впрочем, это уже шла другая жизнь. Веселье и шум отодвигались, поэт погружался в свой небесный мир, выходил на встречу со звездами.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом…
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Вот и повстречался ему в салоне Верзилиных отставной майор, неудачник и пошляк, давний его приятель и давний его тайный завистник Николай Соломонович Мартынов. Впереди его ждали дуэль и вечность. Всемирная любовь и всемирная слава.

"Но Соломонов сын…"

В 1841 году Михаил Лермонтов написал шуточную эпиграмму на Николая Мартынова:

Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын,
Не мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг, и стал известен всем
Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
Несет в себе самом.

Николай Соломонович Мартынов и на самом деле поражал многих своей самовлюбленностью, не интересовался ничем, что не входило в его мир. Нес всё в себе самом. С юности он собирался поразить всех своими достижениями, мечтал о высокой карьере, генеральских погонах, был уверен в своих литературных дарованиях, собирался покорять сердца красавиц. Познакомились Лермонтов и Мартынов, скорее всего, еще в детстве. Рядом с Тарханами находилась у Нижнеломовского монастыря усадьба Мартыновых. В книге "Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева", изданной в вольной типографии Федора Любия в 1809 году, пишется: "Потомки Киреевых, Мансыровых и Мартыновых связаны с Арсеньевыми дальними родственными узами"… Позже они встречались в своих подмосковных имениях, расположенных недалеко друг от друга (Середниково и Знаменское), но сблизились в юнкерской школе, потому что Николай Соломонович, достаточно образованный юноша, обладающий литературным вкусом, почувствовал высокое дарование своего сверстника, но пока еще был уверен и в своем тоже.

Они долгое время были друзьями-соперниками. Они собирались дружить на равных. Они оба были честолюбивы, и оба увлекались женщинами. Как писал один из яростных защитников Мартынова Д. Д. Оболенский, в своей статье "Н. С. Мартынов" в 1890-х годах для словаря Брокгауза и Ефрона: убийца Лермонтова "получил прекрасное образование, был человеком весьма начитанным и с ранней молодости писал стихи". Они оба участвовали в юнкерском литературном журнале, легко шутили друг над другом, бражничали. Но постепенно выяснялось: то, что

давалось Мишелю естественно, что с каждым годом становилось у него ярче и талантливее, Мартышу давалось с большим напрягом. Было бы хорошо, если бы он был лишен литературного вкуса, чувства слова и считал бы, как какой-нибудь их сослуживец Арнольди, что его стихи ничем не хуже лермонтовских. Не возникло бы и ненависти к другу. То, что он разбирался в литературе, лишь усугубило их противостояние, Мартынов все более ясно понимал свою бездарность, свою подражательность. Не только в стихах, но и в поведении, в воинской славе. К тому же Лермонтов явно иронизировал над романтической "позой" Мартынова и его стихами.

Они становились скрытыми антагонистами. У Лермонтова начинает печататься роман, принесший ему мировую славу, — "Герой нашего времени".

Первой выходит повесть "Бэла". Мартынов одновременно начинает повесть со сходным сюжетом "Гуаша", главный герой которой — князь Долгорукий со своим благородством и добродушием — явно осознанно противопоставляется лермонтовскому эгоцентричному Печорину…

Михаил Лермонтов с безумной храбростью лез на Кавказе в боевые схватки, стал командиром отряда разведчиков, нынешнего спецназа. Вот что пишет об отряде Лермонтова историк Тенгинского пехотного полка Д. Ракович: "Лермонтов принял от него (Дорохова. — **В. Б.)** начальство над охотниками, выбранными в числе сорока человек из всей кавалерии. Эта команда головорезов, именовавшаяся "лермонтовским отрядом", рыская впереди главной колонны войск, открывала присутствие неприятеля, как снег на головы сваливаясь на аулы чеченцев… Лихо заломив белую холщовую шапку, в вечно расстегнутом и без погон сюртуке, из-под которого выглядывала красная канаусовая рубаха, Лермонтов на белом коне не раз бросался в атаку на завалы. Минуты отдыха он проводил среди своих головорезов и ел с ними из одного котла, отвергал излишнюю роскошь, служа этим для своих подчиненных лучшим примером воздержания. Современник говорит, что Лермонтов в походе не обращал внимания на существовавшую тогда форму — отпустил баки и бороду и носил длинные волосы, не зачесывая их на висках".

Николай Мартынов после первого же боя испугался за свою жизнь и от сражений уклонялся, откровенно трусил. При этом крайне разным у них было отношение к противнику, к тем же горцам. Бесстрашный воин Михаил Лермонтов, очевидно, немало положивший в боях противников, восхищался их храбростью и стремлением к воле, с сочувствием относился к мирной жизни горцев, вынужденных защищаться от русских: "Горят аулы; нет у

них защиты…"

Его антагонист Николай Мартынов, уклонявшийся от сражений, напротив, восторгается карательными экспедициями:

Горит аул невдалеке…
Там наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит,
Детей погреться приглашает,
Хозяйкам кашицу варит.
На всем пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов.
Застанем скот — его уводим,
Пожива есть для казаков.
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем все у них…
Мы их травили по долинам
И застигали на горах…

Мартыновская поэма "Герзель-аул" написана явно в противовес лермонтовскому "Валерику". Есть в поэме и прямой шарж на Лермонтова:

Вот офицер прилег на бурке
С ученой книгою в руках,
А сам мечтает о мазурке,
О Пятигорске, о балах.
Ему все грезится блондинка,
В нее он по уши влюблен.
Вот он героем поединка,
Гвардеец, тотчас удален.
Мечты сменяются мечтами,
Воображенью дан простор,
И путь, усеянный цветами,
Он проскакал во весь опор…

Если у Лермонтова в "Валерике" мы читаем: "Простора нет воображенью", — его завистник, напротив, дает своему убогому воображенью простор. Пишет и часто не заканчивает своих произведений, потому что чувствует их убогость. Отсюда и ненависть к своему другу-сопернику. В той же "Горской песне" Мартынов сладостно мечтает:

Я убью узденя!

Не дожить ему дня!
Дева, плачь ты заране о нем!..
Как безумцу любовь,
Мне нужна его кровь,
С ним на свете нам тесно вдвоем!..

Это опять же ответ на лермонтовское — "На свете места много всем" и одновременно переделанные слова Грушницкого, в роли которого чувствовал себя Николай Соломонович: "Нам на свете вдвоем места нет". Думаю, прочтение Мартыновым "Героя нашего времени" не доставило ему много радости. И дело не в том, что он якобы оскорбился за свою сестру, выведенную под именем княжны Мери. Сестра-то как раз радовалась, когда ее связывали с героиней лермонтовского романа. Мартынов увидел себя в образе Грушницкого и… убитым на дуэли. Мартынов решил всё переиначить в жизни. Не дать поэту дожить до всемирной славы. Он с большой обидой считал себя прототипом Грушницкого в "Герое нашего времени". К тому же Лермонтов находил ему обидные прозвища, называя его маркиз де Шулерхофф, Аристократ-мартышка, Вышеносов…

У Лермонтова есть два экспромта 1841 года, высмеивающих Мартынова — "Наш друг Мартыш не Соломон" и "Скинь бешмет свой, друг Мартыш", а у Мартынова — злая эпиграмма "Mon cher Michel". Если бы не это противостояние гения и пошляка, храбреца и труса, боевого офицера и отставного кривляки, вряд ли из-за какой-то шутки могла бы произойти дуэль. Михаил Лермонтов шутил:

Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
Распояшься, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хожалый!

Мол, сними ты всю свою горскую одежду, в которой ты выглядишь каким-то клоуном, ты — русский офицер, не горец, и это не твое. Надень свою русскую броню, возьми русское оружие. И тогда уж сторожи нас, как городовой.

Известный лермонтовед Эмма Герштейн пишет: "По мастерству, с которым в этом экспромте дано скрещиванье разных смыслов, можно с уверенностью сказать, что сочинил его действительно Лермонтов. Рядом с прямым приглашением сменить кавказский народный костюм на старинную русскую военную одежду (идея "Кавказца") здесь уживается намек на

неважные боевые качества Мартынова — ему оставалось бы только нести полицейскую службу (хожалый), — и насмешка над его мнительным отношением к шуткам товарищей ("блюди нас") …"

Впрочем, и Мартынов старался, как мог, тоже прищемить Лермонтова. В 1963 году была найдена эпиграмма уже Николая Мартынова, обыгрывающая любовные похождения Лермонтова. Скорее всего, эпиграмма написана в 1841 году, в ней упоминаются сразу три знакомые Лермонтову женщины: Э. А. Клингенберг (по отчиму — Верзилина), Н, А. Реброва и Адель Оммер де Гелль:

Mon cher Michel!
Оставь Adel…
А нет сил,
Пей эликсир…
И вернется снова
К тебе Реброва.
Рецепт возврати не иной
Лишь Эмиль Верзилиной.

Текст эпиграммы известен по рукописи, в начале которой находится "Рецепт. Как составлять жизненный эликсир", написанный значительно раньше и другой рукой. Рядом с текстом эпиграммы сохранилась надпись, сделанная, очевидно, самим Лермонтовым: "Подлец Мартышка".

Может быть, какие-то взаимные обидные эпиграммы до нас и не дошли.

Михаил Лермонтов был безразличен к условиям жизни, мог спать в любых условиях, питался вместе с солдатами, надевал то, что под руку попадало. Хотя ценил хорошее оружие, хороших лошадей, имел вкус к жизни и при случае мог пофорсить.

Николай Мартынов одевался вычурно и крикливо, вызывая своими пестрыми нарядами усмешку у окружающих и, естественно, становясь предметом для шуток Лермонтова. Как вспоминает А. И. Арнольди: "Шалуны товарищи показали мне тогда целую тетрадь карикатур на Мартынова, которые сообща начертали и раскрасили. Это была целая история в лицах вроде французских карикатур…" Конечно, обидно, когда видишь себя на карикатуре, изображенным в мундире с газырями и с огромным кинжалом, сидящим на ночном горшке. Конечно, остроты и карикатуры Лермонтова злили Мартынова, он имел право отвечать тем же, но… и на остроумный ответ таланта не хватало. Последняя подруга Лермонтова Е. Г. Быховец писала: "Этот

Мартынов был глуп ужасно, все над ним смеялись; он ужасно самолюбив; карикатуры его беспрестанно прибавлялись; Лермонтов имел дурную привычку острить… Это было в одном частном доме. Выходя оттуда, Мартынка глупый вызвал Лермонтова. Но никто не знал. На другой день Лермонтов был у нас ничего, весел; он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела, судьба его так гнала, государь его не любил, великий князь ненавидел, [они] не могли его видеть — и тут еще любовь: он был страстно влюблен в В. А. Бахметьеву; она ему была кузина…"

Если нельзя было встать вровень с Лермонтовым, тогда надо было его уничтожить. Поэтому Мартынов охотно пошел на поводу у людей, провоцирующих их дуэль.

С. Н. Филиппов в статье "Лермонтов на Кавказских водах", опубликованной в 1890 году в журнале "Русская мысль", описывает Мартынова, подтверждая острую наблюдательность насмешливого поэта: "Тогда у нас на водах он был первым франтом. Каждый день носил переменные черкески из самого дорогого сукна и все разных цветов: белая, черная, серая и к ним шелковые архалуки такие же или еще синие. Папаха самого лучшего каракуля, черная или белая. И всегда все это было разное, — сегодня не надевал того, что носил вчера. К такому костюму он привешивал на серебряном поясе длинный чеченский кинжал без всяких украшений, опускавшийся ниже колен, а рукава черкески засучивал выше локтя. Это настолько казалось оригинальным, что обращало на себя общее внимание: точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь… Мартынов пользовался большим вниманием женского пола. Про Лермонтова я этого не скажу. Его скорее боялись, т. е. его острого языка, насмешек, каламбуров…"

Казалось бы, с юности они хорошо знали привычки и особенности друг друга. Знаменское, имение Мартыновых, находилось рядом с Середниковом, имением Столыпиных, где Лермонтов провел три лета подряд с 1828 по 1830 год. Семнадцатилетний Лермонтов посвятил старшей сестре Мартынова стихотворение, в котором отдает должное ее уму. И в дальнейшем судьба странным образом вновь и вновь сводила их с Мартыновым, вплоть до роковой дуэли. Почти одновременно поступили они в военную школу. Там не раз соперничали в силе и ловкости; вряд ли сильному, рослому Мартынову нравилось, что невысокий, неуклюжий с виду Маёшка нередко оказывался и ловчее, и сильнее. Состязались они не только в ловкости (во всей школе, кроме них, только один юнкер владел саблей, остальные предпочитали шпагу), но и в стихах. Все поначалу равны друг

другу. И все-таки более всего Мартынова раздражал крепнущий у него на виду литературный гений Лермонтова. Это не была зависть великого труженика Сальери к воздушному легкому гению Моцарта. Это была ненависть светского обывателя, ненависть высокомерного, но пустого дворянина, к тому же неудачника, уволенного в отставку, к высокому таланту. Несомненно, Николай Мартынов осознанно хотел убить Лермонтова и осознанно в него стрелял. Тем более Мартынов знал, что опытный воин и прекрасный стрелок Михаил Лермонтов стрелять в него не собирается. Значит, требуется всего лишь метко прицелиться в поэта. Увы, это ему удалось…

Так, во все времена обыватели ненавидят талантливых людей: Достоевского и Чехова, Гумилева и Есенина, Рубцова и Бродского… Без них обывателю живется легче. Мартынов мечтал если не о литературной, то о военной карьере, мечтал ходить в генералах, увы, его без ордена и без славы отправили в отставку простым майором. Михаил Лермонтов мечтал об отставке, хотел основать новый литературный журнал, уже для русских талантов, без заемного французского рукоделия. Мартынов ненавидел свою отставку. И потому он все глубже тайно ненавидел Михаила Лермонтова. Его, конечно, задевали и шутки поэта в свой адрес, и карикатуры, но вряд ли эти легкие и незлобные насмешки стали поводом для дуэли. Да и были ли насмешки? Всё покрыто мраком: в отличие от не менее трагической, но предельно ясной и зафиксированной дуэли Пушкина, в лермонтовской дуэли есть только одни загадки, гипотезы и предположения. Скорее, права Эмма Герштейн, утверждающая: "Сбивчивость рассказов защитников Мартынова о дуэли, искусственная концепция о Наталье Мартыновой и пропавших письмах, игнорирование важнейших биографических моментов жизни Н. С. Мартынова указывают на то, что истинная подоплека истории дуэли скрывалась… Все эти данные подчеркивают участие в этой дуэли других сил, для которых Мартынов оказался удобным орудием исполнения".

Была ли ссора в доме Верзилиных? Никто свидетелем не был, всё по слухам. Что послужило поводом для дуэли? Кто был секундантом? И сколько их было: то ли один Михаил Глебов, то ли они вдвоем с князем Васильчиковым, то ли были еще и князь Сергей Трубецкой с близким другом Лермонтова Алексеем Столыпиным (Монго)? Был ли еще кто-нибудь свидетелем дуэли, тот же Дорохов? Или вообще дуэль состоялась без секундантов? Как в случае с князем Голицыным? "По случаю дуэли Лермонтова, — писал Вяземский, — князь Алек.

Ник. Голицын рассказывал мне, что при Екатерине была

дуэль между Голицыным и Шепелевым. Голицын был убит, и не совсем правильно, по крайней мере, так в городе говорили и обвиняли Шепелева. Говорили также, что Потемкин не любил Голицына и принимал какое-то участие в этом поединке".

Почему князь П. А. Вяземский связывает дуэль Лермонтова с дуэлью Голицына? Или и впрямь вынужденная отставка, соединенная с негативным восприятием лермонтовского романа да еще с обидными эпиграммами, и послужила причиной вспыхнувшей мартыновской ненависти? И впрямь, мудрости не хватило? "Не мудр, как царь Шалима, но умен, / Умней, чем жидовин…" Увы, но ума у Николая Соломоновича Мартынова хватило лишь на то, чтобы с близкого расстояния, прекрасно зная о том, что Лермонтов в него стрелять не будет, прицелиться и убить своего бывшего приятеля.

В истории этой дуэли уже навсегда загадок будет больше, чем разгадок. Неизвестно точно ни место дуэли, ни место первого захоронения. Что говорилось на дуэли, кто и когда стрелял — всё покрыто мраком. Я постараюсь, опираясь на достоверные факты, рассказать историю отношений Лермонтова и Мартынова.

Скажу честно, мне ближе версии, высказанные вскоре после гибели поэта или же при жизни его современников в XIX столетии. Ближе версия того же знаменитого дуэлянта и друга Михаила Лермонтова Руфина Дорохова. Дорохов подвел итог одной фразой: "Дуэли не было — было убийство". Уж ему ли не знать в тонкостях весь дуэльный кодекс. Когда сегодня лермонтоведы Захаров или Очман, оправдывая во всем Мартынова, доказывают соблюдение всех правил дуэли и невозможность для Мартынова стрелять куда-то в сторону или в воздух, я поражаюсь: это что за новые блюстители дуэльного кодекса? Может, вызвать кого-нибудь из них на дуэль?

Я перечитал всевозможные документы, воспоминания, книги и царского периода, и советского периода, и нынешние. Меня поразила явная антилермонтовская позиция современных ученых. Нынешний поворот к воспеванию убийцы поэта я объясняю общей тягой к дискредитации всего русского. Не собираюсь идеализировать сложный характер нашего национального гения. Впрочем, у кого из великих писателей был мягкий характер? Может, и правильно делали обыватели во все времена, когда безжалостно убивали писателей, от Пушкина до Мандельштама? Ладно бы, упирали на случайность дуэльной гибели. Мог погибнуть Мартынов, погиб Лермонтов… Но винят во всем именно Михаила Лермонтова. Признавая все шалости и насмешки Михаила Лермонтова, я не вижу в них достойного повода для дуэли, согласно всем дворянским правилам чести.

Самое оскорбительное в наше время, накануне двухсотлетия гибели русского гения, — воспевание убийцы. Откройте всероссийский сайт "Великие русские имена", вы найдете среди великих русских имен — …Николая Соломоновича Мартынова [53]… Очевидно, не убей он Михаила Юрьевича Лермонтова, не печатали бы его подражательных стихов и поэм, не вспоминали бы среди выдающихся людей Нижегородской области, увы, не имел бы он такого успеха у светских красавиц, не стал бы завсегдатаем Английского клуба в Москве.

И чем же он прославился? На всех академических официальных сайтах сегодня написано: "Офицер, имевший несчастье убить на дуэли Лермонтова". Вот уж на самом деле "счастливый несчастливец", как прозвал его Михаил Лермонтов. Несчастный русский офицер. Почему-то всего лишь несколько лет проходивший под покаянием в Киеве и отпущенный уже в 1846 году на волю вольную для проживания богатой барской жизнью. А ведь за дуэль в николаевское время и каторгу давали, дворянства лишали. За что ему такая милость? Нынче считают, что дуэли в ту пору были постоянным явлением. Увы, нет. В николаевское время в том же Пятигорске дуэли были крайне редки. И наказания за них были суровые. Николай I ненавидел дуэли, считал их проявлением дикости. Но Мартынова легко простил…

Николай Соломонович Мартынов (равно как и его отец, Соломон Михайлович, дослужившийся до чина полковника) был человеком православным и дворянином. Род Мартыновых происходил от выходца из Польши, прибывшего в Московию в 1460 году. В "Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи" можно прочесть, что "…фамилии Мартыновых многие Российскому Престолу служили стольниками, воеводами и в иных чинах и жалованы были от Государей в 1631 и других годах поместьями". Среди пращуров Николая — Савлук Федорович Мартынов, участник военных действий против поляков под Смоленском в 1634 году, получивший вотчину в Рязанском уезде; Петр Иванович, воевода в Кадоме в 1704 году; Федор Михайлович, прокурор Пензенского верхнего суда, вышедший в 1777 году в отставку в чине секунд-майора. Родной брат Соломона Мартынова, Дмитрий Михайлович, состоял кирсановским (Тамбовской губернии) предводителем дворянства.

Отец его, Соломон Михайлович, разбогател на винных откупах, то есть занимался не самым уважаемым для русского дворянина занятием: спаивал русский народец. Выйдя в отставку, Соломон Мартынов вложил все деньги в винные откупа. В конце XVIII века многие оборотистые дворяне разбогатели на винных

откупах, например владелец пензенского винного завода А. Е. Столыпин, родственник Лермонтова. Князь И. М. Долгоруков вспоминал о Соломоне Мартынове, что "вся Нижегородская губерния у него на откупу". В начале XIX века он купил дом на Волжском откосе, неподалеку от Нижегородского кремля, между нынешней улицей Семашко и Верхне-Волжской набережной. Дом Соломона Михайловича был одним из самых богатых. Имел он в Нижнем и доходные дома.

Считается, что именно в этом господском доме на волжском откосе и родился будущий убийца великого русского поэта Николай Мартынов. Нынче о нем щедро пишут во всех книгах по истории Нижнего Новгорода. Думаю, и о родине Чикатило тоже найдутся любители написать. Черный пиар — тоже пиар. Как пишут нынешние местные историки: "Возможно, стыдиться этого и не стоит… Так или иначе, но Николай Мартынов при ближайшем рассмотрении оказывается вовсе не завзятым негодяем, каковым его у нас подавали еще со школы на протяжении многих десятилетий… В 25 лет Мартынов уже был майором, в то время как его однокашник Лермонтов, бывший почти на год старше, дослужился лишь до поручика (старшего лейтенанта)…" Поразительно, что эта статья о доблестном Мартынове вышла во владимирской газете к печальному юбилею: 170-летию со дня гибели Михаила Юрьевича Лермонтова. В 1825 году вся семья Мартыновых, выгодно продав нижегородский дом городским властям, переехала в подмосковное имение Иевлево-Знаменское. В Нижнем Новгороде до сих пор помнят, что городская больница, построенная на месте господского дома Мартыновых, стояла на улице Мартынова. При этом многие уверяют, что дом был подарен городу этим богатейшим виноторговцем. Мол, "Мартынов-старший запомнился в Нижнем как щедрый меценат. Покидая город, он передал свой дом под городскую больницу, которую долго называли "мартыновской"…". Увы, для защитников-мартынолюбов в архивах города хранится купчая, доказывающая, что Соломон Мартынов явно не продешевил с продажей дома…

Может, и правы еврейские источники, предполагающие, что Мартыновы ведут род от голландских торговых евреев, перебравшихся со временем в Польшу. Но это не так и важно. Как правило, примесью еврейской крови озабочены или чересчур крутые патриоты, или же выискивающие повсюду своих героев озабоченные еврейские историки. Вот и я в русских сводках о еврейских корнях Мартынова, даром что Соломонович, ничего не нашел, зато в израильских материалах обнаружил этот след от голландских евреев. Хотя точных сведений о происхождении нет.

Зато есть много точных документов о тесной связи Мартыновых с масонами. Отец убийцы — Соломон Михайлович Мартынов родился в октябре 1774 года в селе Липяги Пензенской губернии в семье богатого помещика, владеющего доброй тысячей душ крестьян и немалыми землями. Был дружен с масонами С. И. Гамалеем, А. Ф. Лабзиным и самим Н. И. Новиковым. С последним даже был в родстве. Сестра Соломона Мартынова Дарья Михайловна была замужем за родственником одного из главных масонов России — Н. И. Новиковым. Сын ее — штабс-капитан М. Н. Новиков известен и как декабрист, и как самый ревностный масон. Да и сам Соломон Мартынов считался большим любителем книжной масонской премудрости, всяческой мистики и оккультных наук. Хаживали к нему и местные литераторы, связанные с масонами. О происхождении имени Соломон в роду Мартыновых тоже существует своя версия. Из XVIII века вроде бы дошли "Воспоминания о Пугачеве", подписанные инициалами О. З. (они вроде бы хранятся в одном из архивов США), где рассказывается о том, как получил Соломон Мартынов свое, не совсем обычное для современных русских, имя. Сообщается, что от расправы пугачевцев маленького барчонка Мартынова спасла кормилица, выдав его за своего сына. Тогда-то мамка решила окрестить ребенка и пошла в церковь. "А как назвать его?" — спрашивает священник. "А бог весть! — отвечает кормилица. — Уж и не знаю". — "По святому назовем, — решил священник. — На сей день святой будет Соломон-царь — так и назовем!"…

Все-таки непонятно: пугачевцы ушли, могла бы кормилица и прямую родню малыша дождаться. Им и решать, как назвать младенца. Как-то всё перепутано: тут и Пугачев, тут и своенравная кормилица, тут и Соломон… Нагромоздили с преувеличением: могли ведь родители без всякого Пугачева просто назвать по святцам Соломоном, и всё. Мало ли было среди дворян и Марков, и Руфин, и Исааков. В святцы заглянули, так и назвали. В конце концов, и Иван — древнееврейское имя. Ощущение такое, что кто-то из Мартыновых уже 200 лет усердно оправдывается. И за Соломона, и за Соломонова сына Николая Соломоновича, обыкновенного российского обывателя, возмечтавшего о генеральской карьере и литературной славе. Как вспоминает В. А. Бельгарт: "…был очень красивый молодой гвардейский офицер, высокого роста, блондин с выгнутым немного носом. Он был всегда очень любезен, весел, порядочно пел романсы и все мечтал о чинах, орденах и думал не иначе как дослужиться на Кавказе до генеральского чина".

Я не собираюсь утверждать о существовании некоего

царского заговора с целью убийства Михаила Лермонтова, хотя никак нельзя отрицать, что его гибель вполне устроила и императора Николая I, и Бенкендорфа, к тому времени, к 1841 году, уже крайне отрицательно относившихся к поэту, но внимательно за ним следящих. Не случайно же так быстро Николай Мартынов был прощен, а о самой дуэли запрещалось что-либо писать лет тридцать. Сборники стихов выходили, и никакой биографии поэта.

Недоброжелателей у Лермонтова хватало и при жизни, и в самом Пятигорске было кому раззадорить на дуэль Николая Соломоновича.

О самом Мартынове рассказывают много историй. Но все лет через тридцать-сорок после дуэли. Чему верить, чему не верить, решает каждый по-разному, согласно эпохе, личному отношению к Лермонтову и таланту исследователя. Впрочем, и о самой дуэли мы имеем или официальную версию государственного обвинения, в которой почти всё — неправда, все дружно оправдывали Мартынова, или рассказы Мартынова и еще одного ненадежного свидетеля — князя Васильчикова, и то, как правило, в передаче их родственников и знакомых.

Вот, к примеру, кинорежиссер Андрей Кончаловский как-то разговорился с графом А. А. Игнатьевым, автором известной книги воспоминаний "Пятьдесят лет в строю". Тот ему и рассказал о своей встрече в Париже с Мартыновым: "…Мне было уже пятнадцать лет, и я был страшно поражен, что слышу о Лермонтове, как о ком-то лично знакомом говорящему… Я встречал Мартынова в Париже. Мы, тогда молодые люди, окружили его, стали дразнить, обвинять:

— Вы убили солнце русской поэзии! Вам не совестно?!

— Господа, — сказал он, — если бы вы знали, что это был за человек! Он был невыносим. Если бы я промахнулся тогда, то я бы убил его потом… Когда он появлялся в обществе, единственной его целью было испортить всем настроение. Все танцевали, веселились, а он садился где-то в уголке и начинал над кем-нибудь смеяться, посылать из своего угла записки с гнусными эпиграммами. Поднимался скандал, кто-то начинал рыдать, у всех портилось настроение. Вот тогда Лермонтов чувствовал себя в порядке…"

Молодой граф Игнатьев чувствовал, что Мартынов говорит вполне искренно. Он до конца дней своих ненавидел Лермонтова. Из уст его родственников (А. Н. Норцова и др.), из уст его друзей и покровителей и шла молва о несносном характере Михаила Лермонтова.

Я вполне верю рассказу графа Игнатьева. Именно так и

сваливал всю вину за дуэль на Михаила Лермонтова этот "несчастливый счастливец" Николай Мартынов. Как-то он написал в одном из своих подражаний Лермонтову:

Глухая исповедь, причастье,
Потом отходную прочли:
И вот оно, земное счастье…
Осталось много ль? Горсть земли…
Я отвернулся, было больно
На эту драму мне смотреть;
И я спросил себя невольно,
Ужель и мне так умереть…

Нет, никак не хотел умирать Николай Соломонович, ни на дуэли, ни позже. Сначала за дуэль Николай Мартынов был приговорен к разжалованию и заключению в крепость. Затем заключение отменили, заменили вроде бы суровым пятнадцатилетним церковным наказанием. Но не где-нибудь в Сибири, а в стольном граде Киеве. После его просьб о помиловании уже в 1846 году, спустя четыре года Святейший синод пожалел "несчастного убийцу" и отменил епитимью. Ничего не стоят настойчиво публикуемые слухи о его покаянии и чуть ли не монашеском образе жизни, о его ежегодных панихидах по Лермонтову. Все эти сведения от родственников убийцы.

Сразу после снятия церковного наказания Николай Соломонович благополучно женился на Софье Проскур-Сущанской. Вскоре вернулся в свое родовое имение в Нижегородской губернии, родил 11 детей. Переехал в Москву. Всерьез увлекся мистикой и спиритизмом, масонскими обрядами. Не знаю, как его защитники совмещают якобы почти монашескую покаянную жизнь православного прихожанина с занятием спиритизмом и оккультными науками. Он и в Тарханы заехал лишь однажды, по случаю, жаль, его не растерзали там местные мужики, весьма уважительно относившиеся к Михаилу Лермонтову. Не случайно его в Английском клубе в Москве, завсегдатаем которого Мартынов был, прозвали "Статуя Командора". На самом деле, он гордился до конца дней своих, что стал убийцей русского национального гения. Может быть, он и на дуэли в Пятигорске, с его утонченным литературным вкусом, убивая Лермонтова, прекрасно понимал, что тем самым входит в историю. Больше-то шансов прославиться не было никаких. Напыщенный самовлюбленный позер. Хоть геростратова, но слава.

Этого вольного или невольного служителя Сатаны хорошо

описывает бывший московский голова князь В. М. Голицын: "Жил он в Москве уже вдовцом, в своем доме в Леонтьевском переулке, окруженный многочисленным семейством, из коего двое его сыновей были моими университетскими товарищами. Я часто бывал в этом доме и не могу не сказать, что Мартынов-отец как нельзя лучше оправдывал данную ему молодежью кличку "Статуя Командора". Каким-то холодом веяло от всей его фигуры, беловолосой, с неподвижным лицом, суровым взглядом. Стоило ему появиться в компании молодежи, часто собиравшейся у его сыновей, как болтовня, веселье, шум и гам разом прекращались и воспроизводилась известная сцена из "Дон Жуана". Он был мистик, по-видимому, занимался вызыванием духов, стены его кабинета были увешаны картинами самого таинственного содержания, но такое настроение не мешало ему каждый вечер вести в клубе крупную игру в карты, причем его партнеры ощущали тот холод, который, по-видимому, присущ был самой его натуре".

Как вспоминают, пробовал вызывать этот оккультист и дух убитого им Лермонтова, но ничего хорошего из этого не получалось. Не отзывался наш гений.

Оправдываясь перед непрерывно увеличивающимся числом поклонников лермонтовского гения, Николай Мартынов в конце 1840-х годов стал рассказывать, будто бы главной истинной причиной дуэли был пакет с вскрытыми письмами и дневником сестер Мартыновых. Доктор Пирожков в 1885 году описал свой разговор с Мартыновым в конце 1840-х годов. Убийца Лермонтова уверял доктора, что эпизод с пропавшим пакетом будто бы и был единственной причиной дуэли. "Вот собственно причина, которая поставила нас на барьер — и она дает мне право считать себя вовсе не так виновным, как представляют меня вообще", — заверил доктора Мартынов.

Не буду подробно описывать всю эту историю, которую убедительно и доказательно точно опровергла Эмма Герштейн в своем исследовании о Лермонтове. Расскажу читателям коротко, в чем было дело. В 1837 году, за четыре года до дуэли, Михаилу Лермонтову в Пятигорске сестры Мартыновы передали для брата, к которому направлялся Михаил Лермонтов, пакет, где были письмо и дневник, туда же были положены от отца Соломона 300 рублей. Лермонтов добирался до месторасположения своей части через Тамань. В Тамани его и обокрали. Эта история блестяще передана поэтом в повести "Тамань". Встретившись с Мартыновым, Михаил Лермонтов рассказал ему о пропаже и отдал 300 рублей из своих. Позже Мартынов написал об этой пропаже родителям. И те вроде бы удивились, откуда Лермонтов

узнал, что в пакете были деньги. Заподозрили, что Лермонтов, желая узнать, что Наталья Мартынова думает о нем, вскрыл пакет.

Во-первых, если бы даже Лермонтов в своем любопытстве и пошел на такое нарушение правил, тогда же, в 1837 году, и должна была возникнуть дуэль. Позже в 1838–1840 годах Лермонтов часто общался с Мартыновым в Петербурге, могли бы и там выяснить отношения. Сестра Мартынова Екатерина Соломоновна Ржевская в 1852 году рассказала об этой истории профессору Я. К. Гроту, о чем тот написал в письме поэту П. А. Плетневу: "Лермонтов же любил сестру Мартынова, который отговаривал ее от брака с ним. Однажды, когда Мартынов был в экспедиции, а Лермонтов собирался ехать в ту же сторону, m-lle Мартынова поручила ему доставить своему брату письмо и в нем свой дневник; в то же время отец их дал для сына своего письмо, в которое вложил 2000 рублей серебром, не сказав Лермонтову ни слова о деньгах. Лермонтов, любопытствуя узнать содержание писем, в которых могла быть речь о нем, позволил себе распечатать пакеты и не доставил их: в письме девицы прочел он ее отзыв, что она готова бы любить его, если б не предостережение брата, которому она верит. Открыв в письме отца деньги, он не мог не передать их, но самое письмо тоже оставил у себя. Впоследствии старался он уверить семейство, что у него пропал чемодан с этими письмами, но доставление денег изобличило его. Однако в то время дело осталось без последствий".

Как всегда, поздние воспоминания кого бы то ни было — путаные и неверные. И сумма денег не та, и намерение Лермонтова жениться на Наталье Мартыновой — сомнительное. Но пропажа пакета была, а также всего имущества самого Лермонтова.

Во-вторых, не стал бы поэт ради оправдания себя придумывать целую сцену в романе "Герой нашего времени". Не стоит того Мартынов. К тому же обворованный Лермонтов, приехав в Ставрополь, не смог из-за кражи сразу же явиться к начальству, пока не справил себе новый мундир взамен украденного, за что и получил нагоняй, так как в штабе нашли, что он должен был явиться сразу, в чем приехал.

Вся надуманная Мартыновым история заключалась в том, откуда Лермонтов узнал про вложенные в пакет деньги. О деньгах могла рассказать и сама сестра Мартынова, мог упомянуть и Николай. Пакет мог невзначай разорваться в походной дороге. Ничего в этом страшного и позорного нет. Мать Мартынова писала 6 ноября 1837 года сыну: "Как мы все огорчены тем, что

наши письма, писанные через Лермонтова, до тебя не дошли. Он освободил тебя от труда их прочитать, потому что в самом деле тебе пришлось бы читать много: твои сестры целый день писали их; я, кажется, сказала: "при сей верной оказии". После этого случая даю зарок не писать никогда иначе, как по почте; по крайней мере остается уверенность, что тебя не прочтут…"

Но даже если бы вся семья узнала о чрезмерном любопытстве Лермонтова, то могла бы порвать с ним отношения. Но уже в 1840 году, спустя три года после пропажи пакета, та же Е. М. Мартынова вновь пишет сыну: "Лермонтов у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сестрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их; эти дамы находят большое удовольствие в его обществе. Слава богу, он скоро уезжает; для меня его посещения неприятны…" Пусть и недовольна мать посещениями Лермонтова, но совсем по другой причине, за его злой язык. Сестры же находят большое удовольствие в его обществе. Да и сам Мартынов постоянно встречается с поэтом. Эпизод с пакетом или забыт, или разъяснен, и доказано, что вины поэта не было никакой. К тому же еще в 1839 году умирает сам Соломон, посылавший деньги в пакете. И вдруг еще через год, в 1841 году происходит злосчастная дуэль, а еще через много лет Николай Мартынов эту давно забытую историю с пакетом будто бы приводит в качестве единственной причины дуэли. Подхватили эту историю и все защитники Мартынова, им и дела нет до четырехлетней разницы во времени между пропажей пакета и дуэлью. Они и всерьез считают, что гениальная "Тамань" написана ради оправдания Лермонтова в глазах Мартынова. Пусть бы тогда почаще пакеты пропадали у наших писателей, и в результате гениальные повести рождались бы на свет. На бедного поэта родственники Мартынова и его защитники сваливают уже все несчастья рода. Та же старшая сестра Мартынова Е. С. Ржевская в разговоре с Я. К. Гротом в 1852 году утверждала, что Мартынов вынужден был выйти в отставку из-за дуэли с Лермонтовым. Это уже полная нелепица.

Для меня остается тайной, почему никто из свидетелей дуэли, из близких ему людей не написал ни слова о самой дуэли. Допускаю, что при жизни Николая I печатать что-либо о Лермонтове было запрещено. Тем более о его дуэли. Но почему ничего нет ни в дневниках, ни в письмах, ни в устных пересказах? Ни у вроде бы ближайшего друга поэта Алексея Столыпина (Монго), ни у Сергея Трубецкого, ни у Михаила Глебова? Отмолчался и Руфин Дорохов. Слава поэта росла с космической скоростью. Стихи уже вскоре после гибели Лермонтова учили во

всех гимназиях. И никто из друзей о поэте ни слова. Сам Мартынов дважды начинал оправдываться, но оба раза резко обрывал свои воспоминания.

Я не верю в случайность такого единодушного замалчивания любых сведений о Михаиле Лермонтове. Значит, не то было с самой дуэлью. Да и была ли она вообще? Был ли вызов на дуэль? Были ли секунданты? Воспоминания князя Васильчикова и Эмилии Шан-Гирей чересчур запутанны и скорее являются самооправданиями замешанных в гибели поэта людей. Что они скрывали и о чем не хотели говорить?

После вызова Мартыновым поэта на дуэль друзья надеялись, что Мартынов не найдет себе секунданта и дуэль сама собой отменится. Мартынов обратился с просьбой к князю Васильчикову, и тот охотно согласился.

Я согласен с версией, пожалуй, самого дотошного лермонтоведа XX века Эммы Герштейн, что скорее всего именно князь Васильчиков и спровоцировал дуэль. Князь ненавидел Лермонтова уже за одни эпиграммы в его адрес:

Велик князь Ксандр и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной сребристой ярко освещен,
Но без зерна — пустой.

Его отец, канцлер Российской империи Илларион Васильчиков, доверенное лицо Николая I, охотно поддерживал нелюбовь сына к поэту. Корф записал в своем дневнике: "Князь Васильчиков виделся с государем и остался очень доволен результатом аудиенции в отношении к своему сыну… Между тем, быв сегодня у князя, я нашел перед ним раскрытым на столе роман Лермонтова "Герой нашего времени". Князь вообще читает очень мало, и особенно по-русски; вероятно, эта книга заинтересовала его теперь только в психологическом отношении: ему хочется ближе познакомиться с образом мыслей того человека, за которого приходится страдать его сыну".

И потому официальная версия о том, что секундантом Лермонтова был князь Васильчиков, — явно лживая. Не мог быть секундантом поэта и Михаил Глебов, живший в одной квартире в Пятигорске с Мартыновым. Кто же? Если справедлива версия, что Алексей Столыпин был секундантом и он же медленно командовал: "Один, два, три…" — выстрелов всё не было, то по правилам дуэльного кодекса дуэль должна была быть закончена. Вместо этого Столыпин кричит, вмешиваясь в дуэль: "Стреляйте, или я вас разведу!.." Тем самым он и провоцирует выстрел

Мартынова. Становится соучастником убийства. Пусть и самым невольным. Но был ли Столыпин на дуэли? Никто сказать не может. При жизни своей бывший ближайший друг Лермонтова не проронил ни слова.

В качестве самооправдания этот якобы друг и родственник поэта, благороднейший человек своего времени, Алексей Столыпин в 1843 году, живя в Париже, перевел на французский язык роман "Герой нашего времени", но не написал никакого предисловия, никаких воспоминаний. Столыпин увлекался идеями Фурье и свой перевод поместил в фурьеристской газете "La Democratic pacifique". Почему уже вольный парижанин так ни слова и не сказал об истории дуэли? В редакционной заметке, опубликованной перед началом печатания в газете лермонтовского романа, говорилось о реакции на него русского читателя. Заметка заканчивалась загадочной фразой: "Г. Лермонтов недавно погиб на дуэли, причины которой остались неясными". И это пишет человек, якобы участвовавший в дуэли? И ни слова о своем участии или неучастии в ней. "Благородный анонимный памятник от бывшего друга".

О чем же они все молчали? Даже в самых интимных записях и личных письмах. Все версии об участии в дуэли Алексея Столыпина и Сергея Трубецкого идут уже только от князя Васильчикова и то после смерти их обоих, спустя чуть ли не полвека после самой дуэли.

Сохранилось несколько четверостиший, написанных Михаилом Лермонтовым тем трагическим летом 1841 года:

Им жизнь нужна моя, —
Ну, что же, пусть возьмут,
Мне не жалеть о ней!
В наследие они приобретут —
Клуб ядовитых змей.

И еще одно, посвященное его мнимым друзьям:

Мои друзья вчерашние — враги,
Враги — мои друзья,
Но, да простит мне грех Господь благий,
Их презираю я…

Профессор А. А. Герасименко пишет в книге "Из Божьего света…": "Сценарий "дуэли" интриганы разрабатывали поэтапно: вначале будто бы стрелялись без секундантов, нет — при одном (М. П. Глебове), нет — при двух (тот же Глебов и он, Васильчиков) и наконец, — при четырех (включили еще А. А. Столыпина и С. В. Трубецкого). О последнем варианте А. И. Васильчиков стал

говорить после их смерти…"

Расследовавший по горячим следам дело о дуэли П. К. Мартьянов был убежден в причастности князя Васильчикова к гибели поэта: "Недобрая роль выпала в этой интриге на долю князя. Затаив в душе нерасположение к поэту за беспощадное разоблачение его княжеских слабостей, он, как истинный рыцарь иезуитизма, сохраняя к нему по наружности прежние дружеские отношения, взялся руководить интригою в сердце кружка и, надо отдать справедливость, мастерски исполнил порученное ему дело. Он сумел подстрекнуть Мартынова обуздать человека, соперничавшего с ним за обладание красавицей, раздуть вспышку и, несмотря на старания прочих товарищей к примирению, довести соперников до дуэли, уничтожить "выскочку и задиру" и после его смерти прикинуться и числиться одним из его лучших друзей. "От него самого я и слышал", — говорил В. И. Чиляев: "Мишеля, что бы там ни говорили, а поставить в рамки следует!" Итак, Мартынов, похоже, стал орудием мщения для мстительного Васильчикова, а заодно "козлом отпущения" во время следствия по делу о дуэли".

Хочу заметить, что версия о давлении на Мартынова каких-то внешних сил, считавших поэта "ядовитой гадиной", появилась не в советское время и не в каких-то революционных кругах. Так считал и реакционер М. Н. Катков, такого же мнения был и редактор "Нового времени" А. С. Суворин. В дневниках Суворина за 1899 год читаем о любопытнейших замечаниях о Мартынове П. А. Ефремова: "Васильчиков о Лермонтове: "Если б его не убил Мартынов, то убил бы кто другой; ему всё равно не сносить бы головы". Васильчиков в Английском клубе встретил Мартынова. В клуб надо было рекомендацию. Он спрашивает одного — умер, другого — нет. Кто-то ударяет по плечу. Обернулся — Мартынов. "Я тебя запишу". Взял его под руку, говорит: "Заступись, пожалуйста. А то в Петербурге какой-то Мартьянов прямо убийцей меня называет". — Ну, как не порадеть! Так и с Пушкиным поступали. Все кавалергарды были за Дантеса. Панчулидзеву Ефремов говорил: "Надо вам рассыропить историю полка декабристами. А то ведь у вашего полка два убийцы — Дантес и Мартынов"". Не будем устраивать конспирологическую версию о дружбе Дантеса с Мартыновым, о тайном клубе кавалергардов, убивающих русских поэтов. Но любителей песенок о кавалергардах все-таки прошу не забывать, именно они и убили двух гениальных русских поэтов…

Такого же мнения о подстроенности дуэли еще один известный литератор А. В. Дружинин. Он одним из первых стал собирать сведения о судьбе поэта, в ту пору, когда были живы

многие его современники. Встреча с Руфином Дороховым, отчаянным забиякой, дуэлянтом, не в пример Лермонтову, но одним из немногих истинных друзей поэта, вызвала у Дружинина, скрупулезно придерживавшегося всех правил дворянской чести, особенный порыв отчаяния из-за гибели поэта: "Зачем люди, его окружавшие, — думал я с ребяческим ожесточением, — не ценили и не лелеяли поэта, не сознавали его величия, не становились грудью между ним и горем, между ним и опасностью! Умереть за великого поэта не лучше ли, чем жить целое столетие?…" Дорохов, в отличие от мнимых друзей поэта, никогда не оправдывал Мартынова. Он первым и заявил: "Это была не дуэль, а убийство". Ему ли, отчаянному дуэлянту, не знать, всех правил дуэли. Дорохов назвал Мартынова "презренным орудием" убийства поэта.

Нынешние исследователи не любят ссылаться на письма современников дуэли. Мол, они сами ничего не видели. А кто видел? Почему свидетельства дальних родственников того же Васильчикова спустя чуть ли не пол века после дуэли достовернее, чем письма если не очевидцев, то людей, живших в том же Пятигорске во время этих трагических событий? Известно письмо Екатерины Быховец от 5 августа 1841 года, напечатанное много лет спустя, где она во всем обвиняет Мартынова. Уже в советское время исследователь из Ленинграда А. Михайлова нашла в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина письмо некоего Полеводина, лечившегося в те дни в Пятигорске, написанное спустя всего шесть дней после дуэли. Этот живой отклик ценнее всех поздних воспоминаний защитников Мартынова. Кстати, письмо доказывает огромную популярность Лермонтова и его стихов среди современников. (Что нынче не принято признавать в нашем лермонтоведении.) Опровергает письмо и утверждение самого Мартынова, что он был "слепым орудием провидения".

> "Июля 21-го 1841 г. Пятигорск.
>
> Плачьте, милостивый государь Александр Кононович, плачьте, надевайте глубокий траур, нашивайте плерезы, опепелите Вашу главу, берите из Вашей библиотеки "Героя нашего времени" и скачите к Леренцу, велите переплести его в черный бархат, читайте и плачьте. Нашего поэта нет, — Лермонтов 15-го числа текущего месяца в 7 часов пополудни убит на дуэли отставным майором Мартыновым. Неисповедимы судьбы твои, Господи! И этот возрождающийся гений должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов —

чистейший сколок с Дантеса. Этот Мартынов служил прежде в кавалергардах, по просьбе переведен в Кавказский корпус капитаном, в феврале месяце отставлен с чином майора, — и жил в Пятигорске, обрил голову, оделся совершенно по-черкесски и тем пленял, или думал пленять, здешнюю публику. Мартынов никем не был терпим в кругу, который составлялся из молодежи гвардейцев. Лермонтов, не терпя глупых выходок Мартынова, всегда весьма умно и резко трунил над Мартыновым, желая, вероятно, тем заметить, что он ведет себя неприлично званию дворянина.

Мартынов никогда не умел порядочно отшутиться — сердился, Лермонтов более и более над ним смеялся; но смех его был хотя едок, но всегда деликатен, так что Мартынов никак не мог к нему придраться. В одно время Лермонтов с Мартыновым и прочею молодежью были у В[ерзилиных] (семейство казацкого генерала). Лермонтов, в присутствии девиц, трунил над Мартыновым целый вечер, до того, что Мартынов сделался предметом общего смеха, — предлогом к тому был его, Мартынова, костюм. Мартынов, выйдя от В[ерзилиных] вместе с Лермонтовым], просил его на будущее время удержаться от подобных шуток, а иначе он заставит его это сделать. На это Лер[монтов] отвечал, что он может это сделать завтра и что секундант его об остальном с ним условится. На другой день, когда секунданты (прапорщик конногвардейский Глебов и студент князь Васильчиков) узнали о причине ссоры, то употребили все средства помирить их. Лер[монтов] был согласен оставить, но Мартынов никак не соглашался. Приехав на место, назначенное для дуэли (в двух верстах от города на подошве горы Машука, близ кладбища), Лермонтов сказал, что он удовлетворяет желанию Мартынова, но стрелять в него ни в каком случае не будет. Секунданты отмерили для барьера пять шагов, потом от барьера по пяти шагов в сторону, развели их по крайний след, вручили им пистолеты и дали сигнал сходиться. Лер[монтов] весьма спокойно подошел первый к барьеру, скрестив вниз руки, опустил пистолет и взглядом вызвал Мартынова на выстрел. Мартынов, в душе подлец и трус, зная, что Лермонтов] всегда держит свое слово, и радуясь, что тот не стреляет, прицелился в Л[ермонтова].

В это время Л[ермонтов] бросил на М[артынова]

такой взгляд презрения, что даже секунданты не могли его выдержать и потупили очи долу (все это сказание секундантов). У Мартынова] опустился пистолет. Потом он, собравшись с духом и будучи подстрекаем презрительным взглядом Л[ермонтова], прицелился, — выстрел… Поэта не стало! После выстрела он не сказал ни одного слова, вздохнул только три раза и простился с жизнию. Он ранен под грудь навылет. На другой день толпа народа не отходила от его квартиры. Дамы все приходили с цветами и усыпали его оными, некоторые делали прекраснейшие венки и клали близ тела покойника. Зрелище это было восхитительно и трогательно. 17-го числа в час поединка его хоронили. Всё, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб его до самого кладбища несли штаб и обер-офицеры и все без исключения шли пешком до кладбища. Сожаления и ропот публики не умолкали ни на минуту. Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь 6-й день после этого печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу. Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертию Л[ермонтова], он был лучший его приятель. Л[ермонтов] обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состояться не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести. ‹…›

Лермонтов похоронен на кладбище, в нескольких саженях от места поединка. Странная игра природы. За полчаса до дуэли из тихой и прекрасной погоды вдруг сделалась величайшая буря; весь город и окрестности были покрыты пылью, так что ничего нельзя было видеть. Буря утихла, и чрез пять минут пошел проливной дождь. Секунданты говорят, что как скоро утихла буря, то тут же началась дуэль, — и лишь только Лермонтов испустил последний вздох, — пошел проливной дождь. Сама природа плакала об этом человеке.

Много бы еще подробностей я мог Вам сообщить о жизни его здесь на Кавказе, но лист оканчивается… Больно вспомнить, что Кавказ в самое короткое время лишил нас трех прекраснейших писателей —

Марлинского, Веревкина и Лермонтова…"

Разве не о том же писал вскоре после дуэли 9 сентября 1841 года и князь П. А. Вяземский А. И. Тургеневу из Царского Села за границу: "…Жаль бедного Лермонтова. Я кажется не писал тебе о нем, но вероятно ты уже знаешь, что он был на дуэли убит Мартыновым на Кавказе. Я говорю, что в нашу поэзию лучше целят, чем в Л[уи] Филиппа. Тут промаха не дают: цесаревич говорил Мятлеву: "Берегись, поэтам худо, кавалергарды убивают их (Мартынов кавалергард, как и Дантес), смотри, чтобы и тебя не убили". — "Нет, отвечал он, еще не моя очередь"" [54].

Еще до получения этого письма А. И. Тургенев сообщал В. А. Жуковскому 6 сентября 1841 года из Шампрозе: "Какие ужасные вести из России! Сердце изныло: Лермонтов убит на дуэли — каким-то Мартыновым, pour une affaire de gaimain [55] ничего более не знаю… Вот что Вяземский [пишет] Булгакову о дуэли Лермонтова: "Он уже много исполнил и еще более обещал. В нашу поэзию стреляют удачнее нежели в Лудов[ика] Филиппа, второй раз не дают промаха. На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова"" [56].

Н. А. Мельгунов писал из Флоренции Н. М. Языкову 1 декабря (нового стиля) 1841 года: "Спасибо Вам за последние стихи Лермонтова. Скажите, его "Завещание" — фантазия или в самом деле написано перед смертью? Для умирающего слишком сухо и холодно, да к тому ж он говорит: "умер честно за царя", между тем как мне писали, что он убит на дуэли с Мартыновым, вызвавшим его за княжну Мери (читали ль?), в которой Лермонтов будто представил сестру того, как Вам об этом писал. Больно грустно. Ничто даровитое не держится у нас на Руси, между тем как Булгарины цветут здравием" [57].

Московский почт-директор А. Я. Булгаков, скажем честно, по своим тайным служебным обязанностям располагающий всей полнотой информации, читавший и все письма из Пятигорска, пришедшие в Москву после дуэли, так пишет исходя из своих сведений: "…Назначен день, час дуэли, выбраны секунданты. Когда явились на место, где надобно было драться, Лермонтов, взяв пистолет в руки, повторил торжественно Мартынову, что ему не приходило никогда в голову его обидеть, даже огорчить, что все это была одна только шутка, а что ежели Мартынова это обижает, он готов просить у него прощения не токмо тут, но везде, где он захочет!.. "Стреляй! Стреляй!" — был ответ исступленного Мартынова. Надлежало начинать Лермонтову, он выстрелил на воздух, желая кончить глупую это ссору

дружелюбно. Не так великодушно думал Мартынов. Он был довольно бесчеловечен и злобен, чтобы подойти к самому противнику своему и выстрелить ему прямо в сердце. Удар был так силен и верен, что смерть была столь же скоропостижной, как выстрел. Несчастный Лермонтов тотчас испустил дух! Удивительно, что секунданты допустили Мартынова совершить его зверский поступок. Он поступил противу всех правил чести и благородства, и справедливости. Ежели он хотел, чтобы дуэль совершилась, ему следовало сказать Лермонтову: "Извольте зарядить опять ваш пистолет. Я вам советую хорошенько в меня целиться, ибо я буду стараться вас убить". Так поступил бы благородный, храбрый офицер. Мартынов поступил как убийца…"

А. Я. Булгаков ссылается на письмо В. С. Голицына, полученное в Москве 26 июля. Следовательно, Голицын описывал убийство поэта по самым свежим следам и вряд ли на основании каких-то обывательских домыслов. Это уже позже, во время следствия и суда, все защитники Мартынова привели в соответствие показания очевидцев, заставив замолчать несогласных. Позже Булгаков написал еще два письма, повторив свой рассказ: П. А. Вяземскому в Петербург и А. И. Тургеневу во Францию. Н. С. Мартынова он называл "ожесточенным и кровожадным мальчиком", его отца "не по мудрости, а токмо по имени Соломоном". В дневнике Булгаков назвал Мартынова "сыном покойного Соломона Михайловича Мартынова, известного только потому, что он разбогател от винных откупов".

Почти о том же пишет и известный славянофил Ю. Ф. Самарин в письме И. Г. Гагарину от 3 августа 1841 года: "Я вам пишу, дорогой друг, под горьким впечатлением известия, которое я только что получил. Лермонтов убит на дуэли на Кавказе Мартыновым. Подробности тяжелы. Он выстрелил в воздух, а его противник убил его почти в упор…"

Ставропольский помещик К. К. Любомирский в те же последуэльные дни описывает в письме эту дуэль: "…за верность подробностей я не ручаюсь, но и теперь еще у нас рассказывают так, как описал я, может быть, впоследствии откроется что-либо достоверное… Мартынов вызвал его на дуэль. Положено стреляться в шести шагах. Лермонтов отговаривал его от дуэли и, прибыв на место, когда должно было ему стрелять первому, снова говорил, что он не предполагал, чтобы эта шутка так оскорбила Мартынова, да и не имел намерения, и потому не хочет стрелять в него. Отвел руку и выстрелил мимо. Но Мартынов выстрелил метко, и Лермонтова не стало".

В "Русском архиве" Васильчиков писал: "Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх,

заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста". Позже, в разговоре с Висковатым Васильчиков прибавил важную деталь.

"Он, все не трогаясь с места, вытянул руку кверху, по-прежнему кверху же направляя дуло пистолета… Когда я его спросил, — пишет Висковатый, — отчего же он не печатал о вытянутой руке, свидетельствующее, что Лермонтов показывал явное нежелание стрелять, князь утверждал, что он не хотел подчеркивать этого обстоятельства, но поведение Мартынова снимает с него необходимость щадить его". Но щадить память о великом поэте, по мнению Васильчикова, смысла не имеет.

Почему все современники, по-разному относившиеся к поэту при жизни, пишут почти одно и то же, крайне негативно оценивая Мартынова, а нынешние исследователи пишут совсем другое? Кто более прав? Все-таки современники могли узнавать истину от свидетелей дуэли, а откуда все сведения у современных ученых? От Мартынова, князя Васильчикова и их окружения. Или из официальной версии следствия, где всё было подтасовано. Больше-то никто и ничего сказать не мог.

Ординатор Пятигорского военного госпиталя И. Е. Барклай-де-Толли — дальний родственник знаменитого генерал-фельдмаршала — произвел осмотр тела и составил соответствующее заключение.

"При осмотре оказалось, — писал он, — что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастании ребер с хрящем, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе порезала мягкие части левого плеча; от которой раны поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка умер". Документ заверен печатью, помечен 17 июля и подписан доктором и двумя следователями.

В соответствии со "Сводом военных постановлений" Мартынова, Глебова и Васильчикова приговорили к "лишению чинов и прав состояния". Однако военное начальство сочло нужным смягчить наказание: Мартынова — лишить "чина, ордена и написать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства", а Васильчикова и Глебова "перевести из гвардии в армию тем же чином". Царь решил, что и такое наказание слишком сурово: "Майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию. Титулярного же советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной тяжелой раны".

Я думаю, достоверна версия о двух высказываниях

императора, прозвучавших после смерти поэта. В узком кругу семьи и близких императору людей он высказался резко по-французски. Нечто вроде "туда ему и дорога" или "собаке — собачья смерть". Великая княжна Мария Павловна осудила брата за такие слова, и уже выйдя в гостиную, где собралось большое количество дожидавшихся его людей, император сказал глубокомысленно: "Погиб тот, кто бы смог стать наследником Пушкина". Нынешние исследователи выбирают близкую себе версию.

Версию эту подтверждает уже в 1911 году редактор "Русского архива" П. И. Бартенев, лично слышавший эту историю от княгини М. В. Воронцовой, бывшей тогда еще замужем за родственником Лермонтова А. Г. Столыпиным:

"Государь по окончании литургии, войдя во внутренние покои кушать чай со своими, громко сказал: "Получено известие, что Лермонтов убит на поединке. Собаке — собачья смерть!" Сидевшая за чаем великая княгиня Мария Павловна (Веймарская, "жемчужина семьи")… вспыхнула и отнеслась к этим словам с горьким укором. Государь внял сестре своей (на десять лет его старше) и, вошедши назад в комнату перед церковью, где еще оставались бывшие у богослужения лица, сказал: "Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит"…" (Замечу, что сам Бартенев при этом считался большим защитником Николая Мартынова.)

Как говорят, в тот же день императрица писала С. А. Бобринской: "Вздох о Лермонтове, об его разбитой лире, которая обещала русской литературе стать ее выдающейся звездой…"

Знатоков дуэли еще тогда поражало отсутствие весомого повода для схватки. Ведь даже по мнению самого Мартынова, поэт лишь позволял себе "остроты, колкости, насмешки на мой счет, одним словом все, чем только можно досадить человеку, не касаясь до его чести". А если честь не задета, то нет и повода для дуэли?! Недаром же в письме от 22 августа 1841 года А. Елагин сообщает: "Все говорят, что это убийство, а не дуэль…" И далее: "Лермонтов выстрелил в воздух, а Мартынов подошел и убил его".

Из всех загадок дуэли незагадочно только поведение самого Михаила Лермонтова. Он никого убивать не собирался, стрелять не собирался, воспринимал всё как нелепое недоразумение… Мысли Мартынова понять значительно труднее. Прямодушным этот человек никогда не был. Он понимал, что Лермонтов — храбрый офицер — примет его вызов, но стрелять в него не будет. Мартышка наверняка переживал из-за шуток Мишеля, но еще больше завидовал ему. Мечтал ли он тогда же, во время дуэли, о геростратовой славе? Вполне допускаю. Увы, но он, может быть,

предвидел, что когда-нибудь войдет в число "великих людей России" благодаря тому, что убил русского гения. Могли ли его использовать недоброжелатели поэта из придворных кругов? Вполне могли, так же как натравливали на Лермонтова молодого офицера Лисаневича. Но, думаю, подставной фигурой Николай Соломонович Мартынов не был. И тут уже кто кого использовал? Можно стрелять гораздо увереннее в цель, если знать, что за участие в дуэли и даже за убийство сурового наказания не будет.

"Как в подобных случаях это бывало не раз, — пишет Висковатый, — искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги. Так, узнав о выходках и полных юмора проделках Лермонтова над молодым Лисаневичем, одним из поклонников Надежды Петровны Верзилиной, ему через некоторых услужливых лиц было сказано, что терпеть насмешки Михаила Юрьевича не согласуется с честью офицера. Лисаневич указывал на то, что Лермонтов расположен к нему дружественно и в случаях, когда увлекался и заходил в шутках слишком далеко, сам первый извинялся перед ним и старался исправить свою неловкость. К Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль — проучить. "Что вы, — возражал Лисаневич, — чтобы у меня поднялась рука на такого человека".

Спустя много лет Мартынов рассказывал Д. А. Столыпину, что он "отнесся к поединку серьезно, потому что не хотел впоследствии подвергаться насмешкам, которыми вообще осыпают людей, делающих дуэль предлогом к бесполезной трате пыжей и гомерическим попойкам"".

Конечно, есть и вариант случайной гибели. Но ведь мальчишки же, молодые шалуны. Тем более неприлично как-то, дамы смеяться будут. И Столыпин (если он вообще был на дуэли) по сути становится участником убийства, явным провокатором. Лермонтов стреляет в воздух? Или вообще не стреляет, и тогда почему-то уже после дуэли из его пистолета Васильчиков делает выстрел в воздух. Зачем?

Михаил Глебов пишет в тюрьму Мартынову: "…прочие ответы твои согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал со мной; ты так и скажи. Лермонтов же поехал на моей лошади — так мы и пишем… Не видим ничего дурного с твоей стороны в деле Лермонтова… тем более что ты в третий раз в жизни своей стрелял из пистолетов; второй, когда у тебя пистолеты рвало в руках, и это третий… Надеемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали… ты напиши, что ждал выстрела Лермонтова". Как дружно все секунданты защищают Мартынова. Впрочем, это устраивает и

следствие. В своем последнем стихотворении Михаил Лермонтов пишет:

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья… [58]

Эти каменья сопровождали Михаила Лермонтова всю его жизнь. Сопровождают и поныне. Сын Н. С. Мартынова считал, что секунданты во многом повинны в дуэли и не желали примирения. Переписку между секундантами и Мартыновым во время следствия сын Мартынова считал "узлом всего дела". Может, он и прав. Не оправдывая ни в чем убийцу Мартынова, прочитаем внимательно эту переписку, лишь подкидывающую загадок к дуэли. Ведь пишут-то Мартынову как бы ближайшие друзья Михаила Лермонтова. Как вспоминает А. И. Арнольди, после совершенного убийства его друзья сами кидали жребий, кому назваться секундантом на дуэли. Первым жребий выпал на М. П. Глебова. Затем добавили для убедительности князя А. И. Васильчикова. М. П. Глебов пишет Мартынову в тюрьму: "Посылаем тебе брульон 8-й статьи. Ты к нему можешь прибавить по своему уразумению; но это сущность нашего ответа. Прочие ответы твои совершенно согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал верхом на своей лошади, а не в дрожках беговых со мной. Ты так и скажи. Лермонтов же поехал на моей лошади: так и пишем… Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и всем… судьба так хотела… что ты стрелял из пистолета… Непременно и непременно требуй военного суда. Гражданским тебя замучат. Полицмейстер на тебя зол, и ты будешь у него в лапках. Проси коменданта, чтобы он передал твое письмо Траскину… Столыпин судился военным судом… Глебов". Мартынов отвечает: "Меня станут судить гражданским судом; мне советуют просить военного… Узнай у Столыпина, как он сделал? Его, кажется, судили военным судом… А бестия стряпчий пытал меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу в чем. Н. М". Требовать военного суда советует ему по-дружески и А. Столыпин, рекомендуя не выходить из квартиры: "…Тебе выходить не советую. Дай утихнуть шуму. А. Столыпин".

Послушавшись совета, Н. С. Мартынов пишет А. Х. Бенкендорфу: "Сиятельнейший граф, милостивый государь. Бедственная история моя с Лермонтовым заставляет меня утруждать Вас всепокорнейшею просьбою. По этому делу я передан теперь гражданскому суду. Служивши постоянно до сих пор в военной службе, я свыкся с ходом дел военных ведомств и властей и потому за счастие почел бы быть судимым военными законами. Не оставьте, Ваше Сиятельство, просьбу мою благословенным вниманием. Я льщу себя надеждою на милостивое ходатайство Ваше тем более, что сентенция военного суда может доставить мне в будущем возможность искупить проступок собственной кровью на службе Царя и отечества". Поверил граф, внял, велел "не оставить"…

Письмо это передал Мартынов из тюрьмы всё тем же друзьям-секундантам, да еще с разъяснением: "Чего я могу ожидать от гражданского суда? Путешествия в холодные страны? Вещь совсем не привлекательная. Южный климат гораздо полезнее для моего здоровья, а деятельная жизнь заставит меня забыть то, что во всяком месте было бы нестерпимо моему раздражительному характеру!.."

Нельзя всё сводить к независимому и дерзкому поведению Михаила Лермонтова. В великосветском обществе Лермонтов бывал "высокомерен", "едок", "заносчив", презирая всё это общество. В компании сверстников и сослуживцев — "любезен", "речь его интересна". В обществе друзей — верный и преданный товарищ. Да, он позволял себе шутить даже в присутствии великого князя Михаила Павловича. То маленькую сабельку принесет на смотр, то, наоборот, сверх меры длинную, тянущуюся за ним по полу. За что и сиживал на гауптвахтах частенько. Блистал остроумием, но успевал и гениальные стихи писать, и в военном деле показал себя умельцем. Всаживал на стрельбах пулю в пулю. Он всего лишь пожалел неудачника Мартынова, и с какой радостью тот свел с ним сразу все счеты. И на самом деле, Грушницкий в жизни отомстил Печорину литературному. Узнавший себя в Грушницком, Николай Мартынов отнес к себе слова Печорина: "Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать"… Грушницким и оставался до конца дней своих Николай Соломонович. Чем больше росла слава поэта, тем больше росла и глухая ненависть к нему у Мартынова. Раскаяться этот Грушницкий так и не смог. Дважды начинал свою исповедь:

"Сегодня минуло ровно тридцать лет, когда я стрелялся с

Лермонтовым. Трудно поверить! Тридцать лет — это почти целая жизнь человеческая, а мне памятны малейшие подробности этого дня, как будто происшествие случилось только вчера. Углубляясь в себя, переносясь мысленно за тридцать лет назад и помня, что я стою теперь на краю могилы, что жизнь моя окончена и остаток дней моих сочтен, я чувствую желание высказаться, потребность облегчить свою совесть откровенным признанием самых заветных помыслов и движений сердца по поводу этого несчастного события… Беспристрастно говоря, я полагаю, что он был добрый человек от природы, но свет его окончательно испортил. Быв с ним в весьма близких отношениях, я имел случай неоднократно замечать, что все хорошие движения сердца, всякий порыв нежного чувства он старался так же тщательно в себе заглушать и скрывать от других, как другие стараются скрывать свои гнусные пороки". И каждый раз с исповеди Мартынов срывался на обличение "испорченного" поэта, не доходя до описания дуэли.

Это храбрые и дерзкие, вольные и независимые герои, каким был и сам Михаил Лермонтов, не стреляют в своих друзей. Если Лермонтов на самом деле был такой злобной личностью, какой его ныне часто изображают историки и литературоведы, то что же он имел в жизни всего две дуэли, и оба раза его вызывали на дуэль, что же он оба раза на дуэлях стрелял или мимо, или в воздух. Почему он не убивал дуэлянтов? Считал себя выше их, не снисходил до мести, лишь весело отшучивался. Интересно, в жизни нынешние ненавистники Лермонтова с кем бы предпочли иметь дело в опасную минуту, с такими, как страдалец Мартынов, или же с такими, как Лермонтов? Может, гениальная проза Лермонтова и послужила настоящим поводом к дуэли?

С какой радостью все его приятели светские уже после гибели спешили рассказать, какой он был неуживчивый и недобрый малый. Он при жизни своей короткой уже добился всероссийской литературной славы. Все, кто хоть что-то читал, знали и ценили великий дар Лермонтова. Но он не был в высоких чинах, не был солидным и важным, как признать за таким молодым и лихим офицером его истинное значение?

После дуэли все кинулись переживать за бедного Мартынова. О самом поэте его приятели как бы и забыли. Погиб поэт, ну и что? А страдалец Мартынов из-за наложенной на него епитимьи с трудом пробирается в столицу позировать известному художнику Т. Райту, нарисовавшему уже в 1843 году, через два года после дуэли, его портрет. Вряд ли сам художник Райт, работавший в столицах, ездил к Мартынову в Киев.

Загадочной остается и история отставки Мартынова. 23 февраля 1841 года царь подписал высочайший приказ об отставке

Мартынова "по домашним обстоятельствам". С чем это связано? С его репутацией карточного шулера? С масонской деятельностью? С недозволительными занятиями винными откупами на Кавказе? Сейчас все защитники Мартынова стали объяснять отставку его заботой о больных братьях и сестрах. Но ведь еще недавно этот заносчивый офицер мечтал о генеральском чине. И почему, если поверить его нынешним защитникам, после отставки он никуда с Кавказа не уехал? О братьях и сестрах сразу же забыл. Почему Николаю Мартынову, так же как и Михаилу Лермонтову, император отказал в награде за битву при Валерике? Зачем он перевелся из кавалергардов в 1839 году в Гребенский казачий полк?

Рудольф Баландин в своем интересном исследовании судьбы поэта пишет: "Разве нельзя предположить, что именно в виноделии был главный интерес на Кавказе у Мартынова, который отправился туда волонтером, то есть добровольно? И присутствие рядом с ним князя Васильчикова, сына того вельможи Васильчикова, который так активно принимал участие в становлении дела винных откупов у будущего греческого магната Бенардаки, не говорит само за себя? И то, что Мартынов был не в себе к приезду на Кавказ Лермонтова летом 1841 года, объясняется, скорее всего, не его стыдом преждевременной отставки, а тем, что из-за войны виноделие у гребенских казаков падало, лишая сына винного откупщика надежды на богатство и генеральский чин, видимо, такой же, гражданский, который заработал себе двоюродный дед Лермонтова, винный откупщик Столыпин. И не потому ли тогда же Мартынов запросился обратно на военную службу, в чем ему было отказано императором? Легко представить себе злобу и разочарование молодого человека, который в надежде на золотые горы потерял и деньги и карьеру!"

Конечно, это только версия. Но она имеет право на жизнь не менее, чем другие. Точных доказательств уже никто и никогда не соберет. Ясно, что при всей нелюбви к Лермонтову император Николай I дуэль не организовывал. Скорее, наоборот, хотел загнать поэта в кавказскую глушь и не выпускать ни в какие столицы. Есть распоряжение Николая I от 30 июня 1841 года — "дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку". Император был даже против участия Лермонтова в добровольческих вылазках, потому и отказал в награде за самовольное участие поэта в бою у реки Валерик. Поэта могли ранить, последовала бы вынужденная отставка. Он уже как

писатель появился бы в столице, основал журнал. Что потом с таким делать? Пусть уж сидит в полку своем.

Но уж если поэт погиб на дуэли, то "туда ему и дорога". Император Николай I этого невысокого вольнолюбивого офицера не любил после январских стихов 1837 года. Устал от выяснения отношений с Пушкиным… Раздражало царя и то, что жена его Александра Федоровна была без ума от лермонтовских стихов и прозы. И поэтому даже после гибели поэта не только Николай I, но и его сын Александр II не разрешали к печати подготовленные биографии Лермонтова, сочинения поэта издавались без сведений об авторе. Все читали его стихи, и никто не знал, кто он такой. Первая биографическая книга, подготовленная Висковатым, вышла в 1891 году.

Но почему отмалчивались друзья? Что случилось с благородным Алексеем Столыпиным? Или прав был убийца Николай Мартынов, в конце жизни признавшийся: "Друзья таки раздули ссору…"

"В 1837 году, — читаем в воспоминаниях И. П. Забеллы, — благодаря ненавистному иностранцу Дантесу не стало у нас Пушкина, а через четыре года то же проделывает с Лермонтовым уже русский офицер; лишиться почти зараз двух гениальных поэтов было чересчур тяжело, и гнев общественный всею силою своей обрушился на Мартынова и перенес ненависть к Дантесу на него; никакие оправдания, ни время не могли ее смягчить. Она преемственно сообщалась от поколения к поколению и испортила жизнь этого несчастного человека, дожившего до преклонного возраста. В глазах большинства Мартынов был каким-то прокаженным…"

Интересно, что почти все лермонтоведы XIX века на стороне поэта, самые объективные и известные советские лермонтоведы, такие как Борис Эйхенбаум, Эмма Герштейн, Виктор Мануйлов, тоже защищают поэта, и лишь нынешние оправдывают Мартынова.

Один из первых лермонтоведов, опрашивавший всех очевидцев дуэли, П. К. Мартьянов пересказал разговор, который вел Лермонтов со своими секундантами: "Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений от него Глебов не слыхал. Он ехал как будто на званый пир какой-нибудь. Всё, что он высказал за время переезда, это сожаление, что он не мог получить увольнения от службы в Петербурге и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд. "Я выработал уже план, — говорил он Глебову, — двух романов"".

О больших планах поэта на будущее писал и В. Г. Белинский осенью 1841 года: "Беспечный характер, пылкая молодость, жадная до впечатлений бытия, самый род жизни, — отвлекали его от мирных кабинетных занятий, от уединенной думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура его начала устраиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни".

Жизнь меняет все планы. И вот начался этот загадочный отсчет дуэли: "Один… два… три…" Кто отсчитывает — неясно. Столыпин, Глебов… Но главное, никто и не стреляет. Пора заканчивать дуэль. И тут Столыпин или Трубецкой, а может Глебов? — крикнул: "Стреляйте, или я развожу дуэль!" На что Лермонтов (по утверждению сына Васильчикова спустя полвека?) ответил: "Я в этого дурака стрелять не буду!" "Я вспылил, — писал уже Мартынов. — Ни секундантами, ни дуэлью не шутят: и опустил курок".

Лилипут пристрелил Гулливера. Беда Лермонтова была в том, что он не относился серьезно к самой возможности дуэли, да еще с Мартышом. К тому же он был никак не заинтересован в любой дуэли. Это — новый суд, и уже никаких надежд на отставку и на свой журнал. Незадолго до дуэли он плотно пообедал, перед дуэлью рассказывал о своих планах на будущее. Я считаю, что он и выстрелил первым в воздух, а Мартынов уже стрелял в безоружного. Грушницкий убивал своего противника. В жизни мечтателям не место.

По мнению Э. Г. Герштейн, когда перед дуэлью началась буря, Столыпин, Трубецкой и, может быть, Дорохов на какие-то минуты не успели подъехать к месту дуэли до ее начала. Никто из них не думал, что дуэль начнут при грозе, не дождавшись их приезда. Мартынов настоял на своем, он желал уничтожить ненавистный ему символ таланта и вольномыслия.

Прислушаемся же к мнению свидетелей того времени:

"…Дуэли не было, а было убийство…" (Р. И. Дорохов);

"…Мартынов… трагически разыграл жизнь Лермонтова" (А. Ф. Тиран);

"…Мартынов фактически убил Лермонтова, и весь город уже говорил об этом…" (Ф. П. Конради);

"…Многие знали, что М. Ю. Лермонтов почти в упор был убит Н. С. Мартыновым" (П. К. Мартьянов);

"…Увы, Лермонтова нет, к несчастию, это верно, хотя мы и желаем, чтобы это были неверные слухи — он убит — убит подлым образом" (А. П. Смольянинов);

"…Они собирались драться без секундантов" (А. С. Траскин — П. Х. Граббе);

"…Все говорят, что это убийство, а не дуэль…" (А. А. Елагин);

"…Для Ольшанского было ясно, что поединка… как такового не было…" (Из анализа материалов следствия);

М. Ю. Лермонтов пал от пули, "посланной ему в сердце твердой рукой Мартынова, который ненавидел его люто" (Ф. Ф. Боденштедт).

Андрей Дельвиг вспоминает: "Посланный в Киев на церковное покаяние… Мартынов участвовал на всех балах и вечерах и даже сделался знаменитостью. Каждый век российской истории рождает своих герострат ов. Кто-то из них поджигает, кто-то из-за угла убивает, кто-то разваливает государства…" Через год после преступления полковник А. С. Траскин, руководивший расследованием в Пятигорске, быстро замявший дело, был произведен в генералы…

Родственники Мартынова и недруги Лермонтова задались целью реабилитировать память Мартынова, свалить всю вину на Лермонтова и очернить его. Сын убийцы напечатал "Историю дуэли М. Ю. Л. с Н. С. М.". Но ничего нового при всем желании никто сообщить не мог. Николай Соломонович Мартынов вполне осознанно и безбоязненно убил великого русского поэта. "Умней, чем жидовин…"

"Кровавая меня могила ждет..."

Что произошло в тот вечер 13 июля 1841 года в доме Верзилиных, точно никто и не знает. Есть классическая версия произошедшего, но не будем забывать, что и классическая версия, как и всякая другая, достаточно условна. Все доказательства ее сомнительны. Историк А. М. Скабичевский еще в царские времена писал: "Совершенно очевидно, что дотошная следственная комиссия пыталась выяснить "...пал ли Лермонтов от изменнической руки убийцы, прикрывающегося одною дуэльною обстановкою, или же был убит на правильном поединке совершенным уравнением дуэльных случайностей...". Возможно, правосудию и удалось бы докопаться до сути, а биографам поэта не пришлось бы на протяжении вот уже ста с лишним лет ломать копья, но дело повелением Николая I было передано в судное отделение штаба отдельного Кавказского корпуса с категорическим предписанием — окончить его немедленно и представить в Петербург на высочайшую конфирмацию".

Неясно даже с вечером у Верзилиных, была ли ссора или не было никакой ссоры. Есть лишь одни сомнительные воспоминания князя Васильчикова и формальное судебное разбирательство.

Но вернемся к классической версии. Бал в доме трех граций Верзилиных. Все танцевали, веселились. Князь Трубецкой играл на рояле. В одном углу зала собрались остряки: Лев Пушкин, Михаил Лермонтов и тут же одна из граций, Эмилия Шан-Гирей. Они заметили Мартынова, любезничавшего с младшей из сестер Верзилиных Надеждой. Мартынов был как обычно после отставки — в черкеске и с большим кинжалом. Лермонтов по привычке стал шутить на его счет, всё в рамках допустимого, мол, "montagnard au grand poignard" [59], к тому же и звучит очень складно. И тут князь Трубецкой перестал играть, и слово "кинжал" разнеслось по всему залу. Мартынов побледнел, подошел к Лермонтову и сказал: "Сколько раз я просил не шутить обо мне при дамах..." Сразу же отошел в сторону. Лермонтов улыбнулся: "Ничего, завтра опять мы будем добрыми друзьями". Продолжили разговор бывшие приятели уже в передней, один на один. Поэтому все споры о том, кто и кому что сказал, кто вызвал на дуэль и почему, остаются недоказанными. Принята версия, рассказанная Мартыновым следствию.

Будто бы Лермонтов сказал Мартынову: "Что же ты меня, на дуэль что ли вызовешь?" На что Николай Мартынов решительно сказал: "Да..." Сразу же назначили день дуэли на 15 июля. Друзья

тут же узнали про размолвку, но всерьез ее никто не принял. Лермонтов не скрывал, что собирается стрелять в воздух, а Мартынова как-то всерьез даже не воспринимали. Никто из гостей в доме Верзилиных ни ссоры, ни вызова на дуэль не слышал. О чем на следствии и было сказано. Лермонтов только отшучивался. А вскоре и вовсе уехал в Железноводск.

По другой версии, ссора произошла из-за карикатур на том же вечере у Верзилиных. Лермонтов на ломберном столе нарисовал Мартынова с засученными рукавами и большим кинжалом, потом позвал младшую из Верзилиных, Надежду, за которой ухаживал Мартынов, и показал ей эту карикатуру. При этом спросил: возможно ли, чтобы вы с ним соединились? Девушка вспыхнула и отошла в сторону. Мартынов, наблюдавший за этим, подошел к ломберному столу, но Лермонтов быстро стер всё нарисованное. Впрочем, всё и так было понятно. На улице Мартынов подошел к поэту и вызвал его на дуэль.

Лермонтов всерьез этот вызов не воспринимал. Вернулся к себе в Железноводск. Купил там билеты на целых пять лечебных водяных сеансов. Днем 15 июля все встретились на пикнике в шотландской колонии в Карасе. Лермонтов плотно пообедал, не заботясь о возможном ранении в живот, да и вообще о дуэли, а к вечеру отправился к месту дуэли.

Горец с большим кинжалом (портрет Н. С. Мартынова в черкеске). Акварель Г. Г. Гагарина. 1841 г.

И вот через два дня после бала у Верзилиных, 15 июля к шести часам вечера все участники встречаются под Пятигорском, у подножия горы Машук, у Перкальской скалы. Но кто эти все? Историк и биограф Лермонтова Мартьянов так описывает последнее путешествие поэта к месту дуэли: "Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных разговоров, никаких посмертных распоряжений от него Глебов не слыхал. Он ехал как будто на званый пир какой-нибудь. Всё, что он высказал за время переезда, это сожаление, что он не мог получить увольнение от службы в Петербурге и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд. "Я выработал уже план, — говорил он Глебову, — двух романов: одного — из времен смертельного

боя двух великих наций, с завязкой в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене (не напоминает ли этот план "Войну и мир" Льва Толстого? — **В. Б.);** и другого — из Кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране, и вот придется сидеть у моря и ждать погоды, когда можно будет приняться за кладку их фундамента. Недели через две уже нужно будет отправиться в отряд, к осени пойдем в экспедицию, а из экспедиции когда вернемся!"…"

Как можно было человека с такими грандиозными замыслами убивать из-за какой-то дурацкой обиды?! Поневоле подумаешь о каком-нибудь заговоре. С другой стороны, поэт сам знал о себе всё и предвидел всё. Пожалуй, нет более мистического поэта в России:

> Никто не дорожит мной на земле,
> И сам себе я в тягость, как другим;
> Тоска блуждает на моем челе.
> Я холоден и горд; и даже злым
> Толпе кажуся; но ужель она
> Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
> Зачем ей знать, что в нем заключено?
> Огонь иль сумрак там — ей всё равно [60].

Дуэль состоялась в роковой вторник 15 июля 1841 года между шестью и семью часами вечера. Раньше считалось, что она произошла у подножия горы Машук возле Пятигорска, и на месте дуэли в 1915 году был установлен обелиск, созданный скульптором Микешиным, но в советское время было установлено, что на самом деле дуэль была в другом месте — у Перкальской скалы. Это тоже удивительно: сколько бы их ни было, участников дуэли — двое, трое, четверо или шестеро, или даже семеро, они должны были помнить, где произошло убийство поэта. Плюс на место дуэли сразу же после начала следствия ездили все судейские, проверяли, обмеряли. И вот прошло 20–30 лет, Лермонтов уже стал знаменитым поэтом, но где была дуэль, никто ничего не запомнил. Как ни парадоксально для всех нынешних лермонтоведов, ненавидящих советское время, именно тогда ученые установили точно, где происходила дуэль, у Перкальской скалы, где кто стоял, и т. д. Условия дуэли были жестокими: стреляться до трех раз (!) при барьерах в 15 шагов (10,5 метра). На такие условия можно было идти или считая всю дуэль недоразумением, которое решится по-мирному (так считал

Лермонтов), или же всерьез желая убить противника (так и задумал Мартынов).

Даже как добирались участники дуэли до места поединка, рассказывается по-разному. Мартынов писал, что Лермонтов и Васильчиков ехали верхом, Глебов — на дрожках, сам он выехал раньше. Глебов писал, что Мартынов, Васильчиков и Лермонтов — ехали верхом, Лермонтов на его, Глебова, лошади, сам Глебов — на беговых дрожках. Васильчиков написал лишь, что Лермонтов и он скакали верхом. Как добирались и добирались ли до места дуэли вообще Столыпин, Трубецкой и Дорохов — неизвестно. Лично меня поражает и задевает больше всех поведение Алексея Столыпина, вроде бы близкого друга и родственника поэта. Вроде бы благородного и порядочного человека. Что бы ни случилось, как бы он ни обмишурился, каких бы ошибок невольных ни наделал, имей мужество признать их, опиши для истории, как было дело. Если он и впрямь не участвовал в дуэли, опиши и это. Если участвовал и скрыл от начальства, спасая свое сытое благополучное положение, напиши для потомков. Ведь Столыпин отлично понимал значимость своего родственника. Не случайно перевел на французский язык, уже живя в Париже, роман "Герой нашего времени". В конце концов, даже доставить имущество убитого родственника на родину к бабушке поэта он должен был. Говорят, Дорохов тоже присутствовал на дуэли и позже всё рассказал Дружинину. Дружинин был поражен признаниями Дорохова… но тоже так ничего и не написал. Трубецкой и Глебов молчали, как заговоренные. Неужели это и есть дворянская честь? Не сказать никому ни слова об убийстве великого поэта.

Лермонтов стрелять отказался, то ли выстрелил в воздух, то ли поднял пистолет вверх. Мартынов, подойдя к барьеру, убил Лермонтова наповал. Было это примерно в 18 часов 30 минут. Как уверяют секунданты на суде, Лермонтов умер сразу. Но верный и многолетний слуга Михаила Лермонтова Христофор Саникидзе, который, собственно, и погрузил брошенное, оставленное всеми тело на подводу спустя три часа после дуэли, сообщил, что Михаил Юрьевич был еще жив и стонал, на половине пути затих.

Я повторюсь, не хочу верить ни в какие заговоры. Увы, русских поэтов само небо карает безжалостно. От Пушкина до Рубцова, от Лермонтова до Есенина. Но почему так много путаницы в показаниях и документах о дуэли Михаила Лермонтова? Откуда взялись подмененные пистолеты? Сначала изъяли пистолеты в доме Лермонтова и Столыпина ("одноствольные с фестонами с серебряными скобами и с серебряною насечкою, из коих один без шомпола и без

серебряной трубочки"). Затем узнали, что эти пистолеты по ошибке взяли у Столыпина, и появились другие, вроде бы принадлежащие Лермонтову. Те самые мощные пистолеты системы Кухенройтера. Откуда они у него взялись? И почему Столыпин молчал, когда у него забирали пистолеты, что это не те пистолеты, которые были на дуэли?

Поневоле появляется подозрение, что первыми пистолетами нельзя было пробить тело и подыскали другие. В других известных дуэлях не было же таких накладок. Всё было до мелочей ясно. Может, к двухсотлетию поэта провести новое судебное расследование с привлечением всех достижений криминалистики, чтобы поставить все точки над "i". Кто стрелял, из чего стрелял, с какого места стрелял?

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, — порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

Я прочитал все показания свидетелей, так и не понял: то Глебов один оставался под дождем с телом Лермонтова, а все остальные уехали, то Васильчиков пишет, что он один оставался с телом убитого. В результате тело поэта осталось брошенным под дождем, и по протоколу его погрузили на подводу слуги дуэлянтов. Почему не увезли на глебовских дрожках, почему просто не перекинули по-кавказски поперек седла? Зачем мертвому телу (или умирающему, по мнению слуги Лермонтова) три часа лежать под проливным дождем? Может быть, все-таки Мартынов с Лермонтовым договорились о дуэли без секундантов, встретились и Мартынов сразу же выстрелил? А затем уже, чтобы не было умышленного убийства, друзья и соорудили наспех дуэль? Может быть, приехала на дуэль и вся компания, не воспринимавшая эту дуэль, так же как и сам Лермонтов, всерьез, а уже потом, после убийства Лермонтова в упор, стали разыгрывать, кому быть секундантом? Присутствие Трубецкого скрыли потому, что он приехал в Пятигорск без отпуска, а присутствие Столыпина — потому, что тот был замешан в дуэли Лермонтова с де Барантом и их обоих ждало бы серьезное наказание? А где же их дворянская честь? Интересно, о чем думали все друзья-секунданты раньше, до дуэли? Как бы ни

закончилась дуэль, даже без жертв, все равно Лермонтова ждало бы после этой повторной дуэли куда более суровое наказание. О чем думал тот же Столыпин? О чем думали князья Васильчиков и Трубецкой? О Мартынове я уже и не говорю. Его благородство пусть нынешние академики всех наук доказывают.

Рассмотрение дела в военном суде длилось всего три дня. Формально допросив подсудимых, суд вынес "объективный" приговор, который царь заметно смягчил: секундантов Глебова и Васильчикова освободить от наказания, убийцу поэта — Мартынова содержать под арестом в крепости три месяца, затем подвергнуть церковному покаянию. По действовавшему тогда законодательству максимальным наказанием за дуэль могла быть смертная казнь. Останься Лермонтов жив, он бы получил за дуэль сполна.

Сторонники Мартынова уже в XX веке стараются находить всё новые и новые, на их взгляд, "убедительные доказательства" правоты убийцы поэта. К примеру, в 1939 году в парижской эмигрантской газете "Возрождение" княгиня С. Н. Васильчикова опубликовала выдержку из воспоминаний ее покойного мужа, князя Б. А. Васильчикова, сына секунданта на лермонтовской дуэли. Поразительно, уже не сам стареющий князь Алексей Илларионович, опубликовавший в 70-х годах XIX века в "Русском архиве" свои оправдательные заметки, а его стареющий сын еще через пол века вспомнил, что отец "…щадя память поэта, упустил одно обстоятельство, которое я, однако же, твердо запомнил из одного разговора моего отца… Отец всегда был уверен, что всё кончилось бы обменом выстрелов в воздух, если бы не следующее обстоятельство: подойдя к барьеру, Лермонтов поднял дуло пистолета вверх, обращаясь к моему отцу, громко, так чтобы Мартынов не мог не слышать, сказал: "Я в этого дурака стрелять не буду". Это, думал мой отец, переполнило чашу терпения противника, он прицелился, и последовал выстрел…".

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

И на самом деле, живя в мире столь высокой неземной поэзии, как можно в жизни опускаться до какого-то дурака

Мартынова? Зато в земном современном лермонтоведении уже на этой фразе строятся целые диссертации, доказывающие полную невиновность Николая Мартынова.

Во-первых, не вижу в этой фразе ничего нового в отношениях Мартынова и Лермонтова. Скорее, дается Мартынову намек, что от меня ты выстрела не дождешься, решай, быть ли тебе чистым убийцей. Да и в слове "дурак", промелькнувшем в разговоре между двумя даже поссорившимися, но старыми знакомыми, нет ничего особо оскорбительного. Они привычно обзывали друг друга дураками и дурачинами еще с юнкерской школы. Что из того?

Так зацепились за эту заметку Б. А. Васильчикова из его запомнившихся разговоров отца, что упустили давний некролог Стоюнова на смерть самого князя Васильчикова, где приводилось то же самое высказывание, но на которое никто не обратил внимания. Мол, с самого начала писали, что Лермонтов перед началом дуэли заявил, что стрелять не будет. Тогда защитники Мартынова говорили иное: что Мартынов этих слов не расслышал. В наше время возникла версия, что Мартынов и оскорбился этими словами.

Во-вторых, почему же сам секундант, оправдываясь на суде и в своих поздних заметках, за всю свою жизнь ни разу не упомянул этот эпизод?

И главное, в-третьих, почему слова, которые якобы вспомнила стареющая княгиня в 1939 году, спустя почти 100 лет после дуэли, услышанные ею от своего стареющего мужа в тех же 30-х годах XX века, о том, что он давным-давно был свидетелем разговора своего отца с В. Д. Давыдовым и тот якобы слышал, как Лермонтов сказал эти слова — "я в этого дурака стрелять не буду" — прямо в начале дуэли, могут являться хоть какими-то доказательствами? Чему равны все истины нынешних лермонтоведов, если они покоятся на услышанных где-то и как-то ничем не подтвержденных слухах? Не случайно впервые использовавший этот эпизод в своей книге английский лермонтовед Лоренс Келли деликатно дополнил: "…если только новое свидетельство должно принимать". Он-то с английской научной дотошностью понимает: слова, услышанные внуками, племянниками, невестками от своих предков и воспроизведенные через полвека, трудно доказуемы. И принимать все такие свидетельства надо с осторожностью. Точно так же защитники Лермонтова могут воспроизвести любые слова, якобы когда-то услышанные от Мартынова и других недругов поэта. Даже сталинские лермонтоведы находили более точные доказательства своих гипотез.

Почему верят свидетельству сына Васильчикова, услышанные им от его старого отца? А не верят Лермонтову, который в 26 лет назвал князя Васильчикова "пустым".

Да и в-четвертых, в горах, на воздухе все-таки, на достаточном расстоянии друг от друга, кто может дать гарантию, что Мартынов слышал эту фразу про дурака, даже если она и звучала? На суде-то как раз утверждалось обратное, что Мартынов мог и не слышать о нежелании Лермонтова стрелять в него.

Актер и режиссер, постановщик фильма "Лермонтов" Николай Петрович Бурляев, много лет посвятивший изучению жизни и творчества великого русского поэта, считает, что Лермонтов был смертельно ранен не в грудь, а в спину. То есть погиб не от пули на дуэли, а подло убит еще до начала дуэли, после чего секунданты и Мартынов ушли, оставив умирать истекавшего кровью поэта одного, под проливным дождем. Он жил еще около трех часов.

По крайней мере, оснований для такой версии гораздо больше, чем у версии потомков князя Васильчикова. Тут и медицинская экспертиза, и толковое исследование опытного криминалиста Александра Карпенко, и подменные пистолеты, и исчезающие секунданты и свидетели. Ни на одной из всемирно известных дуэлей не было такого нагромождения загадочности. К примеру, убили великого Пушкина. Великая беда. Но предельно ясно, кто, как и когда, при каких обстоятельствах убил. Дантес действовал по всем правилам дуэльного кодекса. С Мартыновым и его секундантами такой ясности нет. Речь не идет о каком-то таинственном заговоре. Всё гораздо хуже: его убили те, кому явно мешал и поэт, и человек Михаил Лермонтов. Даже с убийцей все ясно: Мартынов и убил. Но как убил и зачем убил?

Николай Бурляев считает: "Если бы я создавал свой фильм о Лермонтове сейчас, а не 25 лет тому назад, то я бы более ясно высказался, что это было именно политическое убийство. И быть может, еще в грядущие времена тот факт, что это действительно было самое настоящее убийство, станет неоспорим. На убийство показывает уже тот факт, что пуля попала в тело Лермонтова под углом почти в 40 градусов. Выстрел был снизу. Это лишний раз подтверждает грустную истину, что пророков на Руси убивают… Как убили морально, а потом и из пистолета Пушкина, почти те же люди вытеснили из жизни Лермонтова, убили Есенина и так далее. То, что было раньше — творится и ныне. Но пример жизни и подвига Лермонтова очень важен для нас всех сегодня. Предвидя собственный путь, он прошел путь пророка и подвижника, оставив нам пример…"

15 июля 1841 года на дуэли под Пятигорском был убит Михаил Юрьевич Лермонтов. Прошло уже более 170 лет. До сих пор вырабатываются новые версии произошедшего. Не из-за разгулявшейся фантазии, хотя и этого хватает. Так и не существует канонического варианта случившегося. Но изучая все документы и версии, неизбежно понимаешь, что явно были какие-то внешние силы, заинтересованные в том, чтобы этого вредного вольнодумного поэта не было ни на Кавказе, ни в России. Николай Бурляев и многие его сторонники считают самой темной фигурой в окружении царя министра иностранных дел Карла Роберта Нессельроде, явного масона той поры, подыгрывающего австрийской партии в правительстве. Называют и Бенкендорфа, и Клейнмихеля, и Дубельта, и самого царя, уже не как властителя, а как человека, ненавидящего Лермонтова и даже ревнующего его к жене. Как правило, поэты не такие уж политики, но они пророки, бунтари, национальные символы, и потому во все времена за ними следили и следят спецслужбы всех стран. Следили и за Михаилом Лермонтовым. Ибо среди друзей и врагов России хватало людей с тонким вкусом, понимающих, чего стоят лермонтовские стихи. Только избавились от Александра Пушкина, а тут другой гений сразу же пожаловал, куда более вредный.

О гибельном вторжении чуждых сил, мешающих нашей поэзии да и всей русской культуре, писал незадолго до смерти и талантливейший поэт XX века Юрий Кузнецов в стихотворении с библейским названием "Исполненный завет" (1987):

Поэта больше нет. Убийца потрясен.
Мартынов процедил:
— Да, потрясен, не скрою.
Преставился отец, мой бедный Соломон. —
И топнул в бешенстве ногою.
Отвесил он отцу последний свой поклон
Во тьму, где смрад стоит от мировых помоев:
— Исполнен твой завет,
мой мудрый Соломон, —
Убил я лучшего из гоев…

Эту поддержку от врагов поэта Николай Соломонович Мартынов почувствовал сразу же после убийства с разных сторон. Все — и маленькие, и большие враги Лермонтова, от какого-нибудь офицеришки Арнольди или какого-нибудь мелкого завистливого поэтика до самого главного врага императора Николая I — бросились дружно защищать убийцу. Среди них и

все как один — секунданты на дуэли. Я не помню, чтобы на дуэли Пушкина секундант Пушкина защищал Дантеса, а секундант Дантеса защищал Пушкина. Какая-то необычная дуэль случилась под Перкальской скалой. Как хорошо в таком полицейском государстве, как наше, быть убийцей ненужного властям человека. Все будут тебе рады. И здесь уже политика ни при чем, уже без советских канонов мы свободно понимаем, так перечеркнуть всё налаженное гражданское следствие, которое разобралось бы досконально в мелочах убийства и определило бы вину каждого секунданта, как сделала имперская власть по приказу Николая I, передавшее следствие в военный суд и за три дня подписавшее все бумаги, никто не мог. Что нынешнее правосудие, что николаевское — одно и то же.

Уже на следующий день после убийства комендант города Пятигорска полковник Ильяшенков назначил следственную комиссию. Были арестованы сам Мартынов и два заявленных секунданта Васильчиков и Глебов. Осмотрены место происшествия и квартира, составлена опись имущества поэта. Врач Барклай-де-Толли освидетельствовал тело. Опросили слуг стрелявшихся и госпожу Верзилину, в доме которой произошла ссора.

Если бы Столыпин и Трубецкой присутствовали при дуэли, то хотя бы через годы они хоть что-то рассказали бы о ней, имя Лермонтова уже гремело повсюду, детям, внукам, в письмах родным хоть что-то бы оставили. Почему эти высокородные аристократы скрывали правду? Вернемся к дуэли. Ни врача, ни повозки не было, это подтверждение того, что никто драться не собирался. Почему всё было сделано в такой спешке? Почему они спокойно не переждали бурю, в конце концов, не перенесли дуэль на другой день? После убийства Лермонтова Мартынов сразу уехал, вслед за ним уехал Васильчиков за врачом и повозкой. С телом Лермонтова остался один Глебов. Потом начался ливень, ускакал и Глебов тоже вроде бы в поисках повозки. Тело Лермонтова лежало одиноко. Пока не приехали слуги с повозкой.

Все нынешние романтические версии, будто бы Лермонтов сам искал смерти и это было замаскированное самоубийство, не имеют никаких оснований. Если не считать доказательством самоубийства то, что опытнейший стрелок Лермонтов отказался от выстрела. Он не искал смерти, это видно даже в самых мрачных его стихах:

Есть время — леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпленье дум;

Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

Конечно, лучше бы всем было, если бы он прикончил на дуэли этого Мартышку. И взялся бы за свои романы. Но, во-первых, не таким он был человеком, чтобы стрелять в своих приятелей; во-вторых, тогда бы его привлекли к ответственности судебные власти. Думаю, по распоряжению Николая он получил бы за новую дуэль да еще со смертельным исходом максимальное пожизненное наказание. Вот о чем умалчивают почему-то все исследователи: Лермонтов по решению властей никак не мог участвовать в дуэли после предыдущего наказания. Если бы не эта его смерть, то получил бы каторгу или пожизненно попал бы в солдаты, так что ему в любом случае было бы не до литературы. Вот поэтому я вполне допускаю, что не было никакой дуэли, а произошли убийство Лермонтова Мартыновым и последующая инсценировка мнимой дуэли. А для того чтобы убедиться в смерти поэта, Мартынов подошел к лежащему на земле Лермонтову и вроде бы поцеловал его прощально. Этот поцелуй потом назвали "поцелуем Иуды", так и было. Убийца убедился, что противник мертв, и сразу же ускакал в город.

Потому и молчал Алексей Столыпин, что разоблачать виновников он не хотел, а участвовать во лжи тоже не желал.

Дуэль. Рисунок М. Ю. Лермонтова. 1832–1834 гг.

Городское кладбище в Пятигорске. Справа внизу простой камень на месте захоронения М. Ю. Лермонтова. Рисунок. XIX в.

Вот потому все потом быстро "забыли" место дуэли, что при его выборе тоже произошло явное нарушение дуэльного кодекса. Потому все подыгрывали Мартынову, что и сами чувствовали себя соучастниками убийства. Почему не развели дуэлянтов сразу после счета "три"? Почему кто-то еще позволил себе что-то крикнуть возбуждающее, провоцирующее стрелка? И если это был Столыпин, понятно, почему потом он всю жизнь позорно молчал.

Мне во всей этой истории с убийством понятны только двое. Сам Михаил Лермонтов, считавший это событие мелким происшествием, которое закончится дружеской попойкой. Верящий, что и его вспыльчивый старый приятель Мартынов стрелять тоже не будет или выстрелит в воздух.

Понятен и Николай Мартынов, угрюмо ненавидящий Лермонтова за его легкий талант, за его веселый и незлобный характер, стрелявший сразу в двоих: и в Лермонтова-поэта, и в Лермонтова-человека. Он не мог промахнуться. Слишком велика была его цель.

Все остальные вели себя мелко и позорно. О какой дворянской чести тут можно говорить? Лгали на официальном следствии, лгали друг другу, лгали будущей истории. Особенно когда всем стало ясно, кого они уничтожили.

Стоял ли кто за Мартыновым? Так ли это важно? Он сам хотел убить на его глазах выросший русский талант. Кто бы из каких кругов его ни науськивал на эту дуэль, Мартынов сам с большим желанием сделал свое черное дело.

Спустя годы Мартынов объяснял, что он вызвал Лермонтова на дуэль за то, что поэт в 1837 году оскорбил его семью и сестру, вскрыв и прочитав посланное с ним письмо его сестры Натальи, чтобы узнать ее мнение о нем. Мне кажется, тем самым и подтвердил Мартынов свою лживость. Письмо было послано в 1837 году, после этого Мартынов четыре года общался с Лермонтовым и не вспоминал о письме, в 1840 году он постоянно приходил в Москве к сестрам Мартыновым и дружески общался с ними, о письме было всеми забыто. И вдруг после дуэли опять всплыло это письмо.

В записи П. Дикова так отображен поединок у подножия Машука: "Лермонтов хотел казаться спокойным, но на его лице выражалось болезненное состояние. Он поднял пистолет и опустил его тотчас же: "Господа! Я стрелять не хочу! Вам известно, что я стреляю хорошо; такое ничтожное расстояние не позволит мне дать промах"… Мартынов задрожал, но промолчал. Лермонтов… поднял пистолет и выстрелил вверх над его головой". Затем грянул выстрел Мартынова. Поэт упал… "Мы подбежали, говорили мне бывшие в толпе, он едва дышал; пуля пробила руку и правый бок. По увещеванию секундантов, Мартынов подошел к Лермонтову и сказал: "Прости, Лермонтов!" Последний хотел что-то сказать, повернулся и умер со своей ужасною погубившею его улыбкою".

Может быть, эта поднятая для выстрела рука и привела к необычному углу снизу вверх для пулевого канала?

Русский военный писатель П. А. Швейковский дал определение классической дуэли: "Поединок есть условленный бой между двумя лицами смертоносным оружием для удовлетворения поруганной чести, с соблюдением известных установленных обычаем условий относительно места, времени, оружия и вообще обстановки выполнения боя".

В 1787 году Екатерина II издала "Манифест о поединках", в котором за бескровную дуэль обидчику грозила пожизненная ссылка в Сибирь, а раны и убийство на дуэли приравнивались к уголовным преступлениям. Николай I, надо отдать ему должное, относился к дуэлям с отвращением. Но никакие законы не помогали! Более того, дуэли в России отличались исключительной жестокостью условий: дистанция между барьерами обычно составляла 10–15 шагов (примерно 7-10 метров), были даже дуэли без секундантов и врачей, один на один. Так это и случилось с Лермонтовым.

За правилами поединка всегда строго следили, иначе чем этот поединок чести отличается от обычного убийства? В этом поединке, по мнению самых опытных специалистов дуэлей, были

нарушены все условия — и выбора места, и выбора секундантов, и условий стрельбы.

Думаю, в условиях обычного гражданского уголовного суда все эти нелепости обнаружились бы, но, как мы знаем, срочно дело взял на рассмотрение военный суд и решил его за три дня.

Как трагична смерть Лермонтова и как она литературна. Будто какой-то небесный режиссер повторяет сцены из "Героя нашего времени". Если сам автор незримо присутствует в образе Печорина, то он не случайно наделил образ Грушницкого некоторыми чертами характера и внешности Мартынова. Мартынов узнал себя в романе и впервые решил сам изменить действие художественного романа. Решил переписать его. Эта дуэль для него была событием шекспировского масштаба. Он следил за действием романа, следил за действием событий в жизни. Ведь именно к нему, Мартынову, были обращены слова из дневника Печорина: "Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать" (версия Д. Алексеева, Б. Пискарева). Не мог Мартынов не понимать, "на что он руку поднимал". Отсюда и патологическое стремление выстрелить и попасть. Да, можно поставить обидчика под огонь, но почему непременно нарезного "Кухенройтера", смертельно опасного на близком расстоянии? Да, Мартынов мог не слышать слов о нежелании стрелять в него, сказанных Лермонтовым секунданту Глебову. Но он не мог с десяти шагов не видеть, что Лермонтов поднял руку с пистолетом стволом вверх.

Еще одна глобальная загадка, о которой никто не пишет. Почему о нем лет тридцать — до смерти Николая I и некоторое время спустя — писать было строжайше запрещено? "Лермонтов умер в 1841 году, не имея и тридцати лет от роду. Биография его до сих пор никем не написана, а потому и обстоятельства его жизни нам очень мало известны" — так писали уже в конце XIX века. Избранные стихотворения Лермонтова и отрывки из "Героя нашего времени" помещались в хрестоматиях с начала 1840-х годов, сочинения его все время переиздавались. В любом учебнике русской словесности Лермонтову уделялось значительное место. Поэма "Демон" "обошла всю Россию в неисчислимом множестве списков". Стихи Лермонтова, так же как Пушкина и Гоголя, стали уже пародироваться, — а никто не мог указать, в каком году поэт родился и когда умер!

За все время царствования Николая I в русской печати появилось только несколько скупых упоминаний о личности

Лермонтова. В 1853 году в газете "Кавказ" что-то было сказано о его службе, сразу же перепечатано в "Московских ведомостях" и в том же году использовано в "Справочном энциклопедическом словаре". Русский читатель должен был довольствоваться пошлым сравнением внешности Лермонтова с портретом Печорина и отголосками ходячих анекдотов о поэте. Впрочем, поэт и это предвидел:

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

Для того чтобы сказать что-либо о жизни Лермонтова, журналисты прибегали к уловкам, как и в советские времена, когда упоминали Набокова или Гумилева. Перепечатывали письма жителей Тархан: "Село Тарханы в последние годы приобрело известность, и часто бывает убрана свежими цветами гробница поэта… Грустно на безвременной его могиле, но отрадно внимание, которое оказывают его памяти и высокому дарованию… даже безграмотные крестьяне смутно понимают, что их барин был чем-то, писал что-то хорошее…"

Пожалуй, среди литераторов 1850-х годов один Александр Викторович Дружинин осторожно намекал в печати, что ему хорошо известны подробности последнего года жизни Лермонтова на Кавказе, следовательно, и его гибели. В 1852 году в январской книжке "Библиотеки для чтения" он так же незаметно вставил в свое очередное "Письмо иногороднего подписчика о русской журналистике" набросок психологического портрета Лермонтова.

"Во время моей последней поездки, — писал он, — я познакомился с одним человеком, который коротко знал и любил покойного Лермонтова, странствовал и сражался вместе с ним, следил за всеми событиями его жизни и хранит о нем самое поэтическое, нежное воспоминание. Характер знаменитого нашего поэта хорошо известен, но немногие из русских читателей знают, что Лермонтов, при всей своей раздражительности и резкости, был истинно предан малому числу своих друзей, а в обращении с ними был полон женской деликатности и юношеской горячности. Оттого-то до сих пор в отдаленных краях

России вы еще встретите людей, которые говорят о нем со слезами на глазах и хранят вещи, ему принадлежавшие, более чем драгоценность. С одним из таких людей меня свела судьба на короткое время, и я провел много приятных часов, слушая подробности о жизни, делах и понятиях человека, о котором я имел во многих отношениях самое превратное понятие… Преданность моего знакомца памяти Лермонтова была беспредельна". Критик рассказывает, что этот человек, сохранявший в 1851 году "всю молодость духа и всю гибкость воображения… понимал произведения Лермонтова так, как немногие их понимают: он мог рассказать происхождение почти каждого из стихотворений, событие, подавшее к нему повод, расположение духа, с которым автор "Пророка" брался за перо…".

Нам уже ясно, что Дружинин встречался с Руфином Дороховым, может быть, и все тайны дуэли исчезли бы, появись точная запись воспоминаний о прошедшей дуэли. Но заявленная Дружининым книга о Лермонтове так и не появилась. Еще одна загадка. Какая-то детективная история.

А ведь как ценна была бы эта книга. Это был бы увесистый камень правды на все нагромождения лжи. Я обратил внимание, что не только защитники поэта, но и его недруги постоянно употребляют сочетание: лермонтовский отряд, лермонтовская банда, лермонтовская компания. Он всегда объединял людей, был окружен друзьями. Он был всегда в центре событий. Не мог злобный и высокомерный человечишко, плюгавый, никому не известный поручик быть всегда в центре. У лидера всегда другие качества. А уж когда его обзывают дуэлянтом, меня зло берет.

Ни разу в жизни он никого не вызывал на дуэль. Другое дело, что не отказывался, когда ему делали вызов. Но и в этом случае он, меткий стрелок, опытный воин, прошедший кровь, который всаживал пулю в пулю, который бы запросто мог пристрелить и молодого Баранта, как бы мстя за Пушкина, и пошлого выскочку Мартынова, дважды стреляет в воздух.

Пять соучастников дуэли, как подтверждает тот же Васильчиков, дали "…друг другу слово молчать и не говорить никому ничего другого, кроме того, что… показано на формальном следствии". Это уже не на дворянский кодекс чести похоже, а на бандитскую клятву. И ведь так и молчали, пока не остался в живых один князь Васильчиков, который и рассказал удобную для себя версию. Спасибо и на этом.

Да и как им было говорить, если по законам дуэльного кодекса все они стали соучастниками убийства.

Вот так петербургский высший бомонд проучил "ядовитую гадину".

Поэт и на самом деле как будто предвидел свою раннюю смерть, написав еще в 1831 году:

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда
И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

Была и могила без молитв и без креста в Пятигорске, был и чужестранец молодой, но было и пусть не всеми понятое и принятое величие нашего национального гения. Вот он смотрит в нашу даль, видит и белый парус одинокий, видит и "бегучий челн"…

Бессмертие Лермонтова

Погибнув на бессмысленной дуэли, Михаил Лермонтов сразу же ушел в бессмертие. Уже вскорости после его гибели за его автографы, его личные вещи коллекционеры и знатоки давали немалые деньги. Во весь период царствования Николая I о нем молчали, но стихи его охотно печатались и даже изучались в гимназиях.

Это само по себе остается величайшей тайной, почему лет тридцать после его гибели о нем нельзя было писать? 4τό никак не мог ему простить Николай I? Ничего этого нельзя объяснить новомодными теориями "подлинных отцов", и Кавказ был замирен к тому времени, и крепостное право заканчивало свое существование. А уж сколько незаконнорожденных, но усыновленных князей и баронов существовало на Руси, никому ничего не мешало. Вспомним хотя бы Пьера Безухова из "Войны и мира", которого признают законным наследником, и никакой тебе мистики, сразу и вереница невест выстраивается из самых знатных семейств.

Что же таинственного таилось в самом гении Михаила Юрьевича?

Еще один наш великий мистик, Даниил Андреев, не случайно считал, что именно гибель Лермонтова, а не Пушкина, стала великой катастрофой для русской литературы. Его космическая миссия оказалась не выполнена. Лермонтов и на самом деле был первым русским поэтом-космистом.

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко…
Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу
И хоть нельзя — смотреть его хочу… [61]

С самых ранних стихов и до последних мистический космизм переполнял его поэзию. Она и на самом деле была наднебесной. Дмитрий Мережковский назвал его поэтом сверхчеловечества, писал о глубинной связи его поэзии с Ницше. По крайней мере,

Михаил Юрьевич в этом не был продолжателем, скорее — основоположником. Ведь тот же Фридрих Ницше родился позже него ровно через 30 лет, день в день. Тоже 3(15) октября. Под тем же знаком Весов, в близкие друг от друга дни родились и Сергей Есенин, и Артюр Рембо, и Оскар Уайльд, достаточно разные, но столь же мистически значимые гении.

Чем больше слава поэта шла по Руси, тем больше грязи старались вылить на него его недоброжелатели, коих, как всегда, на Руси хватало. Это, может быть, тема целой книги, почему ныне восхваляемый Николай I (если он не виновен в смерти поэта?) строжайше запретил хоть что-либо писать о поэте. И целых три десятилетия книги стихотворений выходили без справочных материалов о самом Лермонтове. За что же и после смерти продолжал лютовать на Лермонтова российский император?

Впрочем, свое бессмертие Михаил Юрьевич предчувствовал с ранней юности. Он и пришел к нам из некой вечности, из каких-то небесных краев. И вернулся обратно в вечность. Как поэт писал еще в юности:

> Но я без страха жду довременный конец.
> Давно пора мне мир увидеть новый… [62]

Он мог использовать ту или иную форму стиха, от ямба до любимого амфибрахия, мог заимствовать какие-то приемы у иных писателей, от Байрона до Пушкина, но в этот взятый напрокат формат он всегда вставлял истинно свое космическое небесное содержание. Только этот бессмертный человек, сидящий в земном человеке Лермонтове, и придавал его поэзии горний дух, возвышался над всеми земными страстями и тяготами.

"Кто близ небес, тот не сражен земным…" — точнее и не скажешь.

Даже в немощную николаевскую эпоху, закономерно закончившуюся крымским поражением в войне, могучий и героический лермонтовский характер был заметен всем. И как же ошибался близкий друг Александра Пушкина, знаменитый ученый, вроде бы знаток искусств, ректор Петербургского университета, академик Петр Александрович Плетнев, когда писал: "О Лермонтове я не хочу говорить потому, что и без меня говорят о нем гораздо более, нежели он того стоит. Это был после Байрона и Пушкина фокусник, который гримасами своими умел толпе напомнить своих предшественников. В толпе стоял Краевский (издатель и один из первых ценителей Лермонтова. **— В. Б.).** Он раскричался в "Отечественных записках", что вот что-то

новее и, следовательно, лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за ним взвизгивать то же… Придет время, и о Лермонтове забудут…"

Не забыли и не забудут. Думаю, это был первый, воистину русский поэт. Поэзия Александра Пушкина всегда носила более всемирный, всечеловечный характер. В Михаиле Лермонтове, при всем его изначальном байронизме, более глубоко сидело русское начало. Недаром Ф. Ф. Вигель прозвал его отчаянным русоманом. Но и в русскости своей он был предельно одиноким. Еще бы, единственный из великих поэтов, так и не смирившийся ни с чем: ни с режимом, ни с обществом, ни даже с каноническими постулатами церковников. Он и был, подобно своему новгородскому герою, "последним сыном вольности".

Трудно найти более верующего поэта, чем Михаил Лермонтов, но и к Богу у поэта были свои пути, свои прямые разговоры с ним.

Ценя вольность в себе самом, он и в героях всегда искал вольность, почему и любил воспевать первобытных естественных горцев Хаджи Абрека, Измаил-Бея, Мцыри, пусть и не столь образованных, но уверенных в воле своей, в твердости своей, в правоте дел своих. Таким же бесстрашным и уверенным в себе был его купец Калашников, такими были герои "Бородино". Он и в себе самом не любил "гнета просвещения", столичного лицемерия. И в стихах своих стремился победить свой эгоцентризм, обрести народность.

> Так?… в образованном родился я народе;
> Язык и золото… вот наш кинжал и яд! [63]

Он как чувствовал, что над сильными цельными личностями верх одержат некие подобия обезьян, Мартышки. Вот одна из них и пристрелила светлого русского гения, другие и до сих пор ехидно проходятся по его поводу. Вряд ли он захотел бы существовать в век Мартышек, лишенных и природной мощи, и первичности чувств, и простых нравственных идеалов.

Как подкосил наш золотой век двух величайших гениев — Пушкина и Лермонтова. Литература после этого надолго замерла. И по сути лермонтовские сверстники — Федор Тютчев или Иван Тургенев заговорили в полный голос уже во второй половине XX века. Не так ли в XX веке после гибели величайших гениев — Сергея Есенина и Владимира Маяковского русская литература приходила в себя тоже целую литературную эпоху. Замечено, что отдает чистой мистикой то, что между смертью поэтов в каждой из этих пар прошло ровно четыре года и четыре месяца…

Но, увы, это не мистика, а жестокая правда. Преждевременная гибель гениев надолго меняет развитие истории той или иной литературы. Иные из малых национальных литератур так и выпадают навсегда из литературного мирового пространства после трагической гибели своих великих творцов.

Поэзия Михаила Лермонтова, вне всякого смыслового содержания, обладает еще и гениальной музыкальностью стиха. Выше даже, чем у Александра Пушкина. Недаром тот же Даниил Андреев заметил: "…иностранцы любой национальности, будь то немец или японец, поляк или араб, заражаются эмоциональным звучанием и признают наличие мировых масштабов не у Пушкина, а у Лермонтова". Не зная русского языка, они чувствуют тончайший мелодичный ритм лермонтовских стихов.

Знаменательно, что его последнее прижизненное стихотворение "Пророк" как бы предрекает будущую его судьбу:

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
‹…›
Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.
Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой…
‹…›
"…Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!"

Он оставил нам свою бессмертную поэзию, которая оказала на русскую литературу и всего XIX, и XX века гораздо больше влияния, чем кто-либо другой из русских гениев. И в прозе, и в поэзии. Темы Лермонтова мы находим у Толстого и Чехова, Гоголя и Достоевского, Гумилева и Есенина… Сам он слился с душой вселенной, и уже наше русское небо над головой доносит нам его вечные чарующие песни.

Поэзия Михаила Лермонтова соединилась с ладом русской песни, грустным и проникновенно народным. Пожалуй, после

Михаила Лермонтова разве что Сергей Есенин обладал таким же естественным песенным слогом.

Лермонтов имел волшебную власть над природной стихией:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка…
‹…›
Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога [64].

Будто и впрямь от своего дальнего шотландского предка поэта и чародея Томаса Лермонта получил русский поэт этот дар выхода из природы к Богу, от стихии к небу… Откуда же еще такие небесные картины:

…Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит…

Только и начиналось у него по-настоящему, без заимствованных сюжетов и романтических образов, глубинное постижение и человека, и земли, и неба, и сразу обрыв в бессмертие. А вместе с ним лишь за последние полгода ушли в бессмертие и его последние стихи: "Выхожу один я на дорогу…", "Люблю отчизну я, но странною любовью", "Есть речи — значенье…", "Дубовый листок", "Спор", "В полдневный жар…", "Пророк"… Даже этих стихов хватило бы, чтобы обессмертить свое имя в русской поэзии. А что было бы дальше?

Пожалуй, ополчившийся на поэта русский философ Владимир Соловьев лишь в одном прав: "От западных его родичей унаследованная черта — быть может, видоизмененный остаток шотландского двойного зрения — способность переступать в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни… Необычная сосредоточенность Лермонтова в себе давала его взору остроту и

силу, чтобы иногда разрывать сеть внешней причинности и проникать в другую, более глубокую связь существующего — это была способность пророческая…"

Как считает философ, одного его тройного "Сна", где поэт в деталях предчувствовал свою роковую смерть, хватит, чтобы признать за Лермонтовым "врожденный, через голову многих поколений переданный ему гений".

Нет, ни дикий горец, ни провинциальный лекарь-еврей, ни русский крепостной кучер, сколь бы талантливы они ни были, не могли дать поэту на генном уровне такую пророческую, философскую, музыкальную гениальность. Видно, что без Томаса Лермонта не обошлось.

Не соглашаясь с соловьевскими упреками в адрес поэта, скажу лишь одно: если бы сегодня недоброжелатели великого русского гения оспаривали бы его стихи на таком же уровне, как это делает Владимир Соловьев, цены бы им не было.

А может, и впрямь, эта тяжесть несомого бессмертия, тяжесть давящей его вечности и сказывалась в характере русского поэта, делая его иной раз угрюмым и демоническим. Не игра в грустный байронизм, не игра в придуманного Демона, а то самое истинное бессмертие, которое и вырывалось у него в иных стихах, начиная с пятнадцати лет, к детским страстям и обидам добавляло чувство одинокой обреченности. Писал же Соловьев о его тяжком призвании "быть могучим вождем людей…".

Русскую литературу смиряли, начиная с самых древних времен. Смиряли протопопа Аввакума, смиряли Грибоедова, Радищева, Гоголя, Пушкина.

Может, и прав Дмитрий Мережковский:

"Забунтовал Пушкин, написал оду Вольности и смирился — написал оду Николаю I, благословил казнь своих друзей, декабристов…

Забунтовал Гоголь — написал первую часть "Мертвых душ" и смирился — сжег вторую, благословил крепостное право.

Забунтовал Достоевский, пошел на каторгу — и вернулся проповедником смирения.

Забунтовал Л. Толстой, начал с анархической синицы, собиравшейся море зажечь, и смирился — кончил непротивлением злу…

И вот один-единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся — Лермонтов…"

Потому его и недолюбливают во все времена и чиновники, и правители, и писатели. Может, это и есть наш русский, не смирившийся литературный посланник с небес?

И на бессмертие он был обречен с рождения, одним древним

пророческим происхождением своим.

Бессмертны и все его великие стихи.

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Точно такой же "темный дуб" растет и в Шотландии над могилой поэта и пророка Томаса Лермонта…

30 декабря 2012 года, Москва — Эдинбург — Чухлома — Тарханы — Родос — Тамзай

Основные издания М. Ю. Лермонтова
Прижизненные издания

В 1840 году в типографии И. И. Глазунова тиражом тысяча экземпляров напечатана и единственная прижизненная книга стихотворений М. Ю. Лермонтова. В маленькой книжке (168 страниц) всего 28 произведений: 26 стихотворений и две поэмы — "Мцыри", "Песня про… купца Калашникова". Открывали книгу "Песня…" и "Бородино", заключало сборник стихотворение "Тучи", с намеком на изгнание поэта. Расположение текстов было продумано автором. Сборник редактировал А. А. Краевский.

Первое издание "Героя нашего времени" появилось в 1840 году в двух частях. История издания изложена в "Кратком обзоре книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых".

Автор "Краткого обзора…" пишет: "Это первое издание романа Лермонтова, напечатанное типографией Глазунова, несмотря на хорошие отзывы в "Отечественных записках" В. Г. Белинского, сначала совсем почти не расходилось; это побудило издателей обратиться к Ф. В. Булгарину и попросить написать его в "Северной пчеле" статью об этом произведении. Как только появилась в "Северной пчеле"… статья Ф. В. Булгарина, издание раскупили почти что нарасхват".

Существует версия, что это бабушка М. Ю. Лермонтова Е. А. Арсеньева, желая сделать внуку приятное, без его ведома отправила Булгарину два экземпляра романа, вложив в один из них пять сотенных ассигнаций. Очевидно, на это намекал В. Г. Белинский, назвавший рецензию Булгарина "купленым пристрастием".

Статья Булгарина сделала свое дело, и в 1841 году вышло второе издание "Героя нашего времени". У второго издания романа "изящен уже самый формат — маленький, карманный, рассчитанный, надо думать, на тех поклонников, которые желали бы не расставаться со своим любимым поэтом. В этих же видах, а отчасти, по обычаю старины, не любившей однотомных изданий, вся повесть разделена на две части". В издании 1841 года впервые появилось предисловие к роману (видимо, поступившее во время печатания после критики его Николаем I и поэтому набранное с отдельной нумерацией страниц и не включенное в оглавление, издатели — И. Н. Кувшинников и А. Д. Киреев).

Посмертные издания [65]

В 1842 году А. А. Краевский редактировал "Стихотворения М. Лермонтова" (части 1–3), изданные в расширенном объеме и с предисловием, в котором указывалось, что по мере обнаружения стихов Лермонтова будут выходить и последующие части. В части 1–2 вошли опубликованные ранее стихи и поэмы, в часть 3 — впервые драма "Маскарад". В 1844 году вышла часть 4 с поэмой "Измаил-Бей" и стихами, напечатанными в "Отечественных записках" в 1843–1844 годах.

Позже выходят три издания сочинений Лермонтова: в издательстве А. Ф. Смирдина (тома 1–2, 1847) и два — в издательстве Ив. И. Глазунова (1852, 1856), пополненные новыми журнальными публикациями.

С 1856 года начинают выходить заграничные издания М. Ю. Лермонтова, в том числе произведения, запрещенные в России — среди них поэма "Демон"; известно пять ее изданий в Берлине [издания Шнейдера 1856, 1857, 1858; Б. Бэра (Е. Бока) 1875, И. П. Ладыжникова, не ранее 1907] и 17 изданий в Лейпциге (издания Э. Каспровича, 1876–1894). Из зарубежных изданий особое значение имеет "Демон", дважды выпущенный в Карлсруэ в 1856 и 1857 годах А. И. Философовым. Первое издание воспроизводит текст списка, сделанного Философовым непосредственно с автографа последней редакции поэмы; издатель — Ф. Рейф, тираж 28 экземпляров; книга не поступала в продажу и предназначалась для раздачи родственникам Лермонтова (Столыпиным). Во 2-м издании добавлен исключенный Лермонтовым в результате автоцензуры диалог о Боге (стихи 742–749).

В 1857 году Философов издал в Карлсруэ поэму "Ангел смерти" с автографа, хранящегося у А. М. Верещагиной.

Первая попытка издать Собрание сочинений М. Ю. Лермонтова с критическим обзором его творчества принадлежит сотруднику "Отечественных записок" С. С. Дудышкину (тома 1–2, 1860). Издание 1860 года было первой попыткой издать Лермонтова как классика. 2-е издание Дудышкина (тома 1–2, 1863) стремилось усовершенствовать принятый тип: в том 1 вошли стихи (в хронологическом порядке), драмы и поэмы; в том 2 — стихи, напечатанные или предназначавшиеся к печати самим Лермонтовым, с добавлением совершенных поздних стихов.

3-е издание Лермонтова с критическим обзором его жизни и творчества вышло в 1873 году под редакцией П. А. Ефремова, библиографа и историка литературы.

Наиболее значительным изданием, выпущенным к 50-летию со дня смерти М. Ю. Лермонтова в 1891 году, являются "Сочинения М. Ю. Лермонтова" под редакцией П. А. Висковатого (тома 1–6, Москва, 1889–1891).

К этой дате в 1891 году вышло еще несколько изданий — под редакцией А. И. Введенского (тома 1–4, Санкт-Петербург, издательство А. Ф. Маркса, 1891) и под редакцией И. М. Болдакова (тома 1–5, Москва, издательство Е. Гербек, 1891).

Широко известно первое иллюстрированное юбилейное двухтомное издание (издатели И. Н. Кушнерев и П. К. Прянишников, под текстологической редакцией Н. Н. Буковского; в 1899 году как "Приложение" вышел том 3); здесь появились впервые рисунки В. М. Васнецова к "Песне про… купца Калашникова", М. А. Врубеля к "Демону", В. А. Серова к "Герою…" и др.

Следующее иллюстрированное издание было выпущено в шести томах в 1914–1915 годах под редакцией В. В. Каллаша (том 6 — свод мемуаров о Лермонтове, к тому времени единственный).

Последнее значительное дореволюционное издание, имевшее характер академического, — Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова (тома 1–5, 1910–1913) вышло в серии "Академическая библиотека русских писателей"; редактор — известный филолог Д. И. Абрамович.

Послереволюционные издания

В 1924 году вышли "Избранные сочинения М. Ю. Лермонтова" под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума (книги 1–4).

В 1926 году под той же редакцией вышло в одном томе первое советское Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, где текст Лермонтова был полностью проверен по всем доступным источникам и критически учтены все ошибки наиболее авторитетных изданий начиная с 1860 года.

В 1928–1934 годах вышло пять переизданий однотомника 1926 года.

Выход в свет первого советского академического издания Лермонтова под редакцией Б. М. Эйхенбаума (тома 1–5, 1935–1937) совпал с выходом первых томов издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Эйхенбаум привлек к работе молодых ученых (И. Л. Андроникова, Б. Я. Бухштаба, В. А. Мануйлова, Т. Ю. Хмельницкую и др.).

В справочно-библиографическом отношении издание 1935–1937 годов остается лучшим современным изданием Лермонтова.

На его основе сложился тип полных и избранных изданий сочинений Лермонтова популярного характера, с облегченным комментарием и хронологическим расположением материала (издание Гослитиздата, тома 1–4, 1939–1940; однотомники 1941, 1953 годов и др.).

Среди них особняком стоят издания большой и малой серий "Библиотеки поэта". Согласно замыслу всей серии первое из них приближается к изданию полуакадемического типа, второе — рассчитано на массовую аудиторию, в нем произведен строгий отбор лучших произведений. В 1940–1941 годах оба издания вышли под редакцией Б. М. Эйхенбаума.

В 1947–1948 годах также под редакцией Б. Эйхенбаума выходит новое иллюстрированное массовое четырехтомное издание сочинений Лермонтова, которое было повторено в 1948 году.

На его основе подготовлено трехтомное издание Лермонтова в малой серии "Библиотеки поэта" (2-е издание, под редакцией В. А. Мануйлова, 1950), включившее вновь обнаруженные стихотворения. В 1952 году ИРЛИ (Пушкинский Дом) начинает интенсивную работу по подготовке нового академического издания Собрания сочинений М. Ю. Лермонтова. Оно выходит в шести томах в 1954–1957 годах под общей редакцией Н. Ф. Бельчикова, Б. П. Городецкого и Б. В. Томашевского, который был научным руководителем всей текстологической работы. Издание

заключалось летописью жизни и творчества Лермонтова, составленной В. Мануйловым.

В 1957–1958 годах вышло издание Гослитиздата (тома 1–4) под общей редакцией И. Л. Андроникова, Д. Д. Благого, Ю. Г. Оксмана.

К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова в 1964 году вышло двухтомное собрание стихотворений Лермонтова в большой серии "Библиотеки поэта" (2-е издание, редактор Э. Э. Найдич). Оно было подготовлено по тексту издания 1947–1948 годов с учетом последующих новаций.

В 1962 году в серии "Литературные памятники" вышло отдельное издание "Героя нашего времени", подготовленное Э. Э. Найдичем и Б. М. Эйхенбаумом.

Последними серьезными изданиями сочинений М. Ю. Лермонтова принято считать четырехтомник 1979–1981 годов и десятитомное издание 1999–2001 годов.

Надеюсь, что к двухсотлетию великого русского поэта наши читатели получат новое собрание сочинений Михаила Юрьевича Лермонтова.

Основные издания сочинений М. Ю. Лермонтова [66]

Сочинения, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным: В 2 т. СПб.: Изд-во И. И. Глазунова, 1860.

Сочинения: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб.: Изд-во И. И. Глазунова, 1873.

Сочинения: В 5 т. / Под ред. П. А. Висковатого. М.: Изд-во В. О. Рихтера, 1889–1891.

Полное собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Арс. И. Введенского. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1891.

Полное собрание сочинений: В 5 т. / Под ред. и с прим. Д. И. Абрамовича. СПб.: Изд-во "Разряд изящной словесности Императорской Академии наук", 1909–1913.

Полное собрание сочинений: В 5 т. / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.; JL: Academia, 1936–1937.

Сочинения: В 6 т. / Под ред. Н. Ф. Бельчикова, Б. П. Городецкого, Б. В. Томашевского. М.; JL: Изд-во АН СССР, 1954–1957.

Собрание сочинений: В 4 т. / Прим. И. Л. Андроникова. М.: Художественная литература, 1964–1965.

Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР: Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1979–1981.

Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Воскресенье, 1999–2001.

Основные даты жизни и творчества М. Ю. Лермонтова

1814, ночь со 2 на 3 (15) октября — в Москве родился Михаил Юрьевич Лермонтов, гениальный русский поэт. Считается, что род Лермонтовых ведет свое начало от выходца из Шотландии Георга Лермонта.

1815, март — младенцем был увезен в имение Тарханы Пензенской губернии к бабушке по матери Елизавете Алексеевне Арсеньевой.

1817, 24 февраля — умерла от чахотки Мария Михайловна Лермонтова (урожденная Арсеньева), мать поэта. "Житие ей было: 21 год 11 месяцев 7 дней" — надпись на могильной плите в Тарханах.

5 марта — отец поэта отставной капитан Юрий Петрович Лермонтов уехал из Тархан в свое имение Кропотово в Тульской губернии после ссоры с Е. А. Арсеньевой, оставив сына ей на попечение с условием достойного воспитания, образования и наследования сыном всего имущества.

1820 — Елизавета Алексеевна в связи со слабым здоровьем внука отправилась с ним на Кавказ для лечения минеральными водами.

1821 — возвращение в Тарханы.

1825, лето — вторая поездка с бабушкой на Кавказ, здесь Михаил Лермонтов впервые испытывает чувство любви к девятилетней девочке.

1827, лето — переезд с бабушкой из родового имения в Тарханах на постоянное жительство в Москву.

1828 — поступил в 4-й класс Московского университетского благородного пансиона, начинает писать стихи. В этом году были написаны "Осень", "Заблуждение Купидона", "Цевница", "Кавказский пленник", "Корсар". К этому году Лермонтов относит начало своей поэтической деятельности: "Когда я начал марать стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня" (запись 1830 года).

1829 — первая редакция "Демона".

1830, начало года — вторая редакция "Демона". Написаны стихотворения "Боюсь не смерти я. О нет!", "Опять вы гордые восстали…", "Между лиловых облаков…", "Зачем семьи родной безвестный круг…", "30 июля. — (Париж) 1830 года", "Благодарю!", "К Сушковой", "Чума в Саратове", "Нищий", "Стансы", "Ночь", "Чума", "Свершилось! Полно ожидать…", "Итак, прощай!

Впервые этот звук…", "Глупой красавице", "Могила бойца", "Смерть" ("Закат горит огнистой полосою…"), "Кладбище (На кладбище написано) 1830"; "К***" ("Не думай, чтоб я был достоин сожаленья…"), "Дереву". Также датирована драма "Menschen und Leidenschaften". Впервые появляется в печати стихотворение "Весна" (журнал "Атеней"). Сентябрь — поступает на нравственно-политическое отделение Московского университета, а затем переходит на отделение словесности. Регулярно встречается в Москве с отцом, посвящает ему стихи.

1831 — датированы стихотворения "Редеют бледные туманы…", "Послушай! Вспомни обо мне…", "Моя душа, я помню, с детских лет…", "Странный человек", "Блистая пробегают облака…", "Из Паткуля", "Ангел смерти", "Опять, опять я видел взор твой милый…".

1 октября — смерть от чахотки отца Юрия Петровича Лермонтова (родился в 1787 году) в Кропотове Ефремовского уезда Тульской губернии.

1832 — Михаил Лермонтов оставляет Московский университет, пробует поступить в Санкт-Петербургский университет. Под давлением друга и родственника А. Столыпина (Монго) поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Санкт-Петербурге (в период обучения будут написаны "юнкерские поэмы" "Гошпиталь", "Уланша", "Петергофский праздник", "Монго", а также несколько нецензурных стихотворений). Датированы произведения "Измаил-Бей", "Я жить хочу! хочу печали…", "Приветствую тебя, воинственных славян святая колыбель…", "Парус", "Он был рожден для счастья, для надежд…".

1833, июнь — июль — пребывает в летнем лагере Школы юнкеров под Петергофом.

1834, 22 ноября — произведен из юнкеров в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка.

1835, август — поэма "Хаджи Абрек" (создана в 1833 году) напечатана в "Библиотеке для чтения".

1836, январь — проживает у бабушки в Тарханах, где написаны драма "Два брата", поэмы "Сашка" и "Тамбовская казначейша".

1837, январь — после того как Лермонтов узнал о гибели Пушкина, был написан первый вариант знаменитого стихотворения "Смерть Поэта". Михаил Лермонтов в одночасье стал самым популярным и обсуждаемым человеком Санкт-Петербурга. Стихотворение явилось отправной точкой в литературной и личной жизни поэта.

7 февраля — написаны заключительные 16 строк

стихотворения "Смерть Поэта" ("А вы, надменные потомки…").

18 февраля — Лермонтов арестован и помещен в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба.

19(20?) февраля — записка шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа Николаю I о стихотворении "Смерть Поэта" и о том, что генералу Веймарну поручено допросить поэта и обыскать его квартиры в Санкт-Петербурге и Царском Селе.

20 февраля — у Лермонтова и С. А. Раевского проведен обыск.

22 февраля — "Объяснение корнета лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтова" по поводу стихов на смерть Пушкина. Как утверждает А. П. Шан-Гирей, под арестом к Лермонтову пускали только камердинера, приносившего обед. Лермонтов велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько стихотворений, а именно: "Когда волнуется желтеющая нива…", "Я, Матерь Божия, ныне с молитвою…", "Кто б ни был ты, печальный мой сосед…", переделал стихотворение "Отворите мне темницу…", прибавив последнюю строфу ("Но окно тюрьмы высоко…").

25 февраля — военный министр А. И. Чернышев сообщил А. Х. Бенкендорфу высочайшее повеление: "Л.-гвардии Гусарского полка, корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству стихов, перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк, а губернского секретаря Раевского за распространение стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу, — по усмотрению тамошнего гражданского губернатора".

19 марта — Лермонтов выехал из Санкт-Петербурга на Кавказ в Нижегородский драгунский полк.

Начало мая — в печати появляется одно из лучших стихотворений Лермонтова "Бородино".

11 октября — Лермонтов, переведенный благодаря связям бабушки в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, располагавшийся в Новгороде, покинул Кавказ и отправился служить под Новгород.

1838, январь — половина февраля — пребывает в Санкт-Петербурге, после чего возвращается в Гродненский полк. Март — по ходатайству бабушки переведен в прежний гусарский полк в Санкт-Петербург.

1840 — выход романа "Герой нашего времени", напечатанного в санкт-петербургской типографии И. И. Глазунова тиражом тысяча экземпляров. Датированы стихотворения "Как

часто, пестрою толпою окружен…", "И скучно и грустно…", "Благодарность", "Пленный рыцарь", "Тучи", "Посреди небесных тел…".

Февраль — в печати появляется стихотворение "Казачья колыбельная песня", о которой в очень лестных тонах отзывается В. Г. Белинский: "…это стихотворение есть художественная апофеоза матери".

18 февраля — первая дуэль поэта с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом. Вызов был сделан де Барантом, Лермонтов стрелял в воздух. После дуэли Белинский пишет из Петербурга в Москву В. П. Боткину: "Лермонтов под арестом за дуэль с сыном Баранта. Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается. Дрались на саблях, Лермонтов слегка ранен и в восторге от этого случая, как маленького движения в однообразной жизни. Читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает. Если, говорит, переведут в армию, буду проситься на Кавказ. Душа его жаждет впечатлений и жизни". Последствием данной дуэли (несмотря на хлопоты бабушки и всех влиятельных родственников) явилась очередная ссылка на Кавказ в Тенгинский пехотный полк. Июль — участие в сражение при реке Валерик, где Лермонтов проявил все свое мужество, отвагу и героизм. Написано знаменитое стихотворение "Валерик".

1841 — выход первого сборника стихотворений.

Февраль — в предоставленный отпуск Лермонтов посещает Санкт-Петербург. Был на балу у А. К. Воронцовой-Дашковой, где среди гостей присутствовал великий князь Михаил Павлович. Лермонтов писал: "…я отправился на бал к г. Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал…"

10 марта — Лермонтов записал в альбом М. А. Бартеневой стихотворение "Любовь мертвеца".

Конец марта — первая половина апреля — стихотворение в альбом С. Н. Карамзиной "Любил и я в былые годы…".

30 марта — 4 апреля — стихотворение "Последнее новоселье".

12-13 апреля — Лермонтов вписал стихотворение "Я верю: под одной звездою…" ("Графине Ростопчиной") в альбом, который подарил Е. П. Ростопчиной перед отъездом. По просьбе П. П. Вяземского пишет стихотворение "На севере диком…".

13 апреля — надпись князя В. Ф. Одоевского на альбоме, подаренном Лермонтову при его отъезде на Кавказ: "Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы

он возвратил мне ее сам и всю исписанною. Князь В. Одоевский, 1841, Апреля 13-е. СПБург".

14 апреля — отъезд из Санкт-Петербурга обратно на Кавказ.

17 апреля — Лермонтов прибыл в Москву.

23 апреля — за полчаса до отъезда из Москвы на Кавказ Лермонтов пришел проститься к Ю. Ф. Самарину и принес для журнала "Москвитянин" стихотворение "Спор".

Май — Лермонтов с А. Столыпиным останавливаются в Пятигорске на лечение минеральными водами. Вышли в свет "Отечественные записки" (Т. XVI. Кн. 6. Отд. III), где напечатано стихотворение "Кинжал", подписанное "М. Лермонтов".

Конец мая — начало лета — в альбоме, подаренном В. Ф. Одоевским, Лермонтов написал стихотворения "Утес", "Спор", "Сон", "LAttente", "Лилейной рукой поправляя…", "На бурке под тенью чинары…", "Они любили друг друга так долго и нежно…", "Тамара", "Свиданье", "Листок", "Выхожу один я на дорогу…", "Морская царевна", "Пророк", "Нет, не тебя так пылко я люблю…". На ответном даре Лермонтова надпись В. Ф. Одоевского: "Эта картина рисована поэтом Лермонтовым и подарена им мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору".

13 июля — возможное столкновение между Лермонтовым и Мартыновым на вечере в доме Верзилиных. Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль. Формальной причиной вызова послужили шутки и остроты Лермонтова.

15(27) июля — в седьмом часу вечера у подножия горы Машук, что в нескольких километрах от Пятигорска, состоялась дуэль Михаила Юрьевича Лермонтова с Николаем Мартыновым, на которой был убит гениальный поэт России. Поздно вечером тело поэта перевезено в Пятигорск в дом Чилаева.

17 июля — погребение на Пятигорском кладбище: "Офицеры несли прах любимого ими товарища до могилы, а слезы множества сопровождающих выразили потерю общую, незаменимую".

30 августа — цензурное разрешение на выход в свет "Отечественных записок" (Т. XVIII. Кн. 9. Отд. VI), где без подписи помещена статья В. Г. Белинского "Герой нашего времени".

1842 — по просьбе Е. А. Арсеньевой гроб с прахом Михаила Юрьевича Лермонтова привезен из Пятигорска и погребен в фамильном склепе в Тарханах.

Литература

Алексеев Д. А. "Демон": Тайна кода Лермонтова. М., 2012.

Андроников И. Л. Я хочу рассказать вам… М., 1962.

Афанасьев В. В. Лермонтов. М., 1991.

Белинский В. Г. "Герой нашего времени". М., 1978.

Вацуро В. Э. О Лермонтове. М., 2008.

Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг., 1914.

Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1891.

Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. М., 1964.

Дурылин С. Как работал Лермонтов. М., 1934.

Дурылин С. Я. "Герой нашего времени" М. Ю. Лермонтова. М., 1940.

Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006.

Екатерина Сушкова: Записки. М., 2004.

Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М., 2003.

Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова. СПб., 2011.

Келли Л. Лермонтов: Трагедия на Кавказе. М., 2006.

Котляревский Н. А. М. Ю. Лермонтов: Личность поэта и его произведения. СПб., 1912.

Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 2005. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.

М. Ю. Лермонтов в русской критике. М., 1951.

М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979.

Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964.

Мартьянов П. К. Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова. М., 2008.

Мережковский Д. С. Лермонтов: Поэт сверхчеловечества. СПб., 1909.

Михаил Лермонтов: Pro et contra. СПб., 2002.

Михайлов В. Ф. Лермонтов: Один меж небом и землей. М., 2012.

Нейман Б. В. Михаил Юрьевич Лермонтов. М., 1972.

Очман А. В. Женщины в жизни М. Ю. Лермонтова. М., 2008.

Скабичевский А. М. М. Ю. Лермонтов. СПб., 1905.

Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове: В 2 т. Л., 1929.

Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961.

notes

Примечания

1

"Молитва (Не обвиняй меня, Всесильный)" (1829). Здесь и далее стихи и проза М. Ю. Лермонтова цит. по: *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР: Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1979–1981.

Кутырева Л. Пародируя поэта. — http://lermontov.niv.ru/lermontov/articles/kutyreva-parodiruya-poeta.htm

3

Графические варианты — Lairmont, Learmond, Leirmonth, Learmounth.

4

Сегодня — город Эрлстон *(Earlston),* Шотландия.

5

Баллада о Томасе Рифмаче была опубликована Вальтером Скоттом в сборнике "Порубежные баллады" (1830).

Цит. по: Томас Лермонт // В стране легенд / Сост. В. Н. Маркова, Н. В. Гарская, С. Л. Прокофьева. М., 1972.

7

Оссиан (в других переводах *Ойсин, Ойзин)* — легендарный кельтский воин и бард, живший, по преданию, в III веке. Некоторые из его сказаний записаны не позднее XII века.

8

Русский перевод С. Кошелева.

9

"Желание" (1831).

10

"К*** (Не думай, чтоб я был достоин сожаленья)" (1830).

11

Под именем Оссиана Дж. Макферсон издал свои обработки кельтского фольклора ("Сочинения Оссиана, сына Фингала", 1765), которые были восприняты современниками как подлинные. Образами Оссиана вдохновлялись молодой Гёте, а позже Байрон и Гюго.

12

"Эпитафия" (1832).

13

"Стансы" (1831).

14

"Когда волнуется желтеющая нива" (1837).

15

"Последний сын вольности" (1831). Фрагмент.

"Цевница" (1828).

17

"Я видел тень блаженства" (1831).

18

Русская старина. Т. VIII. 1873. С. 113–114.

19

Русская старина. 1896. Т. LXXXVI. Кн. 6. С. 647–648.

20

Русская старина. 1884. Т. XII. С. 590.

21

"Пан (В древнем роде)" (1829).

22

"К*** (Не думай, чтоб я был достоин сожаленья)" (1830).

23

"Сашка: Нравственная поэма" (1835–1836?).

24

"Сашка: Нравственная поэма" (1835–1836?).

25

"1831 — го июня 11 дня" (1831).

"К Гению" (1829).

"Русская мелодия" (1829).

28

Перевод из французского письма Лермонтова М. А. Лопухиной.

29

"К Су[шковой]" (1830).

30

"Монолог" (1829).

31

"Сонет" (1832).

32

"к*** (Всевышний произнес свой приговор)" (1831).

33

"К Л. (Подражание Байрону)" (1831). Впрочем, Сушкова считала, что это стихотворение посвящено ей. А может, им обоим?

34

"Она не гордой красотою" (1832).

35

"Вы слишком пользуетесь, монсеньор, тем, что мы находимся в стране, где дуэли запрещены". — "Что для этого надо, монсеньор, я полностью в вашем распоряжении". Фр.

"М. А. Щербатовой" (1840).

"Отчего" (1840).

38

Русская старина. 1885. Февраль. С. 476.

39

Да он дошел до бешенства, его надо связать. Фр.

40

"Великие имена создаются на Востоке".

41

"Памяти А. И. 0[доевско]го" (1839).

42

Из мемуаров М. И. Цейдлера.

43

Гейне Г. "Сосна стоит одиноко" (Heine H. Ein Fichtenbaum steht einsam) из "Книги песен" (1827), цикл "Лирическое интермеццо", № 33.

Елец Ю. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. СПб., 1898. Т. 1. С. 207.

Смирнова-Россет Л. О. Автобиография. М., 1931. С. 213.

"Выхожу один я на дорогу…" (1841).

"Сон" (1841).

48

"Мой демон", вторая редакция (1830–1831).

Собор Парижской Богоматери (фр.). - В. Б.

Русское обозрение. 1890. № 8. С. 743.

51

Перевод М. Лозинского.

52

Хуже всего не то, что некоторые люди терпеливо страдают, а то, что огромное большинство страдает, не сознавая этого.

Greatmssianpeople.mHnfo8579.html.

Копия — ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 4715. Л. 136.

Ничего более не знаю.

ИРЛИ.Ф. 309. Ед. хр. 4714.

Там же. Ф. Языкова — Яз. 1, 28.

"Пророк" (1841).

59

Горец с большим кинжалом.

"1831-го июня 11 дня".

"Звезда" (1830).

62

"Не смейся над моей пророческой тоскою" (1837).

"Маскарад" (1835–1836).

"Когда волнуется желтеющая нива" (1837).

Приведены на основе библиографической статьи В. Э. Вацуро.

Перечень представлен в хронологическом порядке.